

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

НЕОФИЛОЛОГИЯ

NEORHIOLOGY

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL

2022

ТОМ 8

№ 4

ISSN 2587-6953

9 772587 695009

22032 >

ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ТАМБОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ Г.Р. ДЕРЖАВИНА

НЕОФИЛОЛОГИЯ

2022. Том 8, № 4

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF THE RUSSIAN FEDERATION
DERZHAVIN TAMBOV STATE UNIVERSITY

NEOPHILOLOGY

2022. Volume 8, No. 4

Неофилология. 2022. Т. 8, № 4

Сквозной номер выпуска – 32

Научно-теоретический журнал. Издаётся с марта 2015 г. Выходит 4 раза в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина» (392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, д. 33)

Издатель: ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина»

Журнал включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» ВАК при Минобрнауки России с 12 февраля 2019 г. Индексируется РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

Рубрики журнала:

Русский язык. Языки народов России (филологические науки) (5.9.5)
Языки народов зарубежных стран (Германские языки) (филологические науки) (5.9.6)
Теория литературы (филологические науки) (5.9.3)
Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки) (5.9.1)
Медиакоммуникации и журналистика (филологические науки) (5.9.9)
Межязыковая и межкультурная коммуникация (филологические науки, культурология) (5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.9, 5.10.1)
Теория и история культуры (культурология) (5.10.1)

Все статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и подлежат **обязательному двухстороннему анонимному («слепому») рецензированию** (double blind peer-review) в соответствии с тематикой и специализацией журнала членами редакционной коллегии журнала или специалистами по соответствующему научному направлению.

Бизнес-модель: Финансирование журнала осуществляется учредителем, публикация в журнале для авторов бесплатна, печатный экземпляр автор получает по подписке.

Главный редактор:

А.С. Щербак, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация)

Научный редактор:

С.А. Мызников, чл.-корр. РАН, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация)

Ответственный секретарь:

И.В. Ильина (г. Тамбов, Российская Федерация)

Редакционная коллегия:

В.Г. Андреева, д. филол. н. (г. Москва, Российская Федерация); **Р. Гольдт**, д. филол. н., проф. (г. Майнц, Федеративная Республика Германия); **М.В. Горбаневский**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.И. Григорьева**, д. культурологии, проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Е.А. Зверева**, д. филол. н., доц. (г. Тамбов, Российская Федерация); **С.Н. Ильченко**, д. филол. н., доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **С.В. Кезина**, д. филол. н., доц. (г. Пенза, Российская Федерация); **И.В. Леонов**, д. культурологии, доц. (г. Санкт-Петербург, Российская Федерация); **Ю. Накано**, д. филол. н., ассист. проф. (г. Киото, Япония); **О.Н. Новикова**, д. филол. н., доц. (г. Уфа, Российская Федерация); **О.Ю. Осьмухина**, д. филол. н., проф. (г. Саранск, Российская Федерация); **Л.А. Пронина**, д. филос. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.В. Раицбургская**, д. филол. н., проф. (г. Н. Новгород, Российская Федерация); **Н.В. Розенберг**, д. филос. н., доц. (г. Пенза, Российская Федерация); **В.И. Супрун**, д. филол. н., проф. (г. Волгоград, Российская Федерация); **П.В. Сысоев**, д. пед. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **З.К. Темиргазина**, д. филол. н., проф. (г. Павлодар, Республика Казахстан); **Г.Н. Трофимова**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Л.А. Фурс**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Л.Е. Хворова**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Чжан Цзе**, д. филол. н., проф. (г. Нанкин, Китайская Народная Республика); **А.Л. Шарандин**, д. филол. н., проф. (г. Тамбов, Российская Федерация); **Ю.М. Шемчук**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **А.М. Шестерина**, д. филол. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация); **Н.Н. Ярошенко**, д. пед. н., проф. (г. Москва, Российская Федерация)

Мнение редакции может не совпадать с точкой зрения авторов публикаций

Для цитирования: Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4

Материалы журнала доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Адрес редакции и издателя:

392000, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
Тел.: +7(4752)72-34-34 доб. 0440

Эл. почта: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru

Веб-сайт: <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Редакторы: Ю.А. Бирюкова, М.С. Жарихина, М.И. Филатова

Редакторы английских текстов: Д.Г. Самодуров, М.А. Сенина

Компьютерное макетирование: Т.Ю. Молчановой

Дизайн обложки: Т.О. Прокофьевой

Администратор сайта: М.А. Сенина

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор), свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-70137 от 16.06.2017 г.

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс»

Территория распространения: РФ, зарубежные страны

Оригинал-макет подготовлен в объединённой редакции научных журналов

Отпечатано с готового оригинал-макета в отделе оперативной печати Издательского дома «Державинский» ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 392008, Тамбовская обл., г. Тамбов, ул. Советская, 190г.
Эл. почта: izdat_tsu09@mail.ru

Тираж 1000 экз. Заказ № 22518

Подписано в печать 12.10.2022

Дата выхода в свет 12.12.2022

Формат А4 (60×84 1/8). Гарнитура «Times New Roman»

Печать на ризографе. Печ. л. 25,5. Усл. печ. л. 24,7

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина», 2022

© Журнал «Неофилология», 2022

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS 677

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ

- Дмитрук Л.А.** К проблемам формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка на основе диалектных средств национального языка 680
- Первова Г.М.** Чтение как фактор успешного обучения школьников и студентов 690
- Щербак А.С.** Ментальные уровни в семантике топонима: *Учкудук* 697
- Бугакова Н.Б.** Топонимическое пространство романа А. Платонова «Чевенгур» 705
- Недоступова Л.В.** Народный говор сквозь призму похоронно-поминального обряда 715

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)

- Морозова А.Н., Ненашева А.В.** Предметные области и методы исследования лингвистического времени в современной англистике 724
- Abdulsada M.N., Yacoub B.Y.** Politeness maxims in Saad Al-Hariri's and François Hollande's speeches on refugees 733
- Андраханов А.А., Шевченко М.А., Селиванов Д.В.** Особенности перевода сленга Военно-воздушных сил Великобритании на примере военного кинофильма «Битва за Британию» 743
- Юсупова Ю.Р., Асатурова Д.О.** Русские культурные реалии в переводе художественных произведений на английский язык 751

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ

- Агеносов В.В.** Китайские единомышленники Е. Замятина: Чжан Тянь-и и Лао Ше 759

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

- Осьмухина О.Ю., Белоглазова Е.А.** Специфика синтеза фольклорного и православного кода в романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» 772
- Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г.** Особенности моделирования художественного пространства в сказке Софьи Прокофьевой «Королевство семи озёр» 786

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА

- Видная О.Е.** Специфика становления системы региональной печати в начале XX века (на примере Тамбовской губернии) 796
- Зиганшина А.Н.** Специализированные юридические журналы «Хокук вэ хаят» (1913–1914) и «Право и жизнь в Татарстане» (с 1998 по настоящее время): к вопросу о преемственности изданий 806
- Рева Е.К.** Репрезентация этнокультуры народов России на телевидении: типология программ 813
- Зверева Е.А.** Медиаобразовательный потенциал сатиры в цифровой среде: высмеивание достоверности 821
- Тишкина Н.И.** Особенности продвижения брендов кондитерских изделий в новых медиа 832
- Лядова Е.А.** Свобода выражения мнения в журналистике: юридический аспект 840

МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ

Абдуллаева Р.Х. Стереотипы красоты в русской и узбекской лингвокультурах (на материале пословиц русского и узбекского языков)	849
--	-----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ

Сертакова И.Н. Урбанизм и этическое: параметры взаимосвязи в пространстве города	861
Кадымова Д.Р. Отражение ономакультурологических знаний в произведениях Алишера Навои	869
Требования к оформлению статей	875

Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 4

Continuous issue number – 32

Scientific-theoretical Journal. Published since March 2015. Issued 4 times a year

Founder: Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Derzhavin Tambov State University” (33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation)

Publisher’s: FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”

The journal is on the “Official list of scientific reviewed periodicals for publication principal scientific researches of dissertations for academic degree of candidate of science, doctor of science” by High Attestation Commission at the Ministry of Education and Science of Russia since February 12, 2019. Indexed by the RSCI, DOAJ, Ulrich’s Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, Scientific Electronic Library “eLIBRARY.RU”, Electronic Library “CyberLeninka”

Headings of the journal:

Russian language. Languages of peoples of Russia (philological sciences) (5.9.5)
Languages of peoples of foreign countries (Germanic languages) (philological sciences) (5.9.6)
Theory of literature (philological sciences) (5.9.3)
Russian literature and literature of peoples of Russian Federation (philological sciences) (5.9.1)
Media Communications and Journalism (philological sciences) (5.9.9)
Crosslanguage and crosscultural communication (philological sciences, culturology) (5.9.1, 5.9.3, 5.9.5, 5.9.9, 5.10.1)
Theory and history of culture (culturology) (5.10.1)

All articles are checked in the “**Antiplagiat**” program and **double-blind peer-reviewed** by leading scientists in accordance with the subject and specialization of the journal.

Business model: The journal is financed by the founder, publication in the journal is free for authors, the author receives a printed copy by subscription.

Editor-in-Chief:

A.S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation)

Scientific Editor:

S.A. Myznikov, Corresponding Member of RAS, Doctor of Philology (Moscow, Russian Federation)

Executive Editor:

I.V. Ilyina (Tambov, Russian Federation)

Editorial Board:

V.G. Andreeva, Doctor of Philology (Moscow, Russian Federation); **R. Goldt**, Doctor of Philology, Professor (Mainz, Federal Republic of Germany); **M.V. Gorbanevskiy**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.I. Grigorieva**, Doctor of Culturology, Professor (Moscow, Russian Federation); **E.A. Zvereva**, Doctor of Philology, Associate Professor (Tambov, Russian Federation); **S.N. Ichenko**, Doctor of Philology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **S.V. Kezina**, Doctor of Philology, Associate Professor (Penza, Russian Federation); **I.V. Leonov**, Doctor of Culturology, Associate Professor (St. Petersburg, Russian Federation); **Y. Nakano**, Doctor of Philology, Assistant Professor (Kyoto, Japan); **O.N. Novikova**, Doctor of Philology, Associate Professor (Ufa, Russian Federation); **O.Y. Osmukhina**, Doctor of Philology, Professor (Saransk, Russian Federation); **L.A. Pronina**, Doctor of Philosophy, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.V. Ratsiburskaya**, Doctor of Philology, Professor (Nizhny Novgorod, Russian Federation); **N.V. Rozenberg**, Doctor of Philosophy, Associate Professor (Penza, Russian Federation); **V.I. Suprun**, Doctor of Philology, Professor (Volgograd, Russian Federation); **P.V. Sysoyev**, Doctor of Pedagogy, Professor (Tambov, Russian Federation); **Z.K. Temirgazina**, Doctor of Philology, Professor (Pavlodar, Republic of Kazakhstan); **G.N. Trofimova**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **L.A. Furs**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **L.E. Khvorova**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Zhang Jie**, Doctor of Philology, Professor (Nanjing, People’s Republic of China); **A.L. Sharandin**, Doctor of Philology, Professor (Tambov, Russian Federation); **Y.M. Shemchuk**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **A.M. Shesterina**, Doctor of Philology, Professor (Moscow, Russian Federation); **N.N. Yaroshenko**, Doctor of Pedagogy, Professor (Moscow, Russian Federation)

The opinions expressed by the publications authors may not coincide with those of the editorial

For citation: Neophilology. 2022. Vol. 8, no. 4. 204 p. DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4

Content of the journal is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Editorial Office and Publisher address:

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Tambov Region, Russian Federation

Editors telephone: +7(4752)72-34-34 add 0440

E-mail: ant_scherbak@mail.ru, ilina@tsutmb.ru

Web-site: <http://http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>;

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology-eng/>

Editors: Y.A. Biryukova, M.S. Zharikhina, M.I. Filatova

English texts editors: D.G. Samodurov, M.A. Senina

Computer layout T.Y. Molchanova

Cover design T.O. Prokofeva

Web-site administrator M.A. Senina

Registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskommadzor). The mass media registration certificate ПИ no. ФС 77-70137 of June 16, 2017

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Subscription index in the catalogue LLC “Ural-Press” is 80303
Distribution territory: Russian Federation, foreign countries

The original layout is prepared in the Incorporate Editorial of Scientific Journals

Published basing on ready-to-print file in Instant Print Department of Publishing House “Derzhavinskiy” of FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”. 190g Sovetskaya St., Tambov 392008, Tambov Region, Russian Federation. E-mail: izdat_tsu09@mail.ru

Copies printed 1000. Order no. 22518

Signed for printing 12.10.2022

Release date 12.12.2022

Format A4 (60×84 1/8). Typeface “Times New Roman”

Printed on risograph. Pr. sheet 25,5. Conv. pr. sheet 24,7

Free price

© FSBEI of HE “Derzhavin Tambov State University”, 2022

© The journal “Neophilology”, 2022

CONTENTS

RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

Lyudmila A. Dmitruk , On the problems of development an active lexical fund of the modern Russian literary language on the basis of dialect means of the national language	680
Galina M. Pervova , Reading as a factor in the successful education of schoolchildren and students	690
Antonina S. Shcherbak , Mental levels in the semantics of the toponym: <i>Uchquduq</i>	697
Nadezhda B. Bugakova , Toponymic space of A. Platonov's novel "Chevengur"	705
Lyubov V. Nedostupova , Folk dialect through the prism of the funeral and memorial rite	715

LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES (GERMANIC LANGUAGES)

Alevtina N. Morozova, Anna V. Nenasheva , Subject areas and research methods of linguistic time in contemporary anglistics	724
Mohammed N. Abdulsada, Balsam Y. Yaqoub , Politeness maxims in Saad Al-Hariri's and François Hollande's speeches on refugees	733
Andrey A. Andrakhanov, Mikhail A. Shevchenko, Denis V. Selivanov , Features of the translation of the slang of the British Air Force on the example of the military film "Battle of Britain"	743
Yulia R. Yusupova, Darya O. Asaturova , Russian cultural realities in the translation of literary	751

THEORY OF LITERATURE

Vladimir V. Agenosov , Chinese associates of Y. Zamyatin: Zhang Tianyi and Lao She	759
---	-----

RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

Olga Y. Osmukhina, Ekaterina A. Beloglazova , The synthesis specificity of folklore and orthodox code in Y. Voznesenskaya's novel "The Star Chernobyl"	772
Marina Y. Elepova, Natalia G. Kabanova , Features of modeling art space in Sofia Prokofiev's fairy tale "Kingdom of Seven Lakes"	786

MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

Olga E. Vidnaya , The specifics of the formation of the regional press system at the beginning of the twentieth century (on the example of the Tambov Governorate)	796
Aigul N. Ziganshina , Specialized law journals "Hokuk ve Hayat" (1913–1914) and "Law and Life in Tatarstan" (1998 to present): on the issue of publications succession	806
Ekaterina K. Reva , Representation of ethnoculture of the peoples of Russia on television: programs typology	813
Ekaterina A. Zvereva , Media educational potential of satire in the digital environment: ridiculing credibility	821
Natalya I. Tishkina , Features of promotion of confectionery brands in new media	832
Elena A. Lyadova , Freedom of expression in journalism: legal aspect	840

INTERLINGUAL AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

- Rano K. Abdullaeva**, Stereotypes of beauty in Russian and Uzbek linguistic cultures (based on Russian and Uzbek proverbs) 849

THEORY AND HISTORY OF CULTURE

- Irina N. Sertakova**, Urbanism and ethnical: relationship parameters in city space 861
- Diana R. Kadymova**, Reflection of onomaculturological knowledge in the works of Alisher Navoi 869
- Articles formatting requirements** 875

РУССКИЙ ЯЗЫК. ЯЗЫКИ НАРОДОВ РОССИИ
RUSSIAN LANGUAGE. LANGUAGES OF PEOPLES OF RUSSIA

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'28

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689

**К проблемам формирования активного лексического
фонда современного русского литературного языка
на основе диалектных средств национального языка**

Людмила Александровна ДМИТРУК

ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет»

156005, Российская Федерация, г. Кострома, ул. Дзержинского, 17

✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Аннотация. Рассмотрена проблема формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка, важным источником которого считаются народные говоры. Описаны тенденции, определяющие качественные и количественные изменения словарного состава русского литературного языка, влияющие на характер лексико-семантической системы языка национального. Синхронно-диахронный подход к анализу конкретных лексических единиц, например, слов *девушка* и *дедушка*, высокочастотных и актуальных для современного русского литературного языка, позволяет прояснить направление семантико-стилистических трансформаций лексем, что способствует уточнению их генезиса и путей проникновения в стандартный кодифицированный язык. Севернорусские говоры, в том числе костромские, рассматриваются как одно из языковых явлений, оказавших влияние на формирование нормированного литературного языка. В этом контексте особое внимание обращено на творчество писателей конца XVIII – середины XIX века (А.О. Аблесимова, А.Н. Островского, Н.А. Некрасова и др.), связанных с костромским краем, а их произведения проанализированы в качестве значимых источников изучения регионального слова, а также истории его вхождения в литературный язык. Часть диалектной лексики, фигурирующей в авторских текстах, в настоящее время полностью адаптирована литературным языком, другая часть, отличаясь особой разговорной аффецированностью или структурно-семантическими и функционально-текстовыми свойствами, всё ещё занимает пограничное положение между центром национального языка и его периферией. Проанализированные общеупотребительные лексемы современного русского литературного языка во всей совокупности их структурно-семантических и функционально-стилистических свойств появились в нём благодаря процессам перегруппировки, происходившим в разных сферах национального русского языка в исторической перспективе от века XVII к веку XXI.

Ключевые слова: русский литературный язык, лексика, диалекты, костромские говоры, костромские писатели

Для цитирования: К проблемам формирования активного лексического фонда современного русского литературного языка на основе диалектных средств национального языка // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 680-689. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689

On the problems of development an active lexical fund of the modern Russian literary language on the basis of dialect means of the national language

Lyudmila A. DMITRUK

Kostroma State University

17 Dzerzhinskogo St., Kostroma 156005, Russian Federation

✉ lyudmila-dmitruk@mail.ru

Abstract. We consider the problem of development an active lexical fund of the modern Russian literary language, an important source of which is considered to be folk patois. We describe the trends that determine the qualitative and quantitative changes in the vocabulary of the Russian literary language, affecting the nature of the lexical-semantic system of the national language. The synchronous-diachronic approach to the analysis of specific lexical units, for example, the words *girl* and *grandfather*, which are high-frequency and relevant for the modern Russian literary language, makes it possible to clarify the direction of semantic and stylistic transformations of lexemes, which contributes to clarifying their genesis and ways of penetration into the standard codified language. Northern Russian patois, including Kostroma patois, are considered as one of the linguistic phenomena that influenced the formation of a standardized literary language. In this context, special attention is paid to the works of writers of the late 18th – mid-19th century (A.O. Ablesimov, A.N. Ostrovsky, N.A. Nekrasov, etc.), associated with the Kostroma Region, and their works are analyzed in as significant sources for studying the regional word, as well as the history of its entry into the literary language. Part of the dialect vocabulary that appears in the author's texts is currently fully adapted to the literary language, the other part, distinguished by a special colloquial affectation or structural-semantic and functional-textual properties, still occupies a border position between the center of the national language and its periphery. We analyze the commonly used lexemes of the modern Russian literary language in the totality of their structural-semantic and functional-stylistic properties that appeared in it due to the regrouping processes that took place in various areas of the national Russian language in a historical perspective from the 17th century to the 21st century.

Keywords: Russian literary language, vocabulary, dialects, Kostroma patois, Kostroma writers

For citation: Dmitruk L.A. K problemam formirovaniya aktivnogo leksicheskogo fonda sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka na osnove dialektnykh sredstv natsional'nogo yazyka [On the problems of development an active lexical fund of the modern Russian literary language on the basis of dialect means of the national language]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 680-689. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-680-689> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Лексический состав любого национального языка, в том числе и русского, включает, кроме надтерриториальных кодифицированных языковых единиц, определённое количество локально и социально ограниченных элементов. Часто именно они, в силу своей исключительности, в исторической перспективе оказываются тем самым ценным источником, который подпитывает словарные недра литературного (стандартного) языка. Полное представление о богатстве лексического фонда национального языка можно получить только сопрягая исследование нормированных языковых единиц с элементами различных внелитературных сфер, поэтому до сих пор одним из ключевых вопросов современной лингвистики является проблема соотношения литературного языка с другими социально-функциональными формами языка национального – диалектами, просторечием, жаргонами, аргю, городским койне, фольклором.

В этом плане особенно актуальным видится изучение словарного состава русских народных говоров, которые содержат научно значимый материал не только для постижения различных аспектов жизни народа, но и для исследования эволюции литературного языка. Внимания требует здесь, безусловно, анализ исторического взаимодействия литературного языка и народных говоров, особенно в области лексики, на что неоднократно указывали в своих работах многие отечественные филологи, в частности В.В. Виноградов [1, с. 210-211], Б.А. Ларин [2], В.Д. Левин [3], С.М. Толстая [4, с. 55-56], Н.И. Толстой [5; 6] и др. Так, по мысли исследователей, чрезвычайно важен разносторонний филологический анализ словарного состава русских говоров, а именно лексических и семантических архаизмов, в настоящее время изученных ещё недостаточно, к чему следует обратиться не только в плане выяснения народной основы русского литературного языка [7, с. 210], но и шире – для решения вопросов, связанных с процессами славянского этногенеза [4, с. 56; 5, с. 21]. За каждым подобным культурно и исторически значимым фактом языка стоит артефакт традиционной духовной и материальной куль-

туры определённой эпохи. С этой точки зрения глубокого всестороннего изучения требуют костромские говоры, расположенные в глубинной части исконных славянских поселений (Slavia Orthodoxa), где, по словам С.М. Толстой и Н.И. Толстого, сохранились архаичные состояния языка, что и обусловило, в конечном счёте, общность и устойчивость на достаточно большой территории фонетических, грамматических и особенно лексических языковых фактов [4; 5]. Целью настоящей работы является изучение лексем, составляющих базу лексического фонда современного русского литературного языка, в плане их структурно-семантических, стилистических и функциональных особенностей в синхронии и диахронии.

Русский литературный язык в процессе своего формирования и развития часто опирался на богатые ресурсы народной речи, включающей элементы территориальных и социальных диалектов, городского просторечия, фольклорно-этнографические языковые единицы. По словам С.И. Коткова, московский говор, генетически восходящий к северновеликорусской языковой стихии, являвшийся сплавом южнорусских и севернорусских языковых черт, а в области лексики и грамматики ориентированный прежде всего на диалекты к северо-востоку от Москвы, в том числе и костромские говоры, впоследствии лёг в основу складывающегося литературного языка [8, с. 6]. Близость высшей формы национального русского языка к диалектам, пусть и не такая непосредственная, как у некоторых других славянских языков [9, с. 18-19], определила дальнейший путь его становления: начиная с XVII века под влиянием демократических тенденций в литературе он всё чаще начинает ориентироваться на живую разговорную речь. Именно об этом упоминает А.С. Будилович в 1892 г. в одной из своих известных работ по истории общеславянского языка: «И въ московской Руси средняго періода языкъ дѣловый, а тѣм болѣе книжный отстоятъ отъ говоровъ значительно дальше, чѣмъ въ періодъ древній. <...> в сочиненіяхъ многихъ писателей этого періода мы находимъ въ словахъ и оборотахъ столько свѣжести и сочности, образности и лаконизма, что не остается мѣста для сомнѣній въ живомъ взаимодѣйствіи тогдаш-

ного диалекта с просторечиями московской Руси» [10, с. 241].

В XVIII веке авторы все чаще заявляют о намерении писать доступным русским языком, ориентирующимся на живое разговорное употребление. Как справедливо отмечает В.В. Виноградов, «русский национальный язык в XVII и в XVIII вв. формируется на основе синтеза всех жизнеспособных и исторически продуктивных элементов русской речевой культуры: живой народной речи с её областными диалектами, устного народно-поэтического творчества, государственно-делового языка в его разнообразных вариациях, стилей художественной литературы и церковнославянского типа языка с его разными функциональными разновидностями» [7, с. 189].

Со временем часть простонародных и областных слов, функционирующих в литературно-художественных, а также деловых текстах, обретает статус нормы [1]. Народно-разговорная лексика, к которой в XVIII столетии относится достаточно широкий ряд территориально и функционально ограниченных языковых единиц от диалектизмов и этнографизмов до жаргонизмов и просторечных лексем, начинает частотно употребляться носителями языка, выходить за пределы области своего бытования, вследствие чего переходит в разряд общераспространённой, стилистически нейтральной лексики, составляющей базу русского литературного языка, при этом пополняя его лексико-стилистическую систему новыми членами, уточняя и обогащая словарный запас номинативными, волонтактивными, эмоционально-экспрессивными языковыми единицами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Региональная лексика вошла в литературный язык и закрепились в нём во многом благодаря художественным произведениям писателей демократического толка, которые в своих сочинениях стремились колоритно и полно передать народную жизнь, живой разговорный язык представителей различных социальных групп России XVIII – первой половины XIX века. Наличие значительного корпуса текстов, пусть даже художественно обработанных, но содержащих при этом ре-

гионально маркированные слова и устойчивые выражения, позволяет достаточно точно осветить, проанализировать в синхронии и диахронии на фоне исторических и диалектных словарей русского языка, сложный процесс семантико-стилистической перегруппировки лексики, происходивший в национальном языке с конца XVIII века вплоть до наших дней, то есть в целом охватить период становления и развития русского литературного языка.

Одним из первых надёжных свидетельств проникновения диалектной лексики в литературный язык стали произведения писателей, чья жизнь и творчество связаны с костромским краем, севернорусской речевой традицией: А.О. Аблесимов, Н.А. Некрасов, А.Н. Островский, А.Ф. Писемский, А.А. Потехин, С.В. Максимов, И.М. Касаткин, Е.В. Честняков, А.В. Громов и др. В их сочинениях мы часто находим диалектное слово, искусно вплетённое в речевую канву художественного произведения, где в контексте, передающем особенности живого словоупотребления современной автору эпохи, оно реализует свой семантико-стилистический потенциал и выявляет своеобразную разговорную коннотацию. Свободное владение живым народным словом позволило названным авторам органично включить его в письменный дискурс, описать в контексте, продемонстрировать разнообразие семантико-стилистических связей и отношений внутри текста как макроединицы языка, тем самым углубив познания и о диалекте (в его пространственно-временной перспективе развития), и о литературном языке, который у истоков своего возникновения часто «подпитывался» местными словами.

Среди слов, исторически имеющих локальную отнесённость (о чём свидетельствуют, например, данные СРНГ), в их произведениях находим лексемы как знаменательных (*зимник, девушка, дедушка, больно «очень», кросна, летник, луговина, поднизь, тын* и др.), так и служебных частей речи (*де, дескать, -то, -ста* и др.). Часть данной лексики в настоящее время полностью адаптирована литературным языком и оценивается носителями как общеупотребительная, нейтральная, другая же часть занимает пограничное положение между центром нацио-

нального языка и его периферией, поскольку в словарях современного русского литературного языка фиксируется чаще с ограничительными пометами, указывающими на её экспрессивные, коннотативные, функциональные особенности.

Рассмотрим слова *девушка* и *дедушка*, активно функционирующие как в современном русском литературном языке, так и в севернорусских говорах, в том числе костромских.

Девушка. Слово *девушка*, образованное от архаичного корня *дев-*, свойственного всем славянским языкам [11, т. 1, с. 491], в словаре И.И. Срезневского не отмечено. Однако в данном лексикографическом источнике [12, т. 1, с. 779-782] мы находим достаточно объёмный ряд однокоренных слов (*дѣва, дѣвица, дѣвичи, дѣвичьи, дѣвичьскы, дѣвичьство, дѣвочька, дѣвѣка, дѣвѣство, дѣвѣствовати* и др.), что говорит о продуктивности корневой морфемы в русском языке XI–XIV веков, её способности образовывать новые слова. Лексема *девушка* отмечена в «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.» с монозначением «то же, что девица»¹. Слово *девица* при этом здесь зафиксировано с семантикой «молодая незамужняя женщина»². В словарной статье к слову *девица* указаны и дериваты, которые в тот период, как кажется, начинают выполнять функцию семантико-стилистических синонимов к этой относительно нейтральной лексеме: *дева, девка, девушка, девчина, девчонка*. Судя по контекстам и количеству словоупотреблений, зафиксированным в картотеке словаря (22 единицы), именно слово *девица* воспринималось как наиболее общеупотребительное. Слово *дева*, для сравнения, фиксируется 11 раз, имеет в большей степени высокое книжное словоупотребление, лексема *девка* обнаруживает ещё большее количество фиксаций, свыше 25 случаев, и часто характеризует разговорный речевой узус. В отличие от названных слов, лексема *девушка* в XVI–XVII веках употреблялась эпизодически. В словаре отражены всего 2 случая её включения в кон-

текст: «*И стану я [Местрюк] со всех брать пошину: с дымов подымовное, с красных девушек почередное*. Ист. песни, 448, XVI в. Он [Мишенька] прельстился на его [хана] золоту казну... на тех ли на сорочинычок, по нашему – на красных девушек. Там же, 464. – в обращении. *Девушка красная, княжна Анастасьишка Петровна, без матушки сиротинка миленькая, и Евдокеюшка, миленькие светы мои! Ох мне грешнику!* Авв. Письма, 283, 1675 г.»³. Как видно из приведённых иллюстраций, данное слово чаще функционировало в составе устойчивого выражения *девушка красная* и применялось в тематически бытовых и фольклорных текстах, было близко народно-разговорной среде.

В XVIII веке, по данным СРЯ XVIII, лексема *девушка* уже достаточно активно употреблялась в речи, имела более развитую систему значений: 1. «молодая незамужняя женщина» и 2. «горничная, служанка»⁴. Причём в СРЯ XVIII в первом значении слово дано со стилистическими пометами «*Простонар. → Прост.*», указывающими на изменение характера его бытования в системе национального языка и означающими, что данная лексема в начале XVIII века воспринималась носителями языка как слово простонародное, характерное для употребления в речи низших социальных слоёв, простого народа, было близко областным словам и чуждо речи образованных людей. Слово *девушка*, в XVI–XVII веках в большей степени бытовавшее в простонародной, регионально-маркированной среде, в начале XVIII века было ещё очень близко диалектам. Однако к концу столетия эта лексема утратила экспрессию сниженности, стала функционировать в речи как общеупотребительное слово, хотя и противопоставлялось книжному синониму *дева*⁵. В то же время в XVIII столетии продолжали бытовать и другие однокоренные слова: это существительные *дева, девица, девка, девочка, девуля, девчина, девчонка*, употребляемые с тем же значением, но отличающиеся стилистически. Так, в комической

³ Там же. С. 105.

⁴ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука, 1991. С. 67.

⁵ Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука, 1984. С. 36.

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Межелской. Вып. 5: Да–Дотянуть. СПб.: Наука, 2012. С. 105.

² Там же. С. 103.

опере «Мельник-колдун, обманщик и сват» драматурга А.О. Аблесимова, выходца из костромских (галичских) мелкопоместных дворян, слово *девушка* употребляется как свободно, так и в составе устойчивого сочетания *девушка-невеста*, имевшего значение «девушка, достигшая брачного возраста»: «*Анюта. Матушка меня не пускает; говорит, ты дискать, ужъ дѣвушка невѣста, такъ женихи осудятъ, и я отъ этого иногда и плачу*»⁶; «*Анюта. <...> люблю ли, нѣтъ ли, до тово – дѣла нѣтъ, это вить дѣвушке невѣсте сказывать кажется стыдно*»⁷. К тому же в пьесе встречаются и другие родственные лексемы – *девица*, *девка*, *девочка*, употребляющиеся и свободно, и в составе устойчивых оборотов, по-видимому, частотные в разговорном речевом узусе современного автору периода: «*Филимонъ (Анютѣ.) Дѣвица красная, подбру ль живиошь, поздороу*»⁸; «*Мѣльникъ. О! о! это пліовое дело, я смѣкнулъ, какъ быть этому; дѣвка будетъ наша!*»⁹; «*Мѣльникъ. Дѣвка-та у васъ на возрастѣ, пора бы еіо веселымъ пиркомъ да за свадебку*»¹⁰; «*Мѣльникъ. Какъ женится на дѣвочкѣ дѣтинка; То придетъ мнѣ в карманъ отъ нихъ полтинка*»¹¹.

Примечательно, что слово *девушка*, ещё в начале XVIII века имевшее статус функционально ограниченного, свойственного в большей степени народно-разговорному обычаю употребления, коннотативно близкого лексемам *девуля*, *девчина*, также отмеченным в СРЯ XVIII, к концу столетия стало восприниматься как общеупотребительный экспрессив, практически равный по своим семантико-стилистическим свойствам слову *девица*. Это же понимание лексемы сохранилось вплоть до конца следующего века: слово *девушка* со значением «каждая из женского пола от младенчества до замужества» употреблялось как уменьшительно-ласкательное (в «Словаре церковно-славянского и русского языка» дана помета *смягч.*) к слову

*девица*¹². В словаре В.И. Даля, отражающем узус XIX века, слово *девушка* зафиксировано как один из вариантов употребления лексемы *дева* – «всякая женщина до замужества своего» без помет [13, т. 1, с. 391]. В произведениях А.Н. Островского, драматурга, чья жизнь и творческий путь тесно связаны с костромской землёй, видим у этого слова в контексте и вполне нейтральные семантические связи, и разговорно-маркированные употребления, это ещё раз подчёркивает тот факт, что во второй половине XIX столетия лексема *девушка* уже находилась на пути перехода из области языковой периферии к литературному языку: напр., «*Катерина. Да что же это я говорю тебе: ты девушка*», «*Борис. Я не разобрал, темно было. Девушка какая-то остановила меня на улице и сказала, чтобы я именно сюда пришёл, сзади сада Кабановых, где тропинка*» и «*Катерина. Знаешь, как я жила в девушках? Вот я тебе сейчас расскажу*», «*Феклуша. Уж больно я люблю, милая девушка, слушать, коли кто хорошо воет-то*»¹³.

В современном русском литературном языке слово *девушка* употребляется со значением «лицо женского пола, достигшее физической зрелости, но не состоящее в браке»¹⁴ и является нейтральным, общераспространённым словом, составляет базу словарного фонда литературного языка. Однако до сих пор в народных говорах, особенно севернорусских, к которым относятся и костромские, оно реализует свой богатый семантико-стилистический потенциал намного активнее, чем в нормированном языке. Так, в СРНГ у данной лексемы находим следующие значения: 1. «обращение к лицу женского пола независимо от возраста» с географическими пометами *Юрьев. Влад., Мещов., Калуж., Кашин. Твер.* и оттенками значения «ласковое обращение к женщине» *Мещов. Калуж.*, «ласковое обращение к женщине-ровне, хотя и замужней» *Мещов. Калуж.*,

⁶ Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях. Соч. А. Аблесимовым. СПб.: Тип. Императ. Моск. ун-та, 1792. С. 21.

⁷ Там же. С. 33.

⁸ Там же. С. 20.

⁹ Там же. С. 16.

¹⁰ Там же. С. 33.

¹¹ Там же. С. 56.

¹² Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1847. Т. 1. С. 384.

¹³ Островский А.Н. Гроза. URL: <https://ilibrary.ru/text/994/index.html> (дата обращения: 31.02.2021).

¹⁴ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: «Норинт», 2000. С. 244; Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. С. 375.

Буйск. Костром., Юрьев. Влад.; 2. «дочь» с территориальными пометами *Алап., Свердл, Кинеш. Костром., Арх.*; 3. «девочка» с пометами *Кинеш. Костром., Новг., Ленингр., Волог., Арх.*¹⁵ В «Словаре говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи» Н.С. Ганцовской отмечено функционирование лексемы *девушка* в связанном значении в составе фразеологизма *девушка в почёте* с семантикой «красивая девушка, пользующаяся вниманием молодых людей, славена»: «*Девушки, которые в почёте, дак до бела-до белова на беседе сидели: кому пондравилась, опять берёт. Оне друк друику уводили*» Галлич. <ское> (Чёлсма) [14, с. 89].

Дедушка. Слово *дедушка*, производное от общеславянского корня *дед-* [11, т. 1, с. 494], в словаре И.И. Срезневского не зафиксировано. Однако и здесь мы находим достаточно обширный ряд родственных слов с данным корнем: *дѣдъ, дѣдина, дѣдичь, дѣдичьна, дѣдичьство, дѣдъниш, дѣдъньство, дѣдъство, дѣвѣство, дѣвѣствовати* [12, т. 1, с. 783-784]. Следовательно, корневая морфема *дед-* в русском языке XI–XV веков была продуктивна, имела способность к образованию новых лексем. В «Словаре обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв.», фиксирующем обычай употребления, принятый в обширной области бытования центральных русских говоров, на территориях, находящихся в сфере влияния Москвы, куда относились в том числе и костромские земли, приводятся следующие однокоренные слова: *дед, дедина, дедичь, дедка (дедко), дедний, дедовский, дедушка (дедушко)*¹⁶, среди которых два – *дедка* и *дедушка* – указаны с вариативным севернорусским окончанием *-о* (ср.: *дедко* и *дедушко*), что, как кажется, хорошо иллюстрирует процесс выработки литературно-письменной традиции, актуальной для того периода, её ориентацию на народно-разговорную речевую основу. В карточке словаря зарегистрировано 7 упоминаний производного слова *дедушка (дедушко)* в значении «дед» с экспрессивно-эмоциональным суффиксом *-ушк-* и пометой

¹⁵ Словарь русских народных говоров. Вып. 7. Л.: Наука, 1972. С. 320.

¹⁶ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О.С. Межелской. Вып. 5: Да–Дотянуть. СПб.: Наука, 2012. С. 108-109.

*ласк.<ательное>*¹⁷, что наряду с нестабильной флексией *-а/-о* может свидетельствовать о недостаточной степени нейтральности лексемы в оценке носителей языка анализируемого временного периода.

В СРЯ XVIII слово *дедушка* и его вариант *дедушко* зафиксированы с разными стилистическими пометами: лексема с флексией *-а* имеет помету *прост.<ое>* и характеризуется как слово, лишённое резкой экспрессии, по-видимому, близкое к нейтральному общезыковому употреблению, а лексема с флексией *-о* указана с пометой *простонар.<одное>*, то есть слово, характерное для речи низших социальных слоёв и близкое к диалектному дискурсу¹⁸. Лексема *дедушка(-о)* в СРЯ XVIII отмечена с двумя значениями: 1. Ласк.<ательное> к *дед* с прямым значением «отец отца или матери»; 2. «старик»¹⁹, а также оттенком значения «дедушка, домовый» с пометами *простонар.<одное>*, *миф.<ологическое>*²⁰. Именно это, второе, значение наблюдаем у слова в произведении А.О. Аблесимова «Мельник-колдун, обманщик и сват», где одного из главных героев, мельника Фаддея, таким образом именуют другие персонажи: «*Филимонъ. О! ты дѣдушка Фадей! И ты сильной ворожица! Ты могучей чародей. <...> Ты намъ, дѣдушка, помога, // У ково кручины много*»²¹, «*Анюта. Дѣдушка! мнѣ што-та чудится*»²².

У Аблесимова лексема употребляется достаточно активно – 9 раз – и в номинативной, и в апеллятивной функции, что связано ещё и с влиянием фольклорной традиции: в произведениях устного народного творчества так часто именуют различных мифологических существ – домовых, леших, колдунов. Этот факт, бесспорно, свидетельствует о распространённости слова в народно-разговорной среде XVIII столетия.

На рубеже XVIII–XIX веков лексема *дедушка* в значении «отец отца или матери» всё

¹⁷ Там же. С. 109.

¹⁸ Словарь русского языка XVIII века. Вып. 6. Л.: Наука, 1991. С. 70; Словарь русского языка XVIII века. Правила пользования словарём. Указатель источников / под ред. Ю.С. Сорокина. Л.: Наука, 1984. С. 36.

¹⁹ СРЯ XVIII. Вып. 6. С. 69-70.

²⁰ Там же.

²¹ Комическая опера Мельник, колдун, обманщик и сват в трёх действиях... С. 13.

²² Там же. С. 33.

чаще используется в речевой практике как общеупотребительное слово. В «Словаре церковно-славянского и русского языка» эта лексема дана с пометой *прив.*, то есть «реченные приветственное» к слову *дед* «отец отца или матери»²³. Однако здесь же указывается и фольклорное употребление (напр., *дедушка домовой*) – «нечистый дух, живущий, по мнению простого народа, в домах»²⁴. Лексема *дедушка* к концу XIX столетия становится всё более нейтральной, общеупотребительной, о чём говорит и отсутствие каких-либо географических помет в словаре В.И. Даля, где находим следующие значения: «отец отца или матери», *умал.* <ительное> «старик», «предки вообще», «почётное прозвание домового» [13, т. 1, с. 393]. Многочисленные производные лексемы, указанные в словарной статье к слову *дед*, напротив, локально окрашены, например, *нвг.* дедко, *юж. зап.* дедуга, дедуган, дедуня и др. [13, т. 1, с. 393].

По данным словарей современного русского литературного языка, слово *дедушка* на синхронном срезе XX–XXI веков функционирует с двумя значениями: «отец отца или матери» и «старый человек, старик»²⁵. Данная лексема утратила связь с народной речевой средой, фольклором и закрепились в литературном языке как нейтральное общеупотребительное слово, приобрела самостоятельную номинативную значимость и практически потеряла свою подчинённость как эмоционально-экспрессивное образование к слову *дед*. В качестве ласкательного к лексеме *дед* словари фиксируют слово *дедуля*²⁶, что, возможно, связано со стремлением языка к обновлению экспрессивных средств. Несмотря на это в русских народных говорах, в том числе и севернорусских, у слова *дедушка* до сих пор обнаруживаем достаточно широкую систему значений: «дед (только по матери)» *Пенз.*; «прадед» *Новг., Калинин.*; «у раскольников – лицо, исполняющее обязанности священника» *Кара-Калпак. АССР, Крал.*; «домовой» *Казан., Яросл., Пенз., Симб., Перм., Арх.*, устойчивое сочетание *дедушка*

безымянный «домовой» *Нерехт., Костром.*; «эвфемистическое название медведя» *Колым., Свердл.*²⁷ Как видно из данных СРНГ, лексема *дедушка* в народных говорах часто фигурирует в контекстах, связанных с отражением в речи носителей языка мифологических представлений об окружающей действительности. В словаре Н.С. Ганцовой отмечено функционирование анализируемой лексемы с семантикой «мифологический персонаж, обитающий в доме» и пометой *фольк.* <лорное>: «*Наш дедушка добрый был, хозяевам помогал*» *Чухл.* <омское> [14, с. 89]. Отметим, что в костромских говорах слово *дедушка*, помимо своего прямого номинативного значения – наименование родственника, сохранило в составе семантической системы ещё и архаичную составляющую, тесно связанную с фольклорной традицией края.

ВЫВОДЫ

Таким образом, история вхождения в литературный язык лексем *девушка* и *дедушка* отражает общезыковую тенденцию перераспределения существительных с суффиксами субъективной оценки в системе национального языка в исторической перспективе от XVII века к веку XXI: часть слов, таких как лексема *девушка* и *дедушка*, утратила свою экспрессию, на современном синхронном срезе они воспринимаются носителями языка вполне нейтрально, другая часть лексем и сейчас, имея в составе словообразовательной парадигмы более индифферентные языковые единицы, является диминутивами (как, например, слово *дедуля*) или аугментативами (например, лексема *дедуган*). Рассмотренные в статье лексемы показали частные особенности динамических процессов лексико-семантической перегруппировки, которые отмечаются и в настоящее время в системе национального языка, особенно активно затрагивают такие его сферы, как местные говоры и литературный язык, что обусловлено их значительной генетической близостью. Поэтому понимание тектонических процессов, внутренних изменений, происходящих в русских народных говорах, в частности костромских, существенно и в отношении исследования истории русского литературного языка.

²³ Словарь церковно-славянского и русского языка: в 4 т. СПб.: Тип. Императ. Академии наук, 1847. Т. 1. С. 384.

²⁴ Там же.

²⁵ Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 1. С. 376.

²⁶ Там же. С. 377.

²⁷ СРНГ. Вып. 7. С. 331–332.

Список источников

1. *Виноградов В.В.* О связях истории русского литературного языка с исторической диалектологией // История русского литературного языка. Избранные труды. М.: Наука, 1978. С. 206-215.
2. *Ларин Б.А.* История русского языка и общее языкознание / сост. Б.Л. Богородцкий, Н.А. Мещерский. М.: Просвещение, 1977. С. 166.
3. *Левин В.Д.* Очерк стилистики русского литературного языка конца XVIII – начала XIX в. М.: Изд-во «Наука», 1964. 408 с.
4. *Толстая С.М.* Говоры Русского Севера на общеславянском фоне // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 6. С. 53-59.
5. *Толстой Н.И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индрик, 1995. 512 с.
6. *Толстой Н.И.* О соотношении центральных и маргинальных ареалов в современной Славии // Избранные труды. Очерки по славянскому языкознанию. М.: Языки русской культуры, 1999. Т. 3. С. 10-30.
7. *Виноградов В.В.* Избранные труды. История русского литературного языка. М.: Изд-во «Наука», 1978. 320 с.
8. *Котков С.И.* Московская речь в начальный период становления русского национального языка. М.: Изд-во «Наука», 1974. 359 с.
9. *Вендина Т.И.* Русский литературный язык и русские диалекты // Славянский альманах. 1998. № 1997. С. 18-28.
10. *Будилович А.С.* Общеславянский язык в ряду других общих языков древней и новой Европы. Т. 2: Зарождение общего языка на славянском Востоке. Варшава: Изд. иждивением С.-Петербур. слав. благотвор. о-ва, 1892. 375 с.
11. *Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1964–1973.
12. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка: в 3 т. Спб.: Тип. Императ. Академии наук, 1893–1912.
13. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2003.
14. *Ганцовская Н.С.* Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова; Москва: Кн. клуб Книговек, 2015. 512 с.

References

1. Vinogradov V.V. O svyazyakh istorii russkogo literaturnogo yazyka s istoricheskoy dialektologiyey [On the connections of the history of the Russian literary language with historical dialectology]. *Istoriya russkogo literaturnogo yazyka. Izbrannyye trudy* [History of the Russian Literary Language. Selected Works]. Moscow, Nauka Publ., 1978, pp. 206-215. (In Russian).
2. Larin B.A. *Istoriya russkogo yazyka i obshcheye yazykoznanie* [History of the Russian Language and General Linguistics]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1977, p. 166. (In Russian).
3. Levin V.D. *Ocherk stilistiki russkogo literaturnogo yazyka kontsa XVIII – nachala XIX v.* [Essay on the Style of the Russian Literary Language of the Late 18th – Early 19th Century]. Moscow, “Nauka” Publ., 1964, 408 p. (In Russian).
4. Tolstaya S.M. Govory Russkogo Severa na obshcheslavyanskom fone [Northern Russian dialects against the common Slavic background]. *Uchenyye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta – Proceedings of Petrozavodsk State University*, 2018, no. 6, pp. 53-59. (In Russian).
5. Tolstoy N.I. *Yazyk i narodnaya kul'tura. Ocherki po slavyanskoy mifologii i etnolingvistike* [Language and Folk Culture. Essays on Slavic Mythology and Ethnolinguistics]. Moscow, Indrik Publ., 1995, 512 p. (In Russian).
6. Tolstoy N.I. O sootnoshenii tsentral'nykh i marginal'nykh arealov v sovremennoy Slavii [On the ratio of central and marginal areas in modern Slavia]. *Izbrannyye trudy. Ocherki po slavyanskomu yazykoznaniiyu* [Selected Works. Essays on Slavic Linguistics]. Moscow, “Languages of the Russian Culture” Publ., 1999, vol. 3, pp. 10-30. (In Russian).
7. Vinogradov V.V. *Izbrannyye trudy. Istoriya russkogo literaturnogo yazyka* [Selected Works. History of the Russian Literary Language]. Moscow, “Nauka” Publ., 1978, 320 p. (In Russian).
8. Kotkov S.I. *Moskovskaya rech' v nachal'nyy period stanovleniya russkogo natsional'nogo yazyka* [Moscow Speech in the Initial Period of the Formation of the Russian National Language]. Moscow, “Nauka” Publ., 1974, 359 p. (In Russian).

9. Vendina T.I. Russkiy literaturnyy yazyk i russkiye dialekty [Russian literary language and Russian dialects]. *Slavyanskiy al'manakh – Slavic Almanach*, 1998, no. 1997, pp. 18-28. (In Russian).
10. Budilovich A.S. *Obshch斯拉vianskiy yazyk v ryadu drugikh obshchikh yazykov drevney i novoy Evropy. T. 2: Zarozhdeniye obshchego yazyka na slavyanskom Vostoke* [Common Slavic Language among Other Common Languages of Ancient and Modern Europe. Vol. 2: The Origin of a Common Language in the Slavic East]. Warsaw, Published by the Department of Saint-Petersburg. Slavic Charitable Society, 1892, 375 p. (In Russian).
11. Fasmer M. *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, Progress Publ., 1964-1973. (In Russian).
12. Sreznevskiy I.I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka: v 3 t.* [Materials for the Dictionary of the Old Russian Language: in 3 vols.]. St. Petersburg, Imperial Academy of Sciences Typography, 1893-1912. (In Russian).
13. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, 2003. (In Russian).
14. Gantsovskaya N.S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'ye Kostromy i Unzhi* [Dictionary of Dialects of the Kostroma Trans-Volga Region: the Interfluvium of Kostroma and Unzha]. Kostroma, Nekrasov Kostroma State University Publ., Moscow, Book Club Knigovek Publ., 2015, 512 p. (In Russian).

Информация об авторе

Дмитрук Людмила Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры педагогики и акмеологии личности, Костромской государственной университет, г. Кострома, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-1293-1385, lyudmila-dmitruk@mail.ru

Вклад в статью: идея, общая концепция статьи, сбор и анализ данных, написание и оформление статьи.

Поступила в редакцию 07.04.2022
Одобрена после рецензирования 26.06.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Lyudmila A. Dmitruk, Candidate of Philology, Associate Professor of Pedagogy and Acmeology of Personality Department, Kostroma State University, Kostroma, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-1293-1385, lyudmila-dmitruk@mail.ru

Contribution: idea, main study conception, data acquisition and analysis, manuscript drafting and editing.

The article was submitted 07.04.2022
Approved after reviewing 26.06.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 378.147.227
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-690-696

Чтение как фактор успешного обучения школьников и студентов

Галина Михайловна ПЕРВОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ gmp47@yandex.ru

Аннотация. Во вступительной части названы педагогические условия успешного обучения в школе и в вузе, при этом чтение выделено как наиболее продуктивный вид учебной деятельности детей, подростков и молодежи. Чтение рассмотрено как универсальный и активный вид речевой деятельности, имеющий разносторонние характеристики. В соответствии с задачей исследования, определены функции чтения: интеллектуальная, эстетическая, гедонистическая, мировоззренческая, познавательная, коммуникативная и прикладная – и в дальнейшем прослежена динамика развития читателя. В основной части показаны этапы читательской подготовки обучающихся: начинающие читатели в начальной школе проходят период формирования способов и навыка чтения, добиваются такого личностного результата, как читательская самостоятельность. Школьники среднего звена образования осваивают стратегии чтения произведений разных стилей и жанров. Студенты обучаются основам профессионального чтения и читательской культуры. Указаны направления литературоведческой науки, занимающиеся читателями. За результаты обучения чтению отвечают методисты и педагоги, поэтому подробно рассмотрена сюжетно-ролевая игра как вид учебной деятельности и вариант читательской подготовки учителя. Результативность процесса обучения чтению включает ряд показателей: читательский кругозор, наличие полноценного навыка чтения, групп читательских умений в работе с текстами и книгами, продуктивные способы работы до чтения, в процессе чтения и после прочтения текста и книги, связанные с типом правильной и культурной читательской деятельности. Теоретико-деятельностный подход к читательской подготовке студентов соотносится с практико-ориентированным подходом к читательской подготовке школьников. Выводы основаны на научных школах становления читателей в разных направлениях исследования проблемы.

Ключевые слова: чтение, читательская деятельность, этапы формирования читателя, результаты

Для цитирования: Первова Г.М. Чтение как фактор успешного обучения школьников и студентов // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 690-696. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-690-696>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Reading as a factor in the successful education of schoolchildren and students

Galina M. PERVOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ gmp47@yandex.ru

Abstract. In the introductory part, we name the pedagogical conditions for successful learning at school and university, while reading is singled out as the most productive type of educational activity for children, adolescents and youth. Reading is considered as a universal and active type of speech activity, which has versatile characteristics. In accordance with the task of the study, the functions of reading are defined: intellectual, aesthetic, hedonistic, ideological, cognitive, communicative and applied – and further we trace the dynamics of the reader's development. The main part shows the stages of reading training of students: beginning readers in elementary school go through a period of formation of reading methods and skills, achieve such a personal result as reading independence. Schoolchildren of the middle level of education master the strategies of reading works of different styles and genres. Students are taught the basics of professional reading and reading culture. We indicated the directions of literary science dealing with readers. Methodologists and teachers are responsible for the results of teaching reading, therefore, the role-playing game as a type of educational activity and a variant of teacher's reading training is considered in detail. The effectiveness of the process of teaching reading includes a number of indicators: the reader's outlook, the presence of a full reading skill, groups of reading skills in working with texts and books, productive ways of working before reading, in the process of reading and after reading the text and book, associated with the type of correct and cultural reading activity. The theoretical-activity approach to the reading preparation of students correlates with the practice-oriented approach to the reading preparation of schoolchildren. The conclusions are based on the scientific schools of the formation of readers in different directions of the study of the problem.

Keywords: reading, reader activity, stages of reader formation, results

For citation: Pervova G.M. Chteniye kak faktor uspeshnogo obucheniya shkol'nikov i studentov [Reading as a factor in the successful education of schoolchildren and students]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 690-696. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-690-696> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема статьи вызвана недооценкой такого способа обучения, как чтение учебного литературного материала. Довелось услышать от преподавателя высшей школы, что он считает чтение самым неэффективным видом обучения студентов, якобы «если человек читает, то усваивает 10 % из потребляемой информации». Такое отношение педагога к чтению вызывает естественное воз-

ражение. На наш взгляд, чтение как активный вид речевой деятельности начинает и заканчивает любую форму обучения: и теоретическую, и практическую, нельзя так легковесно сказать о чтении, даже если иметь в виду некое механическое чтение или просмотрное чтение источника знаний.

Чтение играет огромную роль в развитии личности, о чтении в онтогенезе, то есть в процессе индивидуального развития человека от рождения до смерти, написано множе-

ство признаний, эта идея раскрыта в трудах выдающихся учёных, писателей, философов, политических и иных деятелей. Более подробно и не менее убедительно раскрыто чтение в филогенезе, то есть чтение как явление, пронизывающее все периоды эволюционного развития человечества, связанное с дописьменной, письменной, книжной, печатной и электронной культурой. В 2021 г. вышел долгожданный энциклопедический словарь «Чтение», составителями которого стали социологи, культурологи, филологи, методисты и другие специалисты, связанные с данной областью культуры. Тем, кто отказывается чтению в ведущей роли в обучении, следует полистать эту фундаментальную книгу [1].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ ИССЛЕДОВАНИЯ

К весомым факторам обучения относятся зрительное и слуховое восприятие учебного материала. Весьма распространены сегодня тестирование и презентации изучаемых тем, соединяющие наглядные, словесные и практические методы обучения. Слушание информационных и проблемных лекций преподавателя является традиционной формой, отражённой в учебном плане, и на современном этапе такой лекцией, как правило, нельзя ограничиться. Лектор активизирует участников учебного процесса включением в беседу с помощью актуального вопроса, затевает дискуссии по изучаемой проблеме, чаще всего организует комбинированный, семинарско-лекционный вариант занятия, когда одну и ту же тему раскрывают несколько выступающих, оппонирова друг другу.

Среди условий успешного освоения вузовского программного материала самым продуктивным считается активная, деятельная позиция обучающихся, и начинается она с чтения источников. Чтение является активным видом умственной и прикладной деятельности, если мы изучаем научную, научно-популярную и учебную литературу, становится фактором эстетической и гедонистической деятельности, когда мы наслаждаемся художественными, поэтическими произведениями. Чтение – активный вид коммуникативной деятельности, ибо мы реагируем на речь автора, соглашаемся с ним или спорим.

Нельзя не упомянуть тривиальную воспитательную роль детского чтения. Но если подходить строго к оценке письменной культуры, то мировоззренческое и познавательное влияние на читателя любых видов литературы трудно опровергнуть. Таким образом, можно утверждать, что чтение является универсальным в функциональном отношении видом деятельности.

Чтобы добиться полифункционального восприятия учебного литературного материала, обучающиеся должны пройти ряд ступеней обучения.

МЕТОДЫ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Рассмотрим этапы обучения чтению на разных ступенях образования. В дошкольной педагогике присутствует ознакомление ребёнка с детской литературой в выразительном чтении взрослого. Читательской деятельности обучают в начальной школе. Навык чтения первоклассника несовершенен, поэтому образцы читательской деятельности вначале задаёт учитель, однако со второго года обучения навык приобретает необходимые качества: правильность, беглость, сознательность и выразительность, которые развиваются в следующие два года начального обучения. Помимо навыка, ученики получают несколько десятков читательских умений: умение определять основную мысль текста, находить средства создания образа, делить текст на части и составлять композиционный план, передавать сюжет или содержание произведения в целом, по частям, выборочно, кратко и т. д. Дети осваивают технологию продуктивного чтения книг, работы с книгой до чтения (первичный синтез восприятия), в процессе чтения (анализ содержания и формы) и после прочтения текста (вторичный синтез постижения смысла).

В средней школе складываются стратегии чтения произведений разных жанров. Читательская самостоятельность младшего школьника переходит в стадию сознательного подросткового чтения, с осознанными целевыми установками, с умением выбрать нужные источники чтения, выполнить все необходимые действия среди книг в библиотеке, с отдельно взятой книгой и с нужным

текстом. Так реализуется изучающее, ознакомительное, выборочное и другие виды чтения, которые осваивают в основной школе.

Выпускники средней школы владеют некоторыми основами читательской культуры, которые они демонстрируют, изучая соответствующую дисциплину в вузе. Мы неоднократно убеждались в этом, опрашивая вчерашних абитуриентов.

Предмет «Основы читательской культуры» на I курсе Педагогического института позволяет осуществить замеры читательской подготовки студентов. Им предлагаются несколько видов текста (научный, публицистический, художественный), измеряется скорость и способы их чтения, проверяется понимание и отношение к тексту, предлагается сделать выводы в виде самохарактеристики «Я – читатель». Задача вуза – в продолжении развития читательских возможностей обучающихся, в переходе на ступень профессионального чтения.

В монографии «Читательская культура педагога» [2] мы предлагаем будущим учителям повторить и обобщить литературоведческие и книговедческие представления, влияющие на качество чтения, научиться образцовому выразительному чтению произведений разных жанров, комплексному анализу прозаических и поэтических текстов. Профессиональный уровень чтения предполагает совершенствование собственных читательских умений и приобретение компетенций по формированию аналогичных умений у будущих учеников. При этом учитель осознаёт дистанцию, разницу между чтением начинающего и квалифицированного читателя.

Чтобы будущий учитель приобрёл уверенность в том, что чтение – продуктивный вид активной учебной работы в школе, мы проводим на практических занятиях моделирование профессиональной деятельности в виде деловых игр, имитирующих урок литературного чтения в определённом классе. Студенты разбиваются на группы и получают задания для каждой группы, которые впоследствии они синтезируют в педагогической практике. Первая группа студентов исполняет роль учащихся школы, которые затрудняются понять и правильно воспринять текст учебной книги. Они готовят каверзные учебные вопросы учителю. Вторая группа

осуществляет лингвистический разбор учебного материала, поэтому продумывает виды и способы словарной работы, анализ языка изучаемого текста. Третья группа – так называемые литературоведы, формирующие представления об основных компонентах содержания произведения (тема, проблема, жанр, образы, сюжет, идея), а также составляющие композиционный план текста. Четвёртая группа (артистическая) готовит образец выразительного чтения изучаемого текста и методы обучения детей качественному прочтению произведения. Пятой группе самых опытных в профессиональном плане студентов поручается подобрать методические приёмы работы на уроке, соответствующие специфике текста и возрасту детей.

Затем начинается проверка выполненных заданий. Как правило, начинаем с «учеников», которые искажают восприятие учебного материала и ставят перед учителем проблемы, достойные методических дискуссий. Самыми эффектными являются выступления студентов-«артистов», которые подготовленным исполнительским анализом и своим выразительным чтением снимают ряд проблем непонимания текста. Затем деловую игру по освоению литературного учебного материала значительно углубляют «лингвисты» и «литературоведы», они являются толкователями содержания и формы произведения. Им в унисон работают «методисты», составившие план-конспект урока с заданиями, доступными и интересными ученикам определённого класса.

Итогом такого рода интеллектуальных, сюжетно-ролевых игр становится сложное умение будущего педагога планировать, проектировать свою основную работу – составление сценария и ведение урока, на котором основным действенным способом обучения станет активная читательская деятельность ученика.

Наибольшие проблемы создаёт чтение художественных произведений и преподавание литературы в школе и вузе. В XX веке С.Я. Маршак признавался в статье «О талантливом читателе»: «Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели» [3]. К качествам «талантливого читателя» он относил развитое воображение, сопереживание героям, понимание

содержания и соответствующей ему формы произведения, заинтересованное отношение к автору.

В науке о литературе сегодня получили развитие направления исследований, которые рассматривают участие читателей в процессе освоения литературы: читателей как истолкователей текста (герменевтика), как активных участников «диалога с автором» в художественной коммуникации (нарратология), которые основным предметом изучения считают восприятие литературных произведений читателем или слушателем (рецептивная эстетика). Объединяет эти направления идея: художественное произведение возникает в сознании и воображении писателя как определённый замысел, а реализуется последний только в процессе встречи с читателем. Другими словами, триада «автор – текст – читатель» определяет конкретно-исторический характер бытования произведения и творческую деятельность читателя. Школьным педагогам, на наш взгляд, ближе всего положения рецептивной эстетики, которая изучает спектр читательских реакций на литературные произведения. Сущность научного подхода в рецептивной эстетике можно сформулировать так: художественный текст не может быть воспринят всегда и всеми одинаково, он существует как «партитура, рассчитанная на постоянно обновляющееся восприятие» [4, с. 134-135].

Литературоведение, как видим, интересуется контактом писателя и читателя. Более всего отношение читателя к тексту интересует методистов и преподавателей литературы. Что известно методической науке о читателе и чтении? Существует несколько научных школ в России, которые отвечают на этот вопрос. Московская научная школа методистов детского чтения разрабатывает проблемы формирования квалифицированного читателя, становления читателя средствами чтения-общения (Н.Н. Светловская, Г.М. Первова, Л.С. Сильченкова, Т.С. Пиче-оол, О.В. Кубасова, Е.А. Швайкина, А.Н. Хлысталова, Л.А. Павлова и др.). Петербургская научная школа активно занимается вопросами культуры чтения и социализации читателя (М.П. Воюшина, Т.Г. Галактионова, М.И. Гринёва и др.). В каждом регионе страны выполняются исследования, раскрывающие аспек-

ты процесса становления читателя (О.В. Чиндилова, В.П. Чудинова, Н.Н. Сметанникова, И.Г. Жукова, Н.Е. Колганова, С.В. Тихонова, И.А. Шкабура и др.).

В методике обучения чтению с 70-х гг. прошлого века существует понятие «квалифицированный читатель» – это «читатель, который владеет правильной читательской деятельностью и обнаруживает читательскую самостоятельность» [5, с. 44]. Задача формирования квалифицированного читателя в определённой мере может быть выполнена уже в начальной школе, в которой в течение четырёх лет учитель вырабатывает у детей тип правильной читательской деятельности, а результатом обучения считает читательскую самостоятельность младшего школьника. В начальной школе можно говорить об основах читательской компетентности, так как здесь закладывается литературный кругозор, вырабатываются умения работать с книгой и текстом, формируется качественный навык чтения. Чтобы проверить достижимость цели формирования компетенций читателя в начальных классах, мы неоднократно проводили экспериментальную работу в МБОУ лицее № 29 г. Тамбов и в гимназии № 46 г. Липецк. По результатам данной деятельности вышли пособия¹ и монография, показывающие, что в начальной школе учитель не просто учит детей читать, он формирует у младших школьников все необходимые компоненты читательской деятельности средствами классного и внеклассного чтения [6].

Тип правильной читательской деятельности учащегося включает следующие структурные компоненты: цель чтения, погружение в мир источников чтения, умелое выполнение действий с книгами, умение осознанно читать тексты и мотивированно обращаться к новым источникам чтения. Помимо целеполагания и умений работать с книгой и текстом, компетентный читатель должен использовать свой личностный ресурс: способности к воссоздающему и творческому воображению, разные типы мышления (образное, логическое, критическое и др.) и связанной с ним речи, оперативную и дол-

¹ Инновационная начальная школа: из опыта областной экспериментальной площадки МБОУ лицей № 29 г. Тамбова. Тамбов, 2008 и др.

говременную память. Компетентность включает знания, умения, навыки, способности, охватывает развитие личностных качеств. Освоение такого непростого, интеллектуального вида деятельности, как чтение, требует усилий воли, умственного напряжения, творческого труда учителя.

Выработаны количественные и качественные параметры успешного чтения [7]. Назовём пять основных критериев читательской компетентности школьников и студентов и их показатели:

1) наличие читательского кругозора (показатели: представления о литературных явлениях, жанрах, темах, авторах произведений);

2) сформированные умения работать с текстом (в разных программах обучения насчитывается от 25 до 40 умений);

3) умение работать с книгами методом ознакомительного чтения-рассматривания (сопоставлять три ориентира на обложке, считывать информацию с вводных листов, постраничных иллюстраций, предполагать содержание книги по её справочным элементам, ставить цель чтения и достигать её путём правильного выбора способа чтения);

4) наличие продуктивного способа и навыка чтения (показатели зависят от этапа обучения, о чём мы писали выше);

5) читательская самостоятельность (показатели: интерес к книгам и их авторам, правильный выбор доступных источников чтения, продуктивное чтение познавательной и художественной литературы, стремление к её полноценному восприятию).

ВЫВОДЫ

Чтение учебного материала не должно быть рутинной, механической работой, оно носит творческий характер у профессионального читателя-педагога. Это касается не только уроков литературного чтения и изучения художественных произведений в школе. На уроке математики нужны все те же профессиональные компетенции педагога: умение выразительно прочитать текст задачи, чтобы стало понятно, что в ней известно (позитивная интонация утверждения), а что требует логических размышлений над неизвестным и применения математических знаний (интонация удивления, незавершённости и вопроса). На уроке математики большое место также занимает словарная работа, а не только работа с числами, нужно умение точно ответить на вопрос полным предложением, то есть необходима языковая грамотность. В задаче есть сюжет, как и в литературном тексте, и он требует своего разбора.

Какой бы предмет ни преподавал школьный учитель, активная читательская деятельность его не минует. Как учитель научится комплексному подходу к учебному материалу, так и в определённой мере передаст детям свои практические умения читать текст с максимальной пользой для развития и обучения.

Теоретико-деятельностный и практико-ориентированный подходы к обучению в вузе предполагают, что чтение не только не будет проигнорировано преподавателями разных дисциплин, но и останется ведущим способом получения образования, а чтобы дискутировать этот вопрос, надо отдать должное традиции: изучить проблему методом чтения специальных работ в данной области знаний.

Список источников

1. Чтение: энциклопедический словарь / под ред. Ю.П. Мелентьевой. М.: Наука, 2021. 438 с.
2. *Первова Г.М.* Читательская культура педагога. Тамбов: Изд-во ТОИПКРО, 2018. 250 с.
3. *Маршак С.Я.* Воспитание словом. М.: Сов. писатель, 1964. 542 с.
4. Современное зарубежное литературоведение: Страны Западной Европы и США: Концепции, школы, термины: энциклопедический справочник / отв. А.В. Дранов и др. М.: Интрада, 1996. 317 с.
5. *Светловская Н.Н., Пиче-оол Т.С.* Наука становления личности средствами чтения-общения: словарь-справочник. М.: Экон-Информ, 2011. 213 с.
6. *Первова Г.М., Колганова Н.Е.* Формирование читателя в начальной школе. Липецк: Веда-социум, 2018. 183 с.
7. *Первова Г.М.* Типология уроков литературного чтения // Начальная школа. 2020. № 2. С. 22-25.

References

1. Melentyeva Y.P. (ed.). *Chiteniye: entsiklopedicheskiy slovar'* [Reading: Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Nauka Publ., 2021, 448 p. (In Russian).
2. Pervova G.M. *Chitatel'skaya kul'tura pedagoga* [Reading Culture of the Teacher]. Tambov, Tambov Regional Institute for Advanced Studies of Education Workers Publ., 2018, 250 p. (In Russian).
3. Marshak S.Y. *Vospitaniye slovom* [Education by the Word]. Moscow, Soviet Writer Publ., 1964, 542 p. (In Russian).
4. Dranov A.V. et. al. (executive eds.) *Sovremennoye zarubezhnoye literaturovedeniye: Strany Zapadnoy Evropy i SSHA: Kontseptsii, shkoly, terminy: entsiklopedicheskiy spravochnik* [Modern Foreign Literary Criticism: Countries of Western Europe and the USA: Concepts, Schools, Terms: Encyclopedic Reference Book]. Moscow, Intrada Publ., 1996, 317 p. (In Russian).
5. Svetlovskaya N.N., Piche-ool T.S. *Nauka stanovleniya lichnosti sredstvami chteniya-obshcheniya: slovar'-spravochnik* [The Science of Becoming a Personality by Means of Reading and Communication: a Dictionary-Reference Book]. Moscow, Ekon-Inform Publ., 2011, 213 p. (In Russian).
6. Pervova G.M., Kolganova N.E. *Formirovaniye chitatelya v nachal'noy shkole* [Formation of the Reader in Elementary School]. Lipetsk, Veda-socium Publ., 2018, 183 p. (In Russian).
7. Pervova G.M. Tipologiya urokov literaturnogo chteniya [Typology of lessons of Literary reading]. *Nachal'naya shkola – Elementary School*, 2020, no. 2, pp. 22-26. (In Russian).

Информация об авторе

Первова Галина Михайловна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры теории и методики дошкольного и начального образования, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-5777-2832](https://orcid.org/0000-0002-5777-2832), gmp47@yandex.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ процесса чтения, анализ функций чтения, обобщение опыта исследователей, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 30.03.2022
Одобрена после рецензирования 07.06.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Galina M. Pervova, Doctor of Pedagogy, Professor, Professor of Theory and Methods of Preschool and Primary Education Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-5777-2832](https://orcid.org/0000-0002-5777-2832), gmp47@yandex.ru

Contribution: study conception, reading process analysis, reading functions analysis, synthesis of researches experience, manuscript text drafting.

The article was submitted 30.03.2022
Approved after reviewing 07.06.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neofilology/>
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 81'366
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704

Ментальные уровни в семантике топонима: Учкудук

Антонина Семёновна ЩЕРБАК^{1,2}

¹ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

²Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15

✉ ant_scherbak@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено осмыслению семантики топонима Учкудук в названии песни «Учкудук – три колодца», который служит для отражения языкового сознания как в топонимической сфере, так и в песенном содержании. Доказано, что процесс номинации топонимов следует рассматривать как результат познавательной деятельности человека, в процессе которой человек выбирает определённый признак, служащий основой имяна- речения. Обосновано, что имя собственное само по себе не может считаться семантически значимой ономалексемой по той причине, что она является семантически значимой только в составе устойчивого субстантивного словосочетания, которое включает в себя имя нарица- тельное и имя собственное. Любой географический объект именуется дважды: «посёлок Учкудук» или «город Москва». Установлено, что в зависимости от мотивации номинатора и воспринимающего субъекта в семантике топонимов выделяются ментальные уровни, репре- зентирующие адресную и номинативную, прагматическую, самоидентифицирующую и символическую функции, служащие для понимания текста песни. На ментальном уровне наши знания о песне «Учкудук – три колодца» отражают познавательный опыт о восточной культуре. Доказано, что успех песни видится в отражении когнитивно-креативного потен- циала его авторов – уникального типа поэтической языковой личности, который воплоща- ется в двух ипостасях – автора и адресата, объективирующих интернациональный взгляд на поэтическую картину мира.

Ключевые слова: топоним Учкудук, субстантивное словосочетание, значение, ментальный уровень

Для цитирования: Щербак А. С. Ментальные уровни в семантике топонима: Учкудук // Не- офилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 697-704. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Mental levels in the semantics of the toponym: *Uchquduq***Antonina S. SHCHERBAK^{1,2}**¹Derzhavin Tambov State University

33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation

²Samarkand State University named after Sh. Rashidov

15 University Blvd, Samarkand 140100, Republic of Uzbekistan

✉ ant_scherbak@mail.ru

Abstract. The study is devoted to understanding the semantics of the toponym *Uchquduq* in the title of the song “*Uchquduq – three wells*”, which serves to reflect linguistic consciousness both in the toponymic sphere and in song content. We prove that the process of toponym nomination should be considered as a result of human cognitive activity, during which a person chooses a certain feature that serves as the basis for naming. We substantiate that a proper name in itself cannot be considered a semantically significant onomalexe for the reason that it is semantically significant only as part of a stable substantive phrase that includes a common name and a proper name. Any geographical object is named twice: “*Uchquduq village*” or “*Moscow city*”. We establish that depending on the motivation of the nominator and the perceiving subject, mental levels are distinguished in the semantics of toponyms, representing the address and nominative, pragmatic, self-identifying and symbolic functions that serve to understand the text of the song. At the mental level, our knowledge of the song “*Uchquduq – three wells*” reflects the cognitive experience of oriental culture. We prove that the success of a song is seen as a reflection of the cognitive and creative potential of its authors – a unique type of poetic linguistic personality, which is embodied in two forms – the author and the addressee, objectifying the international view of the poetic picture of the world.

Keywords: toponym *Uchquduq*, substantive phrase, meaning, mental level

For citation: Shcherbak A.S. Mental’nyye urovni v semantike toponima: *Uchquduq* [Mental levels in the semantics of the toponym: *Uchquduq*]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 697-704. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-697-704> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Когнитивный подход к изучению топонимического материала с учётом его «отражения в этнокультурном сознании, с учётом законов языковой номинации и мышления человека» представляется сегодня перспективным и актуальным» [1, с. 147]. Изучение названий географических объектов в аспекте междисциплинарного исследования показывает, что языковая антропоцентричность в современной лингвистике определяется сознанием носителей определённого этнического языка.

Антропоцентрическая природа языка способствует человеку в процессе познания мира «обобщать его опыт и осуществлять его классификацию» [2, с. 45], создавать поэтические смыслы, сформировавшиеся на базе познавательного опыта человека, хранить в памяти определённым образом упорядоченные ономастические категории. С помощью этих категорий человек описывает ономастические знания, которые сформировались в результате процессов концептуализации и категоризации и востребованы им как качества маркированных.

Топонимическая единица, как и любое слово, имеет значение, и оно включает, по

мнению В.А. Никонова, три плана: дотопонимическое (этимологическое значение, апеллятивное); собственно топонимическое (обязательное прямое географическое) значение и посттопонимическое значение – ассоциации, связанные с фоновыми знаниями, в результате знакомства человека с объектом [3, с. 58-63]. Семантика топонима отражается не только на языковых, но и на ментальных уровнях.

Поскольку любое имя собственное само по себе не может считаться семантически значимой ономаксемой (в нашем случае тополексемы) по той причине, что оно является семантически значимым только в составе устойчивого субстантивного словосочетания, которое включает в себя имя собственное и имя нарицательное, то географический объект на ментальном уровне категоризируется дважды: «посёлок Учкудук» или «город Москва». В подобного рода словосочетаниях имя собственное является частью семантически целостного словосочетания и выполняет роль приложения (несогласованного определения).

Целью данного исследования является осмысление ментальных уровней знаний, на которых отражается семантика топонимической единицы – значение названия узбекского города Учкудук и концептуальное содержание песни «Учкудук – три колодца». Объектом исследования является семантика тополексемы Учкудук как языковой единицы, актуальной в языковом сознании носителя как узбекского, так и русского языка для понимания песенного контекста, в котором этот топоним играет роль маркера поэтической языковой личности, воплощающийся в двух ипостасях – автора и адресата.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ

«С точки зрения антропоцентрического подхода, топонимическое наречие рассматривается как процесс познавательной деятельности, а сами топонимы как результат или продукт познавательной деятельности человека» [4, с. 26]. Осмысление топонимов в когнитивном аспекте позволяет выявить, каким образом наиболее ярко проявляются национально-культурные особенности менталитета того или иного народа, как топонимические

единицы объективируют понятия, сформированные в результате процесса познания, почему для этой местности в своё время было выбрано именно это наименование.

Автор текста песни «Учкудук – три колодца» (в названии отмечается и иная пунктуация: «Учкудук. Три колодца») Ю. Энтин. Он написал стихи на русском языке на музыку руководителя ансамбля Ф.К. Закирова. Исполнитель песни – узбекский вокально-инструментальный ансамбль «Ялла». Зазвучавший в 1981 г. в восточном исполнении шлягер стал очень популярным. Широкая известность этой наивной песни способствовала тому, что о городе узнала страна. Песня вошла в число 20-ти шлягеров СССР. В наши дни в репертуаре всех концертов ансамбля «Ялла» эта всеми любимая песня о красивом городе посреди пустыни исполняется на всех концертах. Приведём полностью текст песни.

Горячее солнце. Горячий песок.
 Горячие губы – воды бы глоток.
 В горячей пустыне не видно следа...
 Скажи, караванщик, когда же вода?
 Учкудук – три колодца,
 Защити, защити нас от солнца!
 Ты в пустыне – спасительный круг,
 Учкудук!
 Вдруг дерево жизни – таинственный страж.
 А может быть, это лишь только мираж.
 А может быть, это – усталости бред,
 И нет Учкудука, спасения нет...
 Учкудук – три колодца,
 Защити, защити нас от солнца!
 Ты в пустыне – спасительный круг,
 Учкудук!
 Любой в Учкудуке расскажет старик,
 Как город-красавец в пустыне возник,
 Как в синее небо взметнулись дома
 И как удивилась природа сама...
 Учкудук – три колодца,
 Пусть над ним, пусть над ним светит
 солнце!
 Ты в пустыне – спасительный круг,
 Учкудук!

В зависимости от установки номинатора и воспринимающего субъекта в семантике топонима Учкудук выделяются ментальные уровни, репрезентирующие адресную и номинативную, прагматическую, самоидентифицирующую и символическую функции.

Адресная и номинативная функции.
 Как знак естественного языка топоним (гео-

графическое название) выполняет основную номинативную функцию и связанную с обозначением реального географического объекта местности, его месторасположения, адресную функцию.

Учкудук изначально был посёлком городского типа и относился к Бухарской области. В настоящее время это административный центр Учкудукского района Навоийской области Узбекистана.

А.Л. Шарандин отмечает: «Среди имён собственных различают имена собственные в узком смысле этого слова и в широком, включающем наименование. В узком смысле – это имена собственные, которые обозначают имена людей, клички животных, географические и астрономические названия». К именам собственным в широком понимании относится, например, название пьесы «Не в свои сани не садись» [5, с. 70, 74].

Номинация топонима Учкудук как имени собственного в узком смысле в анализируемой песне имеет назывной характер, о чём свидетельствует его способность сочетаться с несогласованным определением в атрибутивной (определяющей) позиции, это «город-красавец в пустыне», то есть красивый город. Специфика лексического значения этого топонима (как и любого имени собственного) заключается в индивидуализации и выделении данной местности особым языковым знаком из ряда однородных с ним других географических объектов.

Следовательно, имя собственное обретает значимость на ментальном уровне в составе словосочетания. Любой географический объект «именуется дважды» [6, с. 84]: «посёлок Учкудук» или «город Москва» (даже если мы не произносим слово город, мы имеем в виду именно город, когда слышим высказывание «Он живёт в Москве»). Речь идёт о том, что в сознании имя собственное всегда ассоциируется с географическим объектом как едином мыслительном целом, что «свидетельствует о высокой степени выполнения функции индивидуализации и адресации географического объекта» [6, с. 84], актуализации значения топонимической единицы, соотносящейся с конкретным географическим объектом.

В этом случае имя собственное является частью семантически значимого словосоче-

тания в роли несогласованного определения (приложения) при имени нарицательном – посёлок, город и т. п., которые, будучи родовыми наименованиями, как правило, стоят перед именами собственными. В анализируемой песне несогласованное определение «три колодца» стоит в постпозиции (после определяемого слова), что усиливает поэтизацию топонима Учкудук.

Как известно, в 50-х гг. XX века между Сырдарьей и Амударьей в пустыне Кызылкум было обнаружено урановое месторождение. В 1958 г. среди корявого саксаула появился закрытый промышленный посёлок Учкудук со статусом секретного стратегического объекта, где добывалась урановая руда (гриф секретности с Учкудука сняли только в 1979 г.).

Участникам экспедиции (стационарная геологическая партия № 54) были выкопаны три колодца: один кудук (в переводе с узбекского означает «колодец») – для питья, другой колодец служил для мытья и купания, третий предназначался для технических нужд. Эта нумеративная информация и легла в основу номинации топонимического объекта Учкудук. К 1978 г. посёлок превратился в посёлок городского типа. В наши дни это уже город Учкудук, который относится к Навоийской области Узбекистана.

Благодаря песне «Учкудук – три колодца» страна узнала о существовании промышленного городка в Узбекистане.

Прагматический уровень. Топоним Учкудук – это своеобразная карта местности, территория под палящим солнцем. Первые строки песни содержат стилистический приём повторения ключевого слова «горячий», обеспечивая образность песни.

*Горячее солнце. Горячий песок.
Горячие губы – воды бы глоток.*

Происходит поэтизация места – караван, идущий по знойной «горячей пустыне», может здесь остановиться, потому что есть три колодца, можно отдохнуть, выпить воды. В пустыне вода очень важна, поэтому звучит обращение к караванщику.

Скажи, караванщик, когда же вода?

На территории Узбекистана географические названия с компонентом «КУДУК» достаточно частотны, например:

Аткудук (Откудук) – колодец для лошадей, лошадиный колодец («от» – лошадь);

Джаркудук (Жаркудук) – колодец у оврага («жар» – овраг);

Джалакудук (Жалакудук) – колодец, где собирается ливневая вода («жала» – ливень, сель);

Джускудук (Жизкудук) – место, где много колодцев (от казахского «жуз» – сто);

Ташкудук (Тошкудук) – каменистый колодец, колодец с каменистым дном («тош» – камень);

Учкудук – три колодца (уч – три) [7, с. 30].

Номинация топонимов приобретают конкретные формы реализации прагматизма, который отражается в сознании носителей узбекского языка. Ср.: пословицы со словом золото: «Земля – клад, вода – золото» (узб.) и «Слово – серебро, молчанье – золото» (рус.).

Как известно, через Центрально-Азиатский регион, в том числе и на территории современного Узбекистана, проходил Шёлковый путь. Колодцы были необходимы, и они располагались через каждые 12–15 километров пути.

Уровень самоидентификации. На уровне самоидентификации сосредотачивается национальная специфика соответствующей восточной культуры. Любой человек имеет определённую национально маркированную когнитивную базу как особым образом структурированную совокупность представлений.

Положение о тесной связи языка и культуры в свое время подчёркивал В. фон Гумбольдт, считая, что языки народов – это разные способы «видения мира». Для жителей пустынных территорий слово «караванщик» имело особое значение. Это был человек, который сопровождал караваны и знал, где по пути каравана есть специальные колодцы с водой в горячих песках.

По происхождению существительное «караван» восходит к персидскому «**карбан**» – «**тот, кто управляет делом**». **Караван** – это «группа вьючных животных (верблюдов, мулов и др.), перевозящих грузы, людей по степям и пустыням». В первой трети XVII века, возможно при тюркском посред-

стве, это слово попало в русский язык. В наши дни слово расширило своё значение. Словарь С.И. Ожегова даёт следующее толкование: «группа следующих друг за другом транспортных судов»; в наши дни слово «караван» служит для обозначения сухопутных транспортных, морских или речных судовых колонн.

На ментальном уровне наши знания о «караванщике» отражают познавательный опыт о восточной культуре.

Символический уровень. Т.А. Дьяконова подчёркивает, что в семантической структуре топонима неотъемлемым элементом является образный [8]. Образность в песне создаётся метафорой, которая служит появлению словосочетания «спасательный круг», которое имеет символическое значение. В прямом значении это индивидуальное спасательное средство для упавшего в воду (*много воды*). В нашем же случае в безбрежной горячей пустыни появляется «спасательный круг» как необходимость воды (*мало воды*). Появляется антинонимия, отражающая представление «много – мало», но и в том и в другом случае отражая мысль о спасении жизни человека. Сознание человека направлено на использование словосочетания «спасательный круг» в позиции ремы – составного именного сказуемого, что усиливает его образность:

Учкудук!

Ты в пустыне – спасательный круг...

В итоге лексическая единица «круг» становится единством когниции. Когнитивная сущность поэтического языка предстаёт не только как средство передачи информации о действительности, но и как средство хранения информации в языковых знаках. Понятие «круг» – распространённый геометрический символ, его форма у всех народов ассоциируется с видом Солнца. У круга нет направления начала или конца. Однако в тексте песни метафора «круг» указывает направление пути каравана к городу с тремя колодцами, к «городу-красавцу».

Таким образом, необходимым условием понимания текста песни «Учкудук – три колодца» является знание специфики соответствующей культуры, символов национальной языковой картины мира, отражающих этно-

культурную информацию. В языковом сознании современных носителей русского языка актуальное название узбекского города Учкудук символизирует страну Узбекистан и место на карте региона, где светит «горячее солнце».

Е.Ф. Ковлакас обращает внимание на тот факт, что антропоцентрический подход к изучению топонимов акцентирует внимание на ещё одном плане значения топонимов – «посттопонимическом, то есть о значениях, которые появляются дополнительно, как бы подстраиваясь под названием объекта» [9, с. 339]. В этом случае топоним Учкудук, не утративший топонимическую реальность города среди пустыни, подвергается стилистической актуализации и служит ярким поэтическим образом города, где есть в колодцах вода, который служит «спасательным кругом» для утоления жажды.

*Ты в пустыне – спасительный круг.
Защити, защити нас от солнца!*

ВЫВОДЫ

На ментальном уровне в семантике топонима Учкудук реализуются адресная и номинативная функции («город-красавец»), прагматический уровень («горячее солнце», «горячий песок», «горячая пустыня», «пустыня»), уровень самоидентификации («караванщик») и символический уровень («круг» – солнце, Учкудук – «спасательный круг»).

В узбекском языке есть слово «солнце», которое употребляется в повседневной речи в значении «небесное светило», поскольку слишком много даёт света и тепла. Но оно такое «горячее» и его так «много» в пустыни,

что в этом языке отсутствует дифференциация уменьшительно-ласкательной формы солнца – «солнышко», которое частотно в русском языке. Слово «солнышко» употребляется в обоих языках, но в узбекском языке только в значении ласкового обращения к любимому и дорогому человеку.

В тексте песни подчёркивается антиномия, отражающая представление о спасении жизни человека в пустыни (глагол в форме повелительного наклонения («*Защити, защити нас от солнца!*»)) и в то же время утверждается – «*Пусть над ним, пусть над ним светит солнце!*».

Метафорическая природа познания и её средства репрезентации отражают один из ярких образов, представленных в тексте, – образ «круга», знакового для поэтического дискурса. Отражается метафорическое авторское преломление коллективного отражения мира в этнокультурном сознании русского и узбекского языкового сообщества.

Успех песни видится в отражении когнитивно-креативного потенциала его авторов – уникального типа поэтической языковой личности, который воплощается в двух ипостасях – автора (поэта и композитора) и адресата (слушателя), объективирующих интернациональный взгляд на поэтическую картину мира.

Поэтическая (песенная) картина мира, в отличие от языковой картины мира, вербализующейся топонимом Учкудук, представлена знаками вторичной номинации (метафорой «круг», перифразой «три колодца», эпитетами «горячий», «город-красавец») – элементами поэтического сознания.

Список источников

1. Мартыненко И.А. О целесообразности введения термина «когнитивная топонимика» // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2020. № 3 (29). С. 142-149. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-3-142-150>
2. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. ф-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 1996. 245 с.
3. Никонов В.А. Введение в топонимику. Изд. 2-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 184 с.
4. Уразметова А.В. Топонимическая система Великобритании: первичная и вторичная номинация. СПб.: Изд. дом «Сциентиа», 2022. 172 с.
5. Шарандин А.Л. Являются ли имена собственными лексико-грамматическим разрядом существительного? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2021. № 2. С. 68-77. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-68-77>

6. Щербак А.С. Когнитивная концепция российских урбанонимов // Проблемы русистики в аспекте современных научных направлений. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2017. С. 79-104.
7. Миракмалов М.Т., Абдуллаева Н.Б., Эшбаев Д.Т. Отражение физико-географических условий территории в топонимии Узбекистана // Науки о Земле: вчера, сегодня, завтра: материалы 4 Междунар. науч. конф. Казань, 2018. С. 28-32. <https://www.elibrary.ru/uofes>
8. Дьяконова Т.А. Топонимы, символизирующие Россию в актуальном языковом сознании носителей русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2022. 26 с.
9. Ковлакас Е.Ф. К вопросу изучения топонимов в когнитивном аспекте // Современные исследования социальных проблем. 2021. Т. 13. № 4. С. 326-354. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354>

References

1. Martynenko I.A. O tselesoobraznosti vvedeniya termina «kognitivnaya toponimika» [On the introduction of the term “cognitive toponymy”]. *Tomskiy zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy – Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2020, no. 3 (29), pp. 142-149. <https://doi.org/10.23951/2307-6119-2020-3-142-150>. (In Russian).
2. Kubryakova E.S., Demyankov V.Z., Pankrats Y.G., Luzina L.G. *Kratkiy slovar' kognitivnykh terminov* [Concise Dictionary of Cognitive Terms]. Moscow, Philology Faculty of Lomonosov Moscow State University Publ., 1996, 245 p. (In Russian).
3. Nikonov V.A. *Vvedeniye v toponimiku* [Introduction to Toponymy]. Moscow, LKI Publ., 2011, 184 p. (In Russian).
4. Urazmetova A.V. *Toponimicheskaya sistema Velikobritanii: pervichnaya i vtorichnaya nominatsiya* [Toponymic System of Great Britain: Primary and Secondary Nomination]. St. Petersburg, Scientia Publishing House, 2022, 172 p. (In Russian).
5. Sharandin A.L. Yavlyayutsya li imena sobstvennyye leksiko-grammaticheskim razryadom sushchestvitel'nogo? [Are proper names lexico-grammatical category of a noun?]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta – Bulletin of Moscow Region State University. Series: Russian Philology*, 2021, no. 2, pp. 68-77. <https://doi.org/10.18384/2310-7278-2021-2-68-77>. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. Kognitivnaya kontseptsiya rossiyskikh urbanonimov [Cognitive concept of Russian urbanonyms]. *Problemy rusistiki v aspekte sovremennykh nauchnykh napravleniy* [Issues of Russian Studies in the Aspect of Modern Scientific Directions]. Tambov, Publishing House of Derzhavin Tambov State University, 2017, pp. 79-104. (In Russian).
7. Mirakmalov M.T., Abdullayeva N.B., Eshbayev D.T. Otrazheniye fiziko-geograficheskikh usloviy territorii v toponimii Uzbekistana [Reflection of the physical and geographical conditions of the territory in the toponymy of Uzbekistan]. *Materialy 4 Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Nauki o Zemle: vchera, segodnya, zavtra»* [Proceedings of the 4th International Scientific Conference “Earth Sciences: Yesterday, Today, Tomorrow”]. Kazan, 2018, pp. 28-32. <https://www.elibrary.ru/uofes>. (In Russian).
8. Dyakonova T.A. *Toponimy, simboliziruyushchiye Rossiyu v aktual'nom yazykovom soznanii nositeley russkogo yazyka: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Toponyms that Symbolize Russia in the Actual Linguistic Consciousness of Native Russian Speakers. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2022, 26 p. (In Russian).
9. Kovlakas E.F. K voprosu izucheniya toponimov v kognitivnom aspekte [On the study of toponyms in cognitive aspect]. *Sovremennyye issledovaniya sotsial'nykh problem – Modern Studies of Social Issues*, 2021, vol. 13, no. 4, pp. 326-354. <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2021-13-4-326-354>. (In Russian).

Информация об авторе

Щербак Антонина Семёновна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация; профессор кафедры русского языка, Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, ORCID: 0000-0002-4421-1884, ant_scherbak@mail.ru

Вклад в статью: идея статьи, сбор топонимического материала, анализ данных, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 05.09.2022

Одобрена после рецензирования 02.10.2022

Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Antonina S. Shcherbak, Doctor of Philology, Professor, Professor of Russian Language Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation; Professor of Russian Language Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uzbekistan, ORCID: 0000-0002-4421-1884, ant_scherbak@mail.ru

Contribution: study idea, toponymic material acquisition, data analysis, manuscript text drafting, editing.

The article was submitted 05.09.2022

Approved after reviewing 02.10.2022

Accepted for publication 07.10.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.2

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-705-714

Топонимическое пространство романа А. Платонова «Чевенгур»

Надежда Борисовна БУГАКОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394006, Российская Федерация, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84

✉ ya_witch@mail.ru

Аннотация. Предпринята попытка рассмотреть название романа «Чевенгур» Андрея Платоновича Платонова – яркого представителя русской литературы советского и постсоветского периода. Приведено доказательство, что заглавие/название романа А. Платонова «Чевенгур» является окказиональным мифотопонимом, установлен смысл этой ономастической единицы в структуре художественного текста. Приведены точки зрения исследователей об этимологии слова «чевенгур», предложены рассуждения учёных, основанные на топографии романа и локализации пространства создаваемого города на юге Воронежской области. Обосновано, что действия в романе, описываемые А. Платоновым, происходят на территории Воронежской области на границе с Саратовской областью; замечено, что тенденция употребления мифотопонимов в качестве названий населённых пунктов вообще характерна для почерка А. Платонова. Проведённый анализ реальных топонимов и гидронимов Воронежской области позволяет сформировать представление о мире реальности с акцентом на то, что А. Платонов подчёркивает масштабы страны, создавая обширное топонимическое пространство. В текстах А. Платонова возникают совершенно нетипичные для советского писателя отсылки к религиозным текстам, в первую очередь, к Библии. Установлено, что мифический топоним Чевенгур отражает главные мирообразующие и миротворческие идеи автора, выражает специфику его языка и стиля.

Ключевые слова: А. Платонов, «Чевенгур», ономастика, топоним, топонимикон, топонимическое пространство

Для цитирования: Бугакова Н.Б. Топонимическое пространство романа А. Платонова «Чевенгур» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 705-714. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-705-714>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Toponymic space of A. Platonov's novel "Chevengur"

Nadezhda B. BUGAKOVA

Voronezh State Technical University
84 20 letiya Oktyabrya St., Voronezh 394026, Russian Federation
✉ ya_witch@mail.ru

Abstract. We make an attempt to consider the title of novel "Chevengur" by Andrei Platonovich Platonov, a prominent representative of Russian literature of the Soviet and post-Soviet period. We provide evidence that the title of A. Platonov's novel "Chevengur" is an occasional mythoponym, the meaning of this onomastic unit in the structure of the literary text is established. We present the researchers' points of view on the etymology of the word "chevengur", the scientists' arguments based on the topography of the novel and the localization of the city space being created in the south of the Voronezh Region are proposed. We substantiate that the actions in the novel, described by A. Platonov, take place on the territory of the Voronezh Region on the border with the Saratov Region; it is noted that the tendency to use mythoponyms as names of settlements is generally characteristic of A. Platonov's handwriting. We analyze the real toponyms and hydronyms of the Voronezh Region allows us to form an idea of the world of reality with an emphasis on the fact that A. Platonov emphasizes the scale of the country, creating a vast toponymic space. In A. Platonov's texts appear references to religious texts, first of all, to the Bible, which are completely atypical for a Soviet writer. We establish that the mythical toponym Chevengur reflects the main world-forming and world-forming ideas of the author, expresses the specifics of his language and style.

Keywords: A. Platonov, "Chevengur", onomastics, toponym, toponymicon, toponymic space

For citation: Bugakova N.B. Toponimicheskoye prostranstvo romana A. Platonova «Chevengur» [Toponymic space of A. Platonov's novel "Chevengur"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 705-714. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-705-714> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Роман «Чевенгур» – одно из самых загадочных произведений А. Платонова. Многие исследователи-платоноведы отмечают специфичность творческого метода писателя, говоря о том, что тексты А. Платонова привлекают внимание, в первую очередь, необычностью языковой манеры автора: «Читателя притягивает оригинальная речевая физиономия платоновской прозы с её неожиданными движениями... Запоминаются странные обороты Платонова, философически-неуклюжие фразы, которые пересказать невозможно, а можно только повторить...» [1]. Исследованию творчества А. Платонова,

в том числе и своеобразию языка платоновской прозы, посвящено много работ (Баршт, 2005; Вьюгин, 2004; Корниенко, 2003; Костов, 2000; Красовская, 2005; Малыгина, 2005; Мухин, 2010; Михеев, 2003; Радбиль, 2006; Толстая, 2002; Яблоков, 2001 и др.), что свидетельствует об особом интересе учёных разных сфер, осуществляющих исследования различного уровня, в том числе и диссертационные.

Предметом предлагаемого исследования является своеобразие топонимического пространства романа А. Платонова «Чевенгур». Материалом для исследования послужили топонимы романа А. Платонова «Чевенгур». В ходе исследования применялись методы

сплошной выборки, анализа, описания, сравнения и др.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

В предлагаемой работе представлен анализ топонимикона романа А. Платонова «Чевенгур». Выявленные в тексте топонимы дифференцируются в соответствии с терминологией, предложенной Н.В. Подольской [2, с. 13], выделяющей в группе литературных топонимов реалионимы и мифонимы.

Топонимическая система романа «Чевенгур» представлена реальными топонимами Воронежской области, мифотопонимами Воронежской области и реальными топонимами России. Функционирующие в тексте мифотопонимы будем считать окказиональными образованиями. Необходимо отметить, что реальные и окказиональные образования частотны в заглавиях художественных текстов, что способствует не только привлечению внимания читателя, поскольку подобное заглавие делает текст образным, ярким, но и настраивает на восприятие произведения, события которого ограничены хронотопом обозначенного в названии романа места.

К окказиональным заглавиям можно отнести и заглавие рассматриваемого романа, которое, по мнению главного героя, похоже на «влекущий гул неизвестной страны»¹. Г.Ф. Ковалёв в своей работе «И ещё раз о названии «Чевенгур» предлагает следующую гипотезу происхождения топонима *Чевенгур*, основанную на пристрастии описываемой эпохи к революционным аббревиатурам: Че-ВЕНГУР – Чрезвычайный военный непобедимый (независимый) героический укрепленный район [3]. Существуют точки зрения исследователей, основанные на топографии романа и локализирующие пространство создаваемого города на юге Воронежской области, что позволяет говорить о созвучии названия Чевенгур с топонимом Богучар (город на юге Воронежской области). Если оттолкнуться от сюжета романа, можно понять, что действия, описываемые автором, происходят на территории Воронежской области и на границе с Саратовской. Поезд, на котором едет Саша

Дванов, следует по ветке Юго-Восточной железной дороги. Некоторые её реально существующие и в настоящее время станции фигурируют в романе (*Лиски, Поворино, Балашов*). При анализе схемы ЮВЖД (рис. 1) становится очевидно, что в Богучаре нет железнодорожного сообщения, поэтому важно отметить, что пространство вымышленного Чевенгура локализуется не на территории реального Богучара. Однако говорить об образовании топонима *Чевенгур* на основании созвучия с топонимом *Богучар* считаем возможным.

По мнению С. Залыгина, топоним *Чевенгур* восходит к лексемам *чева* ‘ошмёток, обносок лаптя’ и *гур* ‘шум, рёв, рык’ [4]. Развивая приведённую гипотезу, предположим, что А. Платонов, образовывая топоним Чевенгур, сочетал лексемы *чева* и созвучный лексеме *гур* апеллирует гурт (гуртом ‘сообща, вместе’). Последняя буква лексемы *гурт* могла быть отброшена автором романа, стремящимся к зашифровке топонима. Так писатель хотел подчеркнуть, что революция совершалась бедными крестьянами (людьми в обносках лаптей), которые сообща планировали и осуществляли действия, связанные с преобразованиями в стране. Вообще коллективность является отличительной чертой романа, герои которого всегда функционируют именно гуртом, это бросается в глаза с первых страниц романа, когда Саша Дванов попадает в семью Мавры Фетисовны Двановой, у которой было семеро детей. На протяжении всего романа писателем реализуется мотив скученности.

Очевидно, что топоним Чевенгур является вымышленным, как вымышлен и сам город. Об этом свидетельствует в том числе и топоним романа, который в целом максимально не скоординирован. Здесь присутствуют и деревня, и помещичья усадьба, и лесной кордон, и Москва, между которыми дорога. Однако, по мнению И.Н. Сухих, «между ними пролегают не вёрсты или километры, но – эпохи» [1]. Исследователь сообщает, что топоним Чевенгур, употребляемый автором для обозначения вымышленного города, «загадочный и странный» [1], это название, «которое то фонетически сопоставляют с Петербургом, то объясняют с помощью диалектных словарей» [1]. Однако «при любом вари-

¹ Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 138.

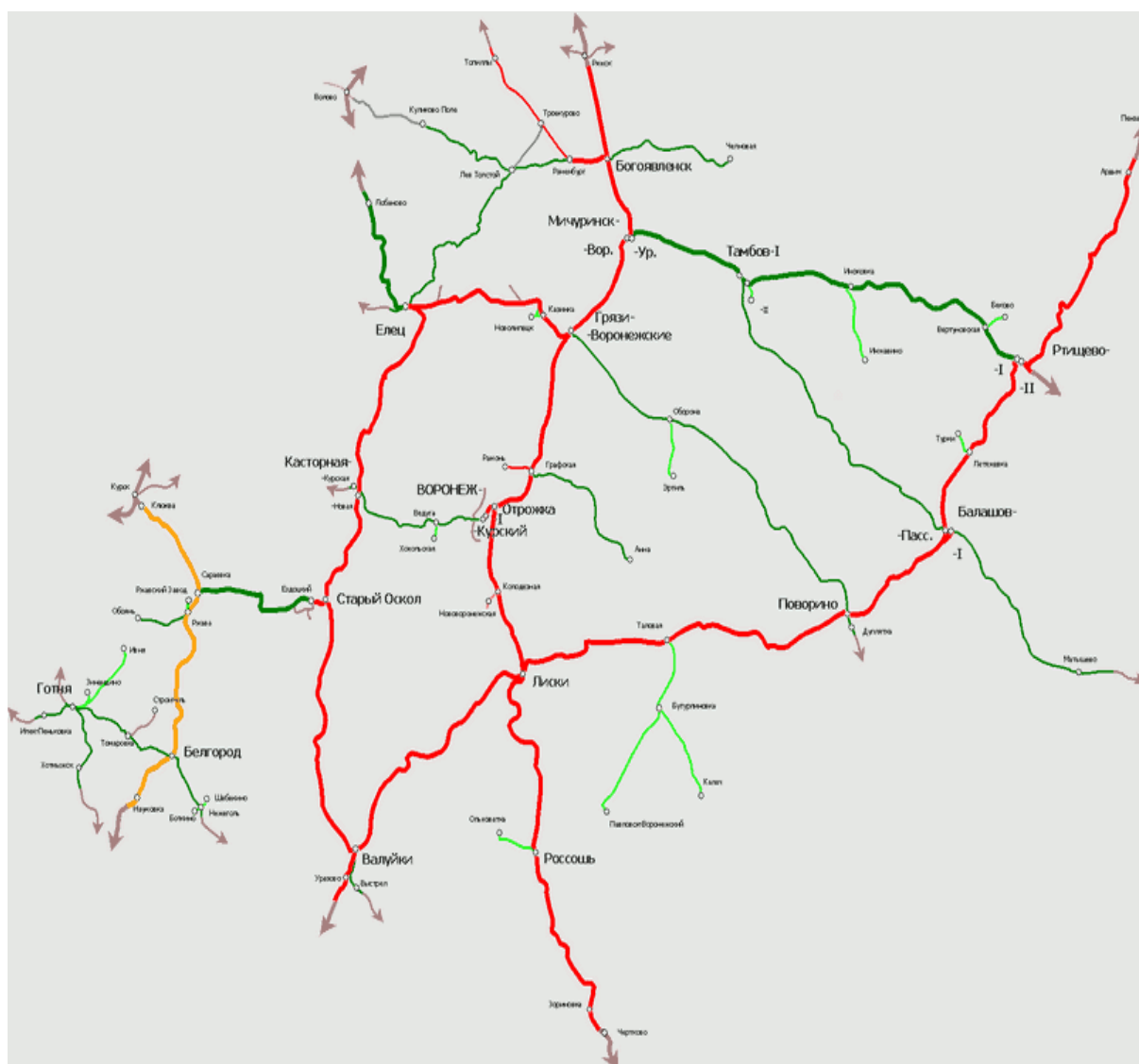

Рис. 1. Схема Юго-Восточной железной дороги
Fig. 1. Scheme of the South Eastern Railway

анте разгадки имени платоновского города очевидно, что А. Платонов меняет условия игры по ходу самой игры: на конкретные топонимы накладывается условное, гротескное пространство. Это всё равно как если бы в романе Достоевского или Тургенева путешественник из Петербурга попал в Солнцеград или Некрополь» [1]. Героями романа предлагается гипотеза о переименовании Чевенгура. Отметим, что смена названий характерна для описываемой А. Платоновым эпохи, смена имени также рассматривается в романе как типичное явление (см. об этом [5]).

«– Откуда ты такой явился? – спросил Гопнер.

– Из коммунизма. Слыхал такой пункт? – ответил прибывший человек.

– Деревня, что ль, такая в память будущего есть? Человек обрадовался, что ему есть что рассказать.

– Какая тебе деревня – беспартийный ты, что ль? Пункт есть такой – целый уездный центр. По-старому он назывался Чевенгур»².

² Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 94.

Предпринимается даже попытка конкретизировать географическое положение Чевенгура: «— Чевенгур от Новосёловска недалеко? — спросил Дванов.

— Конечно, недалеко»³.

Однако населённого пункта с названием *Новосёловск* на территории Воронежской области не существует. В Ковровском районе Владимирской области России находится Новосельское сельское поселение, и можно предположить, что данный топоним послужил прообразом топонима *Новосёловск*. Эта лексема образована слиянием корневых морфем нов- и сел-; автор сообщает нам, что Чевенгур от Новосёловска недалеко, чтобы подчеркнуть новизну и необычность создаваемого города.

Тенденция употребления мифотопонимов в качестве названий населённых пунктов вообще характерна для А. Платонова. Подобная ситуация происходит, например, при образовании им таких топонимов, как *Средние Болтаи*: «Посёлок Средние Болтаи по ночам выходил на лога и перелески и бродил по следам минувших сражений, ища хозяйственных вещей»⁴; *Ханские Дворики*: «В Ханских Двориках пахло пищей, но это курили из хлеба самогон»⁵; *Исподние Хутора*: «У нас Тимофей Плотников гостит с Исподних Хуторов»⁶. Эти топонимы образованы писателем по распространённой топонимической модели, функционирующей на территории Воронежской области: двучастный топоним состоит из существительного во множественном числе и определяющего его прилагательного (например, Синие Липяги). Топоним *Средние Болтаи* состоит из лексемы *Болтаи*, по форме схожей с императивом глагола *болтать* — «приводить жидкость в движение, шевелить, мутить её, бить, сбивать, взбивать, сколачивать, мешать встряхивая или помешивая чем || *Болтать языком, говорить, калякать, разговаривать, беседовать; молоть, пустословить» [6, с. 145]. Определение *Средние*, входящее в состав топонима, обычно употребляется для обозначения расположения населённого пункта между

двумя другими, которые называются, как правило, *Большие* и *Малые*. Возможно, употребляя подобную комбинацию в качестве топонима, А. Платонов хотел обратить внимание на особенности жителей посёлка, которые находятся в движении, «болтаются», бродя «по следам минувших сражений, ища хозяйственных вещей»⁷. Интересно, что семантически близким названием *Средние Болтаи* является гидроним *Мутево*, а также топоним *Верхне-Мотнинская волость* (см. ниже).

Топоним *Ханские Дворики* отнесён нами к мифотопонимам, однако необходимо отметить, что прообразом этого названия послужил реально существующий на территории Воронежской области топоним *Капканчиковы(е) Дворики* — посёлок, расположенный на территории Краснолиманского сельского поселения в Панинском районе Воронежской области, получивший своё название по фамилии представителей купеческого рода Аркадия и Карпа Капканчиковых⁸. Важно отметить, что этот населённый пункт располагается у дороги, которая ведёт из Воронежа в Новохопёрск, являющийся одной из целей путешествия героев романа «Чевенгур». Основываясь на географических совпадениях, позволим считать верным наше предположение о происхождении топонима *Ханские Дворики*. По нашему мнению, этот топоним содержит характеристику жителей, которые из хлеба «курили самогон»⁹. В то время как герои романа сообщают о голоде, питаются ящерицами, землёй и пр., население Ханских Двориков позволяет себе хлеб, то есть зерно, употреблять для производства самогона. Притяжательное прилагательное *ханские* образовано от лексемы *хан* — «монарх, феодальный владетельный князь у некоторых тюркских и монгольских народов» [7, с. 589]. Жители посёлка ведут себя соответственно его названию.

К мифотопонимам отнесём также название одной из волостей, упоминаемых в тексте романа: «Газета... была органом... уполрайревкома по обеспечению безопасности в

⁷ Там же. С. 58.

⁸ Посёлок Капканчиковы Дворики. URL: <http://online-anna.ru/panino01/poselok-kapkanchikovye-dvoriki.php> (дата обращения 15.06.2022).

⁹ Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 61.

³ Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 94.

⁴ Там же. С. 58.

⁵ Там же. С. 61.

⁶ Там же. С. 80.

юго-восточной зоне Посошанской волости»¹⁰. Очевидно, вводя мифотопоним *Посошанская волость*, автор имеет в виду реально существующий топоним *Россошь* – город в Воронежской области, послуживший прообразом топонима *Посошанская волость*, созданного на основе созвучия. Семантика лексемы *россошь* определена следующим образом: «овраг, балка, буерак; ручей, протекающий по дну оврага, балки; место, где русло реки разделяется надвое»¹¹. По мнению Г.Ф. Ковалёва, такое название «указывает на особенность формы объекта – овраг как бы раздвоен. Ср. у В.И. Даля: «Разсоха... развилина, вилы, двурожка, раздвоенный конец чего, разведённые врознь концы» [Даль-3, с. 48-49]» [8, с. 99]; «Ростошь, россошь означает развилку дороги» [8, с. 100]. Предположим, что образованный автором топоним *Посошанская*, опираясь на семантику лексемы *россошь*, передаёт атмосферу всей сложности, которую преодолевают строители социализма в романе. Несмотря на все их усилия, «Советская власть тоже распалась сама собой: крестьянин, избранный председателем, перестал действовать: почёту, говорит, мало – все меня знают, без почёта власть не бывает. И перестал ходить в сельсовет на занятия...»¹². Таким образом, дороги строителей социализма и народа, который не участвует в этом строительстве, расходятся.

Для наименования ещё одной волости писатель создаёт мифотопоним *Верхне-Мотнинская*: «Дванов написал длинный приказ-обращение для всех крестьян-бедняков Верхне-Мотнинской волости»¹³. Этот топоним образован писателем по распространённой в русской топонимике модели – притяжательное прилагательное, созданное на основе подчинительного словосочетания, выступающего в роли названия населённого пункта. В рассматриваемом случае это словосочетание *Верхняя Мотня*. Согласно данным словарей, *мотня* – это «часть между штанин, мешок, образующийся из-за особенностей кроя» [9, с. 364]. Прилагательное

¹⁰ Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 72.

¹¹ Словарь русских народных говоров. Вып. 35. «Реветь – рящик». СПб.: Наука, 2001. С. 192.

¹² Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 96.

¹³ Там же. С. 67.

верхняя, входящее в топоним, обозначает расположение выше, например, по течению реки, относительно к объектам, носящим такое же название (как правило, подобные наименования формируются на основе антонимии верхний – нижний).

К реальным топонимам Воронежской области отнесём, например, название *Новохопёрск*: «Партия его командировала на фронт гражданской войны – в степной город Новохопёрск»¹⁴. Новохопёрск – районный центр Воронежской области, возникший на месте казачьего городка Пристанский, название которого, в свою очередь, объясняется расположением рядом с пристанью на р. Хопёр. В 1708 г. этот городок был разрушен, поскольку являлся центром Булавинского восстания. «На его месте построена крепость Хопёрская, которая в 1768 г. была обновлена, и город стал называться Новохопёрск» [10, с. 322]. Возможное формирование лексемы *Хопёр* трактуется следующим образом: по мнению Е.С. Отина, в основе лексемы лежит славянский корень *пх* (толкать) [11, с. 235]. Эта морфема легла в основу создания гидронима *Похорь*, который позднее трансформировался в *Хопор*, в современном произношении *Хопёр*. Полагаем, употребление корня *пх* в качестве основы гидронима призвано подчеркнуть сильное течение реки.

Топоним *Поворино*, употребляемый автором в тексте романа («на Поворино казачьи разъезды»¹⁵) также является реальным топонимом Воронежской области. Это город на границе Воронежской и Волгоградской областей, крупный железнодорожный узел, входящий в состав ЮВЖД. Полагаем, что название *Поворино* происходит от диалектной формы *повора* – «изгородь» [10, с. 354]. Наше предположение подкрепляется пограничным расположением населённого пункта, который как бы отгораживает, отделяет две области друг от друга.

Поезд, на котором едут герои, посещает ещё один реально существующий населённый пункт – Лиски, посёлок при станции Лиски: «Там... держалось правильное сообщение с большой узловой станцией ки»¹⁶. Лексема *Лиски* в ряде источников име-

¹⁴ Там же. С. 32.

¹⁵ Там же. С. 34.

¹⁶ Там же. С. 35.

ет форму *Лыска* (от прил. лысая). По мнению Е.С. Отина, такие названия типичны для географических объектов, которые не имеют растительности [12, с. 103].

При анализе топонимикона романа «Чевенгур» нами были выявлены, помимо реальных топонимов, реальные гидронимы Воронежской области. Полагаем, писатель не мог обойти вниманием названия рек, озёр, морей и т. п., поскольку вода в его жизни занимала важное место [13]. Неоднократно в текстах А. Платонова вода выступает «в качестве метафоры времени» [14, с. 66]. По мнению исследователя, «река и море – векторы путешествия, причём как по жизни, так и за её пределами» [14, с. 66]. Отметим, что вода для писателя символизирует конечность жизни. Кроме этого, водоёмы могут выступать своеобразной границей жизни и смерти. Здесь важно вспомнить, что отец Саши Дванова тонет в озере, пытаясь «пожить в смерти и вернуться»¹⁷. Эта ситуация делает очевидной важность хронотопа воды в индивидуально-авторской картине мира писателя. Обращаясь к анализу гидронимов, функционирующих в романе, к реальным гидронимам Воронежской области отнесём гидроним *Битюг*: «Конь вырос в луговой долине реки Битюга»¹⁸. Известно, что Битюг – это река, являющаяся притоком Дона и протекающая на территории Воронежской, Липецкой и Тамбовской областей. «В 1389 и в 1450 г. упоминается как Бетюк, позже Битюк» [10, с. 109]. Современное употребление *Битюг* вошло в употребление с XVIII века. В.М. Поспелов предполагает, что форма *Бетюк* – это фонетический вариант тюркского прилагательного «высокий» [10, с. 109]. По мнению Е.С. Отина, авторами названия могли быть племена, которые говорили на диалекте древних булгар [11].

Употребляемые писателем в тексте романа топонимы, функционирующие на территории России, отнесены нами к реальным. Считаём важным обратить внимание на то, что А. Платонов подчёркивает масштабы страны, создавая обширное топонимическое пространство. В одном предложении романа могут сочетаться отнюдь не близкие геогра-

фически наименования. Так, мысли Чепурного о Ленине писатель оформляет следующим образом: «Одно успокаивало и возбуждало Чепурного, есть далёкое тайное место, где-то близ Москвы или на Валдайских горах, как определил по карте Прокофий, называемое Кремлём, там сидит Ленин при лампе, думает, не спит и пишет»¹⁹. Известно, что Валдайские горы (Валдай) расположены достаточно далеко от Москвы, на территории Новгородской, Смоленской, Тверской и некоторых других областей. Герой романа, помещая Кремль (сакральное место, где Ленин «не спит и пишет») между Москвой и Валдаем, сообщает о вездесущности Ленина, приравниваемого им к божеству. Здесь важно обратить внимание на аллюзии к Библии: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь»²⁰. Нами уже отмечалось, что в текстах А. Платонова возникают совершенно нетипичные для советского писателя отсылки к религиозным текстам, в первую очередь, к Библии. Об этом говорили и другие исследователи творчества писателя, например, А.А. Дырдин писал: «Наряду с производственной лексикой, пафосными политическими фразами в язык и стиль Платонова входят евангельские цитаты и образы. Всё это переплавляется в сознании писателя» [14, с. 67]. Удивительно, как писатель, и так находившийся на контроле властей (лично И.В. Сталин следил за его творчеством; известна ситуация с повестью «Впрок», которая так и не была издана), совершал решительные поступки и мог себе позволить употребить в качестве имени героя, например, лексему *бог*. Полагаем, что в основе такой позиции А. Платонова лежат биографические мотивы. Известно, что детство своё он провёл в Ямской слободе г. Воронежа, где регулярно раздавался колокольный звон. Ещё одно уподобление Ленина богу заключается в формулировке «не спит и пишет», то есть постоянно думает о людях, так же, как бог думает о каждом из нас.

Рассматривая функционирование в романе реальных топонимов России, ещё раз убеждаемся в приведённом выше утвержде-

¹⁹ Там же. С. 137.

²⁰ Библия. Книги Ветхого и Нового Завета. Евангелие от Иоанна 3:8 – Ин 3:8. М.: Рос. Библейское о-во, 1995.

¹⁷ Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 12.

¹⁸ Там же. С. 56.

нии: пространство романа максимально не-скоординировано, более того, анализируя топонимикон романа, мы приходим к мысли, что писатель намеренно создаёт такой топос. Иначе невозможно объяснить возникающие в тексте «Чевенгура» ситуации, когда, например, машинист, проделав трудный путь, «наконец, заснул у станции назначения, что была на берегу Ледовитого океана»²¹ или «из Финляндии через равнины и тоскливую долготу времени в Петропавловку приполз валун на языке ледника»²². Финляндия – государство, граничащее с Россией на востоке; Петропавловка – село в Воронежской области, основанное в XVII веке как хутор Осинки [10, с. 349] и после строительства церкви получившее название Петропавловка (очевидно, церковь носила имя святых равноапостольных Петра и Павла). Герои романа неоднократно подтверждают идею о том, что автор специально не конкретизирует топос романа: «Мишка Луй... едкий на дорогу! Только пошлешь в губернию, а он в Москве очутится – либо в Харькове»²³; «родственники Кирея были далеко – на Дальнем Востоке, на берегу Тихого океана, почти на конце земли, откуда начиналось небо»²⁴. Территории России воспринимаются героями А. Платонова как запредельно далёкие, возможно, даже вымышленные: «...стояли товарные вагоны с надписями дальних стран: Закаспийские, Закавказские, Уссурийские железные дороги»²⁵. Подобное употребление автором топонимов, на наш взгляд, призвано подчеркнуть вымышленность, неправдоподобность территорий, на которых происходят действия романа. Здесь важно отметить, что не только топос романа является размытым. Пространство у А. Платонова тесно связано со временем, которое приобретает в романе метаисторический характер. Для платоновских персонажей время – это цепочка собы-

тий. Эмблематично, что герой А. Платонова всегда в пути, в дороге. Сам писатель объясняет популярность хронотопа дороги в своих текстах следующим образом: «Русские странники и богомольцы потому и брели постоянно, что они рассеивали на своём ходу тяжесть горюющей души народа»²⁶. «Художественная целесообразность такого перемещения героев в пространстве состоит в том, что автор имеет возможность показать и соотнести между собой различные синхронные модели существования, представив их частями единого бытийного потока (метафорой которого предстаёт дорога)», – пишет Е.А. Яблоков в одном из исследований, посвящённых рассмотрению хронотопа А. Платонова [15].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Завершая анализ топонимикона романа А. Платонова «Чевенгур», обобщим результаты исследования и отметим, что выявленные топонимы были классифицированы на реальные топонимы Воронежской области, мифотопонимы Воронежской области и реальные топонимы России. Название романа отнесено к окказиональным, как и мифотопонимы, функционирующие в пространстве романа. Топонимы, отнесённые к реальным, существуют на карте России, однако употребление их писателем достаточно специфично и направлено на создание художественного пространства. Значительная часть топонимов (*Верхнемотнинская волость, Мутево, Средние Болтаи* и др.) в платоновском романе кодируют не только пространство, но и время, точнее, безвременье, характеризующееся хаотичным движением. насыщенность романа топонимами, различными по происхождению – как вымышленными, так и реальными, помогает А. Платонову раскрыть важнейшие смыслы создаваемого им художественного произведения.

²¹ Платонов А. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Время, 2009. Т. 2. С. 40.

²² Там же. С. 43.

²³ Там же. С. 109.

²⁴ Там же. С. 164.

²⁵ Там же. С. 8.

²⁶ Платонов А.П. Чевенгур: роман; Котлован: повесть / под ред. Н.М. Малыгиной. М.: Время, 2009. С. 82.

Список источников

1. Сухих И. Русский канон: книги XX века. М.: Время, 2013. 864 с.
2. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М.: Изд-во «Наука», 1978. 198 с.

3. Ковалёв Г.Ф. И ещё раз о названии «Чевенгур» // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2002. № 1. С. 287-291.
4. Залыгин С. Сказки реалиста и реализм сказочника // Залыгин С. Литературные заботы. М., 1982. С. 150.
5. Бугакова Н.Б. Семантический потенциал мужских антропонимов в романе А. Платонова «Чевенгур» // ФИЛОЛОГОС. 2022. № 3 (54). С. 17-23. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2022-54-3-17-22>
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ОЛМА-ПРЕСС; ОАО ПФ «Красный пролетарий», 2006. Т. 1: А – 3. 636 с.
7. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Азбуковник, 1997. 938 с.
8. Ковалёв Г.Ф. Словарь микропонимов Воронежской области: в 2 т. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2017. Т. 2. 419 с.
9. Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2014. 1534 с.
10. Пospelov В.М. Географические названия России: топонимический словарь. М.: АСТ: Астрель, 2008. 523 с.
11. Отин Е.С. Из этимологических исследований донской гидронимии // Этимология. М., 1970. С. 230-241.
12. Отин Е.С. Валуйки. Лиски // Русская речь. 1977. № 6. С. 102-106.
13. Бугакова Н.Б. Вода как лингвокультурная константа творчества А. Платонова: ономастический аспект (на материале повести «Епифанские шлюзы») // Неофилология. 2021. Т. 7. № 28. С. 611-617. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617>
14. Дырдин А.А. Хронотоп воды/реки в раннем творчестве А. Платонова // Филологический класс. 2016. № 4 (46). С. 62-68. <https://doi.org/10.26710/fk16-04-09>
15. Яблоков Е.А. «Падающая башня» (О художественном пространстве Платонова) // Творчество Андрея Платонова: Исследования и материалы. Кн. 3. СПб.: Наука, 2004. С. 6-14.

References

1. Sukhikh I. *Russkiy kanon: knigi XX veka* [Russian Canon: Books of the 20th Century]. Moscow, Vremya Publ., 2013, 864 p. (In Russian).
2. Podolskaya N.V. *Slovar' russkoy onomasticheskoy terminologii* [Dictionary of Russian Onomastic Terminology]. Moscow, "Nauka" Publ., 1978, 198 p. (In Russian).
3. Kovalev G.F. I eshche raz o nazvanii «Chevengur» [And once again about the name "Chevengur"]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Proceedings of Voronezh State University. Series: Humanities*, 2002, no. 1, pp. 287-291. (In Russian).
4. Zalygin S. Skazki realista i realizm skazochnika [Tales of a realist and realism of a storyteller]. In: Zalygin S. *Literaturnyye zaboty* [Literary Concerns]. Moscow, 1982, p. 150. (In Russian).
5. Bugakova N.B. Semanticheskii potentsial muzhskikh antroponimov v romane A. Platonova «Chevengur» [Semantic potential of male anthroponyms in A. Platonov's novel "Chevengur"]. *FILOLOGOS*, 2022, no. 3 (54), pp. 17-23. <https://doi.org/10.24888/2079-2638-2022-54-3-17-22> (In Russian).
6. Dal V.I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vols.]. Moscow, OLMA-PRESS, OJSC MC "Krasnyy proletariy", 2006, vol. 1, 636 p. (In Russian).
7. Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 1997, 938 p. (In Russian).
8. Kovalev G.F. *Slovar' mikrotoponimov Voronezhskoy oblasti: v 2 t.* [Dictionary of Microtoponyms of the Voronezh Region: in 2 vols.]. Voronezh, NAUKA-UNIPRESS Publ., 2017, vol. 2, 419 p. (In Russian).
9. Kuznetsov S.A. (ed.-in-chief). *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 2014, 1534 p. (In Russian).
10. Pospelov V.M. *Geograficheskiye nazvaniya Rossii: toponimicheskii slovar'* [Geographical Names of Russia: Toponymic Dictionary]. Moscow, AST: Astrel' Publ., 2008, 523 p. (In Russian).
11. Otin E.S. Iz etimologicheskikh issledovaniy donskoy gidronimii [From the etymological studies of the Don hydronyms]. *Etimologiya* [Etymology]. Moscow, 1970, pp. 230-241. (In Russian).
12. Otin E.S. Valuyki. Liski [Valuiki. Liski]. *Russkaya rech'* [Russian Speech], 1977, no. 6, pp. 102-106. (In Russian).
13. Bugakova N.B. Voda kak lingvokul'turnaya konstanta tvorchestva A. Platonova: onomasticheskii aspekt (na materiale povesti «Epifanskiye shlyuzy») [Water as a linguocultural constant of A. Platonov's creativity: (on the material of the story "Epifanskiye shlyuzy")].

- an onomastic aspect (based on the story “The Sluices of Epifany”)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2021, vol. 7, no. 28, pp. 611-617. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2021-7-28-611-617> (In Russian).
14. Dyrdin A.A. Khronotop vody/reki v rannem tvorchestve A. Platonova [Water/river chronotope in early works of A. Platonov]. *Filologicheskij klass – Philological Class*, 2016, no. 4 (46), pp. 62-68. <https://doi.org/10.26710/fk16-04-09> (In Russian).
15. Yablokov E.A. «Padayushchaya bashnya» (O khudozhestvennom prostranstve Platonova) [“Leaning tower” (about Platonov’s artistic space)]. *Tvorchestvo Andrey Platonova: Issledovaniya i materialy. Kn. 3* [Creativity of Andrei Platonov: Research and Materials. Bk 3]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004, pp. 6-14. (In Russian).

Информация об авторе

Бугакова Надежда Борисовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-2683-0665](https://orcid.org/0000-0002-2683-0665), ya_witch@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, анализ художественного текста, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 25.07.2022
Одобрена после рецензирования 30.08.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the author

Nadezhda B. Bugakova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-2683-0665](https://orcid.org/0000-0002-2683-0665), ya_witch@mail.ru

Contribution: science literature search and analysis, literary text analysis, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 25.07.2022
Approved after reviewing 30.08.2022
Accepted for publication 09.09.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.282.2

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723

Народный говор сквозь призму похоронно-поминального обряда

Любовь Винаминовна НЕДОСТУПОВА

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

394026, Российская Федерация, г. Воронеж, Московский просп., 14

✉ nedostupowa2009@yandex.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования выступает содержание ритуала организации и проведения похорон, нашедшего отражение в живом языке сельского человека. Актуальность данного изыскания обусловлена возрастающим интересом к народной культуре прошлого и связанной с ней лексикой. Цель исследования состоит в определении характерных особенностей речи диалектоносительницы старшей возрастной группы сквозь призму похоронно-поминального обряда русской деревни. Посредством народного языка репрезентируется былая традиция. Объектом изыскания оказывается южнорусский говор. В результате исследовательской деятельности показан церемониал траурного цикла середины XX столетия. Он представлен как самобытное культурное явление, включающее 12 действующих этапов. Говор деревенской жительницы проанализирован через яркие фонетические и грамматические особенности. Среди них: яканье, аканье, иканье, переход [а] в [о], γ фрикативного образования, утрата начального гласного и согласного, употребления протетического [й] перед гласным переднего ряда [и], твёрдое произношение долгого шипящего [ш:'], регулярная диссимилиация, упрощение согласных и гласных или их групп, удлинение основы за счёт гласной и/или согласной, перестановка ударения в словах, переход существительных 3-го склонения в 1-е, окончания -ы у слов среднего рода, переход среднего рода в женский и др. Сделан вывод о том, что названные характеристики свидетельствуют о сохранении диалектных черт посредством крепкого, непоколебимого обычая прошлого века. Отмечено, что в речи респондента нашли выражение: обрядовая традиция, ритуальная пища и напитки, жизнь конкретного человека, сельские реалии, особенности быта, семейные отношения, существующие внутри деревенского микросоциума нормы и др.

Ключевые слова: народная культура, ритуальная традиция, южнорусский говор

Для цитирования: Недоступова Л.В. Народный говор сквозь призму похоронно-поминального обряда // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 715-723. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Folk patois through the prism of the funeral and memorial rite

Lubov V. NEDOSTUPOVA

Voronezh State Technical University
14 Moskovskiy Ave, Voronezh 394026, Russian Federation
✉ nedostupova2009@yandex.ru

Abstract. The topic of this study is the content of the ritual of organizing and conducting a funeral, which is reflected in the living language of a rural person. The applicability of this research is due to the growing interest in the folk culture of the past and the vocabulary associated with it. The purpose of the research is to determine the characteristic features of the speech of a dialect speaker of the older age group through the prism of the funeral and memorial rite of the Russian village. The old tradition is represented through the folk language. The object of research is the South Russian patois. As a result of research activity, we show the ceremonial of the mourning cycle of the middle of the 20th century. It is presented as an original cultural phenomenon, including 12 stages of action. The patois of a village woman is analyzed through bright phonetic and grammatical features. Among them: ya-pronunciation, a-pronunciation, i-pronunciation, transition [a] to [o], γ fricative formation, loss of initial vowel and consonant, use of prosthetic [й] before front vowel [и], hard pronunciation of long hissing [ш'], regular dissimilation, simplification of consonants and vowels or their groups, lengthening of the stem due to a vowel and/or consonant, rearrangement of stress in words, transition of nouns of the 3rd declension into the 1st, endings -ы in words of the neuter gender, transition of the neuter gender into female, etc. It is concluded that these characteristics testify to the preservation of dialectal features through a strong, steadfast custom of the last century. It is noted that in the respondent's speech they found expression: ritual tradition, ritual food and drinks, the life of a particular person, rural realities, features of life, family relations, norms existing within the village microcommunity, etc.

Keywords: folk culture, ritual tradition, South Russian patois

For citation: Nedostupova L.V. Narodnyy govor skvoz' prizmu pokhoronno-pominal'nogo obryada [Folk patois through the prism of the funeral and memorial rite]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 715-723. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-715-723> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Изучение народной речи в XXI веке становится для многих лингвистов одним из интереснейших направлений исследований, поскольку её самобытные особенности хранят ценные сведения по истории родного языка. Своё отражение в ней находят и традиционные ритуалы.

Обратим внимание, что «каноны жителей сельской местности – это особый, самостоятельный аспект, существующий по сво-

им внутренним законам и правилам. В нём воплощён уровень и способ организации трудовой деятельности, материальных и духовных ценностей определённого коллектива, проживающего на той или иной территории» [1, с. 65].

Одним из компонентов культуры селян прошлого столетия являлся похоронно-поминальный церемониал. Он представлял собой ряд достаточно важных для людей мероприятий, имеющих сакраментальный (религиозный) смысл.

Укажем, что этнолингвистическими исследованиями данной тематической группы занимались разные учёные, среди которых: В.Ф. Филатова [2-5]; Ю.А. Крашенинникова [6]; Н.А. Колкова [7]; А.Б. Коконова [8]; М.А. Андрюнина [9]; А.А. Бобринин [10]; И.А. Подюков и Е.Н. Свалова [11] и мн. др.

Наш взор акцентируется на живой речи жителя деревенского социума. В качестве языкового материала выступает говор уроженки села Бобровы Дворы – Базелевой Татьяны Владимировны (1943 г. р.).

Уточним, что «Село Бобровы Дворы Губкинского района Белгородской области расположено на юго-востоке Средне-Русской возвышенности, удалено от районного центра города Губкина на 18 км»¹. Его возникновение относят к 1623 г. и связывают с необходимостью защиты границ Московского государства юга. Четырёхсотлетняя история населённого пункта была наполнена разными событиями...

Согласно этому, за годы длительного существования здесь сложилась богатая инфраструктура. Она представлена общеобразовательной и музыкальной школами, современным Домом культуры со спортивным залом, библиотекой, храмом, несколькими магазинами и др. Селяне занимаются преимущественно растениеводством и животноводством. Численность жителей составляет 1270 человек.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Предметом настоящей статьи выступает содержание ритуала организации и проведения похорон, нашедшего отражение в живом языке сельского человека.

Объектом работы становится южнорусский говор.

Цель исследования состоит в определении характерных особенностей речи диалектоносительницы старшей возрастной группы сквозь призму похоронно-поминального обряда русской деревни. Посредством народного языка репрезентируется былая традиция.

¹ Киреева И.В., Лысых Р.П., Куринова О.В. Бобровы Дворы... Милый край, село родное. Губкин, 2016. 24 с. URL: http://gub-raion.ucoz.ru/03032016/Buklety2016/bob-rovy_dvory_buklet_28_11_pr4.compressed.pdf (дата обращения: 01.04.2022).

В работе использованы экспериментальный (интервьюирование, опрос, наблюдение) и описательный (описание, сравнение) лингвистические методы.

В научный оборот вводится новый материал.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Любопытные сведения по похоронно-поминальному обычаю мы получили из уст информатора – Базелевой Т.В. По свидетельству респондента, в деревенской культуре середины и второй половины XX столетия традиции в этой предметной области были достаточно крепкими, непоколебимыми.

Совершенно очевидно, что в прошлом веке люди, преимущественно, умирали в силу преклонного возраста. Смерть человека выступала завершающей стадией пребывания в этом мире: *Рани фсё было й истёствинна, ели фсё йистёствина, памирали на старости, ня так, как сычас маладыя мруть.*

Прежде всего, отметим, что важным в ритуале являлось двухдневное пребывание умершего в собственном доме и совершение в связи с этим разных действ. Причина смерти не устанавливалась, поскольку она наступала в старчестве. Конкретизируем: *Пакойник далжён начавать дома, никто яго на вскрытию ни вазили. Фсё так ясна, авикавал чилавек. И ляжал он в хати у сибё.*

Зеркала и окна в крестьянском доме обязательно **занавешивались**: *Зеркала и окны завешивали матерьялам каким -т.* По верованиям людей, они выступали определённой гранью между земным и загробным миром.

Особую значимость имел **обряд купания и одевания усопшего**. Его осуществляли, как стало известно, специально занимающиеся этим сельские женщины: *Купали покойника, ни вазили никуды. Были купалки у нас тут в дирёвни. Ани абмоют, убяруть. Патом паложуть на лафку. Родныи ни купали, тяшка йим была.*

Гроб для покойника тоже изготавливали местные умельцы. Они работали с деревом, которого, как обычно, в сельской местности было достаточно: *Грабы делали сами, мас-*

тирава́я мужути́ на дирéвни . *Энта́т гроб сабьóть, ничем ни абивали рани*.

Подушка для усопшего изготавливалась из сухой травы – сена. Наволочка для этого была приготовлена заранее: *Паду́шку травой набива́ють. Сэна у ва фсех мно́га была, скот вить дяржэли*.

И потом в гроб отправляли тело умершего человека: *Пато́м ло́жили яго́ на ме́сту. И гроб ста́вють на лафку* . *Вакру́х на лафках садяца родныи*.

Укажем, что одним из важных этапов похоронно-поминальной традиции был **ритуал голошения** по усопшему. Совершали этот обычай дочери или сваты: *Ра́ни галаси́ли на то́м, хто по́мир. Па радíт илям галаси́ли до́чири. Иль сватья́*. В основе процесса был заложен плач в виде причитания, цель которого состояла в словесной прилюдной демонстрации важных эпизодов, трудных моментов в жизни усопшего, его достоинств и оценку: *И вот ани причита́ли. И вот ани гало́сють-гало́сють, расказва́ють фсю падн аго́тнаю: ско́ка он фсяго́ папиры́нэс, как яму́ была тья́шка -притья́шка, хто бижал* . *В беднасти иль в багата́стви жил чилавёк* . *Как на распе́ф си равно гало́сють* . *Адна́ ко́нча, другая́ начне́*.

Кроме того, в селе была женщина, которая приходила в дом умершего и **читала молитвы** за упокоевание души: *Бы́ли чита́лки. Ана́ приходя́ и чита́я возли гроба́* . *Чита́я до́лга, паити́ биз астано́фти* . *Чита́я да пално́чи*.

Как показывает языковой материал, после окончания обряда, проводимого читалкой, наступало время **ритуальной трапезы**, именуемой *пóминки*: *В девяна́цать чисо́ф яго́ накры́ли. И садяца паминать́ фсе ту́та пасля́ девяна́цати. А паминáли в аснaвнóм стары́и*.

Еду готовили близкие родственники. Сюда входило горячее (обязательно – лапша), картофель с овощами, выпечка с мёдом: *Приближе́ннай ро́цвинники гато́вють* : *лапи́у во́рють на ку́ринам бу́льэни, пампу́шки пяку́ть. Инагда́ с ме́дам, што́б нама́чить, а то каро́вьё ма́сла бы́ла* . *Са́ми збива́ли к аро́вьё ма́слу, каро́ф вить фсе дяржэли. Иши́о агу́рцы, памидо́ры, карто́хи. Такия по́мины*.

Интересны тесные деревенские связи с соседями и односельчанами. Все в сельском

микросоциуме находятся во взаимодействии, оказывая друг другу поддержку, когда это необходимо, в трудной жизненной ситуации. По этой причине существовала **традиция прощания**: *Фсе суседи́ прихадíли, фсе лю́ди на́шинския права́дють пако́йника* . *Ад-де́лаютьца, суды́ иду́ть. Ста́ять, глядя́ть, пла́чуть, хто ис ста́рых и загаласи́ть* . *Хто сядя́ с родны́ми ря́дам. Пасидя́ть, пабу́дут и па́шли*.

Акцентируем внимание на том, что **молитвы** совершались **ежедневно читалкой** над телом покойного: *Пако́йник ляжи́ть, и чита́лка ка́ждый де́н чита́я*.

Собственно похороны осуществлялись только на третий день после смерти человека: *Када́ намре́ть хто, храни́ли то́льтя на тре́тий де́н*. В этот день **обряд отпевания** совершает батюшка из близлежащей церкви: *Пато́м ба́тюшка прия́жэся, атпява́я до́ма. И фсе ста́ять ро́цвинники, фсе ста́ять са свечки́ми. Пастая́ть, прасля́зятца, пака́ он ня ко́нча чита́ть*.

Не менее значимо то, что в это время на кладбище **подготавливали могилу**, работали так называемые копачи. *Капачи́ бы́ли у нас ту́та, спи́цальна́ капа́ють маги́лу. Эт мужу́ки при си́ли на́шинския* . В свою очередь, женщинам необходимо было покормить их, поскольку данный процесс был трудоёмким, в зависимости от погодных условий и времени года, занимал несколько часов: *И́их аба́зати́льна карма́ли, прина́сили на маги́лку с амаго́н, заку́ску ка́кую -ньть: карто́х наво́рють «в итана́х», са́лу, яи́цы. И́им на́да сагрéтца и п аткря́питца. Када́ зима́, зе́млю ме́разлаю́ ниче́м ни ва́зьме́шь* . *Тижало́ бы́ла и́им*.

Перед отправкой на кладбище ещё раз к гробу подходили немощные люди. Они **прощались с умершим** здесь, поскольку путь для них был трудным по состоянию здоровья. Все остальные шли за гробом. *Када́ ба́тюшка абра́д правéл, хто ту́та пра ши́аитца, ба́льня́ да ста́рыи* . *Други́я шли на кладби́шишу*.

После прощания покойника закрывали: *Све́рьху ма́рлей ка́кой-ньть прикрыва́ли. Ра́ни фсе́ па-проста́му бы́ла*. Затем опускали в могилу и закапывали.

Далее, все возвращались в дом усопшего, и начиналась **коллективная поминальная**

трапеза: *Пасля пахарон фсе шли назат , ни садилися за стол , пакуда ни закапають п а-койника. Сталы накрывають , хто тута а с-талси. Ф перваю очирить сажаяють капачей. И так па нескалька партый , паминали в свайих хатах . Родных самых сажали па с-ледних, нада штоб другия люды памянули . Спярьва садяцца суседи, друзья, таваришши. Так и праважають в дальний путь . И жизнь чилавечская кончилась.*

Итак, для времени функционирования описанного обычая было свойственно то, что смерть человека наступала, чаще всего, в преклонном возрасте. Причина её не устанавливалась. Обряд голошения совершали дочери или сваты. Ритуал купания, одевания усопшего и чтение молитв осуществляли местные женщины. Обычай отпевания проводил батюшка. Подготовку гроба выполняли местные мастера, рытьём могилы занимались сильные и крепкие сельские мужчины. Пища и напитки для трапез готовились в домашних условиях.

Следует отметить, что в репрезентированном материале нашёл отражение народный говор. Интерес представляют следующие фонетические и грамматические признаки.

Представим их отличительные черты:

1. В области гласных в безударном положении отмечено яканье: *[абязатильна, атпявая, глядять, двянацать, дяржали, ляжал, ня так, памянули, папирянёс, паткряпитца, прияжжяя, праслязятца, пякуть, спярьва, убяруть, фсяго, яго, яму]* и др.

2. Наблюдается аканье: *[абивали, абряд, адделаютьца, адна, астанофти, бальная, вазили, вакрух, галасили, гатовють, грабы, закапають, закуска, каровья, капаяють, кармили, картохи, лапиу, магилу, маладыя, начавать, накрыли, намачить, паднаготнаю, падушка, пакойник, палночи, паложуть, паминать, памидоры, пампушки, патом, паити, правадить, принасили, прихадили, радитилям, рассказвають, раснеф, сабыють, садятца, самагон, сватья, травой]* и др.

3. Имеет место иканье: *[атвикавал, вить, диревни, зиркала, памирали, спицальна, у сибё, чилавек, чисоф]* и др.

4. Представлен переход [а] в [о]: *[лапиу ворють. Картох наворють]* и др.

5. Отсутствие III лабиализации, характерное для ряда русских говоров: *[другая начне. В аснавнэм старыйи . Када памреть хто. Ничём ни вазьм ешь]*. Однако в слове дён эта лабиализация отмечена: *[кажний дён читая]*.

6. Наблюдается утрата начального гласного в слове: *[Хто бижал]*, (обижал) и утрата согласного: *[Как на раснев си равно] (всё равно)*.

7. В говоре выявлена прогрессивная ассимиляция гласного: *[Суды идут. Мужуки при сили]* и др.

8. Зафиксирован согласный γ фрикативного образования: *[агурицы, урабы, долуа, другия, магилу, мноуа, уаласили, уатовють, инауда, сауретца, самагон, фсяго]* и др.

9. Имеет место прогрессивное смягчение [р'] после исконного гласного переднего ряда, преобразованного в результате яканья: *[Спярьва садяцца]*.

10. Наблюдается регулярное изменение согласного [к'] > [т'], отмеченное в ряде русских говоров: *[мастиравый мужу ти. Паити биз астаноф ти. Тольтя на третий дён]* и др.

11. Зарегистрирована замена согласного [д] на [н]: *[кажний дён]* и др.

12. Отмечена регулярная диссимиляция: *[никто ни вазили . Хто помир . Хто бижал . Хто ис старых и загаласить . Хто сядя рядам. Када памреть хто]* и др.

13. Зафиксирован регулярный для народной речи переход [ф] > [х]: *[Ишио картохи]* и др.

14. В результате диссимиляции согласных сочетание [чт] переходит в [шт]: *[Паити биз астанофти]*.

15. Встречается отмеченное в южнорусских говорах твёрдое произношение долгого шипящего [ш:']: *[ишио агурицы . Хто тута прашиаитца. Шли на кладби ишу. Садяцца таваришши]* и др.

16. Аффрикатy [ч] и [ц] в говоре отличаются: *[чилавечская, капачей, кончилась, намачить, ничём, очирить, палночи; ад-делаютьца, двянацать, сагретца, спицальна, роцтвиники, паткряпитца, яйцы]* и др.

17. Зарегистрировано упрощение согласных и гласных или их групп: *[рани фсе было. Ни абивали рани. Када памреть. Када зима. Как сычас маладыя. Матерьялам ка-*

кiм-т. Па тó м, хто пóмир . Ани ра с-казвають. Скока папирянёс. Хранили тольтя на трéтий дён. Спицiальна капiають. Эт мужуки при силi . Закуску какую -нть. Марлей какой -нть. И жизня чилавé чская] и др.

18. Наблюдается фонетический процесс употребления протетического [i] перед гласным переднего ряда [u], встречающийся в русских говорах: [Тяшка **й**им бýла . В ас-навнэм стары **й**и. **Й**их кармили . **Й**им на́да сагрéтца. Тижало бýла **й**им. Маминáli в свайiх хатах] и др.

19. Зафиксировано удлинение основы за счёт гласной и/или согласной: [Бýли купáлки у нас тóта. Садятца паминáть фсе тóта. У ва фсех мно́га . Энтат сабью́ть . Зéмлю мё-разлаю . В беднасти иль в багáт астви. Капа-чи́ у нас тóт а . Тóта праши́аитца . Хто тóта асталси] и др.

20. Отмечены местоимения на -е в родительном падеже: [в хáти у сибé].

21. В возвратных глаголах постфикс -ся используется на месте -сь: [сади́лисья, кончи́лася] и др.

22. Имеет место употребление -си на месте -ся: [астáлси] и др.

23. Глаголы 3-го лица единственного числа оканчиваются на гласный: [аднá конча, другая начн é. Анá приходя и чита́я . Читáя долга. Сядя с родными рядам . Читáлка чи-та́я . Батюшка прияжжá я, атпявая. Пас-таять, пака́ ня конча чита́ть] и др.

24. Наблюдается использование -ть на месте -т в глаголах 3-го лица множественного числа: [малады́я мруть . Патóм абмóют, убярóуть . Патóм паложу́ть . Гроп сабью́ть . Травой набиваю́ть . Ставю́ть на ла́фку . Ани галосю́ть-галосю́ть , расказвають . Прибли-жённай гатóвю ть . Лапи́у вóрю ть . Пам-пу́шки пяку́ ть . Картох наворю́ ть . Суды́ иду́ть . Стая́ть , глядя́ть , плачу́ть . Хто и загаласи́ть . Пасидя́ть , пабуду́ть и пашли́ . Пако́йник ляжи́ть . Фсе стая́ть ро́цвиники . Спицiальна капiаю́ть . Закапiаю́ть пако́йника . Сталы́ накрываю́ ть . Сажáю́ть капачéй . Праважа́ю́ть в путь] и др.

25. Замечена перестановка ударения в словах: *было́* – было, *далжён* – должен, *родныи* – родные, *да пално́чи* – до полуночи, *иду́ть* – идут, *пасля* – после, *па-прóстаму* – по-простому и др.

Выявлены следующие интересные грам-матические особенности говора:

1. В слове *жизня* отмечен переход слова 3-го склонения в 1-е, что встречается в народной речи: [жизня кончилась].

2. Окончания -ы регулярно встречается в говорах у слов среднего рода: [окны за-вёшвали. Навóрють яйцы] и др.

3. Наблюдается регулярный в южнорусских говорах переход среднего рода в женский: [малады́я мруть. Нихтó яго ни вазили . Мастиравы́я мужути . Лóжили на мéст у . Зéмлю мёразл аю . Расказвають фсю падн а-гóтнаю . Приближённай ро́цвиники . Карóвья мáсла бýла . Збывали карóвь ю мáслу . Такiя пóмины . Фсе лóуди на́шински я . Тóта бальны́я . Ф пёрваю óчирить] и др.

ВЫВОДЫ

Таким образом, научная новизна исследования состоит в том, что в нём впервые описан боброводворский траурный церемониал середины XX века. Репрезентированный деревенский похоронно-поминальный обряд включал комплекс следующих друг за другом мероприятий:

1. Занавешивание зеркал и окон в доме покойного.

2. Купание и одевание умершего.

3. Подготовка гроба и подушки для усопшего.

4. Обряд голошения.

5. Чтение молитв читалкой.

6. Ритуальная трапеза в полночь.

7. Традиция прощания соседей и односельчан.

8. Подготовка могилы.

9. Обряд отпевания.

10. Прощание с покойником в день похорон.

11. Обряд похорон на кладбище.

12. Коллективная поминальная трапеза.

Кроме того, проведённый анализ позволил сделать вывод, что в исследуемом нами народном говоре отмечено:

– яканье, аканье, иканье;

– переход [a] в [o];

– использование *y* фрикативного образования;

– утрата начального гласного и согласного;

- употребления протетического [i] перед гласным переднего ряда [u];
- замена согласного [ð] на [h];
- твёрдое произношение долгого шипящего [ш:'];
- регулярная диссимиляция;
- регулярный переход [ф] > [х];
- упрощение согласных и гласных или их групп;
- удлинение основы за счёт гласной и/или согласной;
- местоимения на -е в родительном падеже;
- постфикс -ся на месте -сь, -си на месте -ся;
- глаголы 3-го лица единственного числа оканчиваются на гласную;
- использование -ть на месте -т в глаголах 3-го лица множественного числа;
- перестановка ударения в словах;
- переход существительных 3-го склонения в 1-е;
- окончания -ы у слов среднего рода;
- переход среднего рода в женский и др.

Итак, все вышеперечисленные особенности указывают на сохранение южнорусских диалектных черт в речи респондента.

Результаты изыскания дают возможность заключить, что в говоре нашли отражение:

- культура прошлого;
- обрядовая традиция;
- ритуальная пища и напитки, их приготовление;
- жизнь конкретного человека;
- сельские реалии;

- особенности быта;
- семейные отношения;
- существующие внутри деревенского микросоциума нормы;
- эмоциональная составляющая, испытываемая людьми в период похоронно-ритуального церемониала, и мн. др.

Подводя итоги, отметим, что данная статья дополняет имеющиеся исследования новыми оригинальными материалами и вносит вклад в изучение людей сельской среды с определённым своеобразным мировоззрением и жизненными установками.

Практическое значение настоящей работы состоит в том, что её данные можно использовать в тематической серии «Человек. Традиционная народная духовная культура» Всероссийского диалектологического проекта РАН «Лексический атлас русских народных говоров». В перспективах дальнейших научных работ в данном направлении – сопоставление деревенского траурного обряда XX и XXI веков.

Кроме того, «нельзя обойти и тот факт, что поколения сменяются, уходят в прошлое драгоценные сведения, рассказывающие о быте деревенских людей и их укладе. И если сейчас не записать, не описать, не представить эти данные, то в ближайшем будущем они бесследно исчезнут вместе с людьми старшей возрастной группы – очевидцами прежней жизни, старины» [12, с. 57]. Важность и нужность таких изысканий в настоящее время не вызывает сомнения.

Примечание: В статье используется русская упрощённая транскрипция. Звук «г» в говоре фрикативный.

Список источников

1. Недоступова Л.В. Язык свадебной церемонии как отражение сельской народной культуры // Современные лингвистические и методикодиактические исследования. Воронеж, 2022. Вып. 1 (53). С. 64-79. <http://doi.org/10.36622/VSTU.2022.74.65.005>
2. Филатова В.Ф. Обряд и обрядовая лексика в этнолингвосомиотическом аспекте (на материале говоров восточной части Воронежской области): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995. 22 с.
3. Филатова В.Ф. Триада рождение – жизнь (брак) – смерть в обрядах Воронежской области (опыт лингвосомиотического описания обряда) // Опыт исследования традиционных обрядов Воронежского края. Борисоглебск, 1998. С. 14-53.
4. Филатова В.Ф. О магических обрядах и их современном состоянии (на материале русских и украинских воронежских говоров) // Лексический атлас русских народных говоров 1999. СПб., 2002. С. 115-123.
5. Филатова В.Ф. Лексика архаических элементов погребально-поминального обряда Воронежского края // Лексический атлас русских народных говоров 2021. СПб., 2021. С. 533-551.

6. Крашенинникова Ю.А. Похороны «по-репному» (о некоторых фактах похоронно-поминальной обрядности северных русских) // Антропологический форум. 2009. № 10. С. 299-310.
7. Колкова Н.А. Русская погребальная паремиялогия и фразеология в лингвокогнитивном аспекте: смерть как сценарий ухода // Мир русского слова. 2009. № 3. С. 59-63.
8. Коконова А.Б. Рождение и смерть в пространстве диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2011. 24 с.
9. Андриянина М.А. Символика пространства в славянской похоронно-поминальной обрядности: этнолингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2015. 24 с.
10. Бобринхин А.А. Семантика похоронного обряда уральцев // Национальные культуры Урала. Фольклорный текст и обряд. Екатеринбург: Центр традиц. нар. культ. Среднего Урала, 2016. С. 14-34.
11. Подюков И.А., Свалова Е.Н. Локальная специфика лексики похоронно-поминальной обрядности русских Прикамья // Научный диалог. 2019. № 11. С. 46-60. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>
12. Недоступова Л.В. Репрезентация свадебной традиции 60-х гг. XX столетия в Воронежской области (этнолингвистический аспект) // Вестник славянских культур. М., 2022. Т. 63. С. 55-75. <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-55-75>

References

1. Nedostupova L.V. Yazyk svadebnoy tseremonii kak otrazheniye sel'skoy narodnoy kul'tury [The language of the wedding ceremony as a reflection of rural folk culture]. *Sovremennyye lingvisticheskiye i metodikodidakticheskiye issledovaniya – Modern Linguistic and Methodological-Didactic Research*, Voronezh, 2022. no. 1 (53), pp. 64-79. <http://doi.org/10.36622/VSTU.2022.74.65.005>. (In Russian).
2. Filatova V.F. *Obryad i obryadovaya leksika v etnolingvosemioticheskom aspekte (na materiale govorov vostochnoy chasti Voronezhskoy oblasti): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Rite and Ritual Vocabulary in the Ethno-Linguo-Semiotic Aspect (Based on the Dialects of the Eastern Part of the Voronezh Region)]. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 1995, 22 p. (In Russian).
3. Filatova V.F. Triada rozhdeniye – zhizn' (brak) – smert' v obryadakh Voronezhskoy oblasti (opyt lingvosemioticheskogo opisaniya obryada) [The triad of birth – life (marriage) – death in the rites of the Voronezh region (the experience of the linguo-semiotic description of the rite)]. *Opyt issledovaniya traditsionnykh obryadov Voronezhskogo kraya* [Experience in the Study of Traditional Rites of the Voronezh Region]. Borisoglebsk, 1998, pp. 14-53. (In Russian).
4. Filatova V.F. O magicheskikh obryadakh i ikh sovremennom sostoyanii (na materiale russkikh i ukrainskikh voronezhskikh govorov) [About magical rites and their current state (on the material of Russian and Ukrainian Voronezh dialects)]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov 1999* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects 1999]. St. Petersburg, 2002, pp. 115-123. (In Russian).
5. Filatova V.F. Leksika arkhaiskikh elementov pogrebal'no-pominal'nogo obryada Voronezhskogo kraya [Vocabulary of archaic elements of the funeral and memorial rite of the Voronezh region]. *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov 2021* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects 2021]. St. Petersburg, 2021, pp. 533-551. (In Russian).
6. Krasheninnikova Yu.A. Pokhorony «po-repnomu» (o nekotorykh faktakh pokhoronno-pominal'noy obryadnosti severnykh russkikh) [Burials “in turnip” (about some facts of the funeral and memorial rituals of Northern Russians)]. *Antropologicheskij forum – Anthropological Forum*, 2009, no. 10, pp. 299-310. (In Russian).
7. Kolkova N.A. Russkaya pogrebal'naya paremiologiya i frazeologiya v lingvokognitivnom aspekte: smert' kak stsensariy ukhoda [Russian funerary paremiology and phraseology in the linguo-cognitive aspect: death as a scenario of departure]. *Mir russkogo slova – World of the Russian Word*, 2009, no. 3, pp. 59-63. (In Russian).
8. Kokonova A.B. *Rozhdeniye i smert' v prostranstve dialekta: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Birth and Death in the Space of a Dialect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2011, 24 p. (In Russian).
9. Andryunina M.A. *Simvolika prostranstva v slavyanskoj pokhoronno-pominal'noy obryadnosti: etnolingvisticheskiy aspekt: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk.* [The Symbolism of Space in the Slavic Funeral and Memorial Rites: Ethnolinguistic Aspect. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 2015, 24 p. (In Russian).
10. Bobrikhin A.A. Semantika pokhoronnogo obryada ural'tsev [Semantics of the funeral rite of the Urals]. *Natsional'nyye kul'tury Urala. Fol'klornyj tekst i obryad* [Nationalnye Cultures of the Urals. Folklore Text and Rite]. Yekaterinburg, Center of Traditional Folk Culture of the Middle Urals Publ., 2016, pp. 14-34. (In Russian).

11. Podyukov I.A., Svalova E.N. Lokal'naya spetsifika leksiki pokhoronno-pominal'noy obryadnosti russkikh Prikam'ya [Local specificity of the vocabulary of the funeral and memorial rituals of the Russians of the Kama region]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2019, no. 11, pp. 46-60. <http://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-11-46-60>. (In Russian).
12. Nedostupova L.V. Reprezentatsiya svadebnoy traditsii 60-kh gg. XX stoletiya v Voronezhskoy oblasti (etnolingvisticheskiy aspekt) [Representation of the wedding tradition of the 60s. of 20th century in the Voronezh region (ethno-linguistic aspect)]. *Vestnik slavyanskikh kul'tur – Bulletin of Slavic Cultures*, Moscow, 2022, vol. 63, pp. 55-75. <http://doi.org/10.37816/2073-9567-2022-63-55-75>. (In Russian).

Информация об авторе

Недоступова Любовь Винаминовна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Воронежский государственный технический университет, г. Воронеж, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-1978-4725](https://orcid.org/0000-0003-1978-4725), nedostupowa2009@yandex.ru

Вклад в статью: идея, цель, сбор первичного материала, анализ полученных данных, обработка результатов, написание статьи.

Поступила в редакцию 12.05.2022
Одобрена после рецензирования и доработки
13.08.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Lyubov V. Nedostupova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Russian Language and Intercultural Communication Department, Voronezh State Technical University, Voronezh, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-1978-4725](https://orcid.org/0000-0003-1978-4725), nedostupowa2009@yandex.ru

Contribution: idea, purpose, collection of primary material, obtained data analysis, results processing, manuscript drafting.

The article was submitted 12.05.2022
Approved after reviewing and revision 13.08.2022
Accepted for publication 29.08.2022

ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН (ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ)
LANGUAGES OF PEOPLES OF FOREIGN COUNTRIES
(GERMANIC LANGUAGES)

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-724-732

**Предметные области и методы исследования
лингвистического времени в современной англистике**

Алевтина Николаевна МОРОЗОВА ✉, **Анна Владимировна НЕНАШЕВА**

ФГБОУ ВО «Самарский государственный социально-педагогический университет»

443099, Российская Федерация, г. Самара, ул. М. Горького, 65/67

✉ morozova@pgsga.ru

Аннотация. Предметом настоящего исследования являются методология, методы и мета-язык описания лингвистического времени как категории, которая в течение многих лет находится в центре изысканий, направленных на раскрытие процессов концептуализации времени и анализ языковых средств его выражения. Разнообразие подходов к изучению лингвистического времени и способов интерпретации данного понятия, равно как и мета-языковые расхождения свидетельствуют о том, что осмысление вопроса о способах интерпретации лингвистического времени в науке о языке не утрачивает своей актуальности. Цель исследования состоит в обобщении сведений об основных подходах к исследованию категории времени в современных трудах по англистике. Результатом анализа научной литературы последних тридцати лет стало описание и систематизация подходов, методов и материалов, избираемых авторами для анализа различных аспектов выражения времени. Выделив основные направления в изучении лингвистического времени (логико-понятийный, собственно языковедческий, лингвокультурный и когнитивный), сделан вывод о том, что основными тенденциями в изучении данной категории являются широкое использование сравнительно-сопоставительного анализа в отношении разных временных периодов и разных языков с привлечением социокультурно значимого вертикального контекста; выбор в качестве основного объекта единиц лексического уровня и их описание методами лексико-семантического анализа, полевого структурирования, лингвостилистического анализа, культурологической интерпретации; значительное место отводится исследованию идиоматики и метафорических моделей репрезентации времени. Обосновано положение об отсутствии системности в методах и метаязыке описания времени с позиции когнитивистики.

Ключевые слова: лингвистическое время, английский язык, концептуализация, методология, методы анализа, метаязык

Для цитирования: Морозова А.Н., Ненашева А.В. Предметные области и методы исследования лингвистического времени в современной англистике // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 724-732. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-724-732>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Subject areas and research methods of linguistic time in contemporary anglistics

Alevtina N. MOROZOVA ✉, Anna V. NENASHEVA

Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 M. Gorkogo St., Samara 443099, Russian Federation

✉ morozova@pgsga.ru

Abstract. The subject of this study is the methodology, methods and metalanguage of describing linguistic time as a category, which for many years has been at the center of research aimed at revealing the processes of conceptualizing time and analyzing the linguistic means of its expression. A variety of approaches to the study of linguistic time and ways of interpreting this concept, as well as metalinguistic differences indicate that understanding the question of how to interpret linguistic time in the science of language doesn't lose its relevance. The purpose of study is to summarize the information about the main approaches to the study of the category of time in modern works on English. The result of the analysis of the scientific literature of the last thirty years was the description and systematization of approaches, methods and materials chosen by the authors for the analysis of various aspects of the expression of time. Having singled out the main directions in the study of linguistic time (logical-conceptual, proper linguistic, linguistic and cultural, cognitive), we conclude that the main trends in the study of this category are the widespread use of comparative analysis in relation to different time periods and different languages with attraction of a socially and culturally significant vertical context; selection of lexical level units as the main object and their description by methods of lexico-semantic analysis, field structuring, linguo-stylistic analysis, cultural interpretation; a significant place given to the study of idioms and metaphorical models of the representation of time. The statement about the lack of consistency in the methods and metalanguage of time description from the standpoint of cognitive science is substantiated.

Keywords: Linguistic time, English language, conceptualization, methodology, analysis methods, metalanguage

For citation: Morozova A.N., Nenasheva A.V. Predmetnyye oblasti i metody issledovaniya lingvisticheskogo vremeni v sovremennoy anglistike [Subject areas and research methods of linguistic time in contemporary anglistics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 724-732. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-724-732> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В метаязыке, используемом при рассмотрении категории времени в англистике, особую популярность приобрёл термин-понятие «лингвистическое время». Очевидно, это связано с потребностью в разграничении времени как языковой субстанции и как категории, трактуемой в философском и логико-понятийном аспектах. В последнем случае речь идёт о создании типологии вре-

мени и её структуре, моделях концептуализации времени и интерпретации времени.

Понятие лингвистического времени входит в более широкое понятие лингвистической темпоральности, объединяющее два взаимосвязанных аспекта – «язык во времени», где время выступает внешним фактором и проявляется в эволюции языка, и «время в языке», то есть языковые (формальные и содержательные) средства выражения времени. Именно языковые средства выражения категории времени имеются в виду, когда речь

идёт о «лингвистическом времени». Т.И. Дешериева определяет лингвистическое время (темпоральность), или лингвистический аспект категории времени как «всю совокупность способов выражения средствами языка сущности физического и философского аспектов рассматриваемой категории» [1, с. 11]. В связи с этим отметим, что корректность использования слова «лингвистический» по отношению ко времени может быть поставлена под сомнение, поскольку данный термин означает и «относящийся к языку» (например, *лингвистические универсалии*), и «относящийся к языкознанию» (например, *лингвистическая теория*). Также амбивалентным является используемое в литературе словосочетание «время в лингвистике», которое скорее номинирует объект изучения дисциплины, чем факты языка. В качестве синонима рассматриваемого термина выступает «языковое время». Отметим, что данный термин повсеместно используется в работах современных авторов, однако его содержание либо не конкретизируется, либо трактуется в терминах широкого понятия темпоральности. Достаточно сравнить термины «языковое пространство» (то есть географический охват и распространение языка) и «языковое время», чтобы понять неоднозначность последнего термина: время здесь становится атрибутом языка.

В целом, в трактовке термина «лингвистическое время» разными учёными нет существенных расхождений, равно как и в представлениях об уровнях языка и наборе типов языковых единиц, которые выступают в качестве основных средств выражения данной категории. Об этом свидетельствует обзор трудов авторов периода 1970–2000-х гг. (Т.И. Дешериева, А.В. Бондарко, Н.Д. Арутюнова, В.Г. Гак, А. Вежбицкая, В.А. Плунонган и др.), который даёт достаточно полную картину основных направлений исследований в этой области знания [2].

В последние десятилетия, когда обращение к лингвистическому времени осуществляется в условиях усиления в науке о языке тенденций к экспансионизму (выходу в области смежных гуманитарных наук) и экспланаторности (рациональному объяснению эмпирических фактов), происходит неизбежное расширение границ, определяющих ис-

следуемый объект, и методов, обеспечивающих представления о времени как о компоненте внутренней организации языка. Подтверждением тому являются работы, выполненные в русле междисциплинарных наук. Психолингвисты изучают восприятие и структурирование понимания времени человеком с позиции бихевиористики, обращаясь к тем же моделям времени и языковому материалу, которые используют лингвисты (см. работы Л. Бородицкой, Д.Б. Никуличевой); компьютерная лингвистика изучает методы репрезентации темпоральных смыслов в автоматически сгенерированных текстах (см. работы М. Ганьона, Дж. Лапалма, У. Рейле, Х. Кампа, А. Росдойчер).

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обобщить и систематизировать сведения об основных подходах к исследованию категории времени в современных трудах по англистике. Материалом послужили более 65 научных работ последних 30 лет (1990–2021), рассматривающих категорию времени в английском языке (в том числе в сопоставительном аспекте). Обращение к исследованиям, проведённым на материале английского языка, объясняется тем, что они, по результатам нашего анализа, составляют более трети от общего количества работ, освещающих вопросы выражения времени в современных языках.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Прежде всего отметим, что одним из важных аспектов изучения рассматриваемого нами объекта остаётся конструирование модели времени в языке на основе логикопонятийной интерпретации. Языковые средства выражения времени рассматриваются в контексте таких явлений внеязыковой действительности, как время физическое, или природное; гражданское, или календарное; перцептуальное, или психологическое [3]. Список терминов, используемых разными учёными для описания типов времени, включает такие определения, как объективное (хронологическое) и субъективное (психологическое), абсолютное и относительное, естест-

венное, физиологическое, биологическое, астрономическое, историческое, религиозное, биографическое. Как отмечает Е.А. Николаева, предлагаемые модели часто оказываются сопоставимыми [4, с. 74]. Иначе говоря, в целом ряде случаев речь идёт не о разных интерпретациях понятия времени, а о синонимии терминов, включённых в метаязык его описания. Использование разных принципов, положенных в основу предлагаемых типологий, и метаязыковые расхождения свидетельствуют о том, что вопрос о представлении структуры времени как системы, которая может быть положена в основу описания языковых средств его выражения, не утрачивает своей актуальности.

Активный интерес лингвистов к отражению в языке тех знаний и опыта, которые приобретает человек в процессе когниции, определяет тот факт, что значительное место в лингвистических исследованиях занимают вопросы, связанные с «концептуализацией» времени, осмыслением времени говорящим. Время рассматривается как «многомерное ментальное образование, отражающее культурно-исторический опыт народа и особенности его мировосприятия и имеющее вербальное выражение» [5, с. 248]. В метаязык описания времени, наряду с термином «концепт», вводятся такие номенклатурные единицы, как «экспликация темпоральных смыслов в языке», «объективизация», «вербализация», «вербальная репрезентация», «языковая манифестация» и даже «оязыковление» концепта.

Логично ожидать, что в контексте такого толкования объект исследования будет рассматриваться с позиции методов и категориально-понятийного аппарата когнитивной лингвистики. Действительно, в последние годы лингвистическая литература постоянно пополняется трудами, проводимыми в данном направлении. Заметим, что этот подход характерен, прежде всего, для зарубежной лингвистики, где репрезентация времени описывается в основном в терминах структуры, формирующейся с помощью логических схем [6; 7], семантических компонентов, определяемых методом фреймового анализа предложения с использованием технологий компьютерной лингвистики [8].

Примерами фреймового моделирования времени с позиции когнитологии в отечественной лингвистике могут служить диссертации на такие темы, как «Линейное время как концепт английской языковой картины мира 14–15 вв.: На материале произведений среднеанглийского периода» [9] и «Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов» [10], где учёные прибегают к формализованным методам исследования (когнитивно-матричному и фреймовому анализу), систематизируют когнитивные лексические и грамматические модели концепта «Время» и приводят исчерпывающую их классификацию.

Однако подход, задействующий методы когнитивной лингвистики, оказывается скорее исключением, чем правилом. Так, в статье «Вербальная репрезентация концепта “Time” в литературе постмодернизма (на материале романа К. Воннегута “Slaughterhouse-Five”»)» заявлен фреймовый анализ, но при этом предлагается не выходящая за рамки традиционных представлений процедура лингвостилистического анализа [11]. В работе «Концептуальные метафоры времени в современном английском языке» исследователь заявляет об использовании методов концептуального анализа и когнитивного моделирования, однако, по сути, в рамках данного исследования используются аналитические процедуры, которые традиционно трактуются в терминах лексико-семантического, стилистического и интерпретационного анализа [3]. В работе Н.Ю. Коневой «Лингвокогнитивное моделирование системы предлогов и наречий английского языка в рамках концепта «Время» фактически разработана классификация слов на основе их функционально-прагматических характеристик [12]. С другой стороны, ряд учёных в своих исследованиях ограничиваются логико-понятийной интерпретацией концепта, без привлечения эмпирического материала, или используют языковой материал лишь для иллюстрации дедуктивно выведенных умозаключений о содержании концепта. Например, в работе «Лингвокультурные особенности концепта «Время» в английском языке» факты языка выступают как примеры, подтверждающие правомерность

представления понятия в виде определённой структуры, а не как источник для её построения [13]. Таким образом, методология, методы и метаязык описания времени как объекта когнитивистики не отличаются системностью и последовательностью.

В основной массе работ, раскрывающих специфику выражения времени в языке, анализ осуществляется на лексическом уровне и направлен на определение состава лексических единиц, выражающих данное понятие. Отправной точкой исследования обычно является лексико-семантический анализ слова на основе его словарного толкования и лексической сочетаемости. При этом наряду с исследованием единиц, выражающих время в современном английском языке, значительное внимание уделяется диахроническому анализу, направленному на установление очередности появления новых значений слова и позволяющему раскрыть динамику развития изучаемого концепта. Так, в статье К.К. Кашлевой и Э.А. Сорокиной «Особенности концепта время в ранненовоанглийском языке» анализируется лексема “time” как имя концепта ВРЕМЯ и определяется состав лексических единиц, номинирующих разные сегменты концепта [14].

Решение последней задачи предполагает обращение к методу полевого структурирования, использование которого обеспечивает построение лексико-фразеологических или лексико-грамматических полей ключевого слова. Попытка описать структуру лексико-семантического поля «Время» в английском языке предпринята в ряде работ (например, исследования В.А. Кудренко и Т.Н. Никульшиной). Значительным представляется вклад в разработку этого вопроса Е.Л. Ерзинкян, предлагающей классификацию темпоральной лексики, которая формирует дейксис времени [15]. В состав единиц лексического уровня, которые активно включаются в объект исследования, входят паремии и афоризмы с “time” как ключевым словом. Авторы работ в области идиоматической фразеологии (М.С. Чернова, И.П. Кудрявцева, И.Ю. Яковлева), не оставляя без внимания семантическую структуру ядерного слова, неизменно обращаются к методу культурологической интерпретации ввиду высокой выраженности культурного компонента в идиоматике. В

качестве примера можно привести работу Е.А. Нильсен, посвящённую анализу устойчивых выражений и афоризмов со словом “time” с целью выявления характерных черт времени как ценности в представлении носителей английского языка [16].

Социокультурные факторы, определяющие восприятие времени и отражение этого процесса в языке, выходят на первый план в исследованиях, направленных на создание метафорических моделей репрезентации времени [3; 10; 16]. В частности, продемонстрирована взаимосвязь между метафорическими и культурологическими моделями времени, которые представлены в виде дихотомии «линейное/циклическое» время. Эта взаимосвязь наиболее ярко раскрывается при рассмотрении языкового материала в диахроническом аспекте с привлечением социокультурно значимого вертикального контекста. Установлено, что циклическое восприятие времени наиболее характерно для средневекового общества, где значительная часть жизни была подчинена аграрному календарю и погодным условиям. В связи с этим наиболее частые образные модели времени в произведениях этого периода – «Время – высшая сила», «Время – каратель», «Время – господин», «Время – одушевлённый объект». С появлением технического прогресса человек стал менее зависим от циклических явлений времени и стал уделять больше внимания исчислению времени, личного в том числе. Так мышление общества стало тяготеть к линейной модели времени, в рамках которой появились такие метафоры, как «Время – точка», «Время – путник», «Время – отрезок», «Время – ценность».

Включение в предмет исследования лингвокультурного аспекта можно считать одним из основных принципов, положенных в основу работ, проводимых в русле сравнительно-сопоставительного подхода. В качестве материала для сопоставления избираются не только разные временные периоды, но и разные языки, рассматриваемые в собственно языковом и в когнитивном планах. Вопросам сопоставления английского и русского языков посвящены, в частности, работы О.В. Бронниковой, которая сравнивает языковые способы интерпретации времени в русском и английском языках [10]; Н.И. Курба-

товой, выявляющей общие метафоры времени в русском и английском языках в диахроническом аспекте [17]; М.Н. Конновой, которая ставит перед собой задачу сопоставить так называемый «темпоральный опыт» в английском и русском языках на примере концептов «время», «вечность», «повседневность», «праздник», что предполагает глубокий лингвокультурный анализ языковых способов их выражения [3]. К.К. Кашлева сравнивает структуру концептов «время» в английском и немецком языках с целью определить универсальные и культурно значимые слои и предложить модель лингвокультурного словаря [18].

В современной отечественной литературе сохраняется интерес к изучению художественного времени, которое проводится с использованием методов лингвостилистического анализа. Стилистические приёмы, обеспечивающие выражение времени как категории художественного текста, к которым относятся, наряду с метафорой и метонимией как наиболее частотными, стилистические фигуры на уровне предложения – антитеза, сравнение, параллелизм, хиазм, градация, описаны в работах Н.Ю. Филистовой, Н.С. Москаленко, И.Ю. Яковлевой, А.Г. Гурочкиной, А.С. Персониной и др.

В большинстве работ, независимо от предмета и цели исследования, в качестве эмпирического материала избираются произведения словесно-художественного творчества. Работы, выполненные в рамках лингвокультурного подхода, базируются на материале классических художественных произведений английских и американских авторов XVI – начала XX века (У. Шекспир, Э. Спенсер, Т. Шедвелл, Дж. Роджерс, Дж. Милтон, Э.Л. Войнич, Ф.С. Фицджеральд, Т. Драйзер, Дж. Голсуорси, С. Моэм, В. Вульф). Также справедливым будет отметить, что большинство учёных, рассматривающих время как лингвокультурный концепт, изучают эмпирический материал комплексно, то есть комбинируя художественные источники с материалом нехудожественных стилей, словарей, корпусов.

Произведения авторов середины и конца XX века, в том числе представителей эпохи постмодернизма (Р. Бах, Дж. Фаулз, М. Этвуд, К. Воннегут, Э. Хэмингуэй, Дж. Ап-

дайк, М. Люкадо, А. Хейли), становятся предметом исследований, в которых вопрос о вербализации времени на уровне текста рассматривается на стыке языкознания и литературоведения. Художественный образ времени и временная организация художественного текста исследуются с помощью методов контекстуального анализа, метода интерпретации текста, а также анализа авторских грамматических, лексических и стилистических приёмов (Т.В. Федосова, А.С. Гринштейн, Т. Магистрале, М.Дж. Дикерсон, Р.Дж. Киньонес, К. Апарта, Б.Б. Тураева). В русле данного направления мы также можем проследить переход от циклического к линейному времени во временной организации художественного повествования: если темпоральная структура произведений древнеанглийской и средневековой культур организована исключительно линейно, то с начала XX века авторы всё чаще и чаще прибегают к нелинейному повествованию, делая это намеренно, для создания художественного эффекта.

Источником иллюстративного материала в современных исследованиях часто становятся словари, в том числе электронные и онлайн-словари, и различные корпусы языка. Лексикографические источники различной направленности (толковые, этимологические, исторические, фразеологические, паремиологические, энциклопедические, сборники цитат) задействованы в исследованиях в соответствии с предметом и задачами, которые определяет автор. Например, учёные, исследующие время в диахроническом аспекте (Е.А. Нильсен, В.Л. Тёмкина, И.А. Ларионова), обращаются к таким источникам, как *Middle English Dictionary*, *Corpus of Middle English Prose and Verse*, *An Anglo-Saxon Dictionary Based on the Manuscript Collections of the Late Joseph Bosworth*, *An Etymological Dictionary of English Language*, *Corpus of Historical American*. Наряду с художественной литературой VII–XX веков (поэмы “Beowulf”, “The Battle of Maldon”, “The Seafarer”) привлекаются богословные источники, например, тексты Священных писаний, Библии и молитв [3].

Нехудожественные тексты, служащие материалом анализа, включают научно-документальную литературу, публичные вы-

ступления, рекламу, личную переписку, мемуары. При этом тексты, направленные на реализацию функции воздействия, чаще становятся материалом исследований, посвящённых лексико-семантическим и стилистическим особенностям использования номинативных единиц времени, в то время как научно-техническая литература, несущая в себе функцию сообщения, привлекает внимание исследователей, которые применяют более формализованные методы, например, направленные на системно-полевое описание предлогов и наречий пространства и времени [12].

ВЫВОДЫ

Таким образом, к основным тенденциям в исследовании лингвистического времени в отечественной англистике может быть отнесено следующее:

- рассмотрение языковых средств выражения времени в контексте моделей его концептуализации;
- широкое использование сравнительно-сопоставительного анализа как способа раскрытия особенностей плана содержания и плана выражения данной категории в разные временные периоды и в разных языках с

привлечением социокультурно значимого вертикального контекста;

- выбор в качестве основного предмета исследования единиц лексического уровня и их описание с использованием методов лексико-семантического анализа, полевого структурирования, лингвостилистического анализа, культурологической интерпретации, а также значительное место, отводимое исследованию идиоматики и метафорических моделей репрезентации времени;
- значительный интерес к раскрытию лингвостилистических и социокультурно обусловленных характеристик художественного времени;
- тенденция к преимущественному использованию традиционных языковедческих аналитических процедур, в том числе в работах, обращающихся к категориально-понятийному аппарату когнитивной лингвистики.

Главной же отличительной особенностью работ, посвящённых лингвистическому времени, можно считать преобладание интеграционных тенденций, проявляющихся в синтезе разных подходов к объекту исследования (логико-понятийного, собственно языковедческого, лингвокультурного и когнитивного).

Список источников

1. Дешериева Т.И. Исследование видовременной системы в нахских языках. М.: Наука, 1979. 271 с.
2. Nesterik E.V., Mukhataeva A.A. Development of Concepts of the Category of Time in Linguistics. The Role of the Subjective Factor in the Creation of Linguistic Models of Time // *European Researcher*. 2015. № 91. P. 134-143.
3. Коннова М.Н. Концептуальные метафоры времени в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Калининград, 2007. 23 с.
4. Николаева Е.А. Время в языковой картине мира // *Вестник ОГУ*. 2007. № 9 (73). С. 72-75.
5. Смирнова О.М. К вопросу о методологии описания концептов // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2009. № 3. С. 247-253.
6. Littlemore J., Tagg C. Metonymy and Text Messaging: A Framework for Understanding Creative Uses of Metonymy // *Applied Linguistics*. 2018. Vol. 39. № 4. P. 481-507. <https://doi.org/10.1093/applin/amw018>
7. De Wit A., Brisard F. A Cognitive Grammar account of the semantics of the English present progressive // *Journal of Linguistics*. 2014. Vol. 50. Issue 1. P. 49-90. <https://doi.org/10.1017/S0022226713000169>
8. Evans V. The Meaning of Time: Polysemy, the Lexicon and Conceptual Structure // *Journal of Linguistics*. 2005. Vol. 41. Issue 1. P. 33-75. <https://doi.org/10.1017/S0022226704003056>
9. Ларионова И.А. Линейное время как концепт английской языковой картины мира 14–15 вв.: на материале произведений среднеанглийского периода: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2006. 24 с.
10. Бронникова О.В. Модусный метаконцепт ВРЕМЯ/TIME в русском и английском языках: на материале данных национальных корпусов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тюмень, 2017. 25 с.
11. Филистова Н.Ю., Москаленко Н.С. Вербальная репрезентация концепта «Time» в литературе постмодернизма (на материале романа Курта Воннегута “Slaughterhouse-Five”) // *Вестник Шадринского государственного педагогического университета*. 2020. № 1 (45). С. 131-137.

12. Конева Н.Ю. Лингвокогнитивное моделирование системы предлогов и наречий английского языка в рамках концепта «Время» // Вестник Череповецкого государственного университета. 2010. № 1 (24). С. 58-62.
13. Разоренов Д.А. Лингвокультурные особенности концепта «Время» в английском языке // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2010. № 1. С. 329-335.
14. Кашлева К.К., Сорокина Э.А. Особенности концепта время в ранненовоанглийском языке // Язык и культура. 2016. № 3 (35). С. 6-16. <https://doi.org/10.17223/19996195/35/1>
15. Ерзинкян Е.Л. Дейксис слова: семантика и прагматика. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2013. 479 с.
16. Нильсен Е.А. Лингвокогнитивные модели эволюции темпоральных номинаций: на материале английского языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 2015. 40 с.
17. Курбатова Н.И. К вопросу об общности метафорической номинации концепта время в английской и русской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. № 2 (39). С. 75-78.
18. Кашлева К.К. Лингвокультурный концепт ВРЕМЯ в английской и немецкой языковых картинах мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2016. 27 с.

References

1. Desheriyeva T.I. *Issledovaniye vidovremennoy sistemy v nakhskikh yazykakh* [Study of the Types of Tense System in the Nakh Languages]. Moscow, Nauka Publ., 1979, 271 p. (In Russian).
2. Nesterik E.V., Mukhataeva A.A. Development of Concepts of the Category of Time in Linguistics. The Role of the Subjective Factor in the Creation of Linguistic Models of Time. *European Researcher*, 2015, no. 91, pp. 134-143.
3. Konnova M.N. *Kontseptual'nyye metafory vremeni v sovremennom angliyskom yazyke: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Conceptual Metaphors of Time in Modern English. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Kaliningrad, 2007, 23 p. (In Russian).
4. Nikolayeva E.A. *Vremya v yazykovoy kartine mira* [Time in language picture of the world]. *Vestnik OGU – Vestnik of Orenburg State University*, 2007, no. 9 (73), pp. 72-75. (In Russian).
5. Smirnova O.M. *K voprosu o metodologii opisaniya kontseptov* [On the methodology of concept investigation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2009, no. 3, pp. 247-253. (In Russian).
6. Littlemore J., Tagg C. Metonymy and Text Messaging: A Framework for Understanding Creative Uses of Metonymy. *Applied Linguistics*, 2018, vol. 39, no. 4, pp. 481-507. <https://doi.org/10.1093/applin/amw018>
7. De Wit A., Brisard F. A Cognitive Grammar account of the semantics of the English present progressive. *Journal of Linguistics*, 2014, vol. 50, issue 1, pp. 49-90. <https://doi.org/10.1017/S0022226713000169>
8. Evans V. The Meaning of Time: Polysemy, the Lexicon and Conceptual Structure. *Journal of Linguistics*, 2005, vol. 41, issue 1, pp. 33-75. <https://doi.org/10.1017/S0022226704003056>
9. Larionova I.A. *Lineynoye vremya kak kontsept angliyskoy yazykovoy kartiny mira 14–15 vv.: na materiale proizvedeniy sredneangliyskogo perioda: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Linear Time as a Concept of the English Linguistic Picture of the World in the 14th–15th centuries: on the Material of the Power of the Middle English Period. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Samara, 2006, 24 p. (In Russian).
10. Bronnikova O.V. *Modusnyy metakontsept VREMYA/TIME v russkom i angliyskom yazykakh: na materiale dannykh natsional'nykh korpusov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Modus Metaconcept VREMYA/TIME in Russian and English: Based on the Data of National Corpora. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Tyumen, 2017, 25 p. (In Russian).
11. Filistova N.Y., Moskalenko N.S. Verbal'naya reprezentatsiya kontseptu «Time» v literature postmodernizma (na materiale romana Kurta Vonneguta “Slaughterhouse-Five”) [Verbal realization of concept “Time” in postmodern literature (on the material of Kurt Vonnegut’s novel “Slaughterhouse-Five”)]. *Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Journal of Shadrinsk State Pedagogical University*, 2020, no. 1 (45), pp. 131-137. (In Russian).
12. Koneva N.Y. *Lingvokognitivnoye modelirovaniye sistemy predlogov i narechiy angliyskogo yazyka v ramkakh kontseptu «Vremya»* [Lingvocognitive modeling of the English preposition-adverb system within the framework of “Time” concept]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta – Cherepovets State University Bulletin*, 2010, no. 1 (24), pp. 58-62. (In Russian).
13. Razorenov D.A. *Lingvokul'turnyye osobennosti kontseptu «Vremya» v angliyskom yazyke* [Linguocultural features of “Time” concept in the English language]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnyye nauki – Izvestiya Tula State University. Humanitarian Science*, 2010, no. 1, pp. 329-335. (In Russian).

14. Kashleva K.K., Sorokina E.A. Osobennosti kontsepta vremya v rannenovoangliyskom yazyke [The special aspects of concept time in early modern English]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2016, no. 3 (35), pp. 6-16. <https://doi.org/10.17223/19996195/35/1>. (In Russian).
15. Erzinkyan E.L. *Deyksis slova: semantika i pragmatika* [Deixis of Word: Semantics and Pragmatics]. Erevan, Erevan State University Publ., 2013, 479 p. (In Russian).
16. Nilsen E.A. *Lingvokognitivnyye modeli evolyutsii temporal'nykh nominatsiy: na materiale angliyskogo yazyka: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic and Cognitive Models of the Evolution of Temporal Nominations: Based on the Material of the English Language. Dr. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2015, 40 p. (In Russian).
17. Kurbatova N.I. K voprosu ob obshchnosti metaforicheskoy nominatsii kontsepta vremya v angliyskoy i russkoy yazykovykh kartinakh mira [On the problem of general metaphorical nomination of the “TIME” concept in English and Russian world views]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki – Issues of Cognitive Linguistics*, 2014, no. 2 (39), pp. 75-78. (In Russian).
18. Kashleva K.K. *Lingvokul'turnyy kontsept VREMYA v angliyskoy i nemetskoy yazykovykh kartinakh mira: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk*. [Linguistic and Cultural Concept TIME in the English and German Language Pictures of the World]. Moscow, 2016, 27 p. (In Russian).

Информация об авторах

Морозова Алевтина Николаевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английского языка и методики преподавания иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-2741-0926](https://orcid.org/0000-0003-2741-0926), morozova@pgsga.ru

Вклад в статью: разработка общей концепции статьи, обобщение результатов анализа научной литературы, редактирование.

Ненашева Анна Владимировна, выпускник факультета иностранных языков, Самарский государственный социально-педагогический университет, г. Самара, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-0297-9318](https://orcid.org/0000-0002-0297-9318), afchinn@yandex.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы по теме, изучение источников материала и их реферативный обзор, написание текста статьи, составление списка литературы, оформление.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 07.06.2022
Одобрена после рецензирования 31.08.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the authors

Alevtina N. Morozova, Doctor of Philology, Professor, Head of the English Language and Foreign Language Teaching Methodology Department, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-2741-0926](https://orcid.org/0000-0003-2741-0926), morozova@pgsga.ru

Contribution: main study conception development, generalization of result of science literature analysis, editing.

Anna V. Nenasheva, graduate of the Faculty of Foreign Languages, Samara State University of Social Sciences and Education, Samara, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-0297-9318](https://orcid.org/0000-0002-0297-9318), afchinn@yandex.ru

Contribution: science literature search and analysis, sources of material study and their abstract review, manuscript text drafting, compiling a list of references, design.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 07.06.2022
Approved after reviewing 31.08.2022
Accepted for publication 09.09.2022

Неофилология

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-733-742

Politeness maxims in Saad Al-Hariri's and François Hollande's speeches on refugees

Mohammed Nasser ABDULSADA ✉, Balsam Yousif YACOUB

Wasit University

Hay Al Rabee, Wasit 00964, Republic of Iraq

✉ malsharhani@uowasit.edu.iq

Abstract. We consider the politeness maxims implied in the discussion on refugees between Lebanese Prime Minister Saad Al-Hariri and French President François Hollande. Based on the approach of the six-maxims of politeness by G. Leach (1983), the study is aimed at recognizing these maxims, describing their forms and revealing the intended goals. Mutual understanding is considered as a key element of the pragmatic analysis of the selected two speeches. A thorough study of words, phrases and sentences was carried out in order to sort and highlight all forms of mutual understanding. We make a brief comparison of the two speeches in terms of mutual understanding and politeness. Firstly, the study presents the preliminary stages of studying the definition of key terms, examines politeness in detail, builds on Leach's theory of politeness, and reviews several related studies. Secondly, a sample of two speeches is selected, analyzed and examined for politeness. It is concluded that the two speeches studied are very sympathetic towards refugees and that the corresponding references contain several forms of courtesy rules. We note the difference between the Arab and European discourse about refugees and their suffering.

Keywords: politeness, pragmatic maxims, refugees, sympathy, political discourse, political speeches

For citation: Abdulsada M.N., Yacoub B.Y. Politeness maxims in Saad Al-Hariri's and François Hollande's speeches on refugees. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 733-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-733-742>

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Принципы вежливости в выступлениях Саада Аль-Харири и Франсуа Олланда о беженцах

Мохаммед Нассер АБДУЛСАДА ✉, Бальзам Юсиф ЯКУБ

Васитский университет
00964, Республика Ирак, Васит, Хай Аль Раби
✉ malsharhani@uowasit.edu.iq

Аннотация. Рассмотрены принципы вежливости, подразумеваемые в обсуждении, посвященном беженцам, между премьер-министром Ливана Саадом Аль-Харири и президентом Франции Франсуа Олландом. Опираясь на подход шести принципов вежливости Г. Лича (1983), исследование направлено на распознавание этих принципов, описание их форм и раскрытие предполагаемых целей. Взаимопонимание рассмотрено как ключевой элемент прагматического анализа отобранных двух речей. Проведено тщательное исследование слов, словосочетаний и предложений, чтобы отсортировать и выделить все формы взаимопонимания. Проведено краткое сравнение двух речей с точки зрения взаимопонимания и вежливости. Во-первых, исследование представляет предварительные этапы изучения определения ключевых терминов, подробно рассматривает вежливость, опирается на теорию вежливости Лича и делает обзор нескольких связанных исследований. Во-вторых, выбирается образец из двух речей, анализируется и исследуется на предмет вежливости. Сделан вывод о том, что две исследуемые речи очень сочувственно относятся к беженцам и что соответствующие ссылки содержат несколько форм правил вежливости. Отмечена разница между арабским и европейским дискурсом о беженцах и их страданиях.

Ключевые слова: вежливость, прагматические принципы, беженцы, сочувствие, политический дискурс, политические выступления

Для цитирования: Abdulsada M.N., Yacoub B.Y. Politeness Maxims in Saad Al-Hariri's and François Hollande's Speeches on Refugees // Нефилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 733-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-733-742> (In English, Abstr. in Russian)

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

1. Introduction

Language and humans are inextricably linked. People need language to communicate and form connections. So language becomes the main mode of communication. Language allows individuals to express themselves, share knowledge, laugh with others, and order others to perform things. I. Taylor and M. Taylor [1, p. 5] said that language is a system of signals used to communicate. Using language, whether spoken or written, individuals convey their thoughts and ideas. In everyday conversation, language becomes a vital vehicle for conveying and receiving meaning. People utilize spoken language to

communicate effectively. People may immediately communicate with others. Their words have a deeper significance beyond the plain meaning. This is due to the context of the words. People use actions to attain their aims.

2. Background and Theoretical Foundations

P. Levinson and P. Brown's concept of politeness held that a face has two aspects: positive and negative [2]. It happens when someone wants to be liked, accepted, regarded, and acknowledged. A negative face is the desire to be unhindered and to act as one pleases (Levinson et al., 1978). According to R. Lakoff, "societies

create politeness to avoid personal friction" [3, p. 64]. The same definition is given by G. Leech, who adds that it "may be quantified in terms of the degree of effort invested towards avoiding a conflict scenario" [4, p. 19]. "Acknowledging others autonomy and preventing interference (negative politeness) while encouraging closeness and admiration (positive politeness)" [4, p. 24].

Numerous scholars in the 1970s and 1980s believed that "politeness" influenced language choice and relational meaning negotiation. P. Levinson et al., R. Lakoff, and G. Leech were early and significant advances to the study of politeness [2; 5; 6]. These academics suggested that there are not only syntactic criteria that define sentence grammaticality but also pragmatic norms that determine proper language usage [7]. In addition, R. Lakoff and G. Elen have investigated the concept of politeness [5; 8]. According to R. Lakoff, politeness is "a framework for interpersonal connections" [3, p. 88]. According to R.J. Watts, societies develop politeness to reduce conflict in personal contact, which leads one to feel that conflict in personal contact is undesirable [9]. Politeness is one manner in which communities develop methods to reduce conflict. Consequently, politeness is a set of principles for cooperative behavior [10].

People may harm or endanger another's face, according to P. Levinson et al. [2]. Their theory of politeness is a complicated framework for softening aggressive behaviors. Conversely, a "Face-Threatening-Act" is one that threatens to destroy or harm someone's appearance [11, p. 325-327]. The coin has 2 aspects, according to G. Elen [8, p. 45].

A positive politeness strategy is one that appeals to the hearer's (H) need to be accepted and appreciated, according to M.K. Khatib [12]. Positive Face: "interactants' persistent positive self-image or 'personality'" [13]. Everyone wants to be attractive". Unlike the obvious on-record method, this strategy shows respect for the recipient. This strategy helps close friends bridge social gaps. Disputes are positive-face threatening acts, according to S. Levinson et al. [14]. "Eliminate conflict," say Levinson et al. [14, p. 112-113].

3. Related Literature

Several studies have previously investigated refugees' crises and suffering in various parts of

the world through different modes, methodologies, and approaches. R. Schweitzer et al. explored the status of the prejudicially-treated refugees in Australia [15]. The questionnaire-based study highlighted the refugee-related risks and conditions, including public opinion, prejudice, media, public acceptance, and anti-migration views. R. Schweitzer et al. posited that there is a variation among the Australians over the refugees and immigrants and whether their presence amounts to a threat.

S. Fotopoulos and M. Kaimaklioti examined how the Greek, German, and British online media have covered the refugee wave in Europe [16]. The findings stated that the media in three nations depicted the refugees' situation in different terms. Additionally, the shaky EU-Turkey deal and the mismanagement of the refugee issue contributed to the worsening of the refugees' conditions, and therefore the changing portrayal of refugee image in media.

F. Sabouni analyzed the status of Syrian refugees living in the United Kingdom by conducting an all-need analysis of refugees' necessities and requirements [17]. F. Sabouni concluded that the trip of the Syrian refugees into Europe had involved multiple psychological, emotional, and physical barriers, obstacles, and impairments.

A.S. Haider and S. Olimy researched the image of refugees, asylum-seekers, and immigrants in the state-run Jordan News Agency (PETRA) [18]. Using a corpus of Arabic newspaper reports published between 2012 and 2016, the study revealed a remarkable shift in sentiments on refugees and migrants.

N. Öztürk and S. Ayvaz examined popular attitudes and feelings on the globally-popularized, humanity-touching crisis of Syrian refugees in many Turkish- and English-posted tweets using sentiment analytics [19]. The study concluded that most Turkish-posted tweets reflected compassion, emotionality, and pro-refugee stances, while most English-posted tweets were neutral and anti-refugee.

S. Galyga et al. elaborated on the media-framed representations of refugees and migrants in the mainstream European media [20]. The study identified a five-country rhetorical representation underlying discourse and semantic levels. S. Galyga et al. found that the language of the press may alter persons' and administra-

tions' perspectives on crucial subjects and occurrences such as immigration and refugee.

L. Ashby investigated sympathy debated in the Canadian newspapers over illegals' children held in immigration facilities [21]. The study uncovered pro-immigrant sympathy in selected politically and ideologically different news articles. L. Ashby's study found that these newspapers used framing and hedging as linguistic tools to attract the public compassion toward illegal immigrants.

The present study is similar to the above-mentioned studies. It is, however, different. It investigates refugees' suffering through a comparison between Arab and European political discourse. It is, also, concerned with sympathy as a key theme. The tool follows a six-maxim model of politeness.

4. The Statement of Research

This research focuses on refugees' suffering by analyzing two sympathy-enriched speeches, one given by the former Lebanese prime minister Saad Al-Hariri and another given by the former French president François Hollande. The research, also, draws on differences and similarities in politeness maxims used in the said speeches. To address these different sub-themes, two research questions are formulated:

1. Which politeness maxims (PMs) were used in the two speeches?
2. How do the two speeches reflect on refugees' suffering through sympathy?

5. Data, Source, and Limitations

The data chosen for analysis are two refugee-centric speeches given by two different politicians, the former Lebanese prime minister Saad Al-Hariri and the former French president

François Hollande (Table 1). The two speeches were reproduced from the relevant sources along with the other information, as detailed in Table (2) below. 25 excerpts were chosen for analysis; 12 excerpts by the Lebanese prime minister and 13 excerpts by the French president. This paper is limited to the above-mentioned speeches, with an emphasis on refugee-centric sympathy contained therein following G. Leech's politeness model (6 maxims of politeness were chosen) [6]. These two politicians' speeches were chosen in particular because they are representative of the refugees' suffering, they carry a considerable amount of sympathy towards refugees, France and Lebanon have been the most tolerant countries in treating, aiding, and supporting refugees, and they imply different senses of politeness.

6. Methodology, Approach, and Procedures

The research is qualitative in nature, which means that percentages and frequencies are not only derived but are also elaborated on. The approach is pragmatic politeness, following G. Leech's maxims of politeness [6]. To accomplish this research, these steps are followed;

1. Choosing two political speeches on refugees; downloading, transcribing, and annotating.
2. Adopting a model of analysis.
3. Analyzing the two speeches by sorting refugee-sympathetic sentences.
4. Reaching conclusions and findings.

7. Analysis

The analysis of the two speeches under study is conducted in terms of maxims, namely, politeness maxims (PMs). These are tact, generosity, approbation, agreement, and sympathy maxims.

Table 1

Sample information

Таблица 1

Первичные данные для исследования

№	Speaker	Nationality	Position	Date	Source
1	Saad Al-Hariri	Lebanese	Prime Minister	September 7, 2015	https://youtu.be/njklBfLhcyk
2	François Hollande	French	President	February 1, 2018	https://youtu.be/pH4cAoau4PQ

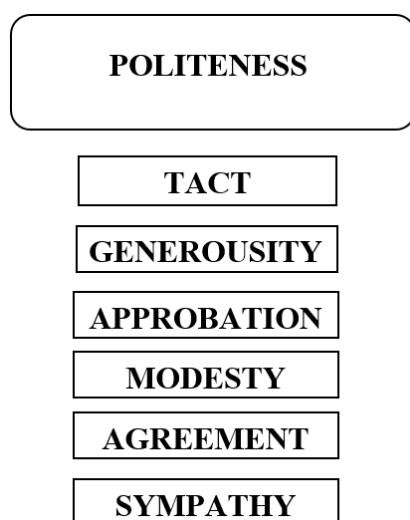

Fig. 1. The model of analysis following G. Leech [6]

Рис. 1. Модель анализа по Дж. Личу [6]

1. The Tact maxim strives to reduce the expense to others while maximizing their gain [6]. It is more concerned with the hearer or others than with the speaker. This is true only for impositive or commissive phrases.

For instance, if I could explain this [6].

2. Generosity maxim aims at maximizing self-benefit while minimizing self-cost. It is directed towards the hearer. It is exclusively used in impositive or commissive phrases, as in the following:

You relax while I take care of the dishes [6].

3. Approbation maxim reduces criticism and increases the admiration for the speaker. It is used to compliment people. It is not applicable to declarative or expressive phrases [6]. That is better than praising others or being quiet, for instance:

Jan, I'm sure you're a genius – could you please explain how to solve this math problem? [6].

4. The Modesty maxim refers to the practice of minimizing self-praise and increasing self-criticism. It is not applicable to declarative or expressive phrases. For instance:

I'm so foolish – I forgot to take notes throughout our talk! Have you? [6].

5. The Agreement maxim decreases conflict between oneself and others and increases agreement between oneself and others. It is appropriate for aggressive statements.

I do not want my daughter to accomplish this; rather, I wish for her to do that [6].

6. Sympathy maxim decreases hostility toward others and maximizes affection for others. It is relevant solely to affirmative phrases:

Teacher: Alice. I'm hoping it won't be too long until she reverts to her normal self. The compassion maxim conveys the teacher's concern for Alice.

PMs

The Analysis of Saad Al-Hariri's (henceforth SH) Speech Sympathy Maxim

Extract. 1

"Seven years Lebanon has been hosting all these refugees and this is one family."

Sympathy maxim, according to G. Leech, increases self-other empathy and decreases self-other hostility [6]. SH applauds the fact that refugees in Lebanon live together as a family unit.

Extract. 2

"One family tiny and I think Lebanon has shown hospitality like no country has shown."

SH commends Lebanon for hosting refugees in a manner that no other nation does.

Extract. 3

"We believe in human rights, in humanity, and in the right of refugees to return to their own country."

As a consequence, SH indicates that they will continue to shelter refugees. He provides the impression that he sympathizes with refugees' right to return to their homeland.

Extract. 4

"We believe that what is happening in Syria is something exciting or a conflict that has led to a large number of victims and has led the Syrian people to despair."

SH commends the fact that what is occurring in Syria caused the Syrian people to despair.

Extract. 5

"We should create help jobs a good thing, but what we should see is that our brothers are working to earn a living."

SH refers to refugees as brothers as a consequence.

Extract. 6

"But I firmly believe that whoever these refugees live in dignity, and that their children go to school so that a new generation of Syrians will be able to return to their country to contribute to building it."

SH makes reference to refugees' longing to return to their homeland.

Extract. 7

"I hope we see more smiles on the faces of these refugees. Thank you to everyone."

SH asserts that the time has come to address the issue of refugees and assist them in returning to their homeland.

**Tact Maxim
SH Speech****Extract. 1**

"So we are here today to make sure that launching a CRP project or initiative is for the benefit of the refugees and the host community as well."

Tact maxim of politeness seeks to minimize the discussion of ideas that indicate harm to others while maximizing the presentation of viewpoints that imply a benefit to others. SH lowers the cost to others by saying that the benefit of the refugees outweighs the cost to others, and he increases the value to others by claiming that this direct help and the benefit of the host community outweigh the cost to others.

Extract. 2

"Our doors will remain open, but we will ask you more and more, and we will pressure you more and more for the interests of the refugees and for the interests of the host community."

SH reduces the cost to others by arguing that the benefit to refugees overcomes the cost to others. while increasing the value to others by stating that this direct assistance and benefit to the host community surpass the cost to others.

Extract. 3

"We should not fail, this will be a disgrace to us in the year two thousand and eighteen in this twenty-first century."

SH minimizes the cost to others by reducing our response, and maximizes the benefit to others by considering what may happen in the future.

**Generosity Maxim
SH Speech****Extract. 1**

"My government has always looked at this issue and strives to do more, as all the ministers, the United Nations, all the ambassadors, all the donors who have worked with us."

This extract demonstrates an abundance of generosity maxim. SH applies the generosity maxim of politeness, which is dedicated to minimizing self-profit via the creation of the appearance that Lebanon is committed to addressing refugee issues. Additionally, since resolving such a problem is complex, this maxim is focused to minimizing the expense to other nations.

Extract. 2

"but I tell you that we are much better than some countries that do not allow these refugees into their country. We at least opened our doors, and at least we saw Elias among the victims of this conflict."

SH adheres to the PMs of generosity, which is devoted to limiting self-profit by creating the illusion that Lebanon is committed to resolving refugee issues. Additionally, given the complexity of addressing such a crisis, this maxim is geared toward reducing the cost to other countries.

**The Analysis of François Hollande's
(henceforth FH) Speech
Generosity Maxim****Extract. 1**

"Thousands of refugees on the way to Europe on the European roads a lifeless child washed in the Turkish shore."

This extract demonstrates an abundance of generosity. FH employs the generosity maxim of civility, which is devoted to minimizing self-profit by creating the illusion that France is committed to resolving the issues of immigration. Additionally, given the difficulty of resolving such a dilemma, this maxim is devoted to minimizing the cost to Turkey.

Extract. 2

"It is France's duty to offer asylum. The French flesh is a matter of history reason why we have this responsibility."

FH dedicated to minimize profit to self by showing that it will be a France's duty to offer asylum. Furthermore, since it is difficult to work on such a problem, this maxim maximizes their responsibility.

Extract. 3

"A history that have been match by generations of refugees who have come to France of the past decades in order to build the country together."

FH is committed to maximizing self-profit by demonstrating that it is France's obligation to grant shelter. Additionally, while working on such an issue is tough, this maxim is committed to maximizing their duty, which has been matched by generations of refugees who have migrated to France over the last years.

**Sympathy Maxim
FH Speech**

Extract. 1

"A matter, the symbol of three thousand who have perished on the martialing waters since the beginning of the year."

According to G. Leech, sympathy maxim promotes self-other empathy and reduces self-other hostility [6]. FH commends that since the start of the year thousands of migrants are died on martialing water.

Extract. 2

"I welcome this it is got to be organized in serious and dignified manner and in order to do that the minister of the interior will be meeting those males concerned next today."

FH praises the serious and polite way in which asylum seekers are welcomed.

**Tact Maxim
FH Speech**

Extract. 1

"This is why faced with the strategy with this critical situation I have proposed together with Angela Merkel, a mechanism standing, binding mechanism to let refugees into countries and this reputes this a fit among all of the European countries."

Tact maxim of courtesy attempts to limit the presentation of ideas that suggest cost to

others while promoting the presentation of ideas that imply a benefit to others. FH minimizes the cost to others by proposing a mechanism with Angela Merkel, the German chancellor, to address this critical situation, and he maximizes the benefit to others by stating that this reputes a fit for all European countries the ablative ward here is binding compensatory this makes sense to put what has been done or not done over the last few months and France is prepared to assume its share.

Extract. 2

"The European commission is proposing all shall soon propose that 120000 refugees be distributed resettled over the next two years."

FH minimizes the expense to others by asserting that it is our duty to follow all regulations and maximize the value to the European Commission, since these regulations are intended to aid refugees.

Extract. 3

"I believe that France's committed we will do it because this is a proposal that we are seen be forward that we want to see adopted by all Europeans."

FH reduces the expense to others by stating that France is dedicated to doing so, and he maximizes the benefit to others by approving it by all Europeans.

Extract. 4

"Many males, may communities, many associations, many churches and private individuals, I already providing such shelter to asylum seekers."

FH minimizes the cost to others by stating that it is our responsibility to implement all policies in order to ensure their realization and maximization of benefit to others, as these policies are for the benefit of refugees.

Extract. 5

"It is an overall response and in order for you to effectively we need in border controls."

FH minimizes the cost to others by claiming that we are the ones in need of direct protection and maximizes the value to others by claiming that this direct protection is being given for the benefit of refugees and Europe.

Extract. 6

“This is one condition that must be made for the external borders of Europe to be protected that is also to be sure that we will come to the refugee’s humanity.”

FH reduces the expense to others by protecting Europe’s external borders, and he maximizes the benefit to refugees.

Extract. 7

“we must give massive humanitarian assistance to countries, to associations, to the high commissions of the refugees.”

FH minimizes the cost to others by declaring that we are the ones in need of direct protection and maximizes the value to others by stating that this direct protection and assistance is offered for the benefit of refugees.

Extract. 8

“We must also work on the countries of the origin and the countries of transit in order to set up sentence that may welcome those who are flaming from the reasons.”

FH reduces the expense to others by establishing a sentence that may welcome people who are enraged for any purpose, and he maximizes the benefit to others by establishing a genuine policy framework.

8. Results and Discussion

The current study investigated two political speeches (SH and FH) in terms of PMs. In SH’s

speech, sympathy maxim is the dominating tactic (64.71 %) followed by tact maxim (23.53 %), whereas in FH’s speech, tact maxim is prevalent (72.22 %) followed by generosity maxim (16.67 %). SH used generosity maxim by 11.76 %, whereas FH used sympathy maxim by 11.11 %.

Thus, concerning SH, he favored sympathy maxim to other forms of politeness because he was more likely to foster sympathy between self and other and aid in the alleviation of hatred between self and other, followed by tact maxim. FH used Tact maxim more frequently than other forms of politeness because he was more likely to minimize the cost to others and maximize their benefit from working with and assisting refugees, followed by sympathy and generosity maxims because he was more likely to maximize their cost in relation to the immigration problem.

Both SH and FH refrained from using agreement maxim, approbation maxim, and modesty maxim (Table 2). The goal of agreement maxim is to reduce disagreement between oneself and others; to enhance agreement between oneself and others; and to avoid using hostile language. Approbation maxim minimizes criticism of others and enhance appreciation of others. They did not use any adverbial words since they are just interested in resolving the refugee situation. While the purpose of modesty maxim is to limit self-praise and increase self-criticism, it did not apply to declarative or expressive expressions.

Table 2

Frequency of PMs in SH and FH speeches

Таблица 2

Частота правил вежливости в речи Саада Харири и Француа Оланда

Maxim	SH’s speech		FH’s speech	
	Occurrence	Percentage, %	Occurrence	Percentage, %
1. Tact	4	23.53	13	72.22
2. Approbation	0	0	0	0
3. Generosity	2	11.76	3	16.67
4. Agreement	0	0	0	0
5. Modesty	0	0	0	0
6. Sympathy	11	64.71	2	11.11
Total	17	100	18	100

9. Findings

In the light of the discussions and analysis elaborated on above, this paper concludes.

1. In both speeches, tact, generosity, and sympathy maxims are the highest maxims used, while approbation, agreement, and modesty are the lowest maxims used. This is relevant to research question (1); Which PMs were used in the two speeches?

2. In both speeches, the focus was on fostering and enhancing sympathy with refugees and distancing oneself from criticizing, attacking, or belittling refugees. This indicates that the two politicians were highly aware of their attitudes and stances on refugees in the public media. This is, also, relevant to research question (2); How do the two speeches reflect on refugees' suffering through sympathy.

3. In both speeches, there is a considerable focus on supporting refugees, promising more aid, and encouraging the others to provide refugees with shelter and safe haven.

10. Suggestions for Further Studies

The paper suggests the following further studies:

1. Refugee-centric sympathy can be investigated in generic news coverage in media outlets as well, including TV channels, print or online newspapers, or on internet websites.

2. Refugee-centric sympathy can be investigated in celebrities' speeches, clergymen's speeches, and public speakers.

3. The topic can also be tackled through critical discourse analysis.

4. The topic can be further investigated in American public or political discourse.

References/Список источников

1. Taylor I., Taylor M. *Psycholinguistics: Learning and Using Language*. Englewood Cliffs, Prentice-Hall Inc. Publ., 1990, 481 p.
2. Levinson P., Brown P. *Politeness: Some Universals in Language Usage*. Cambridge, Cambridge University Press, 1987, 345 p.
3. Lakoff R. What you can do with words: Politeness, Pragmatics and Performatives. *Proceedings of the Texas Conference on Performatives, Presupposition and Implicatures*. Washington, 1977, 183 p.
4. Leech G. *Explorations in Semantics and Pragmatics*. John Benjamins Publ., 1980, 133 p.
5. Lakoff R. The logic of politeness: Or, minding your p's and q's. *Proceedings of the Annual Meeting of the Chicago Linguistic Society*. Chicago, Chicago Linguistic Society Publ., 1973, vol. 9, no. 1, pp. 292-305.
6. Leech G. *Principles of pragmatics*. London; New York, Longman Group Ltd. Publ., 1983, 250 p.
7. Locher M.A. *The encyclopedia of applied linguistics*. Oxford, Wiley-Blackwell Publ., 2012, 6582 p.
8. Elen G. *A critique of politeness theories*. Manchester, St. Jerome Publ., 2001, 280 p.
9. Watts R.J. *Politeness*. Cambridge, Cambridge University Press, 2003, 304 p.
10. Mirza R.F.A. Politeness in Imam Ali's letter to Malik Al-Ashtar. *Adab Al-Kufa*, 2017, vol. 2, no. 33, pp. 55-68.
11. Erbert L.A., Floyd K. Affectionate Expressions as Face-threatening Acts: Receiver Assessments. *Communication Studies*, 2004, vol. 55, no. 2, pp. 254-270.
12. Khattab M.K. Politeness Strategies Used by the Interviewer of BBC World's "Hard Talk" Programme. *Journal of Al-Turath University College*, 2010, no. 7, pp. 322-332.
13. Fraser B. Whither politeness. In: Lakoff R., Ide S. (eds.). *Broadening the Horizon of Linguistic Politeness*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publ., 2005, pp. 65-83.
14. Levinson S. *Pragmatics*. Cambridge, Cambridge University Press, 1983, 225 p.
15. Schweitzer R., Perkoulidis S., Krome S., Ludlow C., Ryan M. Attitudes toward refugees: The dark side of prejudice. *Australian Journal of Psychology*, 2005, vol. 57, no. 3, pp. 170-179.
16. Fotopoulos S., Kaimaklioti M. Media discourse on the refugee crisis: On what have the Greek, German and British press focused? *European View*, 2016, vol. 15, no. 2, pp. 265-279.
17. Sabouni F. *Exploring the Psychosocial Needs of Syrian Refugees in the UK: Accounts of Community Service Providers*. University of Manchester, 2018, 223 p.
18. Haider A.S., Olimy S. The representation of Laji'een (refugees) and Muhajireen (migrants) in the headlines of Jordan News Agency (PETRA). *International Journal for the Semiotics of Law – Revue Internationale de Sémiotique Juridique*, 2019, vol. 32, pp. 155-186.

19. Öztürk N., Ayvaz S. Sentiment analysis on Twitter: A text mining approach to the Syrian refugee crisis. *Telematics & Informatics*, 2018, vol. 35, no. 1, pp. 136-147.
20. Galyga S., Eberl J., Lind F., et al. Language use and migration: Discursive representation of migrants in European media in times of crisis. *Working Paper*. Vienna, University Vienna Publ., 2019, 26 p.
21. Ashby L. *Construction of Sympathy: A Media Discourse Analysis of Detained Children and Youth in Canada*. Waterloo, Wilfrid Laurier University Publ., 2020, 81 p.

Information about the authors

Mohammed N. Abdulsada, Associate Professor of English, Teacher of English, Linguistics and ESP of College of Basic Education, Wasit University, Wasit, Republic of Iraq, ORCID: [0000-0002-5353-2858](https://orcid.org/0000-0002-5353-2858), malsharhani@uowasit.edu.iq

Contribution: this study is an attempt to understand how politicians react to human-touching issues, including displacement and refuge-seeking. This paper, therefore, adds to the previous and related studies concerned with refugee-focused politics, by revealing the intentions, practices, and attitudes held by statesmen and stakeholders towards people forced to relocate in transnational and cross-the-border movements. The study, also, intends to highlight human feelings. The paper may contribute to future studies by getting the public attention to such deeply painful catastrophes. Study conception developed, part of article was drafting and was editing.

Balsam Y. Yaqoub, M.A. researcher of linguistics, Wasit University, Wasit, Republic of Iraq, ORCID: [0000-0001-9915-8593](https://orcid.org/0000-0001-9915-8593), malsharhani@uowasit.edu.iq

Contribution: this study was carried out in the field of comparative studies, translation, morphology, discourse analysis and syntax. Source material acquisition, part of article drafting.

Conflict of Interests

There is not any conflict of interest in this research design, or in the items, data, or techniques contained, used, or discussed in this paper.

Funding

There is not any certain financial grant or funding received in the authorship, analysis, or publication of this paper or in any experiments, applications, analyses, or procedures contained herein from any public, scientific, commercial, government, private, or a state agency.

Approval

The author obtained all the ethical approvals necessary to accomplish this research.

The article was submitted 19.06.2022
Approved after reviewing 22.08.2022
Accepted for publication 09.09.2022

Информация об авторах

Абдулсада Мохаммед Насер, доцент английского языка, преподаватель английского языка, лингвистики и ESP Колледжа базового образования, Университет Васит, г. Васит, Республика Ирак, ORCID: [0000-0002-5353-2858](https://orcid.org/0000-0002-5353-2858), malsharhani@uowasit.edu.iq

Вклад в статью: данное исследование представляет собой попытку понять, как политики реагируют на проблемы, затрагивающие людей, включая перемещение и поиск убежища. Таким образом, эта работа дополняет предыдущие и связанные с ними исследования, посвященные политике, ориентированной на беженцев, раскрывая намерения, практику и отношение государственных деятелей и заинтересованных сторон к людям, вынужденным переселиться в результате транснациональных и трансграничных перемещений. Исследование также призвано подчеркнуть человеческие чувства. Работа может внести вклад в будущие исследования, привлекая внимание общественности к таким глубоко болезненным катастрофам. Разработана концепция исследования, написана часть статьи и отредактировано.

Якуб Бальзам Юсиф, магистр гуманитарных наук по лингвистике, Университет Васит, г. Васит, Республика Ирак, ORCID: [0000-0001-9915-8593](https://orcid.org/0000-0001-9915-8593), malsharha-ni@uowasit.edu.iq

Вклад в статью: данное исследование проведено в области сравнительных исследований, перевода, морфологии, анализа дискурса и синтаксиса. Проведен сбор первичного материала, написана часть статьи.

Конфликт интересов

Конфликт интересов в этом исследовании или в элементах, данных или методах, содержащихся, используемых или обсуждаемых в этой статье, отсутствует.

Финансирование

При написании, анализе или публикации этой статьи или в любых экспериментах, приложениях, анализах или процедурах, содержащихся в ней, не было какого-либо финансового гранта или финансирования, полученного от какого-либо государственного, научного, коммерческого, государственного, частного или государственного учреждения.

Одобрение

Автор получил все этические одобрения, необходимые для проведения этого исследования.

Статья поступила в редакцию 19.06.2022
Одобрена после рецензирования 22.08.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81.373.45

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-743-750

Особенности перевода сленга Военно-воздушных сил Великобритании на примере военного кинофильма «Битва за Британию»

Андрей Алексеевич АНДРАХАНОВ, Михаил Александрович ШЕВЧЕНКО ✉,
Денис Владимирович СЕЛИВАНОВ

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский Томский государственный университет»
634050, Российская Федерация, г. Томск, просп. Ленина, 36

✉ sheff-comms@mail.ru

Аннотация. Вторая мировая война стала крупнейшим военным конфликтом за историю человечества. Этот конфликт повлиял как на военные отношения между государствами, так и на развитие вооруженных сил множества стран. Наибольшее развитие получили военно-воздушные силы, в том числе ВВС Великобритании, которые прославили Великобританию по прошествии войны, оказав решающее влияние на её исход. В задачи военно-воздушных сил входит уничтожение войск противника, уничтожение объектов противника, прикрытие сухопутных войск и военно-морских сил с воздуха, а также воздушные переброски и воздушная разведка. Всё это оказало влияние на появление новых сленговых единиц в языке британских военнослужащих. К тому же, в XX веке имело место бурное развитие вооружения и военной техники, что также повлияло на развитие военного сленга. Со времён Второй мировой войны было снято множество кинофильмов, посвящённых данному военному конфликту. Авторы таких фильмов стремятся показать изнутри жизнь военнослужащих в период войны. Именно поэтому в военных кинофильмах часто можно встретить использование военного сленга, что делает их отличным способом для изучения военных сленговых единиц. Рассмотрен военный кинофильм «Битва за Британию» (“Battle of Britain”, реж. Г. Хэмилтон, 1969) на наличие в нём военного сленга ВВС Великобритании и перевод данного фильма на русский язык. Кроме того, выполнена классификация сленговых единиц по тематическому признаку и определены способы перевода военного сленга на русский язык. В ходе своей подготовки военные специалисты в первую очередь изучают особенности формального военного дискурса, из-за чего неформальная его часть остаётся малоизученной. Поэтому по окончании подготовки военные переводчики нередко сталкиваются с проблемами перевода сленговых единиц. Поэтому исследования в данной области смогут помочь военным специалистам избежать ошибок во время их службы.

Ключевые слова: военный сленг, военно-воздушные силы, перевод, битва за Британию, Вторая мировая война, Великобритания, английский язык

Для цитирования: Андраханов А.А., Шевченко М.А., Селиванов Д.В. Особенности перевода сленга Военно-воздушных сил Великобритании на примере военного кинофильма «Битва за Британию» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 743-750. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-743-750>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Features of the translation of the slang of the British Air Force on the example of the military film “Battle of Britain”

Andrey A. ANDRAKHANOV, Mikhail A. SHEVCHENKO ✉, Denis V. SELIVANOV

National Research Tomsk State University
36 Lenin Ave., Tomsk 634050, Russian Federation
✉ sheff-comms@mail.ru

Abstract. World War II was the largest military conflict in the human history. This conflict affected both military relations between states and the development of the armed forces of many countries. The Air Force had the greatest development, including the RAF, which made Great Britain famous in the aftermath of the war by having a decisive influence on its outcome. The Air Force's missions included destroying enemy personnel and facilities, providing air cover for the Army and the Navy, as well as conducting air transfers and air reconnaissance. All of this has influenced the emergence of new slang terms in the language of the British military. In addition, in the twentieth century there was a rapid development of weapons and military equipment, which also influenced the military slang. Since the Second World War, a number of films have been made about the conflict. The authors of these films strive to show the life of soldiers during the war. That is why war films often use military slang, which makes them a great way to learn military slang terms. We consider the war film “Battle of Britain” (dir. By Guy Hamilton, 1969) for the presence of the military slang of the Royal Air Force and the translation of this film into Russian. In addition, we will make a thematic classification of slang and determine the ways of translating military slang into Russian. While training, military specialists, first of all, study the features of formal military discourse, which is why its informal part remains poorly understood. Therefore, upon completion of training, military interpreters often face problems in translating slang terms. Therefore, research in this area can help military specialists avoid mistakes during their professional activities.

Keywords: military slang, Air Force, interpreting, Battle of Britain, World War II, Great Britain, the English language

For citation: Andrakhanov A.A., Shevchenko M.A., Selivanov D.V. Osobennosti perevoda slenga Voyenno-vozdushnykh sil Velikobritanii na primere voyennogo kinofil'ma «Bitva za Britaniyu» [Features of the translation of the slang of the British Air Force on the example of the military film “Battle of Britain”]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 743-750. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-743-750> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время страны НАТО находятся в центре внимания российских граждан, и интерес к ним только растёт, что, прежде всего, связано с расширением Североатлантического альянса и размещением странами НАТО своих войск на границах Российской Федерации. Основное внимание направлено на Соединённые Штаты Америки и

их европейских союзников, в числе которых находится Великобритания. По прошествии войн XX века Великобритания прославилась в первую очередь за счёт своих военно-воздушных сил, которые оказали решающее влияние на исход Второй мировой войны.

В связи с этими факторами военные переводчики всё больше заинтересованы в изучении английского языка и специфики его

использования военнослужащими Военно-воздушных сил Великобритании.

Однако в ходе своей подготовки военные специалисты в первую очередь изучают особенности формального военного дискурса, из-за чего неформальная его часть остаётся малоизученной. Поэтому по окончании подготовки военные переводчики нередко сталкиваются с проблемами перевода сленговых единиц. Целью исследования является определение категорий сленга ВВС Великобритании, которые наиболее часто употребляются в британских военных кинофильмах, а также особенности перевода данных сленговых единиц на русский язык.

МЕТОДОЛОГИЯ

Для полноценного анализа военных сленгизмов можно классифицировать их по тематическим группам. Существуют различные классификации военного сленга по тематическому признаку, предложенные разными лингвистами [1–5], однако большинство из них имеет ряд неточностей. Классификация, используемая в данной работе, была представлена П.Д. Митчеллом [1]. Такая тематическая классификация является наиболее правильной для исследования военного сленга, поскольку в ней крайне точно отражены реалии военнослужащих. Ниже представлена данная классификация:

I. Межличностные отношения:

1) повседневные взаимоотношения между военнослужащими;

2) взаимоотношения между военнослужащими в зависимости от звания, должности, вида вооружённых сил, рода войск;

3) отношение к военнослужащим и гражданскому населению других государств.

II. Деятельность военнослужащих:

1) повседневная деятельность, быт военнослужащих;

2) деятельность во время боевых действий и учений;

3) увольнение и свободное время.

III. Военнослужащий и окружающий его мир:

1) пища;

2) одежда и обмундирование;

3) вооружение и боевая техника;

4) состояние здоровья, части человеческого тела;

5) настроение, психическое состояние.

Согласно классификации П.Д. Митчелла нами была произведена выборка и анализ перевода сленгизмов ВВС Великобритании. Перевод сленгизмов был проанализирован с точки зрения использования лексических переводческих трансформаций. Материалом для анализа послужил британский военный кинофильм «Битва за Британию» и его перевод на русский язык.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В результате анализа представлены примеры использования сленгизмов в кинофильме, а также перевод соответствующего фрагмента.

I. Межличностные отношения:

1) повседневные взаимоотношения между военнослужащими:

– The **chaps** spoil her (**Ребята** его привезли) – Модуляция;

– **It's enough to make you weep** (**Хватит выделываться**) – Модуляция;

– **Spring chicken to shite-hawk in one easy lesson** (**Бегает, как ужаленный в задницу**) – Модуляция;

– **Don't be wet** (**Не паникуй**) – Модуляция;

– Oh, I'm with you **old boy** (**Я рядом, приятель**) – Генерализация;

– **Pull yourself together** (**Соберись**) – Модуляция;

– A third of a kill, **laddie** (**Ты третий, парень**) – Калькирование;

– Oh, will you **pipe down** (**Заткнись, Окс, мать твою**) – Модуляция;

– I said I was an **old battle-ax** from the Air Ministry (**Ты же знаешь меня, я матёрый волк**) – Калькирование;

2) взаимоотношения между военнослужащими в зависимости от звания, должности, вида вооружённых сил, рода войск:

– Twelve pints, please, Fred. One for **sarge** (**Двенадцать кружек, Фрэд. Одну сержанту**) – Калькирование;

– A couple of **new lads**. They're outside (**Новенькие**. Они не из нашей академии) – Модуляция;

3) отношение к военнослужащим и гражданскому населению других государств:

– Your **customers** appear to be splitting up (Похоже, **немцы** разделяются) – Модуляция;

II. Деятельность военнослужащих:

1) повседневная деятельность, быт военнослужащих:

– Get that **buzzard** out of here (Убери эту **хрень**) – Калькирование;

– **Booms-a-daisy** (**Вот так-то**) – Модуляция;

– Yeah, training them to be fighter pilots is a damn sight more **dodgy** than fighting Germans (Тренировать их намного **сложнее**, чем сбивать немецкий самолёт) – Калькирование;

– That's why you were sent here, **to lick them into shape** (Вас послали, чтобы вы **привели их в форму**) – Калькирование;

– **Easier to hit than a barn door** (**Проще пареной репы**) – Модуляция;

– But I've **left my stomach behind** (Правда, я чуть не **наделал в штаны**) – Модуляция;

– Turning on London could be the Germans' biggest **blunder** (Бомбардировка Лондона – возможно самая большая **ошибка** немцев) – Калькирование;

2) деятельность во время боевых действий и учений:

– No **spares** (**Резерва нет**) – Калькирование;

– **Bombs away** (**От винта**) – Модуляция;

– How many **hours** have you done **in spits** (Сколько у тебя **полётных часов**) – Модуляция;

– I'll try and **get on your tail** (Я пытаюсь **сесть тебе на хвост**) – Калькирование;

– I mean, they **roll up** France and then stop (**Захватили Францию**, а потом остановились) – Модуляция;

– I never wanted you **to join up** (Я не хотел, чтобы ты **шла на фронт**) – Модуляция;

– Its some Hurricane **out of juice** very likely (У него скоро **кончится топливо**) – Модуляция;

– **Roger** (**Понял**) – Калькирование;

– Yellow section, **keep your eyes peeled for** the escort (Жёлтая секция, **присмотрите за эскортом**) – Модуляция;

– **Scramble** (**Тревога**) – Калькирование;

– **Stick to me like glue** (**Будь рядом со мной**) – Модуляция;

– **Home and tea** (**Летим домой**) – Модуляция;

– This should **give them something to think about** (Теперь они **дадут немцам жару**) – Модуляция;

– Everybody else, **keep tight** (Остальным **смотреть по сторонам**) – Модуляция;

– **Affirmative** (**Подтверждаю**) – Калькирование;

– I saw him **bail out** (Я видел, как он **капультировался**) – Модуляция;

– **Come in** (**Ответьте**) – Модуляция;

– **Tea's up** (**Никому не расслабляться**) – Модуляция;

3) увольнение и свободное время:

– Don't ever let me see you **doing a victory roll** over my airfield again (Никогда не **играй роль героя** на моём аэродроме) – Модуляция;

– He knows your **old man** (Он знает твоего **мужа**) – Генерализация;

– I left out the bit about the **wolf whistles** (Похоже, я покидаю вас в **самый ответственный момент**) – Модуляция;

III. Военнослужащий и окружающий его мир:

1) пища:

2) одежда и обмундирование:

3) вооружение и боевая техника:

– One of your elite trying to land without **wheels** (Один из вашей элиты пытается приземлиться без **шасси**) – Модуляция;

– **Undercarriage lever** a bit sticky, was it, sir (**Шасси** немного заело, сэр) – Генерализация;

– It's the oil pressure, sir, but the **gauge** is being checked (Давление масла, сэр, **шасси** проверено) – Конкретизация;

– At least you won't have the **Jerries** visiting you (По крайней мере, не слышно **немецких самолётов**) – Модуляция;

– Twenty plus **bandits** heading west (**Немецкие самолёты** направляются на запад) – Модуляция;

4) состояние здоровья, части человеческого тела:

– And never fly in a straight line, or you're a **dead duck** (И никогда не летай по прямой, иначе ты **мертвец**) – Модуляция;

5) настроение, психическое состояние.

В табл. 1 представлено количество сленгизмов, относящихся к каждой категории.

В табл. 2 отображено количество сленговых единиц в зависимости от способа перевода на русский язык.

Таблица 1

Классификация сленговых единиц Военно-воздушных сил Великобритании
в кинофильме «Битва за Британию»

Table 1

Classification of slang units of the British Air Force in the movie “Battle of Britain”

	Тематическая категория	Количество сленговых единиц
Межличностные отношения	Повседневные взаимоотношения между военнослужащими	9
	Взаимоотношения между военнослужащими в зависимости от звания, должности, вида вооружённых сил, рода войск	2
	Отношение к военнослужащим и гражданскому населению других государств	1
Деятельность военнослужащих	Повседневная деятельность, быт военнослужащих	7
	Деятельность во время боевых действий и учений	18
	Увольнение и свободное время	3
Военнослужащий и окружающий его мир	Пища	0
	Одежда и обмундирование	0
	Вооружение и боевая техника	5
	Состояние здоровья, части человеческого тела	1
	Настроение, психическое состояние	0

Таблица 2

Способы перевода сленгизмов ВВС Великобритании

Table 2

How to translate British Air Force slang

Способ перевода сленгизмов	Количество сленговых единиц
Транслитерация	0
Калькирование	12
Конкретизация	1
Генерализация	3
Модуляция	30

Из табл. 1 видно, что сленговые единицы ВВС Великобритании, используемые в кинофильме «Битва за Британию», охватывают практически все сферы жизнедеятельности военнослужащих, и из фильма становится понятно, что мировые войны зачастую приводят к образованию множества новых военных сленгизмов. Невзирая на тот факт, что в XX веке имело место бурное развитие вооружения и военной техники, что подарило британскому военному сленгу множество соответствующих сленговых единиц, самыми распространёнными категориями в данном случае оказались деятельность во время боевых действий и учений, повседневные взаимоотношения между военнослужащими и повседневная деятельность, быт военнослужащих. Причиной этому служит то, что ав-

торы военного кинофильма «Битва за Британию» стремились во всех красках показать повседневную жизнь военнослужащих и их взаимоотношения, а также продемонстрировать непосредственное выполнение ими боевых задач в период Второй мировой войны.

При переводе любых сленговых единиц переводчику стоит попытаться найти возможные аналоги данной сниженной лексики в языке перевода. Если говорить о сленговых единицах Военно-воздушных сил Великобритании, то в данном случае большинство сленгизмов не будет иметь эквивалентов в русском языке, ведь британский военный сленг отражает реалии британских военнослужащих, которые далеки от реалий российских военнослужащих. В таком случае пере-

водчику стоит прибегнуть к использованию переводческих трансформаций.

Из табл. 2 можно заметить, что самой распространённой лексической переводческой трансформацией оказалась модуляция. Модуляция – это вид лексической переводческой трансформации, суть которой заключается в замене единицы ИЯ единицей ПЯ. При этом значение единицы переводческого языка выводится логически [6]. Преобладание данного вида лексической переводческой трансформации вполне логично, ведь при работе со сленгом переводчик стремится донести до читателя или слушателя смысл, заложенный автором исходного текста. Именно это зачастую приводит к тому, что сленговые единицы и их перевод, на первый взгляд, совсем не связаны. Однако между ними всегда присутствует логическая связь.

Таким образом, в британском военном кинофильме «Битва за Британию» было продемонстрировано множество сленговых единиц, которые появились в ходе Второй мировой войны и активно использовались военнослужащими ВВС Великобритании в этот период. В фильме преобладают сленгизмы, охватывающие повседневную жизнь военнослужащих и их взаимоотношения. Это позволяет зрителю окунуться в атмосферу, полную реалий британских военнослужащих того времени, прочувствовать их эмоции и отношение к другим людям, а также к войне. При работе с данными сленгизмами автор перевода на русский язык зачастую прибегал к использованию модуляции как основного вида лексической переводческой трансформации, что объясняется высокой степенью экспрессивности и оценочным характером сленговых единиц, который автор обязан передать при их переводе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе данного исследования был рассмотрен сленг Военно-воздушных сил Великобритании на примере британского кинофильма «Битва за Британию», а также проанализирован перевод рассмотренных сленговых единиц на русский язык. Было выяснено, что основными особенностями сленга британских Военно-воздушных сил являются: наличие экспрессивных коннотаций, оценочный характер и лаконичность.

В британских военных кинофильмах широко используются всевозможные сленговые единицы, которые охватывают все аспекты жизнедеятельности британских военнослужащих. Помимо этого, очевидно и то, что мировые войны приводят к появлению новых сленговых единиц в лексике военнослужащих [7; 8].

Перевод британского военного сленга – это комплексный процесс и непростая задача для переводчика. Сохранить высокий уровень эквивалентности, выполняя перевод данных единиц, крайне сложно ввиду отсутствия прямых эквивалентов в русском языке. В большинстве случаев переводчики прибегают к использованию переводческих трансформаций, наиболее часто употребляемой из которых в данном случае оказалась модуляция.

Военным переводчикам нередко приходится иметь дело с британским военным сленгом в их профессиональной деятельности [9]. Изучение британского военного сленга, а также его применение на практике является важным аспектом обучения военных специалистов, который очень часто остаётся неизученным, поэтому существует острая необходимость в согласовании качества подготовки военных переводчиков.

Список источников

1. Митчелл П.Д. Английский военный сленг: понятие, способы образования и тематическая классификация // Язык и культура. 2014. № 3. С. 64-73. <https://elibrary.ru/stqqwx>
2. Коровушкин В.П. Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Ч. 1. Теоретические основы и проблематика социолектического описания. Череповец: ЧВВИУРЭ, 1989. 104 с.
3. Коровушкин В.П. Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Ч. 2. Общепросторечные характеристики военных жаргонизмов (опыт социолектического описания). Череповец: ЧВВИУРЭ, 1989. 159 с.

4. *Коровушкин В.П.* Введение в изучение англоязычного военного жаргона. Ч. 3. Специфические характеристики военных жаргонизмов (опыт социолектического описания). Череповец: ЧВВИУРЭ, 1989. 150 с.
5. *Белова И.В., Павлова Ю.Е.* Лексико-семантические особенности военного сленга в американском варианте английского языка // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика.* 2008. № 1 (101). С. 33-38. <https://elibrary.ru/iydczh>
6. *Комиссаров В.Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высш. шк., 1990. 253 с.
7. *Митчелл П.Д., Холдаенко И.С.* Американский военный сленг. Статья 1: Влияние Первой мировой войны // *Язык и культура.* 2014. № 4 (28). С. 64-71. <https://elibrary.ru/tqcojj>
8. *Холдаенко И.С., Митчелл П.Д.* Американский военный сленг. Статья 2: Влияние Второй мировой войны // *Язык и культура.* 2015. № 1 (29). С. 54-60. <https://doi.org/10.17223/19996195/29/7>
9. *Шевченко М.А., Митчелл П.Д., Загайнов С.С.* Компетентностный подход в обучении иноязычному военному дискурсу // *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки.* 2017. Т. 22. № 3 (167). С. 49-56. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-3\(167\)-49-56](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-49-56)

References

1. Mitchell P.J. Angliyskiy voyenny sleng: ponyatiye, sposoby obrazovaniya i tematicheskaya klassifikatsiya [English military slang: definition, means of formation and thematic classification]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2014, no. 3, pp. 64-73. <https://elibrary.ru/stqqwx>. (In Russian).
2. Korovushkin V.P. *Vvedeniye v izucheniye angloyazychnogo voyennogo zhargona. Ch. 1. Teoreticheskiye osnovy i problematika sotsiolekticheskogo opisaniya* [Introduction to the Study of Russian Military Jargon. Part 1. Theoretical Foundations and Problems]. Cherepovets, Cherepovets Higher Military Engineering School of Radio Electronics Publ., 1989, 104 p. (In Russian).
3. Korovushkin V.P. *Vvedeniye v izucheniye angloyazychnogo voyennogo zhargona. Ch. 2. Obshcheprosto-rechnyye kharakteristiki voyennykh zhargonizmov (opyt sotsiolekticheskogo opisaniya)* [Introduction to the Study of Russian Military Jargon. Part 2. Common Vernacular Characteristics of Military Jargon (the Experience of Sociolectic Description)]. Cherepovets, Cherepovets Higher Military Engineering School of Radio Electronics Publ., 1989, 159 p. (In Russian).
4. Korovushkin V.P. *Vvedeniye v izucheniye angloyazychnogo voyennogo zhargona. Ch. 3. Spetsificheskkiye kharakteristiki voyennykh zhargonizmov (opyt sotsiolekticheskogo opisaniya)* [Introduction to the Study of Russian Military Jargon. Part 3. Specific Characteristics of Military Jargon (the Experience of Sociolectic Description)]. Cherepovets, Cherepovets Higher Military Engineering School of Radio Electronics Publ., 1989, 150 p. (In Russian).
5. Belova I.V., Pavlova Y.E. *Leksiko-semanticheskiye osobennosti voyennogo slenga v amerikanskom variante angliyskogo yazyka* [Lexico-semantic features of military slang in American English]. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika – Bulletin of the South Ural State University. Series: Linguistics*, 2008, no. 1 (101), pp. 33-38. <https://elibrary.ru/iydczh>. (In Russian).
6. Komissarov V.N. *Teoriya perevoda (lingvisticheskiye aspekty)* [Translation Theory (Linguistic Aspects)]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1990, 253 p. (In Russian).
7. Mitchell P.J., Kholdayenko I.S. *Amerikanskiy voyenny sleng. Stat'ya 1: Vliyaniye Pervoy mirovoy voyny* [American military slang: the influence of the First World War]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2014, no. 4 (28), pp. 64-71. <https://elibrary.ru/tqcojj>. (In Russian).
8. Kholdayenko I.S., Mitchell P.J. *Amerikanskiy voyenny sleng. Stat'ya 2: Vliyaniye Vtoroy mirovoy voyny* [American military slang: the influence of the Second World War]. *Yazyk i kul'tura – Language and Culture*, 2015, no. 1 (29), pp. 54-60. <https://doi.org/10.17223/19996195/29/7>. (In Russian).
9. Shevchenko M.A., Mitchell P.J., Zagaynov S.S. *Kompetentnostnyy podkhod v obuchenii inoyazychnomu voyennomu diskursu* [The competence approach in teaching foreign military discourse]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2017, vol. 22, no. 3 (167), pp. 49-56. [https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-3\(167\)-49-56](https://doi.org/10.20310/1810-0201-2017-22-3(167)-49-56). (In Russian).

Информация об авторах

Андраханов Андрей Алексеевич, ассистент кафедры перевода и языковых коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-5537-7129](https://orcid.org/0000-0001-5537-7129), andrashanov@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, отбор примеров, написание части статьи.

Шевченко Михаил Александрович, кандидат педагогических наук, доцент кафедры перевода и языковых коммуникаций, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-8065-5685](https://orcid.org/0000-0002-8065-5685), sheff-comms@mail.ru

Вклад в статью: идея исследования, написание части статьи, редактирование и одобрение текста статьи.

Селиванов Денис Владимирович, старший преподаватель кафедры английского языка естественнонаучных и физико-математических факультетов, Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-8577-646X](https://orcid.org/0000-0002-8577-646X), franzguggel@gmail.com

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, отбор примеров, написание части статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022
Одобрена после рецензирования 10.08.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the authors

Andrey A. Andrakhanov, Assistant of Translation and Language Communications Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-5537-7129](https://orcid.org/0000-0001-5537-7129), andrashanov@mail.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, examples selection, manuscript part drafting.

Mikhail A. Shevchenko, Candidate of Pedagogy, Associate Professor of Translation and Language Communications Department, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8065-5685](https://orcid.org/0000-0002-8065-5685), sheff-comms@mail.ru

Contribution: study idea, manuscript part drafting, manuscript editing and approval.

Denis V. Selivanov, Senior Lecturer of English Department, Natural Science and Physics and Mathematics Faculties, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8577-646X](https://orcid.org/0000-0002-8577-646X), franzguggel@gmail.com

Contribution: scientific literature search and analysis, examples selection, manuscript part drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 08.06.2022
Approved after reviewing 10.08.2022
Accepted for publication 09.09.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'347.78.034

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-751-758

Русские культурные реалии в переводе художественных произведений на английский язык

Юлия Рустэмовна ЮСУПОВА¹ ✉, Дарья Олеговна АСАТУРОВА²

¹ФГБОУ ВО «Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы»
450008, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Октябрьской революции, 3-а

²ФГБОУ ВО «Уфимский государственный нефтяной технический университет»
450062, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Космонавтов, 1

✉ yulia.r.yusupova@yandex.ru

Аннотация. Предметом исследования явились способы передачи культурно-бытовых реалий с русского языка на английский при переводе художественных произведений. Актуальность исследования определена недостаточным количеством исследований в рамках данной языковой пары в применении к переводу художественного текста и необходимостью изучения динамики в подходе к решению поставленной переводческой задачи. В ходе исследования из двух русскоязычных произведений, насыщенных российскими культурно-бытовыми реалиями, были методом сплошной выборки отобраны примеры, распределённые далее по тематическим группам в рамках существующих классификаций. На этапе сопоставления выделенных единиц и их перевода в начале XX и XXI веков были определены способы их передачи на английский язык. Сравнительный анализ способов перевода реалий показал, что переводчики русскоязычных художественных текстов передают российские культурно-бытовые реалии при помощи способов, рекомендуемых для перевода безэквивалентной лексики. Однако за последнее столетие произошла смена в их иерархии – частотности того или иного способа для перевода реалий как в целом, так и в рамках отдельных тематических групп. Так, ведущие позиции в настоящее время занимают описательный перевод, комбинированный способ перевода, приближенный перевод, генерализация и калькирование. Стали реже выбираться транскрипция и опущение. Наименьшая динамика наблюдается при выборе способа передачи реалий, обозначающих пищу и напитки, меры и денежные единицы, и предметы быта, в то время как при переводе реалий других тематических групп в XXI веке произошла смена подхода к передаче данных единиц.

Ключевые слова: безэквивалентная лексика, диахронический подход, культурно-бытовые реалии, перевод, принимающая культура, художественный текст

Для цитирования: Юсупова Ю.Р., Асатурова Д.О. Русские культурные реалии в переводе художественных произведений на английский язык // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 751-758. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-751-758>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Russian cultural realities in the translation of literary works into English

Yulia R. YUSUPOVA¹ ✉, Darya O. ASATUROVA²

¹Akmulla Bashkir State Pedagogical University

3-a Oktyabrskoy revolyutsii St., Ufa 450008, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

²Ufa State Petroleum Technological University

1 Kosmonavtov St., Ufa 450062, Republic of Bashkortostan, Russian Federation

✉ yulia.r.yusupova@yandex.ru

Abstract. The subject of the study was the ways of transferring cultural and everyday realities from Russian into English when translating works of art. The relevance of the study is determined by the insufficient number of studies within the framework of this language pair as applied to the translation of a literary text and the need to study the dynamics in the approach to solving the translation task. In the course of the study, from two Russian-language works saturated with Russian cultural and everyday realities, examples were selected using the method of continuous sampling, further distributed by thematic groups within the framework of existing classifications. At the stage of comparing the selected units and their translation at the beginning of the 20th and 21st centuries, the ways of their translation into English were determined. A comparative analysis of the ways of translating realities showed that translators of Russian literary texts convey Russian cultural and everyday realities using the methods recommended for translating non-equivalent vocabulary. However, over the past century there has been a change in their hierarchy - the frequency of one or another method for translating realities both in general and within individual thematic groups. Thus, the leading positions are currently occupied by descriptive translation, a combined method of translation, approximate translation, generalization and tracing. Transcription and omission became less common. The smallest dynamics is observed when choosing the method of transferring the realities denoting food and drinks, measures and monetary units, and household items, while when translating the realities of other thematic groups in the 21st century, there was a change in the approach to transferring these units.

Keywords: non-equivalent vocabulary, diachronic approach, cultural realities, translation, host culture, literary text

For citation: Yusupova Y.R., Asaturova D.O. Russkiye kul'turnyye realii v perevode khudozhestvennykh proizvedeniy na angliyskiy yazyk [Russian cultural realities in the translation of literary]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 751-758. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-751-758> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Проблема передачи в переводе единиц, обозначающих реалии определённого народа, встала перед переводчиками ещё в древние времена, так как эти понятия отсутствуют в других культурах. Переводческий выбор определялся отношением к важности национально-культурной специфики текста и мог быть диаметрально противоположным.

Так, со времён античного Рима существует традиция как транскрипции, так и адаптации культурных маркеров, отражённых в исходном тексте, к реальности принимающей культуры при помощи замен. Кроме того, достаточно популярным способом передачи реалий до сих пор является детальное разъяснение в переводном тексте сути описываемых явлений. При этом в эпоху классицизма единицы с выраженным культурным компо-

нентом могли быть опущены, как вносящие диссонанс в переводной текст. В связи с этим вопросом разработки способов передачи культурных реалий в переводном тексте занималось и занимается достаточно большое количество лингвистов (И.С. Алексеева, Л.С. Бархударов, Е.М. Верещагин, В.С. Виноградов, С.И. Влахов, Д.И. Ермолович, В.Н. Комиссаров, П. Ньюмарк, В.С. Слепович, С.П. Флорин и др.). В настоящее время можно говорить об утвердившемся понимании важности данных языковых единиц в тексте в рамках его прагматического потенциала и, соответственно, невозможности их опущения в переводе. Более того, как показывает анализ отзывов пользователей крупного интернет-сервиса по продаже книг Amazon.com, именно культурная составляющая произведения часто является причиной интереса к покупке и прочтению произведения.

В лингвистике и переводоведении реалии рассматриваются, в первую очередь, как пласт безэквивалентной лексики, включающий в себя слова и выражения, являющиеся частью фоновых знаний представителя определённой культуры, а также устойчивые выражения, содержащие в себе такие слова [1; 2]. Данный подход предполагает, соответственно, применение переводчиком при передаче реалий тех же способов, что рекомендуются для перевода безэквивалентной лексики. Однако, как показывают исследования [3, с. 258], динамичность лексикона, обусловленная социально-культурными изменениями, и многообразие реалий по тематике, структуре и заложенному в них экстралингвистическому контексту заставляют лингвистов и переводчиков вновь и вновь обращаться к проблеме передачи реалий при переводе в разных языковых парах.

ЗАДАЧИ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Целью настоящего исследования стало выявление специфики перевода реалий русскоязычного художественного текста на английский язык, так как исследований в этом направлении, в отличие от перевода с английского языка на русский, недостаточно. Кроме того, одной из задач было сравнение способов передачи российских культурных реалий в начале XX и XXI веков. В рамках

этой задачи были проанализированы как классификации самих реалий, разработанные отечественными и зарубежными лингвистами, так и классификации способов передачи реалий, представленные в их трудах.

Методика исследования включает в себя использование следующих методов: аналитический, сплошная выборка (при сборе эмпирического материала), сравнительно-сопоставительный анализ (при определении способа передачи реалии с русского языка на английский), сравнительный (при соотношении выбираемых способов передачи реалий в начале XX и XXI веков).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе анализировались способы передачи культурно-бытовых реалий в переводе повести С.Т. Аксакова «Семейная хроника»¹, выполненного в начале XX века британским переводчиком Д. Даффом («*A Russian Gentleman*», 1917)². Выбор исходного материала был обусловлен насыщенностью произведения культурными реалиями жизни русского помещичьего дворянства XIX века [4]. Причиной выбора именно перевода Д. Даффа (из существующих) послужил интерес к нему современных англоязычных читателей. Перевод не потерял своей актуальности: был переиздан в 2016 г. и сохраняет высокие рейтинги в оценках. Современные читатели перевода Д. Даффа считают, что его необходимо прочитать, чтобы понять культуру и традиции России XIX века: «*A Russian Gentleman gives us an enjoyable and informative glimpse at life among the traditional middling gentry in Imperial Russia at a pivotal point in that country's history*»; «*it is a good way to learn about Russian culture*»; «*I found it interesting due to its portrayal of a society few Americans have any idea about*»; «*[the book] is a solid if not spectacular read for people interested in early Russian history and social*

¹ Аксаков С.Т. Семейная хроника. URL: <http://www.6lib.ru/books/semeynaa-hronika-230391.html> (дата обращения: 20.02.2019).

² Aksakov S.T. A Russian Gentleman. URL: <https://archive.org/details/russiangentleman00aksauoft/page/n8> (accessed: 28.03.2019).

customs”³ – («Книга «Русский джентльмен» даёт приятную возможность узнать о том, как жили мелкопоместные дворяне в Российской империи в тот переломный исторический период»; «хороший способ изучить русскую культуру»; «Считаю, что книга интересная, так как в ней описано общество, о котором имеют представление очень немногие американцы»; «данная книга – убедительный и впечатляющий источник информации для тех, кто интересуется историей и общественными устоями (дореволюционной России). – *Перевод наш.*»).

На втором этапе исследования анализировались способы передачи культурно-бытовых реалий в переводе произведения Виктора Пелевина «Омон Ра»⁴ на английский язык, выполненном Ю. Мачкасовым («Омон Ра»)⁵. Выбор материала также определялся значительным количеством культурных реалий России, но уже эпохи СССР и, соответственно, интересом к нему англоязычных пользователей (однако в негативном ключе): “Pelevin was witness in his 20’s to the rise of glasnost and perestroika and the ascendance of hope in the emergence of a Russian national culture that would be based on openness and justice. By his early 30’s, Pelevin was witnessing the disintegration of Russia into a culture that combined the worst elements of capitalism run amok and gangsterism as a form of government”⁶ – (В двадцать лет Пелевин стал свидетелем расцвета гласности и перестройки [в СССР], а также зарождения надежды на то, что русская национальная культура будет основываться на принципах открытости и справедливости. Когда же ему исполнилось тридцать, Пелевин увидел, что культура России превратилась в сочетание худших элементов капитализма и бандитизма как формы правления. – *Перевод наш.*).

На третьем этапе исследования был проведён сравнительный анализ способов передачи российских культурно-бытовых реалий в начале XX и XXI веков.

Рассмотрение классификаций способов передачи реалий, представленных в трудах лингвистов-переводоведов, показало, что при переводе данных единиц применяются способы перевода безэквивалентной лексики, к подвиду которой собственно и относят культурные реалии. Было выявлено семь самых распространённых способов, а именно: *транслитерация, транскрипция, калькирование, приближенный перевод (функциональный аналог)* (терм. Бархударова [5]), *генерализация/конкретизация* (принцип родо-видовой замены (терм. Влахова и Флорина [6])/гипо-гиперонимический перевод (терм. Виноградова [7]), *описательный перевод* (объяснение, толкование), *опущение*, в ряде случаев переводчики используют *комбинированный способ перевода* (различные комбинации вышеперечисленных способов для перевода одной единицы).

1. Анализ культурно-бытовых реалий в «Семейной хронике» С.Т. Аксакова показал, что среди них преобладают единицы, называющие пищу и напитки – 23 реалии, второе место занимают единицы, обозначающие меры и денежные единицы, далее выстраиваются реалии, связанные с типами строений (2 ед.), предметами быта (2 ед.), национальной одеждой (1 ед.), танцами и музыкой (1 ед.).

При переводе **реалий, обозначающих пищу и напитки**, Д. Дафф часто использует **комбинированный способ передачи** (6 единиц): калькирование + генерализация («солёные арбузы» – *preserved melons*; «битый или дутый яблочный пирог с густыми сливками» – *raised apple pies served with thick cream*), калькирование + опущение («поеный шестинедельный телёнок» – *a six-weeks-old calf*), транскрипция + описательный перевод («кумыс» – *Koumiss (Mare’s milk, fermented)*), описательный перевод + замена («уральский балык» – *sturgeon dried*, описательный перевод + опущение («трёхлетняя, на три ягоды налитая, клубниковка» – *strawberry wine, three years old*).

Наиболее частотным при переводе реалий этой группы является использование **приближенного перевода** в рамках культурной адаптации (9 единиц) – *вино* – *whisky* (переводчик – шотландец по происхождению, а вино, в отличие от виски, не являлось в то время популярным напитком у шотланд-

³ URL: <https://www.amazon.com/Russian-Gentleman-Sergei-Aksakoff/product-reviews> (accessed: 10.04.2022).

⁴ Пелевин В.О. Омон Ра. М.: Эксмо, 2019. 160 с.

⁵ Pelevin V. “Omon Ra” – Translated from Russian by Yuri Machkasov. URL: http://a7sharp9.com/Omon.html#_edn76 (accessed: 10.05.2022).

⁶ URL: <https://www.amazon.com/dp/0811213641#customerReviews> (accessed: 10.05.2022).

ского дворянства), *корчажное пиво* – *home-made beer* (в корчагах пиво варили только в домашних условиях, в деревнях), *ботвинья со льдом* (холодный суп с отварной ботвой свёклы, луком и рыбой) – *fish-salad on ice* (рыбный салат со льдом). Последний пример очень напоминает то, как иностранцы реагируют на другой холодный суп русской кухни – окрошку. Самая часто встречающаяся реакция выражается фразами типа: «Зачем надо было в салат наливать этот ваш квас?» Судя по этой реакции, можно представить, что столетие назад Джеймс Дафф также «увидел» ботвинью как салат, залитый квасом. Другими примерами использования приближённого перевода являются: *сычуг* – *haggis*, *кинушее вино* – *sparkling wine*, *пирогги* («продолговатые хлебные караваи из пшеничной муки»⁷) – *piles of buns*.

К неудачным, на наш взгляд, примерам использования Д. Даффом способа приближённого перевода следует отнести варианты: *подовые пирожки* (выпекаемые на поду – полу печи) – *rolls of different kinds* (свёрнутые булочки/рулеты), *слоёный паишет* – *forcemeat balls* (мясные шарики), *мочёные яблоки* – *apple chips*. Последний пример представляется совершенно необоснованным, так как в английском языке имеется соответствие этому блюду – *soused apples*.

Третье место – 3 единицы – занимает **описательный перевод** (*щи* – *cabbage-soup*; *кольца с вареньем* – *round jam-tarts*, *зелёная ржаная каша* – *porridge made of green rye*).

По одному разу в переводе Д. Даффа встречаются такие способы передачи реалий, как транскрипция (*квас* – *kvass*), генерализация (*окорок ветчины и буженина* – *smoked hams*), калькирование (*раковый суп* – *crayfish soup*), подбор соответствия (*мёд* – *mead*). Хотя, *mead*, по всей вероятности, может отличаться по рецептуре от русского мёда (напитка), в целом их референты совпадают, у этой пары прослеживаются общие индоевропейские корни, которые и обусловили наличие соответствия в английском лексиконе.

При переводе остальных типов культурно-бытовых реалий переводчиком были выбраны следующие способы:

⁷ Аксаков С.Т. Семейная хроника. URL: <http://www.glib.ru/books/semeynaa-hronika-230391.html> (дата обращения: 20.02.2019). С. 132.

– реалии, обозначающие **меры и денежные единицы**: 3 единицы – **приближённый перевод** – замена прямого соответствия функциональным аналогом (*ведро* – *two or three gallons*, *десятины* – *acres*, *сажени в две глубины* – *in pools fifteen feet deep*), 2 единицы – **транскрипция** (*вёрсты* – *versts*, *рубли* – *rouble*), 1 единица – **транскрипция + пояснение** (*десятины* – *dessyatines*⁸ (“100 *dessyatines* = 270 *acres*”⁸));

– реалии, относящиеся к **предметам быта**: 1 единица – **описательный перевод** (*турсух* – *the bags of horse-hide*), 1 единица – **транскрипция + описательный перевод** – сноска с затекстовым пояснением (*самовар* – *a samovar*, “*An urn, with a central receptacle for hot charcoal. In this case, the receptacle is inserted where the teapot lid should be*”⁹);

– реалии, обозначающие **типы/элементы строений**: 1 единица – **опущение** (*кауз*), 1 единица – **генерализация** (*горница* – *bedroom*);

– реалии, обозначающие **национальную одежду**: 1 единица – **опущение** (*чёрные шерстяные пояса, илихвосты* – *black woollen girdles*);

– реалии, относящиеся к музыке: 1 единица – **музыкальный инструмент – генерализация** (*чебызга* – *the pipe*).

2. Анализ культурно-бытовых реалий в произведении «Омон Ра» В. Пелевина¹⁰ показал, что доминирующую позицию занимают реалии, относящиеся к одежде (11 ед.), затем следуют предметы быта (7 ед.), меры и денежные единицы (5 ед.); пища и напитки (2 ед.), танцы и музыка (2 ед.), типы строений (1 ед.) и вид трудовой деятельности (1 ед.).

При переводе **реалий, обозначающих одежду**, Ю. Мачкасов¹¹ чаще всего использует **генерализацию** – 4 единицы (*китель* – *uniform*, *мундирчик* – *the small uniform*, *полушубок* – *overcoat*, *цигейковский тулун* – *fur coat*).

⁸ Aksakov S.T. A Russian Gentleman. URL: <https://archive.org/details/russianguleman00aksauoft/page/n8/> (accessed: 28.03.2019). С. 152.

⁹ Там же. С. 153.

¹⁰ Пелевин В.О. Омон Ра. М.: Эксмо, 2019. 160 с.

¹¹ Pelevin V. “Omon Ra” – Translated from Russian by Yuri Machkasov. URL: http://a7sharp9.com/Omon.html#_edn76 (accessed: 10.05.2022).

Следующим по частотности способом передачи является **описательный метод** – 3 единицы; *унты* – *fur boots*, *ушанка* – *fur hat with earflaps*; *погоны* – *shoulder patches* (нашивки)). Равным образом представлено **комбинирование калькирования с приближенным переводом** (2 единицы: *медный колпак* – *copper helmet*, *медная бляха* – *copper figuring*) и **калькирования с генерализацией** (2 реалии: *овчинный тулуп* – *tutton overcoat*, *лётный ватник* – *flight coat*).

Передача реалий, обозначающих **предметы быта**, была осуществлена Ю. Мачкасовым при помощи пяти способов передачи безэквивалентной лексики:

- 2 реалии переведены **описательным способом** (*кушетка* – *examination table*, *думка* – *a little pillow*);

- 1 реалия переведена при помощи **конкретизации** (*койка* – *cot* («узкая кровать с жёсткой металлической рамой»¹²);

- 1 реалия – замена **функциональным аналогом** – *бокс* в значении помещения, где жили курсанты – *dorm*);

- 1 единица – при помощи **генерализации** (*мензурка* – *measure*);

- 1 единица – **комбинированным способом: приближенный перевод + калькирование** (*байковое одеяло* – *woolen blanket*);

- 1 единица – **транскрипцией** (*папирасы* – *papirosy*).

При переводе реалий, относящихся к группе «**меры и денежные единицы**» ведущим способом (4 единицы из 6), стал **приближенный перевод** – замена прямого соответствия функциональным аналогом – конвертация в единицы, принятые в англоязычной культуре (британской и американской): *километры* – в *мили* (*два с половиной километра в секунду* – *speed of a mile and a half per second*); *метры* – в *футы* (*полметра* – *couple of feet*); *сантиметры* – в *дюймы* (*на сантиметр* – *by half an inch*), а также при переводе *лакуны* в ПЯ (*сутки* – *day*).

Однократно была использована **транслитерация** (*рубли* – *rubles*).

При передаче фактически одной и той же реалии, входящей в группу «**пища и напитки**», встречающейся в исходном тексте два-

жды, переводчик воспользовался разными способами: **калькированием** (*компот из сухофруктов* – *dried fruit compote*) и **описательным переводом** (*компот* – *stewed dried fruits for desert*).

Реалии, обозначающие **танцы**, были переданы: **транслитерацией** – 1 единица (*Калинка* – *the “Kalinka”*) и **калькированием** – 1 единица (*Яблочко* – *“Little Apple”*).

Единственная реалия в произведении, относящаяся к группе «**типы строений**», *хрущевские пятиэтажки* переведена **описательным переводом**: *Khrushchev-era six-story housing projects*.

Интересным примером реалии, обозначающей **вид трудовой деятельности**, в романе является единица *на картошке*. Во времена СССР это означало помощь от школьников, студентов и бюджетных организаций колхозникам, где они собирали овощи. Переводчик передал эту реалию с помощью **калькирования** – *on potatoes*, сопроводив кальку **затекстовым пояснением**: “Every fall thousands of civilians (especially college students) as well as military personnel were required to help the agricultural communities in their area with the harvest for several weeks – usually vegetables (most often potatoes, hence the expression) around Moscow, but it could be fruit or cotton, depending on the climate”¹³.

Сравнение способов, используемых при переводе схожих групп культурно-бытовых реалий с русского языка на английский в начале XX и XXI веков, показало, что переводчики используют для этого все обозначенные ранее способы передачи безэквивалентной лексики: **транслитерацию/транскрипцию**, **калькирование**, **описательный перевод** (объяснение, толкование), **приближенный перевод** (функциональный аналог), **генерализацию**, **конкретизацию**, **опущение** (элиминация национально-культурной специфики). При этом выбор конкретного способа перевода для разных групп довольно сильно отличается.

Так, схожие способы были выбраны переводчиками XX и XXI веков для передачи реалий, обозначающих **пищу и напитки**: **приближенный перевод** (функциональный ана-

¹² [CE] – Cambridge Dictionary. URL: <https://dictionary.cambridge.org> (accessed: 28.03.2022).

¹³ Pelevin V. “Omon Ra” – Translated from Russian by Yuri Machkasov. URL: http://a7sharp9.com/Omon.html#_edn76 (accessed: 10.05.2022).

лог) и калькирование. Однако палитра способов, выбранных Д. Даффом, переводившим российские реалии в начале XX века, более богата и включает в себя также 5 вариантов комбинированного перевода, транскрипцию, транслитерацию, приближенный и описательный перевод. Объяснение этому, вероятнее всего, лежит в большем разнообразии самих единиц этой группы в исходном произведении «Семейной хроники» С.Т. Аксакова.

Наблюдаются совпадения и при выборе способа передачи реалий, обозначающих меры и денежные единицы (культурологическая замена) и предметы быта (описательный перевод). При этом в начале XX века для перевода единиц измерения также выбираются транскрипция и её сочетание с описательным переводом/пояснением, а в XXI веке – переводчик склоняется к транслитерации и замене функциональным аналогом. В случае передачи реалий, обозначающих предметы быта, переводчик начала XX века снова выбирает сочетание транскрипции с описательным переводом/пояснением, в то время как в XXI веке переводчик добавляет способы: транскрипция, конкретизация, приближенный перевод (замена аналогом), комбинирование аналога и калькирования.

При переводе остальных групп российских культурно-бытовых реалий переводчик начала XX века использует опущение и генерализацию, а современный переводчик чаще делает выбор в пользу описательного перевода и различных комбинаций способов (аналог + калькирование, калькирование + генерализация, калькирование + описательный перевод), но при переводе реалий, относящихся к музыке, а именно названий танцев, непоследователен и выбирает как транслитерацию, так и калькирование.

Сравнительный анализ выбора способа передачи реалий, обозначающих вид трудовой деятельности, провести не удалось, так как в тексте произведения С.Т. Аксакова «Семейная хроника», в отличие от романа В. Пелевина «Омон Ра», такой вид реалий отсутствует.

ВЫВОДЫ

Таким образом, результаты исследования показали, что, в целом, список способов передачи культурно-бытовых реалий при переводе художественных текстов с русского языка на английский за последнее столетие не изменился, однако статистические подсчеты позволяют утверждать, что частотность выбора переводчиком того или иного способа изменилась. Так, описательный перевод стал использоваться чаще (12,5 % → 25 %) и он теперь лидирует в списке способов передачи культурно-бытовых реалий. Позиции комбинированного способа передачи реалий несколько снизились (с 25 до 21,4 %), и он переместился на второе место. Лидировавший в XX веке приближенный перевод (37,5 %) стал использоваться реже (17,8 %) и делит третье место с генерализацией (частота использования которой ранее составляла 9,4 %). Современный переводчик художественных текстов при передаче культурно-бытовых реалий реже выбирает транскрипцию (6,25 % → 3,6 %) и отказывается от опущения (6,25 % → 0). При этом среди выбранных способов отмечается наличие калькирования (0 % → 7,14 %). Отметим, что более точные статистически выверенные результаты могло бы дать расширение эмпирического материала, так как в изученных текстах реалии разных тематических групп представлены неравномерно.

Список источников

1. Томахин Г.Д. Реалии в языке и культуре. Реалия-предмет и реалия-слово // Иностранные языки в школе. 2007. № 8. С. 19а-28а. <https://www.elibrary.ru/jxtmxd>
2. Triberio T. Insights into translation of Russian realia // Translation Studies: Theory and Practice. 2021. № 2. <https://doi.org/10.46991/TSTP/2021.1.2.055>
3. Хухуни Г.Т. Бытовые реалии в сакральном тексте: проблемы межъязыковой передачи // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 14 (809). С. 257-267. <https://www.elibrary.ru/nbjqyy>
4. Selitrina T., Yusupova Y. A Russian Gentleman by S.T. Aksakov: Reception and Translation // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. 2019. P. 846-853. <https://www.elibrary.ru/cpjdnj>

5. Бархударов Л.С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975. 239 с.
6. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. Изд. 5-е. М.: Р. Валент, 2012. 406 с.
7. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во ин-та общ. ср. образования РАО, 2001. 224 с.

References

1. Tomakhin G.D. Realii v yazyke i kul'ture. Realiya-predmet i realiya-slovo [Realities in language and culture. Realia-object and reality-word]. *Inostrannyye yazyki v shkole – Foreign Languages At School*, 2007, no. 8, pp. 19a-28a. <https://www.elibrary.ru/jxtmxd>. (In Russian).
2. Triberio T. Insights into translation of Russian realia. *Translation Studies: Theory and Practice*, 2021, no. 2. <https://doi.org/10.46991/TSTP/2021.1.2.055>
3. Khukhuni G.T. Bytovyye realii v sakral'nom tekste: problemy mezh'yazykovoy peredachi [Cultural words denoting realities of everyday life in sacral texts: the problem of interlingual translation]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnyye nauki – Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, 2018, no. 14 (809), pp. 257-267. <https://www.elibrary.ru/nbjqyy>. (In Russian).
4. Selitrina T., Yusupova Y. A Russian Gentleman by S.T. Aksakov: Reception and Translation. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 2019, pp. 846-853. <https://www.elibrary.ru/cpjdnj>
5. Barkhudarov L.S. *Yazyk i perevod* [Language and Translation]. Moscow, International Relationships Publ., 1975, 239 p. (In Russian).
6. Vlakhov S.I., Florin S.P. *Neperevodimoye v perevode* [Untranslatable in Translation]. Moscow, R. Valent Publ., 2012, 406 p. (In Russian).
7. Vinogradov V.S. *Vvedeniye v perevodovedeniye (obshchiye i leksicheskiye voprosy)* [Introduction to Translation Studies (General and Lexical Issues)]. Moscow, Institute of General Secondary Education of the Russian Academy of Education Publ., 2001, 224 p. (In Russian).

Информация об авторах

Юсупова Юлия Рустэмовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры межкультурной коммуникации и перевода, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-9103-0413, yulia.r.yusupova@yandex.ru

Асатурова Дарья Олеговна, бакалавр лингвистики, магистрант программы «Реклама и связи с общественностью», Уфимский государственный нефтяной технический университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Российская Федерация, ORCID: 0000-0003-1017-8083, asaturovadarya@mail.ru

Вклад авторов: Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Конфликт интересов отсутствует.

Поступила в редакцию 28.06.2022
Одобрена после рецензирования и доработки
02.09.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the authors

Yulia R. Yusupova, Candidate of Philology, Associate Professor of Intercultural Communication and Translation Department, Akhulla Bashkir State Pedagogical University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-9103-0413, yulia.r.yusupova@yandex.ru

Darya O. Asaturova, Bachelor of Linguistics, Master's Degree in Advertising and Public Relations, Ufa State Petroleum Technological University, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russian Federation, ORCID: 0000-0003-1017-8083, asaturovadarya@mail.ru

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 28.06.2022
Approved after reviewing and revision 02.09.2022
Accepted for publication 09.09.2022

Неофилология

ISSN 2587-6953 (Print)

ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ТЕОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ THEORY OF LITERATURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 821

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-759-771

Китайские единомышленники Е. Замятина: Чжан Тянь-и и Лао Ше

Владимир Вениаминович АГЕНОСОВ

ОЧУ ВО «Московский университет им. А.С. Грибоедова»

111024, Российская Федерация, г. Москва, ш. Энтузиастов, 21

✉ vlad-agenosov@yandex.ru

Аннотация. Исследованы романы-антиутопии 1930-х гг. китайских прозаиков Чжан Тянь-и «Записки из мира духов» (1931) и Лао-шэ «Записки о Кошачьем городе» (1932). Даны краткие сведения о специфике творчества китайских писателей, не известных широкому кругу современных отечественных читателей и литературоведов. Выявлена типологическая близость указанных произведений роману-антиутопии Е.И. Замятина «Мы». Определены литературные предшественники анализируемых романов, связь с произведениями русской, китайской, мировой литературы. Отмечена роль критики в судьбе авторов и их творений. Обозначены традиционные и новаторские жанрово-стилевые особенности книг. Подробно проанализирована сюжетно-композиционная структура, образная система, идейное содержание романов. Рассмотрено ироническое описание различных сфер жизни: партийной системы, выборов, системы образования, войн, творческой деятельности поэтов-декадентов. Детально исследованы особенности повествования, связанные с художественными функциями нарраторов. Отмечен синтетический характер романов, соединяющих в себе элементы нескольких литературных жанров. Выявлено, что форма гиперболического обобщения современных реалий, элементы сатиры и иронии в изображении общества придали произведениям вневременной и внепространственный характер, выведя их за пределы китайской действительности. Сформировано представление о жанрово-типологической общности романов-предостережений Чжан Тянь-и и Лао-шэ, разоблачающих мифы об идеальном обществе XX века.

Ключевые слова: Чжан Тянь-и, Лао Шэ, «Записки из мира духов», «Записки о Кошачьем городе», нарратор, антиутопия, жанр

Для цитирования: Агеносов В.В. Китайские единомышленники Е. Замятина: Чжан Тянь-и и Лао Ше // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 759-771. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-759-771>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Chinese associates of Y. Zamyatin: Zhang Tianyi and Lao She

Vladimir V. AGENOSOV

A.S. Griboyedov Moscow University
21 Entuziastov Road, Moscow 111024, Russian Federation
✉ vlad-agenosov@yandex.ru

Abstract. We explore the dystopian novels of the 1930s by Chinese novelists Zhang Tianyi “Ghostland Diary” (1931) and Lao She “Cat Country” (1932). We give brief information about the specifics of the work of Chinese writers who are not known to a wide range of modern domestic readers and literary critics. We reveal the typological proximity of these works to the dystopian novel by Y.I. Zamyatin “We”. We identify the literary predecessors of the analyzed novels, the connection with the works of Russian, Chinese, and world literature. We note the role of criticism in the fate of authors and their creations. We designate traditional and innovative genre and style features of books. We analyze in detail the plot-compositional structure, figurative system, and ideological content of the novels. We consider an ironic description of various spheres of life: the party system, elections, the education system, wars, and the creative activity of decadent poets. The features of narration associated with the artistic functions of narrators are studied in detail. The synthetic nature of the novels, combining elements of several literary genres, is noted. We reveal that the form of hyperbolic generalization of modern realities, elements of satire and irony in the depiction of society gave the works a timeless and extraspatial character, taking them beyond the limits of Chinese reality. We form an idea of the genre-typological community of Zhang Tianyi and Lao She’s warning novels, exposing myths about the ideal society of the 20th century.

Keywords: Zhang Tianyi, Lao She, “Ghostland Diary”, “Cat Country”, narrator, dystopia, genre

For citation: Agenosov V.V. Kitayskiye edinomyshlenniki E. Zamyatina: Chzhan Tyan’-i i Lao She [Chinese associates of Y. Zamyatin: Zhang Tianyi and Lao She]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 759-771. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-759-771> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

Посвящается Л.В. Поляковой

Роман Е. Замятина «Мы» (1920–1927), как это показано в монументальной монографии Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника», имеет большую и до недавнего времени весьма тенденциозную литературоведческую рецепцию. В 1920-е гг. он был заклеивён как антисоветское произведение. Современная (периода перестройки) критика оценивала роман так же, правда, с «разнонаправленностью эмоций» – с противоположным знаком: как провидческую позицию противника коммунистической идеи и тоталитарного

строения (советского и немецкого), что «менее всего соответствует не только высказываниям самого автора, но и объективному содержанию произведения».

При всей положительной оценке Л.В. Поляковой работ позднего О. Михайлова о Замятине и статьи П. Палиевского об О. Хаксли, автор монографии не хочет видеть, что Михайлов вписывает роман «Мы» преимущественно в традиции русской литературы, и оба литературоведа сводят роман Е. Замятина к критике американского общества. Тем самым произведение вновь сужается до конкретно-социального звучания.

Между тем, как пишет сама Л.В. Полякова, в романе присутствует «установка не только на современность, но и на историческую перспективу исторически сложного хронотопа: прошлое, современное и будущее с установкой на решение историософски социально общественных, антропологических, культурно-исторических задач». Другими словами, учёный утверждает, что «Мы» – историософский (интеллектуальный) роман. Эта идея, подчёркивает замятиновед Л.В. Полякова, проходит через докторскую диссертацию М.Ю. Любимовой «Творческое наследие Е.И. Замятина в истории культуры XX века».

Таким образом, можно утверждать, что в трудах М.Ю. Любимовой и самой Л.В. Поляковой роман «Мы» наконец получил адекватную оценку, был оценён по достоинству.

Широко известно и уже стало общим местом, что прямыми продолжателями, единомышленниками русского писателя стали Олдос Хаксли («О, дивный новый мир», 1932) и Дж. Оруэл («1984», 1949).

Однако наш евроцентризм не позволил заметить и оценить два китайских романа, типологически близких роману Е. Замятина.

Речь идёт о романах «Записки из мира духов» (1931) Чжан Тянь-и, «Записки о Кошачьем городе» (1932) Лао Шэ.

Чжан Тянь-и (настоящее имя: Чжан Юаньдин – 1906–1985) – сын учителя. В 1926 г. после окончания школы поступил в Пекинский университет, но вскоре добровольно его покинул и «пошёл в народ»: работал мелким чиновником, домашним учителем, журналистом. Уже первые рассказы «Сон трёх с половиной дней» (1929) и «Мистер Цзин Е» (1930) отличались юмором и принесли ему известность.

Казалось бы, несмотря на охватившую Запад Великую депрессию (1929–1930-е гг.), Китай начал развиваться. Правда, принятая в 1931 г. Конституция содержала некоторые декларации и обещания в отношении гражданских прав и народного благосостояния и фактически не затронула основы народной жизни. Принятые в том же 1931 г. новые законы об организации центральных правительственных учреждений лишь прикрывались видимостью работы демократических властных институтов. Реально вся власть со-

средотачивалась в руках председателя национального правительства Чан Кайши. Созданное Сунь Ятсеном демократическое движение Гоминдана вырождалось в авторитарную организацию с элементами национал-социализма.

К тому же в 1931 г. на северо-востоке страны началось вторжение японских войск, в борьбе с которым приняли участие войска как Чан Кайши, так и образовавшейся коммунистической партии.

Наблюдая все эти процессы, Чжан Тянь-и присоединился к Лиге левых писателей и в 1927 г. – к Коммунистической партии Китая.

Сатирический портрет эпохи писатель создал в повести «Записки из мира духов» (1931).

Мы не знаем, читал ли молодой китайский писатель «Город солнца» Т. Мора. Но, судя по предшествующему тексту повести письму рассказчика-повествователя Хань Шицзянь, адресованному другу и близкому к предисловию Т. Мора к «Утопии», знал. Точно не известно, знал ли Чжан Тянь-и сатирический роман Дж. Свифта «Путешествие Гулливера». Вполне мог знать: в Китае «Гулливер» издавался сначала отрывками, а в 1906 г. отдельной книгой. Но не подлежит сомнению, что будущий писатель как всякий китайский интеллигент был знаком с утопическими произведениями древней и современной ему китайской литературы: созданной в IV–I веках до н. э. «Книгой ритуалов» («Ли цзи»), «Персиковым источником» («Тао хуа юань цзи») Тао Юань-мина (около 365–427)¹ и «Книгой о Великом Единении» Кан Ю-вэя (1887–1888).

Наверняка знал Чжан Тянь-и роман Ли Жучжэня «Цветы в зеркале» («Цзин хуа юань», 1828)², описывающий занимательные путешествия героев по волшебным землям и соединяющий черты утопии и сатиры.

Как мне представляется, именно сочетание этих книг разнонаправленных жанров (утопия, фантастика, сатира) воплотилось в «Записках из мира духов»³.

¹ Тао Юань-мин. Персиковый источник. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=234426&p=1&ysclid=l69hvbdi4w57157845> (дата обращения: 01.04.2022).

² Ли Жучжэнь. Цветы в зеркале / пер. с кит.; отв. ред. В.С. Колоколов. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1959.

³ Тянь-и Чжан. Записки из мира духов. М.: Изд-во «Росспенлит», 1970. URL: https://royallib.com/book/tyani_chgan/

Роман начинается уже упомянутым письмом Хань Ши-цянь другу, где он сообщает, что совершил путешествие в страну духов, и хотя «повадки и манеры обитателей потустороннего мира, о которых я здесь пишу, могут показаться тебе несколько необычными, даже до некоторой степени смешными. На самом же деле там всё разумно и целесообразно, дела они решают быстро и чётко».

Весь дальнейший текст повести опровергает эту положительную оценку, придавая ей ироническое звучание. Перед нами очевидное разрушение утопии.

Рассказчик Хань Ши-цян – сопровождаемый экскурсоводом по миру духов Сяо Чжун-но с первых минут убеждается, что ничего разумного и целесообразного в мире духов нет. Страна духов с чрезвычайной точностью повторяет земной мир. Население разделено на верхний и нижний ярусы, где нижним отведена роль слуг. Теория неравенства подкрепляется расистским утверждением, что «...мозг индивидуума из низов имеет на 2 клетки «А» меньше, чем мозг представителя верхов, и, стало быть, удел первого, вследствие необратимости явлений, – вечно оставаться внизу». Попытки представителей низов перейти в верхний ярус пресекаются. Впрочем, автор увидел и новую тенденцию, свойственную индустриальному обществу XX столетия: «Новый законопроект вводил обязательное обучение, даже низам вменялось в обязанность учиться. В нижнем ярусе намечалось широкое строительство начальных и средних школ. Решение было дальновидным и разумным. Во-первых, многие виды работ требовали определённого минимума знаний, без среднего образования для нижнеярусников обойтись было невозможно. Во-вторых, высокая плата за обучение гарантировала правительству немалые доходы». «Не следует препятствовать этому карабканию вверх», – говорит один из олигархов. Тем более что это образование будет «самым патриотическим, самым верхнеярусным». Выделим слово «верхнеярусное». Другими словами, речь идёт не о народном образовании, а о том, чтобы сделать этих выбившихся наверх своими адептами и работниками. При

этом оговаривается, что нужно «не забывать о мерах предосторожности».

Злой сатирой звучит фраза о том, что «во время войны обитатели нижнего яруса... выступают, движимые патриотическим чувством, плечом к плечу с соотечественниками из верхнего яруса».

Форма гиперболического обобщения позволяет автору выйти за пределы китайской действительности. Показать, что экономическое разделение на верхи и низы касается не только его родной страны, но всей мировой глобалистской системы, не исключая так называемой социалистической системы.

Безусловным открытием китайского писателя стало изображение тех, кого мы сегодня называем олигархами. В повести их лицемерно зовут простолюдинами. Полно иронии описание простолюдина Лу Юэ-лао: «На вид ему было чуть больше сорока лет. Поджарый. Сойдя с машины, он поклонился гостям и всем пожал руку. <...> Держался он на редкость непринуждённо. Истинный характер простолюдина! – Э, – говорил он на ходу, – у нас равноправие, я всего лишь простолюдин, к чему такие церемонии, ха-ха!.. Присутствующие стали в круг, а в середине зала с метлой в руках расположился высокий гость. Тридцать секунд столп района подметал идеально чистый пол, после чего метлу унесли... Этот акт выражает простоту и демократизм Лу Юэ-лао. Согласится ли богач подметать пол? Но в основе политики района лежат идеи простолюдинов, и, следовательно, богачи должны быть просты и демократичны. Ритуал соблюдается на каждом крупном приёме».

Контрастом к этой сцене служит описание оргии с участием целого ряда простолюдинов.

Не меньшим глобальным обобщением являются страницы, показывающие партийную систему в стране духов. Н.Т. Федоренко в послесловии к публикации повести в СССР (1970) сравнивает партии «корточкистов» и «восседающих» с существованием в Гоминдане двух комитетов: Центрального исполнительного и Центрального контрольного. Учёный справедливо указывает, что одновременно в повести «безошибочно угадываются черты двухпартийной американской системы» [1], сторонниками которой были многие деятели Гоминдана. При всей справедливости этого утверждения оно явно су-

живает значение книги, лишает её глубинного осмысления всей так называемой демократической системы.

Показанная в произведении Чжан Тянь-и партийная система далеко выходит за пределы двух стран. Она характерна для любой автократической системы, распространённой во многих странах мира до наших дней. «Политическая программа, – рассказывает путнику его Вергилий, – у них одна, это верно, но в быту кое-какие различия есть. Скажи-ка, в месте отдохновения для мужчин ты восседаешь на стульчаке или присаживаешься на корточках?» Таким образом, суть их разногласий доведена писателем до абсурда. Фактически партии заняты только проблемой обогащения.

Это особенно ярко показано в эпизоде выборов президента. Когда победителем становится тот, за кого вложены большие деньги. Все остальные события «избирательной кампании» – всего лишь формальность и зрелище для обывателей. Характерно, что и олигарх, чей протекте потерпел поражение, не остаётся бедным. Ему возвращают деньги, ибо экономические интересы победителей совпадают с его бизнесом. И вновь приходится сказать, что созданная Чжан Тянь-и картина выходит далеко за пределы китайской действительности 1930-х гг. Псевдовыборы – характерное явление не только XX, но и XXI столетия.

Не менее иронично, но в целом вполне в духе ангажированной прессы, с явными преувеличениями сообщается биография вновь избранного президента: «Пресса отмечала единодушие народа, избравшего Генеральным Президентом Ба Шань-доу, из чего явствует, с каким энтузиазмом народ поддерживает господина Ба». Здесь же была опубликована его краткая биография.

Не обошёл своим вниманием Чжан Тянь-и и систему образования. Ограничимся одной цитатой: «Владельцы имущества на сумму свыше трёх тысяч юаней имели право учиться лишь в начальной школе, владельцы имущества на сумму свыше пятидесяти тысяч юаней – в средней школе первой ступени; на сумму свыше ста тысяч юаней – в средней школе старшей ступени; имущество на сумму свыше шестисот тысяч давало право на поступление в высшее учебное заведение; на

сумму свыше трёх миллионов – в научно-исследовательские институты».

Об уровне науки свидетельствуют описания кабинета «глашатая раскованной жизни» ректора университета, похорон профессора Вэня и сцены публичной псевдонаучной дискуссии.

На этажерке ректора «книг не было: нижнюю полку украшал ночной сосуд». Ректор, как с гордостью сообщает его секретарь, вместо науки «целых три часа приводит комнату в порядок, он отдаётся этому делу всей душой». ««Гуманитарные факультеты, – повествует путешественник, – ничем не отличались от наших, зато прикладные дисциплины включали в себя... науку по воспитанию местной администрации, науку по воспитанию добродетелей (специально для лиц женского пола), науку по выращиванию спортивных чемпионов, а также коммерческий факультет».

Слава и величие профессора Вэня покоится на перечне его трудов, наиболее известными из которых считаются десять, в том числе: «Начальное пособие по баскетболу», «Компендиум по кулинарии», «Критическое исследование восьмидесятиглавого любовного романа», «Рассуждение об «Абсолюте».

Ещё более остроумно рассказывается о дискуссии священника и учёного. «Первую теорию представлял священник Чжу, который верует во всё, написанное о сотворении мира в Библии, где говорится, что владыка небесный создал одного мужчину и одну женщину, от коих произошли все мы. Вторую теорию представлял Лу Чуань-линь. Лу верит в учение Дарвина, гласящее, что все мы произошли от животного». Третья теория совсем странная: «Когда земной шар был ещё бездушен, однажды пошёл сильный снег и появились два индивида мужского пола. Мужчины стали заниматься педерастией и родили много сыновей и дочерей... Педерастия вела к деторождению».

Вершиной насмешки над псевдонаучными статьями и заодно над печатью страны духов является история с публикацией «научной» статьи профессора Вэя о соседней стране, где якобы «жители страны (низы, конечно, – верхнеярусники вымерли все поголовно) привыкли есть человечину...». Якобы

государственный флаг к каждому празднику окрашивается кровью убитых людей.

Попытка путешествующего по стране рассказчика Хань Ши-цян назвать эти «исторические» изыскания «несусветной чужью» расцениваются продажной прессой как «игра на руку кровожадным и жестоким низам из мира людей», как «склонность Хань Ши-цян к «онизению» и прочее и прочее...». В итоге обе точки зрения по воле олигарха были признаны «двумя направлениями в исторической науке».

В «Путешествии...» показан и коммерческий характер войн. И псевдопатриотизм обманутого верхами народа, приветствовавшего войну.

Выражая позицию демократической Лиги левых писателей, Чжан Тянь-и едко расправился с декадансом, захватившем тогда не только определённую группу деятелей культуры Китая, но и весь мир с начала XX века и до сегодняшнего дня. В академии искусств висят лозунги «Жизнь служителя искусства – раскованность», «Даёшь жизнь не по правилам!», «Раскованность – символ современности!» На выбеленной стене были выписаны огромные квадратные чёрные иероглифы: «ДА ЗДРАВСТВУЕТ ЖИЗНЬ НЕ ПО ПРАВИЛАМ...» «Профессора и студенты университета литературы и искусства славились чудовищной распущенностью».

Хань Ши-цян создаёт сатирический портрет поэта-декадента Сым Си-ду. Выразительно название сборника его стихов «Курю опиум и стремлюсь к прекрасному». Он «уже в пять лет твердо решил стать специалистом по декадентской литературе. Но, к его несчастью, Сыма обладал завидными здоровьем и силой... Сыма был неплохим спортсменом. Пришлось немедленно отказаться от спорта. Затем он ухватился за идею систематического недосыпания... Ночные бдения менее чем за год увенчались ощутимым результатом: нервная система была несколько подорвана. Исподволь он начал пить... Немалое значение придавалось «большому маку», то есть опиуму, с которым Сыма познакомился отнюдь не через поэзию Бодлера или Артюра Рембо. Он считал курение опиума важным звеном в цепи проводимых мероприятий. Правда, его тошнило, но огромным усилием воли он заставил себя

продолжать начатое дело. Труды девяти с половиной лет завершились блестящим успехом». Собравшись жениться, он требует от врача выдать фальшивую справку, что его невеста тоже серьёзно больна.

Не менее курьёзно показан «специалист по новейшему символизму» Хэй Лин-линь. Цитаты из его стихов и высказываний лишены какого-бы то ни было смысла: «Дух карандаша моего мгновение тому погружался в очаровательную навозную кучу...», «Уши господина Ханя способны заморозить душу, хотя они и не похожи на куриные перья, даже будучи квадратными, но танцуют они лучше, нежели солёная утка», «Господин Хань, сегодня ты другой, ты хлопаешь крыльями в форме замка по душе стакана для полоскания рта у соловья с осадком ста душ».

Беспощаден Чжан Тянь-и и к писателям, занимающим подобострастные государству позиции, писателем, «объединённым для пропаганды патриотизма». Его смущает, что «писатель обязан зарегистрироваться в Министерстве просвещения», где «официальные лица выдают ему искомое удостоверение на право публикации своих книг». При этом можно обойтись без этого, получив рекомендацию олигарха.

Так называемая патриотическая литература с её идеальным сверхгероем не вызывает симпатий автора книги. Он пародирует «выдающееся произведение» такого типа, где «автор откровенно любовался своим блистательным героем. Был он восьми чи и пяти цуней ростом. Прочёл все на свете книги, постиг языки разных народов, проявил недюжинные способности к науке, собрал богатый урожай на ниве художественной литературы. Преуспел он также в военном деле, сильной его стороной был спорт, он мог за двенадцать минут проплыть 1200 морских миль. С успехом пилотировал самолёт, рисовал, писал стихи, а также мог на скаку выстрелом из пистолета поразить летящую муху...».

Нет ни одной области жизни XX столетия (а может, и XXI), которую бы не осмелился автор «Путешествия...».

При этом он не раз подчёркивает, что описываемые события происходят в «День любой», то есть могут совершаться не только в Китае и не только в период создания романа. Тем самым сатира становится вневремен-

ной. Жизнь показывает, что она актуальна и в наши дни.

Другими словами, от выраженного в письме другу признания справедливости устройства страны духов к концу повествования не остаётся камня на камне, заявленная в предисловии утопия разрушается.

Чжан Тянь-и создал произведение, намного десятилетий опередившее своё время.

Годом позже появился роман Лао Шэ «Записки о кошачьем городе»⁴.

Лао Шэ (Шу Цинчунь 1899–1966) родился в бедной маньчжурской семье. Его отец погиб во время Боксёрского восстания. В 1913 г. мальчик поступил в гимназию, из-за недостатка средств вынужден был покинуть её. Но был принят в Пекинский педагогический институт, который окончил в 1918 г. С 1918 по 1924 г. работал преподавателем в школах Тяньцзиня и Пекина. С 1924 по 1929 г. преподавал в китайском отделении Школы востоковедения (ныне Школа востоковедения и африканистики) Лондонского университета.

Летом 1929 г. он уехал из Великобритании в Сингапур, где преподавал в китайской средней школе, а весной 1930 г. вернулся в Китай. С этого времени до 1937 г. преподавал в нескольких университетах: Университет Цилу (Цзинань), Шаньдунский университет (Циндао) и др.

Исследователи творчества писателя указывают на знакомство Лао Шэ с творчеством Ч. Диккенса (оказавшего влияние на создание первого романа), Дж. Свифта и Л. Кэррола. Сам писатель говорил о влиянии на него Ф.М. Достоевского.

К 1932 г. Лао Шэ был автором написанного в Лондоне 1926 г. романа «Философия Лао Чжана» (老张的哲学) и повести «День рождения Сяопо» (小坡的生日, 1930), пьес и ряда рассказов и стихотворений.

Отечественные и зарубежные исследователи творчества Лао Шэ неоднократно указывали на сходство формы и художественных приёмов «Рассказа о кошачьем городе» с «Островом пингвинов» А. Франса, «Первым человеком на Луне» Г. Уэллса и сочинением

М.Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города». Крупнейший исследователь творчества Лао Шэ А.А. Родионов со ссылкой на китайских учёных пишет о перекличках романа с «Цветами в зеркале» Ли Жу-чжэня (1828), о чём говорил и сам писатель; с романом Шэнь Цунвэня «Записки о путешествии Алисы по Китаю» (1928) [2].

Несомненно, что автор «Записок о кошачьем городе» был знаком и с годом ранее появившейся повестью «Записки из мира духов» (1931) Чжан Тянь-и. Только этот роман, как было сказано выше, напрямую перекликается с творением Лао Шэ.

Характерно, что, как и в случае с романом Е. Замятина, китайская критика восприняла роман Лао Шэ как клевету на китайское государство и китайский народ. Причём это произошло как в гоминдановской истории Китая, так и в эпоху культурной революции в народном Китае. Писателя заставили отречься от своего детища и довели до самоубийства.

В советской критике роман был истолкован как пророчество культурной революции [3]. Гораздо более глубоко охарактеризовал роман А.А. Родионов. Описав спектр вопросов, поднятых Лао Ши и актуальных для гоминдановского Китая («развал экономики и системы образования, корыстность политиков, капитулянтство и недееспособность правительства, расслоение и дезорганизация общества, трусость армии и одурманивание народа завезённым из-за рубежа наркотиком, некритичное заимствование всего иностранного и колонизация страны иностранными державами»), учёный утверждает: «Но всё же главная проблема, приковывающая внимание Лао Шэ, это нравственная деградация кошачьего общества» [2]. Или, говоря другими словами, утрата морали в социальном обществе XX века. «Мне не дают покоя мерзости, творящиеся на наших глазах», – объяснял Лао Шэ в главе «Как я писал «Записки о Кошачьем городе» книги эссе «Старый вол, разбитая повозка»⁵.

Однако в отличие от своего предшественника Лао Шэ сгущает ситуацию, создаёт фантастическую картину государства-ада⁶,

⁴ Записки о кошачьем городе (кит. 猫城记). Здесь и далее цитаты даются в тексте с указанием страниц по изданию *Лао Шэ. Избранное*: пер с кит. / сост. и ред. А.А. Файнгар. М.: Изд-во «Радуга», 1982.

⁵ Там же.

⁶ «Записки о кошачьем городе» – это путешествие Данте в ад: что вижу, о том и рассказываю // Лао Шэ.

предсказывая ещё не наличествующую в XX веке ситуацию гибнущей цивилизации, над которой уже занесён «грозный перст» судьбы. Никто не работает, жители только наслаждаются наркотическими листьями и в крайнем случае наживаются на их продаже, как это делает Большой Скорпион. «Люди-кошки утратили и честь, и совесть» (222).

«Кошкисты не имели никакого понятия об экономике» (268). «Устраиваем революции только ради шумихи, потому что ничего не знаем, ничего не делаем, забываем о том, что революционное дело требует от человека высоких духовных качеств» (268), – говорит Маленький Скорпион. – Да, опасное это дело – революция без подлинной цели! Когда «каждый переворот сопряжён с увеличением армии, с ростом числа алчных чиновников». «Политическая острота сводится к жонглированию несколькими новыми словами. Мы случайно узнаём о какой-нибудь стране и поднимаем у себя шумиху. Потом услышим, что в другой стране произошла реформа – снова не обходимся без шумихи. В результате другие страны действительно проводят реформы, а мы – нет. Особенность наша в том, что чем больше мы шумим, тем хуже нам живётся» (265–266). «Внешне правят «сторонники нового», а по существу – старые лисы» (267).

«Среди наших деятелей нет ни одного честного человека, и в экономике они ничего не смыслят. Власть для них – только средство угнетать да притеснять».

Человеческая жизнь ни в грош не ставится. «Законы – только знаки, вырезанные на камне... Человек ценится меньше дурманного листа...» Повсеместно наблюдается «нарушение прав человека» (228). «Рукоприкладство считается привилегией высокопоставленных людей-кошек, и подчинённые принимают побои как должное». «В городе солдаты бьют прохожих не просто для того, чтобы расчистить дорогу, но и из высших соображений» (225). «С собственным мирным людом кошачьи солдаты воевали отлично!» Убийство кошки-гражданина рассматривается как вполне нормальный акт. «Помещик должен убить по крайней мере одного солдата и закопать его под деревом, чтобы

обеспечить себе на следующий год богатый урожай» (216). Грабёж становится нормой. Парадоксом звучит сообщение, что нанятых для охраны солдат размещают подальше от охраняемого ими сада: они – первые грабители. Более того, «солдаты могут сами убить хозяина, ободрать все листья, а из веток сделать оружия» (216).

На недоумённый вопрос путешественника, зачем тогда нанимать солдат, следует ответ: «Все понимали, что солдаты ничего не могут защитить, но отказаться от них значило оскорбить генералов, а Большой Скорпион был гражданином благонамеренным и не хотел, чтобы его в чём-нибудь обвинили» (214). Благонамеренность, равная ханжеству, показана и в главе о том, как кошки обожают слова «государственность» и «патриотизм». «Слово «государственный» употреблялось здесь особенно часто: дурманные листья – это государственная пища, Большой Ястреб – государственный преступник, грязь в канаве – государственная защита...» (283). «Государизм означает крайний, даже фанатический патриотизм, а наша красновёровочная гвардия из того же патриотизма стремится в местечко поспокойнее, где ей ничто не угрожает» (285), – рассказывает Маленький Скорпион.

Национальный престиж понимается как синоним денег: это основная денежная единица в Кошачьем государстве. «Когда чужой национальный престиж забираешь в свои руки, – откровенничает Большой Скорпион, – это считается очень благородным поступком... здесь, в Кошачьем государстве, честность бессмысленна».

Фанатический патриотизм – пустые слова. «В минуту грозной опасности народ должен быть сплочён. Все на борьбу с врагом!» (281), – провозглашается в манифесте удирающего вместе с чиновниками императора. Брошенная армия в панике бежит, круша и грабя всё на своём пути. А аристократия «идёт сдаваться. Кто первый подарит столицу врагу, тот получит в награду прибыльное местечко».

Грозный перст судьбы нависает над столицей государства. «Город огромной чёрной Тенью лежал под звёздным небом в полнейшей тишине, испуская одно зловоние... Всё пространство между домами заполнено народом, неизвестно чем занимающимся. Ни

один житель не ходит прямо, обязательно мешает другим». Улицы искривлены и беспорядочно расположены.

Существенной причиной потери нравственности и разрушения государства Лао Шэ, как и Чжан Тянь-и, считает систему образования, доведённую в романе до полного абсурда.

Когда-то в Кошачьем государстве «существовали разные классы, учеников оценивали по качеству знаний, но постепенно экзамены были упразднены (как символ отсталости), и ученик кончал школу, даже если не ходил в неё» (250). Потом «была проведена кардинальная реформа, согласно которой день поступления в школу считался одновременно днём окончания университета. В школу ходили не учиться, а получать диплом» (251); «школы никак не были связаны с жизнью. Реформа оказалась прекрасной – для Кошачьего государства. По статистическим подсчётам, ...страна сразу заняла первое место на Марсе по числу людей с высшим образованием... Школы по-прежнему были открыты, а расходов – ни гроша. Учителя были довольны тем, что все они стали преподавателями университетов, что все учебные заведения превратились в высшие, а все ученики стали первыми. <...> Достаточно было не умереть к семилетнему возрасту, как высшее образование обеспечено» (250). «Образование основывалось лишь на нескольких канонизированных учебниках и совершенно не требовало нравственного воспитания. [Учебники] не учили, не развивали в учениках способность к самостоятельному мышлению... О благородстве и добродетели было забыто». «Крах системы образования «Вызван утратой нравственного начала... Науки стали использовать только для наживы» (253). «Воспитание превращает человека в зверя» (255).

«Ещё больший эффект принесла эта реформа с экономической точки зрения. Раньше императору приходилось ежегодно выделять средства на образование, а образованные люди часто начинали вредить ему... Теперь стало иначе» (250).

К моменту описанного в сюжете времени «школы превратились в рынки, а затем в пустыри, окружённые стенами». Ученики почувствовали безнаказанность. «Они резали учителей!» (248). Дело доходило до убийств ди-

ректоров школ. На первый взгляд, дети (символ будущего) здесь «самые жизнерадостные существа в мире». Но у них нет будущего, считает рассказчик: «Только общество идиотов могло породить грязных, худых, вонючих, уродливых, безносых, но всё-таки жизнерадостных детей. Это подражание взрослым и наказание им. Когда эти дети вырастут, страна станет ещё грязнее, вонючее и уродливее. Многожёнство, свободные союзы, блуд – и ни единой мысли о будущем» (246).

Под стать простым горожанам и учёные. «Все [старшие] учёные оказались страшно худыми и грязными; даже их маленькие уши были набиты грязью...» (257). Каждый из них называет себя первым, из-за чего между ними возникают драки. Историк открывает древний способ казни – сдирание кожи с живого – и мечтает подать императору просьбу о восстановлении этого рода умертвления. В период военной опасности для страны они собирают конференцию, чтобы выяснить не имеющие никакого значения вопросы: сколько солдат на фронте, захватят ли враги Кошачий город. «Если они действительно намерены его захватить, то мы посоветуем Его Величеству передвинуться ещё дальше на восток».

Не менее смешны «не грязные, вполне упитанные и жизнерадостные» молодые учёные, учившиеся за границей и нахватавшиеся модных иностранных слов, «употребляемых без понятия, как придётся» (259). Их научные интересы сводятся к интересу об устройстве штанов путешественника и о туфлях иностранных женщин.

Наиболее приближено к реальности описание судеб женщин (14 глава). «Местные женщины очень забыты, а эти [т. н. новые] бродят где хотят, – должно быть, лёгкого поведения». В Кошачьем городе процветает проституция, издевательство над женщинами. Большой Скорпион жалеет, что не может продать своих дочерей.

Финал романа повествует о полной гибели Кошачьего государства. Не способных защитить родину, раздираемых противоречиями трусливых кошек побеждают лилипуты-иностранцы. Явившиеся к ним на поклон кошки были убиты. Пленных «всех закопали живьём! Страшное наказание за неспособность сопротивляться!.. Люди, не уважаю-

щие самих себя, не могут рассчитывать на человеческое обращение...» (295). Небольшие группы, объединившиеся для сопротивления, «переругались и передрались между собой. Когда на холм поднялись лилипуты, там осталось всего два дерущихся человека-кошки. Победители не стали убивать их, а посадили в большую деревянную клетку, где пленники продолжали яростный бой, пока не загрызли друг друга до смерти» (295).

Нарисованный писателем Апокалипсис, предсказывающий судьбу человечества, завершился.

Таким образом, два незнакомых друг с другом писателя создали типологически близкие романы, разоблачающие мифы об идеальном обществе XX века. Разница в том, что Чжан Тянь-и гиперболизировал современные формы общественной жизни, а Лао Шэ воссоздал перспективы морального падения мира.

Оба автора передают повествование нарратору, что позволяет ему не только создавать картины, выступать «в роли корреспондента и всё, что видел и слышал, с усердием заносить в дневник» мира духов или обезьяньего государства, но и удивляться увиденному, напрямую высказать свои сомнения.

Интересна фигура, избранная Чжан Тянь-и в качестве нарратора. Хань Ши-цян любознателен, обладает здравым смыслом и, столкнувшись с теми или иными явлениями, умеет находить в них как минимум несуразности (требование прятать носы под чехлами), а чаще – полное несоответствие провозглашаемого и реального.

Джан Тянь-и, как и авторы классических утопических романов, даёт своему путешественнику Хань Ши-цян Вергилия (бизнесмена и карьериста), вполне благополучно вписавшегося в порядки страны духов.

Вполне логичные вопросы путешественника не получают вразумительных ответов.

В частности, он не понимает, «почему бы всем не расселиться на одном ярусе», и получает ответ, что «низы грубы, неотёсанны», в дальнейшем принимающий расистское объяснение о биологических отличиях верхних и нижних слоёв.

Диалоги нарратора и Сяо Чжун-но – первый способ показать, воссоздать ненормальность социальной жизни страны.

Другой – анализ любознательным нарратором законов. Так, читая правила регистрации в первом ярусе, Хань обнаруживает, что сам он ни по одному пункту не подходит под эти правила, но их, оказывается, можно нарушать по воле богачей. В другом случае нарратор цитирует Конституцию и понимает, что вся она лишает простой народ свобод, оставляя одни обязанности. Анализ принятых законов показывает ему, что все поступления с налогов «предназначались для партии в период её деятельности, строительство и спуск на воду военных судов общим водоизмещением в девятьсот миллионов тонн, а также строительство ста тысяч самолётов...». Закон о перемещении духов настолько идиотский, что даже известного иностранного профессора не пустили на конференцию, как не соответствующего этому закону. «Да, было над чем подумать», – констатирует свои наблюдения нарратор.

Третья функция нарратора – участие в разного рода проходивших в светском обществе мероприятиях, куда его приводит и втягивает Сяо Чжун-но.

«Интересно, случайность это или в мире духов повсюду богатство и великолепие? – спрашивает себя в начале путешествия Хань. – Поживём – увидим».

По мере развития сюжета выясняется, что богатство и великолепие присущи только олигархам-простолюдинам. Остальные составляют их порочное окружение.

Заявив себя как простого наблюдателя, Хань систематически даёт неллицеприятные оценки увиденному. Читая газету, замечает, что о визите богача Фэй Фэй в бассейн написано подробно крупным шрифтом, а об аварии на заводе – петитом. Гибель 7–8 рабочих поминается мельком, но говорится, что «цех сможет продолжить работу». Зрелище, когда шестеро рабов ублажают собак олигарха, «произвело на меня тягостное впечатление».

Чуждый на земле политике, выборам («Подобные вещи никогда не вызывали во мне интереса. Я достаточно далёк от них», – признаётся он), вынужден делать выводы о так называемой выборной кампании; понимает, что выборы – сплошной обман внешней демократии, за которой стоят деньги.

Он может «вспылить» по поводу унижения женщин и тем более для него неприем-

лемо вовлечение в проституцию детей. Он отказывается войти в члены Комитета лжеисторических наук. Испытывает отвращение, когда даже в застолье едят и пьют по команде: «Глоток! – раздался голос офицера. – Два глотка! Три глотка! Бокалы – ставь! Садись!.. Аплодисменты! Все, как один, громко захлопали в ладоши... Съесть ломтик хребта! Пить! Глоток! Ещё глоток! Ещё глоток! Стоп!»

Хань более чем ироничен по отношению к декаденству. Приводимые им цитаты поэта Сыма Си-ду – карикатура и полная бессмыслица. Впрочем, и сам здоровяк-поэт, любой ценой доказывающий свою и своей невесты болезненность, не вызывает у нарратора симпатии.

Позиция нарратора позволяет автору дать в этом случае прямые оценки декаденства, как, впрочем, и псевдореалистической (по сути, бульварной), «героической» литературы. Хань пространно цитирует некую книгу, где герой – набор преувеличенно положительных оценок.

В целом ряде случаев нарратор упрямо защищает гуманистические ценности и, забывая о своей роли исключительно наблюдателя, напрямую вмешивается в культурную жизнь страны духов. Не жалея эпитетов, он говорит о статье, пугающей обывателя ужасами некой страны (в подтексте цель статьи – показать, как прекрасна страна духов): «Совершенная галиматья! Несусветная чушь!» Это едва не закончилось для него трагически, но он не отказался от своих взглядов: «Буду бороться с невежеством». Продолжением этой истории с мракобесием служит дискуссия о происхождении человечества, где признаётся верной и точка зрения Дарвина, и положение Библии, и уж совсем нелепая теория о двух мужчинах, от которых появились люди.

Порой Ханю приходится быть конформистом: он принимает пожалованные ему ни с того ни с сего деньги; сначала возмущившись браками по расчёту, соглашается, что такое есть и на земле («моё возмущение растаяло, как лёд»). Но при этом испытывает угрызения совести, о чём его друг, менее совестливый, Чжун-но, «принуждённо рассмеявшись», замечает: «Прости, я забыл о твоём благородном сердце».

Типичный интеллигент-гуманист XX столетия, Хань Ши-цяннь пытается оправдать увиденное (в финале он даже говорит, что «всё в мире духов радовало взгляд»), «инфантильностью [духов] и своим непонимание исходных принципов [их] поведения».

Этот финал романа разделяет автора, нарратора и читателя. Читатель, в отличие от нарратора, видит отнюдь не совершенную, а гиперболизированную картину несостоятельности авторитарного общества.

Если нарратор Чжан Тянь-и – наблюдатель в основном верхнего слоя олигархического общества, то нарратор Лао Шэ, в силу своего положения пленника Большого Скорпиона, имеет возможность увидеть и оценить степень надвигающегося нравственного падения всех слоёв общества потребления.

Как и нарратор Чжан Тянь-и, нарратор Лао Шэ – живой человек: он смеётся, сердится, ему становится скучно, хочется взглянуть на церемонию кошачьих похорон. Он самокритично признаётся, что порой становится приспособленцем. Наконец, испытывает одиночество: «Они живут хоть и в грязи, но со своими родными, а у меня на Марсе нет никого» (226). Ему совершенно непримлемо безнравственное, поросшее тиной успокоенности царство кошек. Убедившись, что «здесь трудно сохранить человеческое достоинство...» (208), нарратор говорит: «Я должен снова вернуться к человеческой жизни: есть, пить и мыться как люди, а не превращаться в полумёртвого ленивца. Я скорее согласен прожить две недели, но разумно и полноценно, чем двадцать тысяч лет прозябать в дурмане» (208).

Как и в «Записках из мира духов», в «Записках о Кошачьем городе» нарратору даны спутники: Маленький Скорпион, девушка Дурман и государственный преступник Большой Ястреб. Они не ограничиваются введением нарратора в курс жизни Кошачьего города, но дают объяснения причин морального падения своих соплеменников, знакомят нарратора с различными персонажами. Некоторые совпадают с теми, кого видел нарратор-путешественник Чжан Тянь-и. Например, с учёными. Лао Шэ доводит описание посещения школ до полного абсурда, за 30 лет до культурной революции в Китае предсказав бесчинства учащих.

Общаясь с Большим Скорпионом, Нарратор убеждается, что «все вещи в Кошачьем государстве должны были приносить прямую пользу» (222), что «люди-кошки утратили и честь, и совесть», что их ничего не интересует, кроме выгоды и наслаждений (поедание листьев). «Высокопоставленные люди могут захватывать учреждения» (242). «Всюду царит приспособленчество» (221). «Отношения мужчин и женщин сводятся только к блюду» (245). «Люди-кошки безжалостно порывают даже с отечественной историей» (263): распродают национальные сокровища и разворовывается имущество музеев... «Библиотеки давно разорены и превращаются в гостиницы».

Посещение дома вдовы посланника (не употреблявшей листья) и её «забота» о женщинах и девушках – свидетельство лицемерия. Как и движение за чистоту: «после того как дождь вымыл весь город, наведение чистоты не потребует ни малейших усилий! Даже в вонючей канаве вода стала прозрачной» (241).

Во всех перечисленных случаях даётся объяснение истоков рассказанных явлений. Это делает Маленький Скорпион. Нарратор на первых порах обвиняет его в недалекости или даже трусливости, показывает высокомерным по отношению к другим кошкам. Излишне пессимистичным. Проповедующим приспособленчество.

Но по мере развития сюжета выясняется, что юноша и его девушка Дурман живут прекрасными, хотя утопическими, идеями, противостоящими миру кошек. Юноша отчетливо понимает, что в его стране «революции устраиваем только ради шумихи, ... что революционное дело требует от человека высоких духовных качеств, которые безвозвратно утеряны обитателями страны». «Вызубрив кучу сведений, мы не умели самостоятельно мыслить», – рассуждает Маленький Скорпион. Кошачье воспитание «превращает человека в зверя» (253), лишает его способности к самостоятельному мышлению. Они с самого рождения не умеют думать. «Мои сверстники с самого рождения какие-то полумёртвые. Они всем недовольны, однако стоит им почуять малейшую выгоду для себя, как их сердца черствеют» (232). «Внешне я наследник отца, ... а фактически всего лишь паразит. На дурные дела я не

размениваюсь, но и на хорошие не способен» (231). Пессимизм Маленького Скорпиона идёт от осознания, что путь невозврата завершён: он считает, что «шахматная партия проиграна, беспечно смешивает фигуры и смеётся над собственным поражением» (243).

Однако в решительные минуты гибели Кошачьего города именно Маленький Скорпион и Дурман идут сражаться за город и гибнут. А добровольно жертвующий собой Большой Ястреб говорит: «Наша гибель – не жертва и не путь к славе, а насущная необходимость. Мы не желаем быть рабами! Человеческая совесть долговечнее жизни. Вот и всё...» (277).

«Человек не может жить вне своей нации и государства, если он теряет их, он гибнет» (291), – резюмирует нарратор гибель своих спутников.

Интересно, что в этом четырёхугольнике нарратор остаётся гуманистом, верящим в добро. Он неоднократно призывает Маленького Скорпиона более оптимистично глядеть на мир. Более того, проведя бессонную ночь, надеется «хоть немного помочь местным жителям. Если у них появится хороший руководитель, они наверняка станут мирными и достойными гражданами... В моём воображении рисовались радужные картины: Кошачий город перестроен, превращён в огромный цветник. Кругом чистота, порядок, стоят красивые скульптуры, щебечут птицы, играет музыка» (229). «Оглянись вокруг, – взывает он к Молодому Скорпиону, – мир не покажется тебе таким уж безнадежным» (232). «Я не верил, – признаётся он, – что люди-кошки не способны ничего добиться. Они всё-таки люди, а люди могут преодолеть всё» (269). Он «ещё не поставил крест» на молодых учёных... Даже если они не уступают в глупости старым, они хоть живые и весёлые. Маленькому Скорпиону стоило бы позаимствовать у них оптимизм, и тогда, быть может, он совершил бы немало полезного» (269). Нарратору явно неприятна кошачья логика страдания: «Чем выше заслуги человека, тем больше он должен страдать» (215). Возможно, китайский автор полемизирует здесь с Ф.М. Достоевским.

Чтобы усилить антиномичность человеческой и кошачьей жизни, нарратор даже

готов признать, что «приехал из спокойного, счастливого Китая» (269).

И лишь к финалу рассказчик убеждается, что нравственный разврат зашёл слишком далеко, что Кошачий город обречён.

Роман Лао Шэ – грозное предостережение о перспективах человечества, если оно не вернётся к нравственным ценностям, не станет активно бороться за свою судьбу. В условиях бездуховного XXI столетия «Рассказ о Кошачьем городе» не только не утратил своей актуальности, но и стал ещё более значимым для будущего человечества.

Остаётся выяснить чисто теоретический вопрос о принадлежности двух разобранных романов к жанру антиутопий. С одной стороны, здесь нет опровержения основных постулатов классической утопии, претендующей на глобальное осмысление строения государства. С другой стороны, проблематика обоих романов во многом совпадает с теоретическими проблемами, поднимаемыми в классической утопии: социальное устройство

государства, должностные лица, выборы, образ правления, образование. Вместе с тем все названные проблемы носят не абстрактный характер, а коррелируются с XX столетием, наполняются конкретным содержанием, далёким от утопической мечты. Положительный идеал присутствует в подтексте, в размышлениях нарраторов.

Само наличие нарраторов явно заимствовано из утопий и романов-приключений (Свифт, Дефо, китайские предшественники).

В обоих романах присутствует гиперболизация, сатира, юмор.

Всё это позволяет сказать о появлении новаций в утопической прозе и появлении в XX веке жанра антиутопической прозы, включающей в себя элементы других жанров современной литературы. В любом случае оба романа выходят далеко за пределы жизни Китая 1920–1930-х гг. Если это антиутопии, то антиутопии индустриальной и постиндустриальной эпох автократического общества.

Список источников

1. Федоренко Н. Живые и призраки // Тянь-и Чжан. Записки из мира духов. М.: Известия, 1970.
2. Родионов А.А. Лао Шэ и проблема национального характера в китайской литературе. СПб.: Роза мира, 2006. 263 с.
3. Федоренко П.Т. Лао Шэ и его творчество // Лао Ше. Избранное. М.: Радуга, 1982. С. 3-11.

References

1. Fedorenko N. *Zhivyye i prizraki* [Living and ghosts]. In: Tianyi Zhang. *Zapiski iz mira dukhov* [Ghostland Diary]. Moscow, Izvestiya Publ., 1970. (In Russian).
2. Rodionov A.A. *Lao She i problema natsional'nogo kharaktera v kitayskoy literature* [Lao She and Problem of National Character in Chinese Literature]. St. Petresburg, Roza mira Publ., 2006, 263 p. (In Russian).
3. Fedorenko P.T. *Lao She i ego tvorchestvo* [Lao She and his work]. In: Lao She. *Izbrannoye* [Favorites]. Moscow, Raduga Publ., 1982, pp. 3-11. (In Russian).

Информация об авторе

Агеносов Владимир Вениаминович, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории журналистики и литературы, Московский университет им. А.С. Грибоедова, г. Москва, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-3033-2850](https://orcid.org/0000-0003-3033-2850), vlad-agenosov@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, работа с литературными источниками, анализ художественных текстов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 19.05.2022
Одобрена после рецензирования 06.07.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the author

Vladimir V. Agenosov, Doctor of Philology, Professor, Professor of History of Journalism and Literature Department, A.S. Griboyedov Moscow University, Moscow, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-3033-2850](https://orcid.org/0000-0003-3033-2850), vlad-agenosov@yandex.ru

Contribution: main study conception, work with literary sources, literary text analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 19.05.2022
Approved after reviewing 06.07.2022
Accepted for publication 09.09.2022

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА И ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
RUSSIAN LITERATURE AND LITERATURE
OF PEOPLES OF RUSSIAN FEDERATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 82-3:801.73

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-772-785

**Специфика синтеза фольклорного и православного кода
в романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль»**

Ольга Юрьевна ОСЬМУХИНА ✉, **Екатерина Александровна БЕЛОГЛАЗОВА**
ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»
430005, Российская Федерация, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68/1
✉ osmukhina@inbox.ru

Аннотация. Роман Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» проанализирован сквозь призму фольклорного кода. Роман, построенный как синтез fiction и non-fiction и повествующий о первых неделях после чернобыльской катастрофы, соединяет библейский контекст и историю небольшой семьи, разворачивающуюся в реальных исторических условиях по схеме сказочного нарратива. Установлено, что эпиграф к роману не просто «рифмуется» с сюжетным развёртыванием, но, во-первых, задаёт ключевую тему повествования (Чернобыльская катастрофа), во-вторых, даёт возможность обнаружить общность происходящих процессов в библейские времена и в современности, заставляя читателя неизменно соотносить происходящее в настоящем и в далёком прошлом на каждом новом витке фантазмагорического действия. Он расширяет тему романа до глобальных, вселенских масштабов, погружает её в контекст библейской образности (Чернобыльская авария как начало Апокалипсиса, вселенской катастрофы) и приобретает функции контекстуального звена, связывающего не просто эпохи, но современность с вечностью, быт с бытием. Православный контекст романа воплощён в мотивах всепрощения, соборности, жертвенной любви, а также в образной системе, где представлены два типа героя-праведника: если главная героиня являет собой «усомнившегося праведника», следующего к вере через испытания, личные разочарования и потери, то её сестра Анна соотносима с праведниками-странниками (она не идеальна, ей присущи житейские пороки, но она истово верит в Бога, не отступает от собственных убеждений, а в финале готова на подлинно жертвенный поступок, отказавшись от личного счастья ради спасения сирот).

Ключевые слова: Ю. Вознесенская, роман, православная проза, фольклорный код, христианские мотивы

Для цитирования: *Осьмухина О.Ю., Белоглазова Е.А.* Специфика синтеза фольклорного и православного кода в романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 772-785. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-772-785>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The synthesis specificity of folklore and orthodox code in Y. Voznesenskaya's novel "The Star Chernobyl"

Olga Y. OSMUKHINA ✉, Ekaterina A. BELOGLAZOVA

National Research Ogarev Mordovia State University

68/1 Bolshevistskaya St., Saransk 430005, Republic of Mordovia, Russian Federation

✉ osmukhina@inbox.ru

Abstract. Y. Voznesenskaya's novel "The Star Chernobyl" is analyzed through the prism of the folklore code. The novel, built as a synthesis of fiction and non-fiction and telling about the first weeks after the Chernobyl disaster, connects the biblical context and the story of a small family, unfolding in real historical conditions according to the scheme of a fairy tale narrative. We establish that the epigraph to the novel does not just "rhyme" with the plot deployment, but, firstly, sets the key theme of the narrative (Chernobyl disaster), and secondly, it makes it possible to discover the commonality of the ongoing processes in biblical times and in modern times, forcing the reader invariably correlate what is happening in the present and in the distant past at each new round of phantasmagoric action. It expands the theme of novel to a global, universal scale, immerses it in the context of biblical imagery (Chernobyl accident as the beginning of the Apocalypse, a universal catastrophe) and acquires the functions of a contextual link that connects not just epochs, but modernity with eternity, everyday life with existence. The Orthodox context of novel is embodied in the motifs of forgiveness, catholicity, sacrificial love, as well as in the figurative system, where two types of righteous hero are presented: if the main character is a "doubted righteous man" who follows the faith through trials, personal disappointments and losses, then her Sister Anna is comparable to righteous wanderers (she is not ideal, she has worldly vices, but she devoutly believes in God, does not deviate from her own convictions, and in the finale is ready for a truly sacrificial act, refusing personal happiness for the sake of saving orphans).

Keywords: Y. Voznesenskaya, novel, orthodox prose, folklore code, Christian motifs

For citation: Osmukhina O.Y., Beloglazova E.A. Spetsifika sinteza fol'klornogo i pravoslavnogo koda v romane Y. Voznesenskoy «Zvezda Chernobyl'» [The synthesis specificity of folklore and orthodox code in Y. Voznesenskaya's novel "The Star Chernobyl"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 772-785. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-772-785> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Начнём с очевидного: в настоящее время рассмотрение и осмысление русского художественного текста как феномена православной культуры сомнений не вызывает, ибо, по справедливому мнению А.А. Гагаева и П.А. Гагаева, «отечественная картина мироздания, или русский образ мира, есть в своей основе русский православный взгляд на человека и его Создателя, на мироздание, на человеческую историю, познание человека,

его видение прекрасного и прочее, прочее» [1, с. 7]. Русские писатели – от творцов житийных текстов до многочисленных авторов прозы современной – убедительно отображают христианскую сущность русского человека, бытие которого во многом определяется православными заповедями, общим пафосом примирения, милосердия, любви и всепрощения. Соответственно, необходимость рассмотрения русской словесности и её истоков в русле национальной духовной традиции, в неразрывной связи с православии-

ем, его ценностями и идеями, определяющими отношение того или иного художника слова к константным основам бытия и морально-эстетическим принципам, становится одной из актуальных проблем современного литературоведения. Более того, на рубеже XX–XXI веков, в период духовного возрождения России, активизации диалога церкви и светской власти и шире – церкви и социума, появление и активное развитие православной художественной литературы становится весьма значимым явлением в современном литературном процессе, требующем системного изучения.

Подчеркнём, что уже неоднократно указывалось на существование и развитие в последние десятилетия «религиозного литературоведения» [2], сторонники которого осмысливают русскую литературу в качестве совершенно особого духовного феномена, выдвигают на первый план религиозно-нравственную проблематику, изучают влияние православия на формирование личности того или иного писателя, его мировоззрение и мировосприятие, анализируют поиски истины его героями, осмысливают саму русскую словесность сквозь призму категорий «пасхальности», «соборности» и т. д., с учётом размышлений русских религиозных философов И. Ильина, Н. Бердяева, В. Зеньковского, К. Леонтьева, П. Флоренского (И.А. Есаулов, В.Н. Захаров, А.М. Любомудров, А.Б. Тарасов и др.). Подобное расширение исследовательского горизонта, обновление литературоведческой методологии, безусловно, углубляет понимание отечественной словесности, её ценностной и художественной специфики.

Наиболее пристального внимания заслуживает, на наш взгляд, современная православная проза. Очевидно, что всей русской словесности, исторически возникшей в рамках новой христианской цивилизации и генетически связанной с православным мировоззрением, присуще обращение к библейским сюжетам, религиозной образности (уже в жанровой системе Древней Руси принципиально значимое место занимали патерики и жития святых), причём это касается и советской литературы (примечательны в этом отношении, например, «Плаха» Ч. Айтматова, «Хранитель древностей» Ю. Домбровского,

«Прощание с Матёрой» В. Распутина и др.), где писатели именно в религиозной мотивике стремились «найти извечные опоры – нравственные и философские», и, как справедливо указывает Г. Нефагина, «уже в начале 1980-х годов были написаны произведения, которые можно определить как религиозные по той христианской в своей сути идее, что положена в их основу» [3, с. 79]. С середины 1980-х гг., по замечанию исследовательницы, несмотря на общую «безрелигиозность сознания», начинается «религиозное возрождение» [3, с. 80], религиозная тематика в литературе разрабатывается весьма активно (описывается монастырская или церковная жизнь, в художественной форме подлежат толкованию категории христианства), но произведений, которые, равно как у Достоевского или Гоголя, «основаны на фундаменте лично выстраданной религиозной идеи» [4, с. 230], ещё нет. Однако уже на рубеже XX–XXI веков в качестве если не оппозиции, то полемической реплики в адрес постмодернизма с его игровыми практиками и идеей мира как тотального хаоса возникает мощный пласт православной словесности, пытающейся «уравновесить» мироздание, упорядочить человеческое бытие традиционной аксиологической составляющей. Как верно заметила Я.В. Солдаткина, характеризуя специфику литературного процесса этого периода, «православная проза показательна тем, что активно разрабатывает художественную категорию «чуда», с разной степенью органичности вплетая её в ткань повествования, основанного на реальном биографическом и духовном опыте автора» [5, с. 54–55]. В продолжение мысли исследовательницы добавим, что в этом же ряду стоят и произведения Ю. Вознесенской, Ю. Шаманской, Ю. Сыроева, Б. Спорова, А. Донских, К. Певцова, а также проза священнослужителей (например, арх. Тихона (Шевкунова), Николая Агафонова, Ярослава Шипова, Александра Шантаева, Александра Дьяченко, Саввы Михалевича, Алексия Лисняка, Александра Торика, Алексия Мокиевского и др.).

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Наиболее примечательно в плане осмысления отечественной православной прозы

творчество Ю.Н. Вознесенской (1940–2015) – «диссидентки, прошедшей через ссылку, тюрьму и высылку из страны; христианки, несколько лет прожившей в женской обители; волонтера антикризисных сайтов, утешавший людей в тяжелейших жизненных обстоятельствах»¹. Отметим, что диапазон творчества писательницы весьма широк: стихотворения, повесть-притча «Мои по-смертные приключения», «православные фэнтези» («Паломничество Ланселота», «Путь Кассандры...» и т. д.), детективная серия «Русские дела» графини Апраксиной» и др. Первым романом, принёсшим ей известность, в котором наметились все последующие темы, мотивы, приёмы её прозы, является «Звезда Чернобыль» (1987). Именно в нём не только воплощается православная картина мира, основанная на категориях любви, самопожертвования, милосердия, всепрощения, и представлена попытка объективного освещения трагедии на Чернобыльской АЭС, но и органично синтезируются фольклорные и христианские мотивы, анализ которых является ключевой задачей настоящей статьи.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

«Звезда Чернобыль» стоит на грани fiction и non-fiction: история трёх сестёр, прочитываемая через фольклорный код и развиваемая в реальном историческом времени (первые месяцы чернобыльской катастрофы), обрамляется материалом документальным – фрагментами из советских газет и сообщений официальных новостных агентств, причём последние явно контрастируют с действительно происходящими событиями (газетные и иные официальные новости выделены графически, что усиливает визуальный эффект) и демонстрируют тотальную ложь советской прессы, подтасовывающей факты и намеренно скрывающей сначала факт самой катастрофы, а затем её подлинные масштабы. Например, 26 апреля 1986 г. западные СМИ уже известили об аварии на АЭС, и сестра главной героини пытается предупредить её об этом в телефонном разговоре, новостная

программа московского радио от 28 апреля (спустя два дня) упоминает об этом вскользь, в череде других «важных» новостей, извещая слушателей прежде всего о посещении секретаря ЦК КПСС тов. Зайкова завода в Тульской области, рассказывая об успехах буровиков, о посевной в Калужской области и т. д.

Заглавие романа, простое на первый взгляд, предполагает некую двусмысленность и, с одной стороны, отсылает читателя к трагически известной аварии на Чернобыльской АЭС. Краткость заглавия, по мнению Е.В. Пономарёвой, объясняется «линейной комбинаторностью» – <...> в нём маркированы тема, хронотоп, объект повествования и даже содержатся опосредованные намёки на сюжет, причём, подчеркнём, всё это воспринимается одновременно, между заглавием и текстом не остаётся никаких смысловых завес <...> [6, с. 27]. Однако Чернобыль в заглавии назван «звездой», что поясняется эпиграфом к роману, взятом из Апокалипсиса: «Третий Ангел вострубил, и упала с неба большая звезда, горящая подобно светильнику, и пала на третью часть рек и на источники вод. Имя сей звезде полынь; и третья часть вод сделалась полынью, и многие из людей умерли от вод, потому что они стали горьки»². И далее в подстрочной ссылке даётся автокомментарий с отсылкой к словарю В.И. Даля о том, что «Чернобыль – крупный вид полыни»³. Очевидно, что эпиграф, являющийся частью заголовочно-финального комплекса, при своей визуальной обозримости и семантической соотнесённости с основным текстом романа не просто «рифмуется» с сюжетным развёртыванием, но, во-первых, задаёт ключевую тему повествования (Чернобыльская катастрофа), во-вторых, даёт возможность уловить общность происходящих процессов во времена библейские и в современности, заставляя читателя неизменно соотносить происходящее в настоящем и в далёком прошлом на каждом новом витке фантазмагорического действия. Фактически эпиграф расширяет тему романа до глобальных, вселенских масштабов, погружает её в контекст библейской образности

¹ Хасьминский М. Юлия Вознесенская: бабушка над пропастью во ржи. URL: <https://foma.ru/yuliya-voznnesenskaya-o-chem-zhalet-ved-est-shans-chto-yavizhu-hrista.html> (дата обращения: 15.05.2022).

² Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 5.

³ Там же. С. 5.

(Чернобыльская авария как начало Апокалипсиса, вселенской катастрофы). Эпиграф приобретает функции контекстуального звена, связывающего не просто эпохи, но современность с вечностью, быт с бытием.

В лучших классических традициях русских писателей, работавших на стыке художественной прозы и публицистики, «не уместаясь» в рамки однострочия (минимального текста), писательница находит «возможные пути трансформации заглавия» и заменяет его изложением краткого, «телеграфно» обозначенного содержания, «замещающего заголовки и оформленного в соответствии с традицией визуального выделения заглавия, набранного курсивом и помещённого между пронумерованным разделом и непосредственно текстом» [6, с. 28]. Фактически содержание каждой главы у Ю. Вознесенской поясняется, расшифровывается: «ГЛАВА ПЕРВАЯ. *Анна, Ирина и Свен узнают новость*»⁴. Или: «ГЛАВА СЕДЬМАЯ. *Анастасия попадает к диссидентам*»⁵. Или: «ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. *Анастасия пробирается в тридцатикилометровую зону*»⁶. Подчеркнём, что подобное последовательное, сквозное линейное деление на главы, которое определяет монолитный характер произведения, выглядит органично и вполне свойственно крупной жанровой форме.

Пролог, открывающий повествование, задаёт сказочный хронотоп, причём всё последующее сюжетное развёртывание будет так или иначе соотноситься с сюжетной схемой сказки. Как указывает В.Я. Пропп, «с первых же слов сказки <...> слушатель сразу же охвачен особым настроением, настроением эпического спокойствия. Но это настроение обманчиво. Перед слушателем скоро раскроются события величайшей напряжённости и страстности. <...> Далее <...> сказка вводит какую-нибудь семью. <...> характер семьи, с которой начинается сказка, может быть раскрыт только постепенно, по мере того, как будут развиваться события. <...> семья живёт счастливо и спокойно, и могла бы жить так очень долго, если бы не произошли очень маленькие, незаметные собы-

тия, которые вдруг, совершенно неожиданно, поражаются катастрофой» [7, с. 38]. Пролог в романе Ю. Вознесенской открывается сказочным зачином: «Жили-были три сестрицы...»⁷. Далее повествование вводит историю «сестриц» – «Анастасии, Анны и Алёнушки – все на букву «А»⁸ – и их полной и счастливой поначалу семьи. Заметим, что имена героинь-сестёр весьма символичны: Анна (в переводе с иврита «сила, храбрость, благодать») будет символизировать храбрость и силу жертвенности в поисках младшей сестры; Анастасия (греч. «возвращение к жизни, воскресение, возрождение») метафорически возродится в финале, когда решит взять на себя заботу о сиротах; Алёна (греч. «факел, сияющая, солнечная») буквально освещает родительский дом, неся всем своим обликом радость и веселье. Когда Анна будет рассказывать Свену о своей семье, она подчеркнёт именно «солнечность» сестры: «Она всё на свете делала только для того, чтобы кому-то лучше было. <...> К ней запросто подходили все собаки на улице. Издали увидят и улыбаются по-собачьи, представляешь? И с цветами она разговаривала»⁹.

Как и в сказке, счастливая жизнь семьи нарушается неожиданным событием – в романе Ю. Вознесенской сначала это смерть родителей, в результате которой старшая сестра вынуждена, отказавшись от личной жизни и собственного счастья, взять на себя заботу об Анне и Алёнушке, а затем – отъезд Анны за границу и неурочная свадьба Алёнушки с Иванушкой. Имена героев здесь тоже отсылают к сказочной образности, что подчёркивается самой героиней: «Жили-были три сестрицы. Старшая умница, средняя красавица, а младшая Алёнушка – дурочка. Умерла их мать, старшие сёстры растили-растили сестрицу-дурочку, а она всё умнее не становится. И тогда стали они думать и гадать, куда бы дурочку с рук сбить, куда пристроить? А тут к Алёнушке посватался физик Иванушка. Тоже дурачок, конечно. Алёнушка подумала-подумала... Целых три часа думала! Да и согласилась выйти за него замуж. Они жили долго и умерли в

⁴ Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 28.

⁵ Там же. С. 90.

⁶ Там же. С. 217.

⁷ Там же. С. 7.

⁸ Там же. С. 9.

⁹ Там же. С. 247.

один день. Вот и вся моя сказка»¹⁰. Примечательно, что сама того не подозревая, шутливо объясняя сёстрам своё скорое замужество, Алёнушка в сжатом, редуцированном виде излагает собственную дальнейшую, трагическую судьбу – свою и своего суженого, с которым они в один день с разницей в несколько часов погибнут при взрыве реактора в Чернобыле. Кстати, сказочный сюжет про сестрицу Алёнушку возникнет в памяти главной героини (старшей сестры) в финале, когда, пробравшись в зону Чернобыля уже после трагедии на АЭС, она окажется в пустой квартире Алёны: «Анастасия снова положила голову на детское бельё. Сквозь запах пыли пробивался смешной, совсем забытый детский запах. Так когда-то пахли рубашечки и платица Алёнушки. Вдруг вспомнилась старая русская сказка, которую она читала маленькой сестричке. Про сестрицу Алёнушку и брата Иванушку»¹¹.

Если в сказке кто-то из старших членов семьи накладывает запрет младшим, отлучаясь из дому, то в романе Ю. Вознесенской функциональную роль «старшей», «родительницы» выполняет Анастасия, несущая ответственность за сестёр, прежде всего за Алёну, едва окончившую школу: именно она запрещает Анне увозить Алёнушку в эмиграцию, но спор сестёр, который мог бы стать исходной точкой в конфликтной ситуации, снимается и подменяется известием о замужестве младшей сестры и её отъезде вместе с мужем в Чернобыль, где «суженый» служит на атомной станции. Именно это известие, которое, казалось бы, уравнивает спор сестёр и примиряет их друг с другом, приводит к беде: «Какая-либо беда – основная форма завязки. Из беды и противодействия создаётся сюжет» [7, с. 53]. При этом в сказочном нарративе герой об этой беде узнаёт и отправляется в путь.

Аналогичное пространственное перемещение характерно и для композиции «Звезды Чернобыль»: Анастасия, услышавшая об аварии от сестры и не поверившая ей, первоначально пытается обнаружить сведения в советской печати, обращается к «старшим товарищам по партии», а затем отправляется

в Москву, где наконец-то узнает правду об аварии лишь в диссидентских кругах, а затем летит в Киев. Равно как и в сказке, само пространственное перемещение героини здесь не принципиально, однако её путь вполне соотносим с концептуальным архетипом пути-дороги, актуализирующим неустроенность, бесприютность главной героини, фактически отправляющейся на поиски судьбы и счастья, которые в её сознании сопряжены исключительно с семьёй младшей сестры, уверенностью в том, что Алёнушка, её муж и дети живы и здоровы.

Примечательно наблюдение В.Я. Проппа по поводу характера сказочного героя, отправляющегося в путь: «Кто он – живой ли, отправляющийся в царство мёртвых, или он – мертвец, отражающий представления о странствованиях души?» [7, с. 60]. В романе Ю. Вознесенской Анастасия в качестве путешествующей героини синтезирует функциональные роли сказочного персонажа: с одной стороны, она, действительно, пересекая запретную зону Чернобыля после взрыва на реакторе, отправляется в «царство мёртвых»; с другой стороны, душа её, отравленная партийными лозунгами, в которые она десятилетиями безоговорочно верила, метафорически давно мертва, сёстры покинули отчий дом, а сама она не устроила личную жизнь и осталась одна. Пройдя длительный путь испытаний, научившись отличать истину от лжи, душа героини, обретя в финале своих странствий покой, находит приют в мире мёртвых: «Потом она заставила себя встать. Подошла к раковине и отвернула кран. Тонкой струйкой потекла вода. Радиоактивная? Ей было всё равно. Она сполоснула лицо, намочила блузку там, где сердце. Стало чуть легче дышать»¹².

Дальнейшая композиция сказки, как известно, связана с получением героем волшебного, чудодейственного средства, с которым он может отправиться в заповедное место, таинственный лес. Если в сказочном пространстве волшебное средство персонаж получает, как правило, от яги, то в «Звезде Чернобыль» функции героев несколько меняются: дарителем становится старый друг – киевский доктор Алексей, который «выписал себе и Анастасии путёвки и выхлопотал ма-

¹⁰ Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 25.

¹¹ Там же. С. 226.

¹² Там же.

шину с шофёром»¹³ для проезда в ближайший населённый пункт от места аварии, а волшебным напитком выступает чистая питьевая вода, которая помогает героини сохранить жизнь.

Однако, попав в «таинственный лес», наполненный опасностями, – функциональную роль этого топоса выполняет как раз зона чернобыльской катастрофы, – героиня забывает о «волшебном напитке»: «Она взяла чашку, из которой в последний раз её Алёнушка пила чай, и налила себе воды из-под крана. Выпила. Она забыла, что в рюкзаке, который остался в передней, у неё ещё была вода из Иванкова»¹⁴.

«Таинственный лес» – Зона радиации – предстаёт подлинным царством мёртвых. В описании пути к Зоне и дороге по ней преобладают, равно как и в дантовском Аду (отметим, что к дантовскому опыту, реализованному в «Божественной комедии», писательница обратится и в «Моих посмертных приключениях»), чёрные тона, здесь мрачно и темно: «Прошли мимо **чёрного** щита с надписью «Запретная зона. Опасно для жизни!» В **темноте** надпись была отчётливо видна издали. Потом ехали уже только лесом и кустарником»¹⁵ (выделено нами. – О. О., Е. Б.). Или: «Перед ними был поворот шоссе, в обе стороны уходившего за **тёмную** стену высоких кустов»¹⁶ (выделено нами. – О. О., Е. Б.). Дорога персонажей полна опасностей, она извилиста: «дорога пошла кустарником и ветви немилосердно хлестали её по лицу. <...> – Сейчас будем ехать по кустам вдоль дороги, а потом рванём через шоссе. <...> На той стороне шоссе тропинки не было, и они шли напролом по придорожному кустарнику <...>»¹⁷. По В.Я. Проппу, «лес в сказке играет роль задерживающей преграды. Лес, в который попадает герой, непроницаем. Это своего рода сеть, улавливающая пришельцев» [7, с. 70]. В романе Ю. Вознесенской подступы к Зоне выполняют ту же функцию – они должны задержать пришельца, чужака, какой является героиня (не случайно в какой-то

момент она споткнулась и сильно ударилась ногой, однако это её не остановило).

Проводником здесь становится некий Шлык – аферист и хулиган – персонаж-трикстер, сочетающий в своём образе комическое и трагическое начало. Залихватски и разнузданно ведущий себя на свадьбе, где он исполняет непристойные частушки, регулярно посещающий Зону в целях мародёрства, прекрасно понимающий, к чему это приведёт, мечтающий «год пожить, как душа просит», он отчётливо осознаёт весь ужас ситуации («Людей понагнали, солдатни. Жалко ребят. Я близко подходил, видел, как они работают. Респираторов и тех не хватает, в марлевых повязках радиацию эту лопатами сгребают. Жуть!»¹⁸) и именно он готов, забыв о деньгах и посулах о «заграничных джинсах», заставить героиню покинуть это страшное место.

Традиционным элементом пространства сказочного леса, как известно, является избушка яги, которая занимает промежуточное положение между мирами, она словно охраняет вход в царство смерти, и «охранителям» его непременно нужно дать еды – мяса или хлеба. В «Звезде Чернобыль» такой «избушкой» оказывается домик Лукьянишны. Сама Лукьянишна («маленькая старушонка с палочкой», «сухонькими тёмными руками» и «тёмными глазами») появляется перед героиней неожиданно, чем пугает её, ибо является она ей в совершенно обезлюдевшей Зоне, в которой все дома брошены, хозяйства покинуты. Правда, оказывается, что Лукьянишна не одна: многие старики остались в собственных домах «доживать», не захотев оставить родную землю. Но при этом домик Лукьянишны всё-таки маркирует пограничье – мир Зоны есть царство мёртвых, да и сама Лукьянишна, кстати, дважды спрашивает героиню о хлебе: «У тебя хлебца нет, девушка?»¹⁹; «Хлебушка вот только нет, соскучали мы по нему. Так у тебя тоже, говоришь, нету?»²⁰ Трансформация образа яги маркируется ещё и тем, что традиционно «русский дух» (дух живого человека) раздражает её, тогда как Лукьянишна, напротив, приветлива с Анастасией и любезно приглашает её не просто

¹³ Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 189.

¹⁴ Там же. С. 227.

¹⁵ Там же. С. 218.

¹⁶ Там же. С. 220.

¹⁷ Там же. С. 219-220.

¹⁸ Там же. С. 218.

¹⁹ Там же. С. 229.

²⁰ Там же. С. 231.

«зайти в садочек»), но и позавтракать вместе с ней. Завтрак у Лукьянишны тоже соотносим с «угощением» яги, причём, равно как и в волшебных сказках, мотив угощения основан на «представлениях о волшебной пище, принимаемой умершим на его пути в потусторонний мир» [7, с. 88], так и Анастасия, приобщившись к «мёртвой», заражённой пище, да ещё и умывшись «мёртвой» водой, оказывается полноправным членом этого царства мёртвых.

Сродни сказочной яге, дающей вслед за угощением герою награду, ибо он уже прошёл ряд испытаний, Лукьянишна тоже «награждает» Анастасию, открывая ей подлинную истину, отличную от той «партийной правды», в которую она верила всю жизнь. И здесь необходимо подчеркнуть, что фольклорный код, через который прочитывается роман, правомерно рассматривать и в качестве кода к его глубинной, онтологической сути, при этом суть эта открывается героине Лукьянишной и закольцовывает композицию. Если эпитафия приобретал функцию контекстуального звена, связывающего современность с вечностью, то Заглавие, «Пролог» и «ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. Анастасия пробирается в тридцатикилометровую зону», графически маркированные в произведении, фактически создают кольцо, обрамление, обеспечивающее абсолютное погружение в картину страшной трагедии, обретающей вселенские масштабы (последняя глава, по нашему мнению, может быть прочитана в качестве эпилога ко всему роману). Религиозные, православные мотивы, заявленные в эпитафии, пронизывают весь текст произведения.

Воплощена в романе идея соборности, причём (и это объясняется сугубо авторскими воззрениями на раннем этапе творчества, в связи с участием в диссидентской деятельности) соборность как поиск путей единства и гармонии человека с человеком и человека с миром присущ прежде всего диссидентскому кругу, в который попадает Анастасия в Москве. Ещё Андрей Петрович, когда Анна сидела в лагере, «ездил к ней на свидания, посылал посылки и даже предлагал помощь сёстрам»²¹, хотя сам был не богат. Его супру-

га Наталья и её друзья объединены духовной общностью, они готовы помогать даже незнакомым, живут согласно православным устоям. Их система ценностей не искажена: долг, служение правде в высшем смысле, отказ от материального благополучия ради ближнего для них первостепенен. Не зная Анастасию, Наталья сразу же предлагает ей перебраться жить в её коммуналку, ибо в гостинице «ужасно дорого»²², она, «замученная работой, разъездами из одного конца города в другой, домашними ночными стирками и штопками, помогала семьям других политзаключённых»²³; питалась она плохо, а дефицитные продукты, которые приносили друзья, отправляла «лагерным сидельцам», то же было и с деньгами: «В дом приходили люди и приносили изрядные суммы. Наташа из какого-то потаённого места доставала свою тетрадь с зашифрованными записями, что-то отмечала, с чем-то сверялась, и в тот же вечер развозила эти деньги по адресам»²⁴. Она даже помыслить не может о том, чтобы соблазниться чужими деньгами, аскеза для неё суть существования, а совесть – определяющая категория.

Соборность являет себя и в описании свадебного застолья, за которым сходятся разные поколения и возрасты. Несмотря ни на что, «люди устали беречься. Жизнь берёт своё»²⁵. Традиционно описания семейных празднеств имеют сакральный смысл: «образ праздничного пира, пронизывающий всю Библию, <...> есть центральный образ жизни <...> при её сотворении, а также образ жизни в её конце и исполнении. <...> Пища <...> напоминает о главной цели человеческого существования – приобщении, причастии Божественной жизни», принятие пищи сохраняет черты «естественного таинства», оттого люди, «сами того не зная», «алчут и жаждут жизни как таинства», – указывает протопресвитер А. Шмеман [8, с. 67]. И в «Звезде Чернобыль» свадебный «пир на весь мир», на улице, за длинными столами, куда зовут всех и вся, становится символом соборности, единения людей, несмотря на беду, подлинное торжество радостной общно-

²² Там же. С. 94.

²³ Там же. С. 97.

²⁴ Там же. С. 97.

²⁵ Там же. С. 209.

²¹ Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 91.

сти: «Произносили тосты за молодых, за родителей, прибывали новые гости – пили и за новых гостей. Потом появились два молодых парня с баянами. Начали петь хором украинские и русские песни. С песен перешли на пляски. <...> Плясали и старые и молодые. Забавно было наблюдать, как ребята в джинсах лихо отплясывали гопака с пожилыми гостями»²⁶.

Мотив веры первоначально возникает в начале повествования в споре сестёр, где Анастасия, убеждённая коммунистка, член партии, доказывая правоту «партийного курса» и абсолютную правильность и правду, проводит параллель между своей «верой» и православной верой Анны: «Но я знаю главное – я верю моей партии. Если хочешь, слепо верю, слепо повторяю то, чем учит партия. Я верю, что там, в сердце нашей партии, люди знают больше, чем мы с тобой, и если они что-то делают, на первый взгляд, непонятное, даже и не на первый, я им должна верить. <...> Ты же ведь свои молитвы читаешь без купюр, не так ли? Так вот для меня каждое слово моей партии священо»²⁷. Анастасия соглашается с сестрой, что осознаёт себя аналогично «дьякону в церкви», ибо своей «вере» она учит школьников. «Вера» Анастасии поначалу настолько сильна, что ни один из аргументов сестры, пострадавшей от режима, не действует на неё. В её сознании, как и у многих советских людей, насильственно оторванных от православия, истинные ценности подменены ценностями ложными, о чём писал о. П. Флоренский: «<...> дробится и рассыпается общество и личность, до самых тайников своих, желая жить без Бога и устраиваться помимо Бога, самоопределяться против Бога» [9, с. 173]. Анна, уже, напротив, живя много лет за рубежом и размышляя о своих «советских годах», вспомнит главное, что придавало ей и её друзьям-диссидентам силы на фоне «трагической безнадежности»: «Вера в Бога, вера в друзей, да вера в самих себя – вот, чем они держались дома»²⁸.

Путь Анастасии – ревностной атеистки и убеждённой коммунистки – к Богу, к осозна-

нию подлинной истины долог и труден, и начинается он в тот момент, когда постепенно рушатся её представления о «безгрешности» и тотальной «честности» партии: сначала «органы» прерывают звонок сестры из Стокгольма, причём именно в тот момент, когда она сообщает об аварии на АЭС, затем она сопоставляет публикации в газетах, информацию по радио и телевидению и с ужасом осознаёт, что советские люди живут в атмосфере тотальной лжи.

Более того, ложь эта преступна, ибо касается человеческих жизней, возможности своевременной помощи людям. Об этом ей сообщает её киевская подруга Татьяна: «А ты посмотри, когда они дали медицинские рекомендации? На одиннадцатый день! Вот они, во вчерашней газете – 6 мая! Они преступники, потому что период полураспада радиоактивного йода восемь дней! Йод-131 – ты слышала?»²⁹ По Ю. Вознесенской, разрушение православных ценностей в Советской России, утрата религиозного единства привели к искажённой аксиологической системе, тотальной лжи властьпридержащих, искажающих даже базовые понятия и сводящих их к «игре» в государственные интересы: свободы как личной свободы воли в избрании добра и зла (не случайно Анна вспоминает о введённой в уголовный кодекс статье за инакомыслие), равенства как равенства всех перед судом Божиим (если студентов из капиталистических стран, после аварии немедленно выехавших домой, советская пресса обличает, то насильственно удерживаемых в общежитиях учащихся из стран третьего мира выставляют едва ли не как «героев»). Анастасия начинает осознавать, что действия власти расходятся с православными представлениями о совести и справедливости – тотальная ложь и произвол советской номенклатуры, вводящей в заблуждение людей, не есть служение народу. Утрата христианского духа любви и милосердия, православного миропонимания, выражающегося в том, чтобы напитать алчущего, напоить жаждущего, одеть нагого, принять странника, посетить больного (Мф. 25: 35-36), привела к тому, что понятие «партии» в сознании героини становится эфемерным началом, олицетворяющим зло и неправду.

²⁶ Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 209.

²⁷ Там же. С. 16.

²⁸ Там же. С. 43.

²⁹ Там же. С. 140.

Примечательно, что уже по приезде в Киев, пообщавшись с диссидентами, насмотревшись на облучённых в московской клинике, героиня трезво смотрит на происходящее и подмечает, что её не задевает «выпад» Тани в адрес партийного съезда. Более того, переломным в её мировоззрении стал разговор с Викторией Львовной в самолёте, которая во многом раскрывает ей глаза и на ложь советской прессы, и на то, что действительно творится в Киеве и зоне катастрофы. Именно она со свойственной ей житейской, материнской мудростью просто и убедительно поясняет Анастасии самые важные вещи: «Бог меня не спросит, хорошо ли я работала на субботнике в помощь Чернобылю, а спросит: «Где, Виктория Львовна, ваши дети, где ваши внуки, всё ли у них в порядке?» <...> И я скажу Богу: «Ты знаешь, легко ли мне было, Господи. <...> ты знаешь, Господи, какие муки я вынесла, чтобы поднять и выучить моего Сёмочку. <...> И когда ты, Господи, допустил эту их катастрофу в Чернобыле, разве я не спасаю его и его семью, чтобы они не пили эту отравленную воду?» <...> И что же, по-вашему, ответит мне Бог? <...> Он скажет мне: «Виктория Львовна, вы всё делали, что должна делать каждая мама, и у меня к вам нет никаких претензий». А с теми, кто выпускает радиацию на невинных детей, Он тоже еще разберётся! И хорошо им не будет, уж это вы мне поверьте»³⁰. Образ матери, пусть и в качестве сквозного персонажа, как нам представляется, здесь отнюдь не случаен: жертвенной любовью он противостоит сумасшествию и хаосу реальности; более того, человечность Викторией Львовны как матери подкреплена и традиционной религиозностью: лишь Господь для неё – единственное мерило поступков. Именно её устами выражена высшая мера в оценке происходящего, лишь мать как примиряющее и объединяющее начало несёт истину, любовь и добро и напоминает о том, что «мир есть не хаос, и мировой порядок не есть нескончаемая кровавая смута. Есть любящее сердце Матери, которое должно собрать вокруг себя Вселенную» [10, с. 29]. Образ Викторией Львовны сопоставим с героинями-матерями классической словесности как хранительницами

³⁰ Вознесенская Ю. Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 128-129.

цами очага, носительницами миропримиряющего начала, жертвенности. Достаточно вспомнить не только образы Ниловны («Мать» М. Горького), Анны Семёновны Штрум («Жизнь и судьба» В. Гроссмана), Ильиничны («Тихий Дон» М. Шолохова), но и «светлую ипостась» Варвары Петровны Ставрогиной: «Она охраняла его от каждой пылинки, нянчилась с ним двадцать два года, не спала бы целых ночей от заботы, если бы дело коснулось до его репутации поэта, учёного, гражданского деятеля»³¹. Материнское начало, действительно, торжествует и в финале «Звезды Чернобыль», когда Анна принимает решение стать матерью осиротевшим племянникам.

Лукьянишна тоже воплощает Божью правду, а потому Анастасия остаётся у неё. «Все за грех виноваты», – полагал Ф.М. Достоевский, а потому Анастасия, слепо верившая партии и режиму, признаёт и себя виновницей творимой лжи, глубоко переживает неправду и в стремлении разделить всю ответственность за трагическое заблуждение, грех, встаёт на путь Богосыновства – путь любви, самоотречения, предполагающий принятие вины на себя за общее зло, осознание личной ответственности перед ближними и перед Богом. Пробуждение собственных заблуждений, неправоты, совести влечёт за собой необходимость вступить в диалог с человеком, воплощающим Божью правду. Именно Лукьянишна открывает для Анастасии Библию – и это кульминационный момент в духовной эволюции героини, он завершает её путь в земной жизни, венчает принципиально новое осмысление жизни и своего места в ней, окончательную смену аксиологических координат: через нравственные потрясения, страдания, разочарование в той «вере», которой она слепо следовала всю жизнь, через переживание смерти близких и боль потери, Анастасия обретает покой, внутреннюю цельность. Примечателен в этом плане финальный диалог главной героини с Лукьянишной:

«– <...> и дед Егор молитвы по книгам читает. <...> А книга у него есть старинная.

³¹ Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1974. Т. 10: Бесы: Роман: в 3 ч. / Текст подгот. Н.Ф. Будагова. С. 6.

Важная, ещё от дедов осталась. Там и про Чернобыль сказано.

– Что сказано про Чернобыль? Как это может быть, если книга старинная?

– Так ведь только в старых книгах и правда, милая. А сказано там, что перед тем, как прийти концу света, будут ещё людям предупреждения всякие. И одно предупреждение, сказано, такое: зажжёт Ангел над землёй звезду Полюнь, а «полюнь» – это по-нашему и будет «чернобыль». Вот ведь какое слово не случайное! И падёт огонь от той звезды Чернобыль на истоки рек и станут они отравленными. Что же, не так оно? <...> А ещё дед Егор говорит, что предупреждение-то это не последнее: Звезда Чернобыль догорит, и людям передышка будет, чтоб опомнились. А не опомнятся, так страшный мор падёт на них. Да ты и сама можешь деда Егора послушать. Я вот тебя покормлю, а потом огородами пойду к нему, так, ежели хочешь, иди со мной. <...> Так пойдёшь со мной?

– Я пойду с вами, Лукьянишна. <...>, – сказала Анастасия <...>³².

И далее, отвечая на вопросы Лукьянишны о том, что она собирается делать дальше, Анастасия, мыслящая теперь уже православными категориями сострадания, любви к ближнему, отвечает: «<...> я побуду с вами, помогу вам. Хоть водой и продуктами вас обеспечу. Как же я вас брошу, старых да больных?..»³³ Героиня являет собой образ праведницы, соотносимый с типом «усомнившегося праведника», согласно классификации Е.А. Терновской [11], который прошёл сложный, тернистый путь к обретению истинной христианской веры и схожий с лесковскими Архиепископом («На краю света»), Ермием («Скоморох Памфалон»): Анастасия, несмотря на терзающую её боль в сердце, возраст, личную заинтересованность в поиске племянников, остаётся с теми, кто нуждается в ней. Не случайно в ответ на её решение старуха произносит: «Ишь, какое, знать, у тебя сердце: и болезнью болит, и горем болит, и людей видит»³⁴. Преодолевая мировоззренческие заблуждения, проявляя участие, состра-

дание и доброжелательность в отношении ближнего, героиня готова теперь к жертвенности, которая для неё не навязанная обязанность, но жизненная необходимость.

И. Ильин, подчёркивая необходимость общества в праведниках, отмечал: «Земная жизнь невозможна без праведности, без верности и без благородства: честность есть опора и проявление настоящего ума; и права была древняя мудрость, утверждающая, что всякий город держится своими праведниками. Совестьный человек и есть очаг жизненного здоровья и жизненной силы, ибо он излучает из себя душевное равновесие и справедливость, и сосредоточивает на себе всеобщее уважение и доверие» [12]. Средняя сестра, Анна, именно такая (позволим себе предположить, что, во многом повторившая этапы биографии Ю. Вознесенской, героиня есть её alter ego, авторская маска): истинно верующая, мыслящая трезво и объективно, но при этом лишённая эгоизма, корысти, властолюбия, пострадавшая в юности за свои убеждения, отбыв наказание в лагере, она, в отличие от своих сестёр, уже в начале повествования склонна к рефлексии. Её рассуждения отличаются мудростью и спокойствием, она обладает не только внешней, но и внутренней красотой. Ни разу не поступившись собственной совестью и убеждениями, Анна вынуждена эмигрировать, оставив сестёр, но и за рубежом она делает «правое» дело – читает лекции о русской культуре, переводит стихотворные тексты «потайной литературы» (стихи И. Ратушинской, Л. Владимировой), а в самый критический момент принимает верное решение, основанное на ключевых принципах православия: любви и жертвенности. Анна, так же как и Анастасия, на наш взгляд, относится к типу праведников, однако несколько иного плана. По классификации В. Двоглазова, она представляет собой праведника-странника, «не лишённого житейских пороков», нравственность которого «разумно или интуитивно может уходить своим основанием в религиозную онтологию, имеющую объективный исток в сознании биографического автора, где в неразрывном единстве предстают религиозно и этико-философские взгляды и формируется собственно мировоззренческая позиция писателя» [13, с. 37].

³² *Вознесенская Ю.* Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 232-233.

³³ Там же. С. 235.

³⁴ Там же.

Как указывает Б.В. Ничипоров, «все мы сироты! И всегда остаётся духовная задача усыновления (удочерения) Отцу и Матери в подлинном, сакральном смысле» [14, с. 71], и переживание собственного сиротства есть один из важнейших компонентов русского мироощущения. Образ Анны, оставшейся без родителей и воспитанной сестрой, утратившей родину и связь с корнями, как раз и соположен мотивам богооставленности и сиротства, однако в финале она преодолевает собственную бездомность и сиротство, решает даже отказаться от личного счастья, приняв решение посвятить свою жизнь заботе об оставшихся без родителей племянниках: «Я ничего не хочу для себя, кроме одного – быть человеком. Дети больны, а их родителей... <...> Сейчас только одно для меня важно: найти этих детей и заменить им мать, как это когда-то сделала Анастасия для нас с Алёнушкой. <...> Ты понимаешь, что я не могу навязывать тебе свою судьбу, если в ней ничего радостного пока не предвидится? Ты во всём этом не виноват, зачем тебе чужое горе?»³⁵ Однако её возлюбленный оказывается достойным её и готов во имя любви к героине разделить её участь, что, правда, придаёт финалу романа некий мелодраматизм: «Ани, <...> ехать в Советский Союз лучше не тебе, а твоему мужу, шведскому гражданину. Я <...> найду детей и потребую от советских властей, чтобы они выпустили со мной моих племянников. Если они откажут, я буду требовать снова и снова. Мы поднимем кампанию за наших ребятишек»³⁶. На вопрос же растроганной Анны, что же тогда делать ей, Свен иронично отвечает: «А ты мух отгоняй, как примерная библейская жена, и не превращайся в соляной столп»³⁷. Здесь возникает очевидная библейская реминисценция, отсылающая к легенде о Лоте в Книге Бытия, в которой наказание жены Лота за послушание повеления Ангелов последовало за её сочувствие к нечестивым: «Жена же Лотова оглянулась позади его, и стала соляным столпом» (Быт. 19:26). Так и Свен фактически призывает Анну забыть о тяготах и «грехах» прошлого и довериться ему.

³⁵ *Вознесенская Ю.* Звезда Чернобыль. М.: Лепта Книга; Вече, 2019. С. 250.

³⁶ Там же. С. 251.

³⁷ Там же. С. 252.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, можно заключить, что в романе Ю. Вознесенской «Звезда Чернобыль» воплотилась православная картина мира, основанная на категориях любви, самопожертвования, милосердия, всепрощения. Роман, построенный как синтез fiction и non-fiction и повествующий о первых неделях после чернобыльской катастрофы, соединяет историю небольшой семьи, разворачивающуюся в реальных исторических условиях (сюжетное действие охватывает период с 26 апреля по 17 июня 1986 г.) по схеме сказочного нарратива, и библейский контекст, расширяющий её до бытийных масштабов, заданный эпиграфом. Эпиграф, являющийся частью заголовочно-финального комплекса, не просто «рифмуется» с сюжетным развёртыванием, но, во-первых, задаёт ключевую тему повествования (Чернобыльская катастрофа), во-вторых, даёт возможность уловить общность происходящих процессов во времена библейские и в современности, заставляя читателя неизменно соотносить происходящее в настоящем и в далёком прошлом на каждом новом витке фантазмагорического действия. Он расширяет тему романа до глобальных, вселенских масштабов, погружает её в контекст библейской образности (Чернобыльская авария как начало Апокалипсиса, вселенской катастрофы) и приобретает функции контекстуального звена, связывающего не просто эпохи, но современность с вечностью, быт с бытием.

Фольклорный код, через который прочитывается роман, правомерно рассматривать в качестве кода к его глубинной, онтологической сути, он сочетается с религиозными, православными мотивами. Помимо мотивов веры, жертвенной любви, идеи соборности, в «Звезде Чернобыль» воплощены два типа героя-праведника: Анастасия как «усомнившийся праведник» (следует к вере через испытания, личные разочарования и потери) и Анна – праведник-странник (она не идеальна, ей присущи житейские пороки, но она истово верит в Бога, не отступает от собственных убеждений, а в финале готова на подлинно жертвенный поступок).

Список источников

1. Гагаев А.А., Гагаев П.А. Православие и русская литература (теория и практика прочтения художественного текста на культурно-исторической основе). Москва; Санкт-Петербург: Изд. дом «Мирь», 2012. 288 с.
2. Бочаров С.Г. О религиозной филологии // Литературоведение как проблема: тр. Науч. совета «Наука о литературе в контексте наук о культуре». М.: Наследие, 2001. С. 483-499.
3. Нефагина Г.Л. Русская проза конца XX века. М.: Флинта: Наука, 2005. 320 с.
4. Агеев А. На улице и в храме // Знамя. 1990. № 10. С. 228-237.
5. Солдаткина Я.В. Современная словесность: актуальные тенденции в русской литературе и журналистике. М.: МПГУ, 2015. 160 с.
6. Пономарёва Е.В. Русская новеллистика 1920-х годов (основные тенденции развития): дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2006. 490 с.
7. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2021. 544 с.
8. Шмеман А. За жизнь мира. М.: Изд-во храма св. мц. Татианы, 2003. 112 с.
9. Флоренский П.А. Столп и утверждение Истины // Флоренский П.А. Сочинения: в 2 т. М.: Правда, 1991. Т. 1. 493 с.
10. Трубецкой Е.Н. Три очерка о русской иконе. Новосибирск: Изд-во «Сибирь XXI век», 1991. 110 с.
11. Терновская Е.А. Проблема праведничества в прозе Н.С. Лескова 1870–1880-х годов: дис. ... канд. филол. наук. Мичуринск, 2006. 213 с.
12. Ильин И.А. Победит правое дело // Литературная Россия. 1991. № 15.
13. Двоглазов В.В. Категория «праведничества» в русской литературе первой половины XIX века: дис. ... канд. филол. наук. Киров, 2015. 241 с.
14. Ничипоров Б.В. Введение в христианскую психологию. Размышления священника-психолога. М.: Школа-Пресс, 1994. 192 с.

References

1. Gagayev A.A., Gagayev P.A. *Pravoslaviye i russkaya literatura (teoriya i praktika prochteniya khudozhestvennogo teksta na kul'turno-istoricheskoy osnove)* [Orthodoxy and Russian Literature (Theory and Practice of Reading a Literary Text on a Cultural and Historical Basis)]. Moscow, St. Petersburg, Publishing House "Mir", 2012, 288 p. (In Russian).
2. Bocharov S.G. O religioznoy filologii [About religious philology]. *Literaturovedeniye kak problema: trudy Nauchnogo soveta «Nauka o literature v kontekste nauk o kul'ture»* [Literary Studies as a Problem: Proceedings of the Scientific Council "Science of Literature in the Context of Cultural Sciences"]. Moscow, Nasledie Publ., 2001, pp. 483-499. (In Russian).
3. Nefagina G.L. *Russkaya proza kontsa XX veka* [Russian Prose of the Late 20th Century]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2005, 320 p. (In Russian).
4. Ageyev A. Na ulitse i v khrame [On the street and in the temple]. *Znamya – The Banner*, 1990, no. 10, pp. 228-237. (In Russian).
5. Soldatkina Y.V. *Sovremennaya slovesnost': aktual'nyye tendentsii v russkoy literature i zhurnalistike* [Modern Literature: Current Trends in Russian Literature and Journalism]. Moscow, Moscow Pedagogical State University Publ., 2015, 160 p. (In Russian).
6. Ponomareva E.V. *Russkaya novellistika 1920-kh godov (osnovnyye tendentsii razvitiya): dis. ... d-ra filol. nauk* [Russian Novelistic of the 1920s (Main Development Trends). Dr. philol. sci. diss.]. Yekaterinburg, 2006, 490 p. (In Russian).
7. Propp V.Y. *Istoricheskie korni volshebnoy skazki* [Historical Roots of a Fairy Tale]. St. Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus Publ., 2021, 544 p. (In Russian).
8. Shmeman A. *Za zhizn' mira* [For the Life of the World]. Moscow, Church of the Holy Martyr Tatiana Publ., 2003, 112 p. (In Russian).
9. Florenskiy P.A. *Stolp i utverzheniye Istiny* [Pillar and Ground of Truth]. In: Florenskiy P.A. *Sochineniya: v 2 t.* [Works: in 2 vols.]. Moscow, Pravda Publ., 1991, vol. 1, 493 p. (In Russian).
10. Trubetskoy E.N. *Tri ocherka o russkoy ikone* [Three Essays on the Russian Icon]. Novosibirsk, "Siberia 21st Century" Publ., 1991, 110 p. (In Russian).
11. Ternovskaya E.A. *Problema pravednichestva v proze N.S. Leskova 1870–1880-kh godov: dis. ... kand. filol. nauk* [The Problem of Righteousness in the Prose of N.S. Leskov in the 1870s–1880s. Cand. philol. sci. diss.]. Michurinsk, 2006, 213 p. (In Russian).

12. Ilin I.A. Pobedit pravoye delo [The right cause will win]. *Literaturnaya Rossiya* [Literary Russia], 1991, no. 15. (In Russian).
13. Dvoyeglazov V.V. *Kategoriya «pravednichestva» v russkoy literature pervoy poloviny XIX veka: dis. ... kand. filol. nauk* [The Category of “Righteousness” in Russian Literature of the First Half of the 19th Century. Cand. philol. sci. diss.]. Kirov, 2015, 241 p. (In Russian).
14. Nichiporov B.V. *Vvedeniye v khristianskuyu psikhologiyu. Razmyshleniya svyashchennika-psikhologa* [Introduction to Christian Psychology. Reflections of a Priest-Psychologist]. Moscow, Shkola-Press, 1994, 192 p. (In Russian).

Информация об авторах

Осьмухина Ольга Юрьевна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-1456-4793](https://orcid.org/0000-0002-1456-4793), osmukhina@inbox.ru

Вклад в статью: концепция исследования, анализ литературы, написание части текста статьи, редактирование статьи.

Белоглазова Екатерина Александровна, аспирант, кафедра русской и зарубежной литературы, Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, г. Саранск, Республика Мордовия, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-6198-1365](https://orcid.org/0000-0001-6198-1365), e.a.beloglazova@yandex.ru

Вклад в статью: анализ литературы, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 29.06.2022
Одобрена после рецензирования 23.08.2022
Принята к публикации 09.09.2022

Information about the authors

Olga Y. Osmukhina, Doctor of Philology, Professor, Head of Russian and Foreign Literature Department, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-1456-4793](https://orcid.org/0000-0002-1456-4793), osmukhina@inbox.ru

Contribution: study conception, literature analysis, part manuscript text drafting, manuscript editing.

Ekaterina A. Beloglazova, Post-Graduate Student, Russian and Foreign Literature Department, National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Republic of Mordovia, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-6198-1365](https://orcid.org/0000-0001-6198-1365), e.a.beloglazova@yandex.ru

Contribution: literature analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 29.06.2022
Approved after reviewing 23.08.2022
Accepted for publication 09.09.2022

Особенности моделирования художественного пространства в сказке Софьи Прокофьевой «Королевство семи озёр»

Марина Юрьевна ЕЛЕПОВА, Наталия Григорьевна КАБАНОВА ✉
ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова»
163002, Российская Федерация, г. Архангельск, набережная Северной Двины, 17
✉ nataliakabanova30@gmail.com

Аннотация. Интерпретированы особенности моделирования художественного пространства в сказке Софьи Прокофьевой «Королевство семи озёр» (2004). Взаимодействие параллельных миров – реального и сказочного – происходит через динамические метаморфозы пространства: нежилой дом оказывается порталом в волшебную страну, таинственная лестница – путём в неведомый мир. Одним из способов моделирования пространства становится полное исчезновение реальных координат и чудесное появление нового мира из «ниоткуда». Пространственные характеристики и метаморфозы сказочного пространства, мифологемы лестницы и ключа, оппозиции горизонтали – вертикали, исчезновения – появления, открытости – замкнутости, безграничности – ограниченности, координаты демонического и райского миров подчинены движению этической мысли. Движение вниз, с одной стороны, несёт в себе семантику нарастающей опасности, страха, обречённости, приближающейся гибели, с другой – знаменует волшебный переход в сказку и обратно в действительный мир. Диалектика вертикали – горизонтали репрезентирует мотив странствия главного персонажа в его движении к неведомой цели. Приключения главного героя в сказочной вселенной с её пространственной динамикой и нарастающим напряжением борьбы и движения обуславливают поступки Алёшки, требующие от него милосердия, терпения и мужества и в конечном итоге приведшие к спасению чудесного королевства. Его путешествие по сказочным озёрам символизирует определённые этапы духовного пути героя. Особый статус в сказке имеет пространство замка Эвидентиса, присутствует неявная оппозиция рая и ада, имеющая пространственные характеристики. Серное озеро как по своему названию, так и по виду маркирует адское место, в то время как возрождённый королевский замок Эвидентис предстаёт как образ всеобщего счастья, любви и несмолкающего веселья, вечного пира в божественном лоне. Моделирование многомерного и амбивалентного пространства имеет огромную дискурсивную значимость и позволяет реализовать в сказке важнейший мотив пути – пути взросления, познания мира и самопознания юного героя, обретения им высших смыслов бытия.

Ключевые слова: сказка С. Прокофьевой, метаморфозы сказочного пространства, диалектика пространственных оппозиций, мотив пути

Для цитирования: Елепова М.Ю., Кабанова Н.Г. Особенности моделирования художественного пространства в сказке Софьи Прокофьевой «Королевство семи озёр» // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 786-795. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-786-795>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Features of modeling art space in Sofia Prokofiev's fairy tale "Kingdom of Seven Lakes"

Marina Y. ELEPOVA, Natalia G. KABANOVA ✉

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov
17 Severnaya Dvina Emb., Arkhangelsk 163002, Russian Federation

✉ nataliakabanova30@gmail.com

Abstract. The features of modeling artistic space in Sofia Prokofieva's fairy tale "Kingdom of Seven Lakes" (2004) are interpreted. The interaction of parallel worlds – real and fairytale – takes place in a fairy tale through dynamic metamorphoses of space: an uninhabited house turns out to be a portal to a magical land, a mysterious staircase is a path to an unknown world. In "Kingdom of Seven Lakes", one of the ways to model space is the complete disappearance of real coordinates and the miraculous appearance of a new world from "nowhere". Spatial characteristics and metamorphoses of the fairy tale space, the mythologeme of the ladder and the key, the opposition of horizontal – vertical, disappearance – appearance, openness – isolation, infinity – limitation, the coordinates of the demonic and heavenly worlds in Prokofiev's work are subject to the movement of ethical thought. The downward movement, on the one hand, carries the semantics of growing danger, fear, doom, approaching death, on the other hand, it marks a magical transition into a fairy tale and back into the real world. The vertical – horizontal dialectics represents the motive of the main character's journey in his movement towards an unknown goal. The adventures of the protagonist in the fairy tale universe with its spatial dynamics and the growing tension of struggle and movement determine Alyoshka's actions, which require mercy, patience and courage from him and ultimately led to the salvation of the wonderful kingdom. His journey through the fabulous lakes symbolizes certain stages of the character's spiritual path. The space of Evidentis Castle has a special status in the fairy tale. In the work there is an implicit opposition of heaven and hell, which has spatial characteristics. The sulfur lake, both in its name and in appearance (lack of air and in general real space in it, all-burning fire) marks a hellish place, while the revived royal castle of Evidentis appears as an image of universal happiness, love and unceasing fun, an eternal feast in divine bosom. Modeling of multidimensional and ambivalent space has a great discursive significance in the "Kingdom of Seven Lakes" and makes it possible to realize in the fairy tale the most important motif of the path – the path of growing up, knowing the world and self-knowledge of the young character, finding the higher meanings of being.

Keywords: S. Prokofieva's fairy tale, fairytale space metamorphoses, spatial oppositions dialectics, motif of the path

For citation: Elepova M.Y., Kabanova N.G. Osobennosti modelirovaniya khudozhestvennogo prostranstva v skazke Sof'i Prokof'evoy «Korolevstvo semi ozer» [Features of modeling art space in Sofia Prokofiev's fairy tale "Kingdom of Seven Lakes"]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 786-795. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-786-795> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Литературная сказка как продолжение сказки народной сформировалась лишь в XVII веке, а волшебная сказка как самостоятельная жанровая единица возникла к сере-

дине XIX века, проявив художественное своеобразие и основные типологические черты. «Литературные сказки преимущественно фантастические, волшебные, рисующие чудесные приключения сказочных героев и иногда ориентированы на детей. В авторской

сказке волшебство, чудо имеют роль сюжетобразующего фактора, служат основой при характеристике персонажей» [1, с. 13].

Автор воплощает в сказочном мире, альтернативном реальному, основные идеи, предполагающие множественность иносказательных, аллегорических интерпретаций и имеющие функциональное значение. М.М. Бахтин утверждал, что «прошлые смыслы» не могут быть завершёнными, поскольку стремятся к изменениям и обогащениям новыми интерпретациями в процессе предстоящей диалогизации. Это означает, что смысловые номинации продолжают свой «жизненный путь» «в обновлённом (в новом контексте) виде» (цит. по: [2, с. 214]). В этом смысле оказываются неразрывно связанными такие категории художественного текста, как мифопоэтика и интертекстуальность. Жанр – это исторически сложившаяся разновидность литературных произведений, объединённых определённым набором формальных и содержательных признаков. «В процессе жанровой эволюции формирование каждого жанра занимало длительное время, в котором находили отражение исторические предпосылки, потребность оригинальным образом выразить новые идеи и желание отличить один вид произведения от другого» [3, с. 47].

Художественное пространство – «важный структурно-содержательный компонент произведения, тесно взаимодействующий со временем, который выражает отношения координации между действующими персонажами и совершающимися событиями» [4, с. 9-10]. Специфичность и динамичность художественного пространства ассоциативно указывают на психолого-концептуальные основания авторского мировидения. В.Е. Хализев указывает, что «...в литературных произведениях существует особое, художественное пространство. В художественном освоении пространства литература обладает преимуществами по сравнению со скульптурой и живописью. Опираясь словесными обозначениями предметов, писатель может с неограниченной быстротой переходить от одной картины к другой, легко перенося читателя в разные места» [5, с. 87].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Писатель «отражает в создаваемом им произведении реальные пространственно-временные связи, выстраивая параллельно реальному ряду свой, перцептуальный, творит и новое – концептуальное – пространство, которое становится формой осуществления авторской идеи» [5, с. 77]. Каждое свойство реального пространства, трансформируясь в авторском тексте посредством индивидуального мировидения, наполняется хронотопическими параллелями, в которых литературный герой становится воплощением авторского замысла: «*Всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов*» [6, с. 406].

Целью исследования является анализ сказочного хронотопа в сказке Софьи Прокофьевой «Королевство семи озёр» (2004).

Софья Леонидовна Прокофьева – русская писательница, автор произведений для детей. Библиография её сочинений включает более тридцати книг, многие из которых были переведены на два десятка языков. Жанр повести-сказки стал ведущим в её творчестве.

Софья Прокофьева – автор сценариев, по которым создано около двадцати короткометражных и три полнометражных мультфильма, игровые детские художественные фильмы, а также психологический фильм-драма «Без свидетелей», поставленный Н.С. Михалковым по пьесе писательницы «Беседа без свидетеля». Она лауреат ряда международных премий, в том числе ФИПРЕССИ, награждена серебряной медалью Венецианского биеннале, а её сказка «Не буду просить прощения» (1968) отмечена японской премией Кодאי за лучшую книгу года.

Произведения писательницы отличаются динамичным сюжетом. Пять её повестей: «Ученик волшебника» (1957), «Глазастик и хрустальный ключ» (1985), «Остров капитанов» (1977), «Астрель и хранитель леса» (1989), «Принцесса Уэнни» (1992) – в настоящее время объединены в цикл «Повелитель волшебных ключей». Волшебник Алёша, главный герой этих сказок, вместе со своими юными друзьями и котом Васькой совершает невероятные подвиги.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Главным героем сказки «Королевство семи озёр» (2004) также является мальчик Алёшка, но это не волшебник, а обыкновенный ребёнок, которому, несмотря на юный возраст и малый жизненный опыт, придётся делать нравственный выбор, от которого будет зависеть не только судьба жителей сказочного мира, но и его собственная. Это сказочное произведение написано самым последним и имеет в цикле завершающую позицию.

Приключения героя начинаются с того, что он увидел в окне дома напротив прекрасную девочку: «Никогда Алёшка не видел таких девчонок. Лицо у неё было нежное, почти прозрачное, словно из розового стекла. Золотистые волосы, как лепестки цветка, падали на чистый лоб и локонами рассыпались по плечам. А глаза... Они были даже слишком большие и совсем-совсем синие»¹. Девочка появляется в окне расселённого, приготовленного к сносу дома, окно светится таинственным голубоватым светом. Эти детали указывают на странность ситуации: необитаемое пространство оказывается населённым. Особое свечение окна маркирует явление волшебного мира пока ещё в контексте реалий действительной жизни.

Последующие эпизоды содержат картины перехода героя в волшебный мир. Оставшись один, Алёшка получает записку от Елены и отправляется на встречу с ней. «Часы гулко пробили двенадцать раз»², и вот из заветного окна опускается тонкая серебристая лестница, которая сулит Алёшке что-то необыкновенное и в то же время опасное. Лестница является традиционным мифопоэтическим образом вертикали, отражающей взаимосвязь верха и низа. Символично также движение по лестнице: восхождение по лестнице архетипически означает благо, а нисхождение – несчастье. В номинанте лестницы движение вверх символизирует духовное преобразование, а вниз – погружение во мрак, во что-то тёмное и мрачное. Елена задаёт направление движению по лестнице: «Елена

уже перекинула ногу через подоконник и стала спускаться по тонко звенящей лестнице»³.

В дальнейшем развитии сюжета сказочные герои при переходе из одного озера в другое будут именно низвергаться вниз по водопадам, что является символическим и на уровне пространственного параметра (низ как опасность), и на уровне духовного состояния (испытание на стойкость души). Художественное пространство сказки из реального переходит в фантастическое, которое, по определению Д.С. Лихачёва, «необычайно велико, оно безгранично, бесконечно, но одновременно тесно связано с действием» [7, с. 87]. Именно пространство и его трансформации будут во многом определять смысл совершаемого.

Сказочное пространство в произведении С.Л. Прокофьевой непосредственно связано с образами кольца и ключа. «Елена взяла золотой локон и обмотала его вокруг Алёшкиного безымянного пальца. И в тот же миг шелковистый локон превратился в твёрдое золотое кольцо, сплетённое из тонких-претонких проволочек. «Это кольцо Власти!» – голос Елены звучал нежно, но вместе с тем и повелительно. – Теперь скажи: «Клянусь исполнять волю повелительницы кольца!»⁴ Кольцо на пальце Алёшки соткано из золотых волос Елены, а волосам в сознании людей с древних времён приписываются ритуальная и символическая функции. Образ кольца характерен для народных сказок и произведений, написанных в фольклорном духе. Так, в сказке С.Т. Аксакова «Аленький цветочек» кольцо, надетое на правый мизинец Настенькой, миг переносит её во дворец чудовища. В русской народной сказке «Морской царь и Василиса Премудрая» золотое колечко помогает Ивану-царевичу найти свою возлюбленную и становится его волшебным помощником. Однако образ кольца переосмысливается в сказке Прокофьевой в духе фэнтези XX века. Вместо залога верности и способа чудесного перемещения кольцо приобретает функцию магической власти над человеком. Кольцо в сказке приобретает противоположное фольклорному назначение: это уже не символ спасения, защиты, помощи и счастья, а скрытого зла, опасной тайны, колдовской

¹ Прокофьева С.Л. Королевство семи озёр: сказочные повести. М.: Азбук-Аттикус, Махаон, 2016. С. 4.

² Там же. С. 5.

³ Там же. С. 8.

⁴ Там же. С. 10.

власти. Кольцо Власти, как называет его Елена, – явная реминисценция из знаменитой фэнтезийной трилогии Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец», в которой Кольцо власти аккумулирует демоническую энергию и даёт власть над миром.

Образ ключа также архетипичен, известный со времён архаических обрядов охранительной магии, из мифологии он перешёл в народную и литературную сказку как символ закрытия – открытия, пленения – освобождения, обретения тайного знания. Прикосновение чудесного ключа к раме в начале сказки и поворот ключа в железной двери в её финале – точки перехода в волшебную страну и обратно.

Художественное пространство сказки динамично, поскольку постоянно движется и видоизменяется, при этом переходя из замкнутого в открытое и наоборот. Образ дома олицетворяет замкнутое пространство, виды озера или полёты Выворотня становятся образами открытого пространства, а дверь или окно в качестве разделительной черты указывают на границы между этими пространствами.

Замкнутость и открытость пространства постоянно чередуются. Одним из признаков сказочного пространства в произведении Прокофьевой становится его прерывность, или дискретность. Таким образом, «мгновенная смена пространственно-временных координат освобождает автора от описания промежуточного пространства, поскольку оно само «достраивается» в воображении читателя» [8, с. 138]. Так, полёт Выворотня олицетворяет открытое пространство, причём этот герой неведомым образом способен облететь всё королевство. Неограниченный простор Выворотня, озёрные и лесные просторы сменяются ограниченным пространством домов, в которых ночуют дети, конуры. Замок Эвидентис олицетворяет собой образ замкнутого пространства, которое скрыто в волшебном хронотопе, и приобретает очертания, возрождаясь как бы из ничего после его «расколдования».

Герои преодолевают озёрные воды на ладье, что, несомненно, отсылает читателя к античной мифологии, образу Харона, мрачного перевозчика душ умерших через реку мёртвых Стикс в Аиде. Намёк на приметы

адского мира не пропадает даром в сказке и обретает смысловое наполнение в одном из эпизодов кульминации: описании нахождения Алёшки в Серном озере.

В сказке С.Л. Прокофьевой вода сказочных озёр представлена природной номинантой озера и водопада, который является проводником из одного пространства в другое. Каждое озеро символизирует определённый этап духовного пути Алёши, несёт в себе особую волшебную семантику. Серебряное озеро предстаёт перед взором Алёшки так: «серебро тонким слоем покрыло воду», «всё в лунном свете». Дно озера «устлано серебром»⁵, а над ним «пролетели лебеди, словно из живого серебра»⁶. Во многих культурах и религиях именно серебро является символом чистоты и веры. Знаменательно, что в этом озере ладья, на которой плывут дети, имеет свои первоначальные размеры, а фигурка на её корме высоко держит голову. Это значит, что колдовство ещё не вступило в полную силу и на этом этапе пути героев ещё не способно навредить Алёшке.

Далее сказочный дискурс через водопад, низвергающий героев опять же вниз, выносит их в Озеро Водяных Лилий, которое «было окутано яркими и нежными огоньками»⁷. «Вода была тёмной, полная теней. Красивые и мягкие венки лилий отражались в бездонной воде»⁸. Лилия является символом чистоты и непорочности во всех культурах. Обладая в целом положительной символикой, лилия в сказке С.Л. Прокофьевой ещё и несёт в себе свет: «Здесь было гораздо светлее. Возле ладьи и дальше, ближе к берегам, на воде покачивались плавающие огоньки»⁹. Однако вода темна и полна теней, бездонна, что уже намекает на некую опасность, которая таится в воде озера.

Следующий водопад уносит героев в пространство озера Русалок, которое населено древними мифическими существами: «Лучи солнца, пробиваясь сквозь воду, освещали их неподвижные лица, полные тайны

⁵ Прокофьева С.Л. Королевство семи озёр: сказочные повести. М.: Азбук-Аттикус, Махаон, 2016. С. 14.

⁶ Там же. С. 17.

⁷ Там же. С. 18.

⁸ Там же.

⁹ Там же. С. 19.

и молчания»¹⁰. В сказке Прокофьевой, как и в фольклорной традиции, русалки несут опасность и угрожают смертью герою: «Русалка успела мокрыми пальчиками затолкать в руку Алёшки ожерелье. «Взял! Взял!» – ликующе взвизгнула русалка. – «Сестрицы, теперь он наш! Хватайте его, тащите в воду! Он наш!»¹¹ Подобно былинному герою Садко, Алёшка чуть не стал жертвой водной стихии и её жителей. Красота русалок исчезла: «Теперь русалки уже не казались такими красивыми. Хищность, жестокость проступили на их лицах. Они смеялись, скалили зубы, а зубы были из круглого жемчуга, и от этого русалки казались ещё страшнее»¹². Водная стихия уже несёт в себе явную семантику грозной опасности, агрессии, зла. Эта трансформация озёрного мира впервые отчётливо указывает Алёшке на то, что он вступил на рискованный путь. Недаром при переходе к озеру Русалок подчёркнут мотив падения: «Они падают, падают куда-то...»¹³

После озера Русалок водопад относит героев в пространства Золотого озера, которое «мерцало, сияло, а на маленьких островках лежали целые слитки золота!»¹⁴. При переходе к нему «ладья рухнула вниз», Алёшу накрывает тяжёлая волна, опять падение и неуправляемое движение указывают на опасности озера. Вода вновь бездонная и чёрная. Золото же всегда было символом соблазна, дьявольского искушения.

При переходе к великолепному сверкающему Аметистовому озеру тяжесть воды становится для мальчика непосильной, а ладья впервые начинает утрачивать свой первоначальный облик: она стала меньше, вёсла короче, фигурка на носу ладьи опустила голову. Деформация ладьи становится знаком гибельности пути и набирающего силу колдовства.

В пространстве Аметистового Замка способность Алёшки к милосердию и его жалость к Рыцарю Алого Шиповника (отказ убить его), а также борьба с собственными страхами в залах замка ведут к благополу-

чию самого героя и сказочных персонажей, поверженных злыми силами. Алёшка разгадал тайну замка Ужасов (мнимость его страхов) и тем самым освободил Рыцаря: «Мальчик, пришедший ниоткуда! Ты разгадал тайну Аметистового Замка, тайну колдовского заклатья и спас меня!» – глубоким благодарным голосом воскликнул рыцарь. «Теперь я снова Рыцарь Алого Шиповника, повелитель Лесных Чащ! Прощай, прощай! Я никогда не забуду тебя...»¹⁵ С преображением Рыцаря трансформируется и пространство замка: он залит тёплым светом, стены теряют плотность, становятся прозрачными и сквозь них просвечивает прекрасный пейзаж. Поскольку волшебная сказка Прокофьевой является специфическим способом эмоционально-оценочного восприятия действительности, то очевидна её особая виртуальная составляющая. Многообразный сказочный мир так же многомерен, как и мир действительных отношений. В ирреальном сказочном мире можно встретить и «перекомпонованный материал реального мира с вкраплениями реального жизне- и бытописания» [9, с. 43].

Волшебная энергетика аккумулируется в замке в камне Эвидентисе, который находится на треножнике. Треножник с античных времён символизирует святилище как место концентрации мистических сил. Таинственная сила камня подчёркивается и отсутствием в зале аметистов. Его интерьер состоит только из треножника, чаши из литого золота и лежащего на дне её камня Эвидентиса. Окружающая этот своеобразный алтарь пустота подчёркивает его необыкновенную значимость.

Из Аметистового замка путь героя лежит в Алмазное озеро. Продолжающаяся деформация ладьи, её уменьшение в размерах и метаморфоза резной фигурки, печально уронившей голову на грудь, создают ощущение растущего напряжения и надвигающихся ужасов. Если в предыдущем водопаде ладья «рухнула вниз», то в этом – «рухнула в открывшуюся бездну»¹⁶. Образ бездны с семантикой бесконечного падения формирует чувство безнадёжности, явственно намекает на обречённость героя. Контраст ослепительного блеска драгоценных камней и голой

¹⁰ Прокофьева С.Л. Королевство семи озёр: сказочные повести. М.: Азбук-Аттикус, Махаон, 2016. С. 21.

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же. С. 25.

¹³ Там же. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 27.

¹⁵ Там же. С. 37.

¹⁶ Там же. С. 45.

тёмной скалы усугубляет чувство опасности. Контрастны и пространственные плоскости беломраморного роскошного дворца и жалкой железной собачьей конуры, в которой томится пёс, которого, как и Рыцаря, освобождает из плена Алёшка.

Путь к последнему седьмому озеру предвзвешивает и последняя метаморфоза ладьи, в которой может уместиться теперь только один человек – Алёшка, поникшая резная фигурка закрыла лицо деревянными ладонями, предвещая неминуемую смерть героя. Седьмое озеро оказывается серным, горящим и обретает черты адского места. Оно как бы совсем лишено пространства: «Вода в нём кипела, вздувалась и бурлила. Из глубины вырывались столбы серного дыма. Угольно-чёрные вихри плясали, завивались кольцами, выбрасывая обжигающие языки пламени»¹⁷. Однако с появлением на корме Седого Короля траектория движения в пространстве внезапно меняется: вместо падения вниз, к «гибельному провалу», некая неведомая сила поднимает его вверх и выбрасывает на берег.

Видоизменения пространства открывают тайну Елены, которая обретает свой действительный омерзительный облик и оказывается злой колдуньей Моргандой, виновницей всех зол волшебного мира.

Очевидно, что последующий эпизод опасного восхождения Короля и Алёшки на крутую, почти отвесную скалу, преодоления обледенения, громов и молний, спасения от нападения страшных кошек-убийц, восхождения с камнем Эвидентисом, который становится всё тяжелее и тяжелее, вновь интертекстуально связан с трилогией Толкиена «Властелин колец», со сценами восхождения хоббитов Фродо и Сэма к жерлу вулкана, куда надо бросить Кольцо власти. По мере восхождения Кольцо, висевшее на шее Фродо, становится невыносимо тяжёлым, и лишь поступок Голлума и его случайное падение в жерло спасает хоббита от искушения овладеть демонической властью над миром. Неслучайно в сказке Прокофьевой вторая глава так и называется «Кольцо власти», и Алёшка дает клятву исполнять волю повелительницы кольца Власти, олицетворяющей дьявольскую силу.

На вершине скалы Алёшка вставляет Эвидентис в треугольную выемку, и сразу происходит «расколдовывание» сказочного мира: его финальная трансформация – создание королевского замка с окрестностями из пустоты, а после гибели Морганды в Серном озере – превращение последнего в прекрасное, чистое и самое обыкновенное озеро.

Алёшка совершает второе после перехода по озерам нисхождение – спускается по винтовой лестнице к железной двери в реальный мир, открывает его чудесным ключом с золотой звездой и оказывается у себя дома.

В сказке Прокофьевой взаимодействие параллельных миров – реального и сказочного происходит через динамические метаморфозы пространства: нежилой дом оказывается порталом в волшебную страну, таинственная лестница – путём в неведомый мир. В «Королевстве семи озёр» одним из способов моделирования пространства становится полное исчезновение реальных координат и чудесное появление нового мира из «ниоткуда»: «Алёшка смотрел и ничего не понимал. Его дом исчез. И двора больше не было. Ни качелей, ни детской горки, ни мусорных бачков. Ничего не было. Только серебряное озеро и увитый туманом камыш вдоль берегов»¹⁸. Приём исчезновения-появления определяет и пересоздание королевства, возникшего вновь «из ничего» после возвращения камня Эвидентиса.

Перебегающее вертикально-линейное движение героев также формирует особое пространство сказки: спуск по вертикали по волшебной лестнице к Серебряному озеру, движение по горизонтали озёрной глади, завершающееся актом низвержения вниз при переходе через водопады, последнее движение героя вниз навстречу неминуемой смерти в адское Серное озеро, внезапно оборачивающееся восхождением вверх и падением на берег, восхождение вверх на мрачную скалу и линейно-вертикальное воссоздание королевского замка, стены воздвигаются вверх, а сам замок раздвигается вширь на земле: «Поднимались вверх стройные башни, окружённые зубцами, и вместе с ним поднимались всё выше и выше голоса, полные

¹⁷ Прокофьева С.Л. Королевство семи озёр: сказочные повести. М.: Азбук-Аттикус, Махаон, 2016. С. 53.

¹⁸ Там же. С. 5.

изумления и радости»¹⁹, появляется просторный пиршественный зал, сам замок огромен. Крутая неприступная скала также теряет свою строгую вертикаль и превращается в пологие склоны. Морганда, оплетённая шиповником, низвергается вниз в Серное озеро, повторив тот путь, который она предназначала Алёшке. Последнее движение вниз по вертикали совершает герой, спускаясь по узкой винтовой лестнице к волшебной двери в реальный мир. Движение вниз, с одной стороны, несёт в себе семантику нарастающей опасности, страха, обречённости, приближающейся гибели, с другой – знаменует волшебный переход в сказку и обратно в действительный мир. Диалектика вертикали-горизонтали репрезентирует мотив пути-странствия главного героя в его движении к неведомой цели.

М.М. Бахтин представил философскую идею, выражающую мотивацию поступков человека в зависимости от его окружения: «Каждый человек неповторимо причастен бытию, каждый имеет в бытии единственное «место», с которого «время и пространство индивидуализуются» [10, с. 126]. Следовательно, любое положение сказочного героя относительно времени и пространства указывает на эмоциональное восприятие этого мира и дальнейшее его переосмысление. Пространство предстаёт в сказке то как свободное и безграничное, то как строго ограниченное и замкнутое. Сказочное пространство амбивалентно, оно то и дело лишается очертаний, меняет эти очертания или, наоборот, обретает их. Твёрдый каркас старого пустого дома бесследно и мгновенно растворяется в бескрайних просторах озёрного края, а окно освещается таинственным голубым светом. Интересно, что двор и дом исчезли, но от дома сначала остаётся окно и подоконник со спущенной с него лестницей. Когда Алёшка добрался до середины лестницы, то с изумлением увидел, что и окна тоже нет. Лестница оказывается висящей в пустоте. Нарушение законов земной физики указывает на переход в параллельную сказочную реальность. В безграничные дали улетает Выворотень. После спасения Алёшки Еленой из медвежьего логовища меняется образ дома, в котором

они ночевали: «Вот и их дом на взгорье. Он казался тёмным, нежилым и словно ушёл глубже в землю»²⁰. Трансформация дома несёт в себе значение нарастающей тревоги и скрытой опасности. Об этом говорит и Елена: «Здесь нельзя оставаться, – Елена с опаской оглянулась на глухой, ещё не проснувшийся лес. – Медведи скоро хватятся, что тебя нет. А в доме не спрячешься, не запрёшься»²¹. Замкнутое пространство не обеспечивает покой и безопасность, напротив, обретает смысл угрозы и возможного вторжения врага.

Миновав Аметистовое озеро, герои оказываются в аметистовом же замке. Готическая стилистика (стройные шпили, зубчатые стрельчатые башни) парадоксально сочетается с воздушностью, кажущейся прозрачностью замка. После отказа Алёшки убить Рыцаря Алого Шиповника и нарушения клятвы верности Елене внутреннее убранство замка обретает суровую мрачность. Возникает контраст между воздушным внешним обликом замка и густой тьмой, окутывающей залы внутри замка. Картины оживления гобеленов и движения ужасных чудовищ, вызванных игрой воображения и подспудными страхами героя, наполняют сцены пребывания детей в замке судорожной динамикой погонь и бегства, пространство огромно, в одном из залов не видно даже потолка, но весь этот простор наполнен мглой, клочьями тумана, страшными видениями. После осознания Алёшкой мнимости страхов меняется и окружающий мир: зал озаряется чистым аметистовым светом, а стены становятся прозрачными. Контраст света и тьмы, ажурности и устрашающей тяжеловесности замка исчезает.

Переплыв Алмазное озеро, дети оказываются у прекрасного дома с беломраморной лестницей, близ которого в железной конуре мечется собака. Замкнутое пространство конуры предстаёт как знак унижительного плена, оно контрастирует с увитым розами домом.

Наконец, из небытия возвращается замок Эвидентис, пространство которого имеет особый статус. В сказке присутствует неявная оппозиция рая и ада, имеющая пространственные характеристики. Серное озеро уже

¹⁹ Прокофьева С.Л. Королевство семи озёр: сказочные повести. М.: Азбук-Аттикус, Махаон, 2016. С. 67.

²⁰ Там же. С. 24.

²¹ Там же.

по своему названию маркирует адское место. Отсутствие воздуха и вообще реального пространства в нём, огонь, сжигающий каждого, кто попадёт туда, сама цветовая гамма, включающая в себя серые и угольно-чёрные тона в сочетании с языками пламени, явно указывают на inferнальное место обитания тёмной силы, как оно традиционно изображается в христианстве. В то время как возрождённый королевский замок Эвидентис предстаёт как образ райского всеобщего счастья и несмолкающего веселья, вечного пира в божественном лоне, любви всех ко всем. Недаром и королева Эвидента говорит Алёшке, что её любовь к нему не исчезнет никогда. Лишь рай – место вечной любви.

ВЫВОДЫ

Пространственные характеристики и метаморфозы сказочного пространства, осо-

бенности его взаимодействия с пространством реальным, мифологемы лестницы и ключа, оппозиции горизонтали – вертикали, исчезновения – появления, открытости – замкнутости, безграничности – ограниченности, координаты демонического и райского миров в произведении С.Л. Прокофьевой подчинены движению этической мысли. Приключения главного героя в сказочной вселенной с её пространственной динамикой и нарастающим напряжением борьбы и движения обуславливают его поступки, в конечном итоге приведшие к спасению чудесного королевства. Моделирование многомерного и амбивалентного пространства имеет в «Королевстве семи озёр» огромную дискурсивную значимость и позволяет реализовать в сказке важнейший мотив пути – пути познания мира и самопознания юного героя, обретения им высших смыслов бытия.

Список источников

1. Азадовский М.К. История русской фольклористики. М., 1958. 478 с.
2. Айзенберг М.Н. Власть тьмы кавычек // Знамя. 1997. № 2. С. 214-221.
3. Словарь литературных терминов / ред.-сост.: Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М.: Просвещение, 1974. 509 с.
4. Бахтин М.М. Эпос и роман. СПб.: Азбука, 2000. 304 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высш. шк., 2005. 405 с.
6. Бахтин М.М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М., 1975. 502 с.
7. Лихачёв Д.С. Поэтика древней русской литературы. М., 1979. 245 с.
8. Валгина Н.С. Теория текста. М.: Логос, 2003. 280 с.
9. Павлютенкова И.В. Сказка: Философско-культурологический анализ: дис. ... канд. философ. наук. Ростов н/Д., 2003. 135 с.
10. Бахтин М.М. К философии поступка // Философия и социология науки и техники: 1984–1985. М., 1986. С. 80-160.

References

1. Azadovskiy M.K. *Istoriya russkoy fol'kloristiki* [History of Russian Folklore]. Moscow, 1958, 478 p. (In Russian).
2. Ayzenberg M.N. Vlast' t'my kavychek [Power of darkness quotes]. *Znamya – The Banner*, 1997, no. 2, pp. 214-221. (In Russian).
3. Timofeyev L.I., Turayev S.V. (eds.-compilers). *Slovar' literaturnykh terminov* [Dictionary of Literary Terms]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1974, 509 p. (In Russian).
4. Bakhtin M.M. *Epos i roman* [Epic and Novel]. St. Petersburg, Azbuka Publ., 2000, 304 p. (In Russian).
5. Khalizev V.E. *Teoriya literatury* [Literary Theory]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2005, 405 p. (In Russian).
6. Bakhtin M.M. *Voprosy literatury i estetiki. Issledovaniya raznykh let* [Questions of Literature and Aesthetics. Researches of Different Years]. Moscow, 1975, 502 p. (In Russian).
7. Likhachev D.S. *Poetika drevney russkoy literatury* [Poetics of Ancient Russian Literature]. Moscow, 1979, 245 p. (In Russian).
8. Valgina N.S. *Teoriya teksta* [Text Theory]. Moscow, Logos Publ., 2003, 280 p. (In Russian).

9. Pavlyutenkova I.V. *Skazka: Filosofsko-kul'turologicheskiy analiz: dis. ... kand. filosof. nauk* [Fairy tale: Philosophical and Cultural Analysis. Cand. philosoph. sci.]. Rostov-on-Don, 2003, 135 p. (In Russian).
10. Bakhtin M.M. *K filosofii postupka* [To the philosophy of action]. *Filosofiya i sotsiologiya nauki i tekhniki: 1984–1985* [Philosophy and Sociology of Science and Technology: 1984–1985]. Moscow, 1986, pp. 80–160. (In Russian).

Информация об авторах

Елепова Марина Юрьевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-1456-4793](https://orcid.org/0000-0002-1456-4793), m.elepova@yandex.ru

Вклад в статью: идея исследования, научное консультирование, набор первичного материала, написание части текста, редактирование текста статьи, окончательное одобрение рукописи.

Кабанова Наталия Григорьевна, аспирант, кафедра литературы, Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, г. Архангельск, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-8624-3481](https://orcid.org/0000-0001-8624-3481), nataliakabanova30@gmail.com

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, работа с литературным источником, анализ художественного текста, написание части текста статьи.

Конфликт интересов отсутствует.

Статья поступила в редакцию 22.03.2022
Одобрена после рецензирования 02.06.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the authors

Marina Y. Elepova, Doctor of Philology, Professor of Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-1456-4793](https://orcid.org/0000-0002-1456-4793), m.elepova@yandex.ru

Contribution: study idea, scientific consulting, source material acquisition, part manuscript text drafting, manuscript text editing, final manuscript approval.

Natalia G. Kabanova, Post-Graduate Student, Literature Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-8624-3481](https://orcid.org/0000-0001-8624-3481), nataliakabanova30@gmail.com

Contribution: scientific literature search and analysis, work with literature reference, literary text analysis, part manuscript text drafting.

There is no conflict of interests.

The article was submitted 22.03.2022
Approved after reviewing 02.06.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

МЕДИАКОММУНИКАЦИИ И ЖУРНАЛИСТИКА MEDIA COMMUNICATIONS AND JOURNALISM

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-796-805

Специфика становления системы региональной печати в начале XX века (на примере Тамбовской губернии)

Ольга Евгеньевна ВИДНАЯ

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ olga0871@mail.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключена в необходимости проанализировать и зафиксировать различные этапы становления информационной модели Тамбовского региона. Цель – охарактеризовать дореволюционную систему периодической печати Тамбовской губернии, сложившуюся в течение первых двух десятилетий XX века, используя современные способы изучения средств массовой информации, в частности сравнительный и типологический методы, контент-анализ содержания. Выявлены предпосылки становления печатных СМИ региона, определена региональная специфика дореволюционного информационного пространства, отражены различные типы губернских и уездных газет и журналов, отмечено значение СМИ, освещающих проблемы местного самоуправления. Сделан вывод о развитии системы СМИ данной территории, о преемственности способов удовлетворения информационных потребностей аудитории. Результаты исследования могут быть использованы для построения модели региональных медиа, выделения их типологических особенностей.

Ключевые слова: дореволюционная журналистика, медиарегионалистика, система печати, газета, уездная пресса, Тамбовская губерния

Для цитирования: Видная О.Е. Специфика становления системы региональной печати в начале XX века (на примере Тамбовской губернии) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 796-805. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-796-805>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

The specifics of the formation of the regional press system at the beginning of the twentieth century (on the example of the Tambov Governorate)

Olga E. VIDNAYA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ olga0871@mail.ru

Abstract. The relevance of the study lies in the necessity of analyzing and recording the various stages of the making of the information picture of the regions. The purpose of the article is to characterize the pre-revolutionary periodical press system of the Tambov Governorate, which developed during the first two decades of the twentieth century, using modern methods of studying the mass media, in particular, comparative and typological methods, content analysis. The background for the formation of the printed media in the region are identified, the regional specificity of the pre-revolutionary information space is defined, various types of provincial and district newspapers and magazines are reflected, the importance of the media covering the problems of local autonomy is noted. We conclude that the further development of the media system of this territory, the continuity of ways to satisfy the information needs of the audience. The study results can be used to build a model of regional media, highlight their typological features.

Keywords: pre-revolutionary journalism, media regionalism, printing system, newspapers, county press, Tambov Governorate

For citation: Vidnaya O.E. Spetsifika stanovleniya sistemy regional'noy pechati v nachale XX veka (na primere Tambovskoy gubernii) [The specifics of the formation of the regional press system at the beginning of the twentieth century (on the example of the Tambov Governorate)]. *Neophilologia – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 796-805. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-796-805> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Анализ истории журналистики до сих пор не теряет своей актуальности, ведь современная медийная наука может развиваться только в качестве систематизированного и упорядоченного целостного знания о принципах развития и причинно-следственных отношениях различных эмпирических объектов. А формирование такого направления научных изысканий, как «медиарегионалистика» (термин А.В. Чернова), обращённого к основным проблемам изучения современных региональных медиасистем, также требует и полноценных историко-типологических работ, обобщающих опыт становле-

ния и развития информационного пространства регионов.

Тамбовская дореволюционная периодика изучена фрагментарно, хотя существуют несколько факторов, определяющих высокую степень исследовательского интереса:

– Тамбовская губерния являлась одной из крупных центральных губерний России и занимала 19 место среди 50 губерний, её население насчитывало больше 3,5 миллиона человек, из которых только 7 % жили в городах¹;

¹ К 100-летию начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. Обзор фондов и документов ГАТО: справочно-информационное издание. Тамбов, 2014. С. 5.

– наличие типичных характеристик, свойственных территориям, близким к столичным центрам;

– специфика политических и экономических процессов аграрного региона, определяющая особенности проявления общественных настроений, остро проявившиеся во время Первой революции 1905–1907 гг., Гражданской войны 1917–1922 гг.

Среди немногочисленных материалов, хотя бы косвенно упоминающих дореволюционные издания Тамбовской губернии, можно назвать публикации Е.Н. Балашовой, С.Ю. Каревой, О.Ю. Левина, А.А. Мурашова, Н.И. Пьяных, Т.С. Родионовой, А.И. Рыбалкина, Е.И. Хабаровой [1–8].

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Цель исследования – проанализировать типологические особенности и специфику становления системы печати, сформировавшейся в одной из крупных европейских российских губерний – Тамбовской – в начале XX века к моменту революционных событий 1917 г. В связи с этим были поставлены задачи: установить закономерности становления системы региональной печати, зафиксировать количественные и качественные показатели развития губернской прессы в начале XX века, выделить основные типы изданий, существовавших в регионе.

Эмпирическая база исследования состоит из сохранившихся и оцифрованных изданий, хранящихся в Тамбовской областной универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина и некоторых других базах данных. В качестве методологии исследования можно назвать принцип объективности, предполагающий сопоставление различных источников, общенаучные системный и сравнительный подходы, историко-типологический метод изучения прессы, а также контент-анализ содержания дореволюционных изданий. Результаты получены следующими способами: анализом выходных данных и сведений, опубликованных в самих изданиях; алфавитных каталогов и библиографических указателей газет и журналов разных лет выпуска; использованием смежных исследований по истории, краеведению, социологии и т. д.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Отсчёт истории провинциальной печати надо начинать с «Положения об издании губернских ведомостей» 1830 г., регламентирующего издание официальных губернских ведомостей, и «Положения о порядке производства дел в губернских правлениях» 1837 г., обязывающего все губернии издавать местные газеты. Однако основные предпосылки для становления системы СМИ, представленной разными типами изданий, в большинстве регионов складываются ближе к рубежу XIX–XX веков, что связано с развитием полиграфического производства, появлением типографий не только в крупных центрах, но и в уездных городах, а также с меняющимися информационными запросами провинциального общества.

К началу XX века в Тамбовской губернии насчитывалось всего несколько периодических изданий, что в целом было характерно и для других губерний [9; 10]. Насыщенность периодическими изданиями была крайне маленькой, типологического разнообразия не было, информационная повестка дня – информационная. Постепенно губернская печать пережила ряд трансформаций и превратилась в полноценную региональную систему СМИ, ставшую моделью для формирования советской печати.

Основой системы стали официальные издания, которые Л.Д. Иванова справедливо называет «самой значительной подсистемой российской дореволюционной печати» [11, с. 8]. «Тамбовские губернские ведомости» («ТГВ»), издаваемые при Тамбовском губернском правлении с 1838 г., представляли стандартное официальное издание. Со дня образования газеты она была рупором губернаторской власти, а редакторами становились чиновники особых поручений при губернаторах. Читательский интерес представлял из себя неофициальный отдел издания, репрезентирующий политический, экономический, культурный пласт региональной информации. Однако в начале XX века данный тип изданий повсеместно подвергается трансформации: содержание газеты выхолащивается, она в большей степени выполняет функции справочно-информационного издания, не удовлетворяя все более усложняю-

щихся информационных потребностей аудитории.

К официальным СМИ можно причислить и «Епархиальные ведомости», программа которых была определена Херсонским архиепископом св. Иннокентием (Борисовым), выходившие в Тамбове с 1861 г. благодаря деятельности епископа Тамбовского и Шацкого Феофана. Цель издания: «оживить» епархиальные управления, приблизить их к пастве, информировать об инициативах духовенства. Его именовали журналом, хотя издание было гибридным, сохраняя зачастую газетную периодичность и журнальную тематику. В неофициальной части содержалась информация краеведческого, исторического, просветительского, справочно-статистического характера, что отражало вклад церкви в развитие губернии, нравственные и духовные искания своего времени.

На развитие информационной структуры губернии оказали влияние события революции 1905–1907 гг. В области появлялись новые газеты с политизированным содержанием, партийные издания, носившие полулегальный или нелегальный характер, а также типографии, которые печатали запрещённую литературу.

Так, в Тамбове в 1906–1908 гг. нелегально вышло 6 номеров газеты «Социалист-революционер. Издание Тамбовского губкома ПСР» [5, с. 305], которая освещала революционное движение в Тамбовской губернии, деятельность партии эсеров, публиковала материалы о ходе аграрной реформы. Другая эсеровская газета «Деревня» была органом Поволжского областного комитета партии, распространялась в Тамбове и соседних губерниях. Обе газеты прекратили своё существование после разгрома партии социалистов-революционеров.

В 1905–1907 гг. влияние эсеров было заметно и в легальных газетах. Например, «Тамбовский голос», неофициальным редактором которого сначала являлся руководитель губкома эсеров М.К. Вольский, потом либерально настроенный тамбовский дворянин Л.Д. Брюхатов, выходила до 1907 г. с перерывами из-за цензуры.

Социал-демократы в 1907 г. нелегально распространяли газету моршанского отделения партии – «Моршанский пролетариат».

Впрочем, как и большинство нелегальных изданий, эти газеты имели короткую историю и не оказали заметного влияния на типологическую картину губернских СМИ.

Период после Первой русской революции (1905–1907) отмечен послаблением цензурных правил и, как следствие, ростом частных провинциальных изданий. Схожая картина наблюдается, например, для Новгородской, Рязанской, Самарской, Сибирской и Пензенской и других губерний [9; 10; 12].

На фоне закрытия неофициального отдела «Тамбовских губернских ведомостей» появляется его замена – частный «Тамбовский край» (1907–1917), редактором которого стал С.Г. Кишкин, который в 1897–1901 гг. возглавлял «ТГВ». Газета освещала широкий круг политических, экономических, общественных вопросов, новости губернии, России и зарубежья, продвигала традиционные, близкие к консервативным, ценности.

В 1907 г. частный издатель Н.А. Фёдоров предпринял попытку выпускать журнал «Тамбовский еженедельник», а через год переориентировал его в газету «Тамбовский вестник» (1908–1909), которая определяла себя как «ежедневная общественная, экономическая, научно-литературная газета»² прогрессивного направления. Она тоже могла занять нишу универсального общественно-политического издания, однако редактор имел достаточно независимую позицию, поэтому после ряда судебных преследований газета перестала существовать.

Именно частная пресса и цензурные послабления создали условия для появления критически настроенных к власти изданий. Один из таких примеров – «Тамбовский листок объявлений» (1911–1912), политику которого определял большевик В.Н. Подбельский. Программа газеты объявлений была дополнена свежими телеграммами, биржевыми новостями, местной хроникой и корреспонденциями. Смелые публикации и критические выпады сделали газету популярной, однако политизация рекламного по сути издания стала поводом для закрытия газеты. Затем выходили «Тамбовская жизнь» (1912–

² Село Шапкино. URL: <http://shapkino.ru/chitalnya/209/materialy-gazety-tambovskij-vestnik> (дата обращения: 29.03.2022).

1913), «Тамбовские отклики» (1913–1914), но смена названия не смогла обмануть бдительность официальных властей.

Оживлённая литературно-издательская деятельность была не только в губернском Тамбове, но и во втором по величине городе Козлове (ныне Мичуринск). В силу своего удачного расположения и промышленного развития Козлов был одним из культурных центров региона, а издания, появившиеся здесь, с успехом выполняли роль губернской прессы.

Именно в Козлове начала свою историю одна из старейших газет губернии – «Козловская газета» (1901–1916?), которая освещала вопросы общественной жизни, торговли, промышленности, сельского хозяйства, коневодства и конезаводства (редактор-издатель П.П. Падучев, затем А.А. Дубинин)³. Её тематика строилась вокруг новостей Козлова и губернии – «Городские дела», «Корреспонденции», отдельно выделялся «Сельскохозяйственный отдел», «Театральные вести», традиционными для газет того периода были рубрики «Смесь», «Календарь».

Здесь же также были популярны коммерческие издания: предприниматели Л. и Г. Веллеры издавали «Козловский листок объявлений» (1899?–1906).

Основной период формирования системы уездной прессы в губернии приходится на 1910-е гг.: именно в этот момент стала расти потребность в разнообразной информации, появились технические и организационные возможности для активной издательской деятельности. В целом, это были газеты универсального направления. Примером может служить козловское издание «Народная нива» (1909–1917) (позже печаталось в Кирсанове, Тамбове, редактор-издатель Д.И. Мызников) с подзаголовком: «газета общественной жизни» [13, с. 105]. Программа газеты содержала традиционные разделы: «Телеграммы», «Местная хроника», «От редакции», «Происшествия», «По России», «Литературный отдел», «Научная статья», «Смесь». Редакция предприняла попытку удовлетворить информационные интересы тамбовской глубинки, по-

³ Бельх М.П. Козловские газеты и типографии // Независимый публицист. URL: <https://michurinsk.name/kozlovskije-gazety-i-tipografii/> (дата обращения: 26.03.2022).

этому содержит объёмные и обстоятельные публикации от собственных корреспондентов о Кирсанове, Ранненбурге, Данкове, Мучкапе, Уварове, Рассказове, Борисоглебске, Балашове и т. д.

В Козлове также печатались: «Козловский листок» (1912–1914), «Козловское слово» (1913), «Козловская мысль» (1914–1915) и др.

В уездном Кирсанове в собственной типографии издавался «Кирсановский Вестник» (1913–1915). Редактор-издатель Н.В. Черкасов так определил её программу: освещение «торгово-промышленной, общественной жизни и литературной», а девиз «достойно выполнять высокое призвание быть выразителем разумных стремлений на пользу общества»⁴. Она публиковала «Корреспонденции», «Заметки», «Хронику», информацию о культурных событиях, письма и сообщения читателей и даже «Отдел спорта».

В Моршанске получили развитие коммерческие газеты «Моршанский листок» (1912–1914) и «Моршанский телеграф» (1913–1916)⁵, которые по типу издания были более близки к бульварной прессе. Подобные издания уже появлялись в губернии, о чём можно судить даже по названию, например, «Коммерческий листок» (1911) или бесплатная газета объявлений «Коммерческий посредник» (1912–1913). Эти справочные издания в подавляющем случае служили источником прибыли.

Первой газетой в Борисоглебске (ныне – Воронежская область) стал в 1914 г. «Борисоглебский листок» с подзаголовком «газета общественная и литературная». На основании «правил военного положения»⁶ её выход был приостановлен, но редактор-издатель Н.В. Ленге продолжил выпуск газеты под названием «Борисоглебское эхо» (1914–1917) с подзаголовком: «Газета местной и област-

⁴ Кирсановский вестник // Град Кирсанов. URL: <http://www.grad-kirsanov.ru/press.php?id=vestnik.1913> (дата обращения: 22.03.2022).

⁵ Беляева Л.Н., Зиновьева М.К., Никуфоров М.М. Библиография периодических изданий 1901–1916 / под общ. ред. В.М. Барашенкова, О.Д. Голубевой, Н.Я. Морачевского. Т. 6. Л.: Изд. гос. публ. б-ки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина, 1961.

⁶ ЭНИ «Периодика» // Фундаментальная электронная библиотека «Русская литература и фольклор». URL: <http://feb-web.ru/feb/periodic/bb-abc/1.htm?cmd=0> (дата обращения: 22.03.2022).

ной жизни», которое носило достаточно прогрессивный характер [4, с. 53].

Особняком стоит местная газета «Липецкий сезонный листок» (1869–1916). Она издавалась только в летний период (отсюда и название) по воскресеньям на минеральном курорте Липецка. И хотя, по оценкам краеведов, «газета публиковала городские новости, занимательные фельетоны и очерки»⁷, её основное предназначение – справочное, что подтверждает содержание газеты: списки врачей, расписание процедур, объявления и анонсы мероприятий на курорте.

Постепенно складывалась в губернии и система журнальных изданий. Один из самых авторитетных журналов, имеющих заметную историю – «Известия Тамбовской учёной архивной комиссии» (1887–1917?), выпуск которого связан с именами известных тамбовских учёных и краеведов: И.И. Дубасова, А.Н. Норцова. Издание можно отнести к научным журналам, ведь комиссия нуждалась в «выпуске периодического издания, предполагающего публикации как результатов научной работы членов комиссии, так и документальных источников, принятии мер по охране памятников старины, проведении просветительской работы среди местного населения» [14, с. 345].

Считается, что музыкальный журнал «Баян» (1907–1909), который выпускался П.Н. Бигдаш-Богдашевым, был первым в России провинциальным журналом с нотным приложением. В тот же период выходил ещё один музыкально-литературный журнал – «Гусельки яровчатые» (1907–1909). Редактором был священник В.В. Лебедев, а помогал в издании журнала регент П.Н. Рождественский.

Среди специализированных журнальных продуктов надо назвать медицинские: например, сохранились подшивки журналов: «Протоколы заседаний Тамбовского общества ветеринарных врачей» (1903–1914), «Отчёты Ветеринарного отделения Тамбовской губернской земской Управы» (1903–1916), «Врачебно-санитарная хроника Тамбовской губернии» (1905–1914) и т. п.

⁷ Календарь памятных дат // Липецкая областная универсальная научная библиотека. URL: <http://calendar.lib48.ru/all-dates/lipetskij-letnij-listok-1869> (дата обращения: 25.03.2022).

В 1909 г. появился журнал «Тамбовский народный учитель» под редакцией учителя одного из городских училищ А.И. Алтухова. Однако просуществовал он всего лишь один год.

В 1911 г. в Тамбове начал выходить журнал «Лесная жизнь и хозяйство» (1911–1916), учреждённый Тамбовским управлением земледелия и государственных имуществ, который пользовался спросом и в соседних губерниях Центральной части России [7, с. 194]. Среди дореволюционных изданий есть также сельскохозяйственный и экономический журнал «Сельскохозяйственная жизнь» (1912–1916), тематика которого была востребована в аграрном регионе: «...население нуждается в специальном журнале, и что в народных массах появились многочисленные запросы, которых не может удовлетворить общая пресса»⁸.

Кроме этого, оформляя подписку на газету «Тамбовский край», местная публика могла получать и литературно-публицистические приложения к ней, которые издавались в Петербурге – литературно-научный и политический журнал «Нева» (1906–1914) и иллюстрированный сборник «Улей» (1912–1914).

Безусловно, критической точкой отсчёта для дальнейшего формирования информационной системы в регионах стало начало Первой мировой войны и связанные с этим изменения в укладе страны. Косвенные факты свидетельствуют о сворачивании издательских проектов, например, многие газеты и журналы прекратили своё существование именно в 1914–1915 гг., замедлилось развитие специализированных изданий. Военные действия определили хроникальный характер содержания, о чём говорит появление газет или приложений к имеющимся, в которых печатались лишь сводки с фронта и краткие сообщения телеграфных агентств, которые так и назывались «Телеграммы».

Хотя земская печать появилась в России ещё в 80-е гг. XIX века [10], в Тамбовской губернии земские издательские проекты особое значение приобретают только во второе десятилетие XX века. Данные издания можно

⁸ Торин В. Сельскохозяйственная жизнь. Извлечение из отчёта за 1913 г. // Тамбовские отклики. 1914. № 107. 19 апр. С. 2-3.

отнести к официальному типу СМИ. Они выполняли функции органа печати структур местного самоуправления, во многом предвосхищая деятельность местных советских газет.

Ещё в 1913 г. в Усмани выходил журнал «Вестник Усманского уездного земства» (1913–1914), а в Шацке по решению земства 2 раза в месяц издавался журнал «Шацкое хозяйство. Сельскохозяйственный листок» (1914–1916). Известен факт существования газеты «Козловский земский вестник» (1915–1916), выходившей 2 раза в неделю. А с 1916 г. по инициативе губернской земской управы печатался «Тамбовский земский вестник» (1916–1917), который пользовалась большим спросом среди населения [15, с. 102].

Всё это подтверждает возросшую потребность местной власти и аудитории в распространении и получении массовой информации, осуществлении информационного обмена. И мы видим, что вопрос оперативности информирования населения решался по-разному в зависимости от типа издания, возможностей и поставленных задач.

Надо отметить, что в других уездах губернии: Спаске, Темникове, Кадоме, Елатме – местных газет и журналов в данный период не существовало.

ВЫВОДЫ

Суммируя вышесказанное, можно констатировать, что к началу 1917 г. произошло становление губернской системы печатных средств массовой информации, включающей в себя издания разного типа. Она была представлена: официальными губернскими изданиями, частными универсальными качест-

венными изданиями, специализированной прессой и коммерческими изданиями, близкими к бульварным. Потребность в изданиях, задействованных в развитии системы местного самоуправления, сформировала спектр земских еженедельников и журналов.

Специализированная информация, культурно-развлекательный контент в большей степени локализовался в сегменте журнальной продукции. Надо отметить, что некоторые издания предлагали гибрид между журнальной и газетной концепцией, постепенно определяя особенности типологических моделей, связанные как с периодичностью, так и содержанием. В целом, газеты и журналы выполняли информационные, идеологические, просветительские и утилитарно-справочные функции.

Темпы развития системы местных СМИ в различных населённых пунктах зависели от специфики развития города, на которую влияли тип занятости населения, логистика, производственные мощности, культурная среда. Самыми активными в этом плане были губернский центр, а также Козлов (ныне Мичуринск), Моршанск.

Данная типологическая система периодических изданий, апробированная в начале века, получила преемственность и в Советской России, особенно в первые десятилетия, что подтверждается в использовании форм удовлетворения потребности в массовой информации, вертикальности официальной прессы, разделении изданий на универсальные и тематические, в стимулировании местной прессы. Всё это является перспективным вектором исследования дореволюционной печати Тамбовской губернии.

Список источников

1. *Балашова Е.Н.* История книгораспространения в российской провинции в конце XVIII – начале XX в. (на примере Тамбовской губернии) // Формирование профессиональной направленности личности специалистов – путь к инновационному развитию России: Всерос. науч.-практ. конф. / МНИЦ ПГАУ. Пенза: РИО ПГАУ, 2019. С. 21-27.
2. *Карева С.Ю.* Формирование двусторонней связи в провинциальных печатных СМИ дореволюционной России (на примере газет Тамбовской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 2-2 (28). С. 68-71.
3. *Левин О.Ю.* «Тамбовские епархиальные ведомости» – периодическое издание, основанное святителем Феофаном Затворником // Богословский сборник Тамбовской духовной семинарии. 2015. № 2. С. 43-46.

4. Мурашов А.А. Уездная пресса 1917 г. (Борисоглебские газеты в фондах Российской государственной библиотеки и государственной публичной исторической библиотеки) // Общество: философия, история, культура. 2019. № 3 (59). С. 53-56. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.3.9>
5. Пьяных Н.И. О состоянии тамбовской организации партии социалистов-революционеров до 1917 г. // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2012. № 2 (106). С. 303-307.
6. Родионова Т.С. Провинциальность и популярность: к особенностям формирования городской газеты на рубеже XIX–XX веков в России // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2018. № 6. С. 69-79. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.69>
7. Рыбалкин А.И. Периодическая лесная печать в дореволюционной России // Лесной вестник. 2005. № 2. С. 186-195.
8. Хабарова Е.И. «Тамбовские епархиальные ведомости» как исторический источник для изучения патриотической деятельности тамбовского духовенства в период войн XIX – начала XX в. // Вестник ТГУ. Гуманитарные науки. История и политология. 2010. № 2 (82). С. 233-236.
9. Гуторова Н.А. Становление типа местной газеты («Рязанский вестник» (1905–1907 гг.)) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2008. Вып. 3. Ч. 2. СПб., 2008. С. 292-297.
10. Семенова А.Л. Уездные издания Новгородской губернии (1881–1918): история и типология // Учёные записки НовГУ. 2018. № 6 (18). С. 1-5.
11. Иванова Л.Д. Система газетной прессы на рубеже XIX–XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2018. Т. 24. № 2 (174). С. 5-12.
12. Кулянина У.И. Уездная периодическая печать Самарской, Симбирской и Пензенской губерний в начале XX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2012. 23 с.
13. Видная О.Е. Трансформация интересов аудитории в уездной печати на примере «Народной Нивы» (1909–1917 гг.) // Коммуникация в современном мире: материалы Междунар. науч.-практ. конф. исследователей и преподавателей журналистики, рекламы и связей с общественностью: в 2 ч. / под ред. В.В. Тулупова. Воронеж: Факультет журналистики ВГУ, 2022. Ч. 1. С. 105-107.
14. Алленова В.А. Историческая наука в российской провинции в конце XIX – начале XX в.: Тамбовская учёная архивная комиссия. Рязань: Частн. изд-ль П.А. Трибунский, 2002. 380 с.
15. Колчинский Д.В. Февральская революция 1917 года на страницах газеты «Тамбовский земский вестник» // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 1-1 (27). С. 102-105.

References

1. Balashova E.N. Istoriya knigorasprostraneniya v rossiyskoy provintsii v kontse XVIII – nachale XX v. (na primere Tambovskoy gubernii) [The history of book distribution in the Russian province in the late 18 – early 20 centuries (on the example of Tambov province)]. *Vserossiyskaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya «Formirovaniye professional'noy napravlenosti lichnosti spetsialistov – put' k innovatsionnomu razvitiyu Rossii»* [All-Russian Scientific and Practical Conference “Formation of the Professional Orientation of the Personality of Specialists – the Way to the Innovative Development of Russia”]. Penza, Editorial and publishing department of the Penza State Agrarian University Publ., 2019, pp. 21-27. (In Russian).
2. Kareva S.Y. Formirovaniye dvustoronney svyazi v provintsial'nykh pechatnykh SMI dorevolyuetsionnoy Rossii (na primere gazet Tambovskoy gubernii) [Bilateral connection formation in provincial printed mass media of pre-revolutionary Russia (by example of Tambov province newspapers)]. *Istoricheskiye, filosofskkiye, politicheskkiye i yuridicheskkiye, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 2-2 (28), pp. 68-71. (In Russian).
3. Levin O.Y. «Tambovskkiye eparkhial'nyye vedomosti» – periodicheskoye izdaniye, osnovannoye svyatitelem Feofanom Zatvornikom [“Tambov diocesan vedomosti” – a periodic publication founded by St. Feofan the Recluse]. *Bogoslovskiy sbornik Tambovskoy dukhovnoy seminarii – The Theological Collection of the Tambov Spiritual Seminary*, 2015, no. 2, pp. 43-46. (In Russian).
4. Murashov A.A. Uyezdnyaya pressa 1917 g. (Borisoglebskiye gazety v fondakh Rossiyskoy gosudarstvennoy biblioteki i gosudarstvennoy publichnoy istoricheskoy biblioteki) [County publications of 1917 (Borisoglebsk newspapers in the Russian state library and the state public historical library)]. *Obschestvo: filisofiya, istoriya, kul'tura – Society: Philosophy, History, Culture*, 2019, no. 3 (59), pp. 53-56. <https://doi.org/10.24158/fik.2019.3.9>. (In Russian).

5. Pyanykh N.I. O sostoyanii tambovskoy organizatsii partii sotsialistov-revolutsionerov do 1917 g. [About condition of Tambov organization of socialists-revolutionaries' party before 1917]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2012, no. 2 (106), pp. 303-307. (In Russian).
6. Rodionova T.C. Provintsial'nost' i populyarnost': k osobennostyam formirovaniya gorodskoy gazety na rubezhe XIX–XX vekov v Rossii [Provinciality and popularity: on the formation of the city newspaper in the late 19th–20th centuries in Russia]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye i sotsial'nyye nauki – Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and Social Sciences*, 2018, no. 6, pp. 69-79. <https://doi.org/10.17238/issn2227-6564.2018.6.69>. (In Russian).
7. Ribalkin A.I. Periodicheskaya lesnaya pechat' v dorevolutsionnoy Rossii [Periodic forest printing in pre-revolutionary Russia]. *Lesnoy vestnik – Bulletin of the Moscow State Forest University – Forestry Bulletin*, 2005, no. 2, pp. 186-195. (In Russian).
8. Habarova E.I. «Tambovskiy eparkhial'nyye vedomosti» kak istoricheskiy istochnik dlya izucheniya patrioticheskoy deyatelnosti tambovskogo dukhovenstva v period voyn XIX – nachala XX v. [“Tambov diocesan bulletin” as a historical source for studying of patriotic activity of the Tambov clergy during the period of wars 19th – beginnings of the 20th century]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki – Tambov University Review. Series: Humanities*, 2010, no 2 (82), pp. 233-236. (In Russian).
9. Gytorova N.A. Stanovleniye tipa mestnoy gazety («Ryazanskiy vestnik» (1905–1907 gg.)) [Formation of local newspaper type (“Ryazanskiy Vestnik”, 1905–1907)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika – Vestniks of Saint Petersburg University. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2008, issue 3, pt 2, pp. 292-297. (In Russian).
10. Semenova A.L. Uyezdnyye izdaniya Novgorodskoy gubernii (1881–1918): istoriya i tipologiya [Regional editions of Novgorod province (1881–1918): history and typology]. *Uchenyye zapiski NovGU – Memoirs of Novgorod State University*, 2018, no. 6 (18), pp. 1-5. (In Russian).
11. Ivanova L.D. Sistema gazetnoy pressy na rubezhe XIX–XX vv. [The system of the print press at the turn of the 19th–20th centuries]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury – Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture*, 2018, vol. 24, no. 2 (174), pp. 5-12. (In Russian).
12. Kylyanina Y.I. *Uyezdnaya periodicheskaya pechat' Samarskoy, Simbirskoy i Penzenskoy guberniy v nachale XX veka: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [County Periodical Press of the Samara, Simbirsk and Penza Provinces at the Beginning of the 20th Century: Cand. hist. sci. diss. abstr.]. Saransk, 2012, 23 p. (In Russian).
13. Vidnaya O.E. Transformatsiya interesov auditorii v uyezdnoy pechati na primere «Narodnoy Nivy» (1909–1917 gg.) [Transformation of audience interests in the county press on the example of Narodnaya Niva (1909–1917)]. *Materialy Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya issledovateley i prepodavateley zhurnalistiki, reklamy i svyazey s obshchestvennost'yu «Kommunikatsiya v sovremennom mire»: v 2 ch.* [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference of Researchers and Teachers of Journalism, Advertising and Public Relations “Communication in the Modern World”: in 2 pts.]. Voronezh, Faculty of Journalism of Voronezh State University Publ., 2022, pt 1, pp. 105-107. (In Russian).
14. Allenova V.A. *Istoricheskaya nauka v rossiyskoy provintsii v kontse XIX – nachale XX v.: Tambovskaya uchenaya arkhivnaya komissiya* [Historical Science in the Russian Provinces in the Late 19th – Early 20th Centuries: Tambov Scientific Archival Commission]. Ryazan, Private Publisher Tribunskiy P.A., 2002, 380 p. (In Russian).
15. Kolchinskii D.V. Fevral'skaya revolyutsiya 1917 goda na stranitsakh gazety «Tambovskiy zemskiy vestnik» [February revolution of 1917 in pages of newspaper “Tambov zemstvo herald”]. *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskkiye i yuridicheskkiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2013, no. 1-1 (27). pp. 102-105. (In Russian).

Информация об авторе

Видная Ольга Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-6760-1578](https://orcid.org/0000-0002-6760-1578), olga0871@mail.ru

Вклад в статью: разработка общей концепции статьи, поиск и анализ литературы по истории журналистики Тамбовской области, изучение эмпирического материала, работа с документами и базами данных, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 03.05.2022
Одобрена после рецензирования 11.07.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Olga E. Vidnaya, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-6760-1578](https://orcid.org/0000-0002-6760-1578), olga0871@mail.ru

Contribution: main study conception development, literature search and analysis on journalism history of Tambov Region, study of empirical material, working with documents and databases, manuscript text drafting.

The article was submitted 03.05.2022
Approved after reviewing 11.07.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-806-812

Специализированные юридические журналы «Хокук вэ хаят» (1913–1914) и «Право и жизнь в Татарстане» (с 1998 по настоящее время): к вопросу о преемственности изданий

Айгуль Наилевна ЗИГАНШИНА

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет»
420008, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Кремлёвская, 18
✉ jurnal-pravo@mail.ru

Аннотация. Установлена преемственность типологических характеристик юридических журналов «Хокук вэ хаят» (1913–1914 гг.) и современного журнала «Право и жизнь в Татарстане». Возрождение периодических изданий в 1990-х гг. – это тенденция, которую можно проследить, изучив постсоветскую периодику. В обозначенный период возобновились печатные издания, издававшиеся ещё в дореволюционный период – до 1917 г. Завоевание перестройки – гласность – дало возможность развития средств массовой информации, их модернизации. Наряду с общественными, партийными, коммерческими изданиями появились и специализированные издания. Возрождённым, видоизменённым, модернизированным журналом были сохранены черты первоизданного издания, преемником которого он является. Поставлен вопрос о преемственности двух изданий, вышедших в разные эпохи в истории российской журналистики, и правомерности называть «возобновлением» издания, между которыми дистанция во много десятилетий. В качестве примеров приведены другие газеты и журналы из истории журналистики, которые можно отнести к категории «возрождённых». Исследованы аудиторные, языковые и иные параметры, миссия и назначение обоих изданий. Выделены сходства и различия, выяснены, какие традиции журнала начала XX века сохранились в современном издании.

Ключевые слова: «Право и жизнь в Татарстане», «Хокук вэ Хаят», казанская журналистика, юридические журналы, ведомственные издания

Для цитирования: Зиганшина А.Н. Специализированные юридические журналы «Хокук вэ хаят» (1913–1914) и «Право и жизнь в Татарстане» (с 1998 по настоящее время): к вопросу о преемственности изданий // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 806-812. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-806-812>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

ORIGINAL ARTICLE

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-806-812

Specialized law journals “Hokuk ve Hayat” (1913–1914) and “Law and Life in Tatarstan” (1998 to present): on the issue of publications succession

Aigul N. ZIGANSHINA

Kazan (Volga Region) Federal University
18 Kremlevskaya St., Kazan 420008, Republic of Tatarstan, Russian Federation
✉ jurnal-pravo@mail.ru

Abstract. We establish the succession of the typological characteristics of law journals “Hokuk ve Hayat” (1913–1914) and the modern journal “Law and Life in Tatarstan”. Revival of periodicals in the 1990s – this is a trend that can be traced by studying post-Soviet periodicals. During the indicated period, printed publications were resumed, which were published back in the pre-revolutionary period – until 1917. The conquest of revolution – publicity – made it possible to develop the mass media and modernize them. Along with public, party, commercial publications, specialized publications also appeared. The revived, modified, modernized journal retained the features of the original edition, of which it is the successor. The question is raised about the succession of the two publications that came out in different eras in the history of Russian journalism, and the legitimacy of calling the “resumption” of the publication, between which the distance of many decades. As examples, other newspapers and magazines from the history of journalism are given, which can be classified as “revived”. We explore the audience, language and other parameters, mission and purpose of both publications. We highlight the similarities and differences, find out which traditions of the journal of the early 20th century have been preserved in the modern edition.

Keywords: “Law and Life in Tatarstan”, “Hokuk ve Hayat”, Kazan journalism, law journals, departmental publications

For citation: Ziganshina A.N. Spetsializirovannyye yuridicheskiye zhurnaly «Khokuk v-e khayat» (1913–1914) i «Pravo i zhizn' v Tatarstane» (s 1998 po nastoyashcheye vremya): k voprosu o preymstvennosti izdaniy [Specialized law journals “Hokuk ve Hayat” (1913–1914) and “Law and Life in Tatarstan” (1998 to present): on the issue of publications succession]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 806–812. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-806-812> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Юридический, правовой журнал «Право и жизнь в Татарстане», основанный в 1998 г., считает себя правопреемником журнала «Хокук вэ Хаят», выходявшего под редакторством Ш.-А. Иманаева в 1913–1914 гг. В официальных релизах журнала говорится о том, что современное издание является прямым возобновлением журнала вековой давности, а 18 апреля 2018 г., к примеру, в зале Национально-культурного центра «Казань»

(сейчас это здание передано Национальной библиотеке Республики Татарстан) проходило празднование 105-летнего юбилея журнала.

В официальном поздравительном обращении премьер-министра Республики Татарстан А.В. Песошина прозвучали тогда такие слова: «У журнала «Хокук хэм хаят – Право и жизнь в Татарстане» более чем вековая история, которая связана с развитием не только отечественной юриспруденции, но и страны в целом. На протяжении прошедших лет журнал остаётся ведущим общественно-пра-

вовым и научным печатным изданием в области юридической теории и практики. Не оценим его вклад в развитие дисциплин, направленных на исследование политико-государственных и правовых институтов, формирование здорового правосознания, высокой правовой культуры»¹.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Тем не менее, конечно, справедливо поставить вопрос о преемственности двух изданий, выходящих в разные эпохи в истории российской журналистики. Отвечая на вопрос о том, правомочно ли называть «возобновлением» издания, между которыми дистанция во много десятилетий, отметим, что такие примеры были в истории журналистики. Так, в 1911 г., после почти 50-летнего перерыва был возобновлён журнал «Современник», закрытый в 1866 г., после первого покушения на Александра II. Преемственность нового журнала старому «Современнику» должно было подчеркнуть участие в новом издании М. Антоновича, который, будучи совсем ещё молодым человеком, возглавлял литературный отдел в старом, некрасовском «Современнике» образца 1862 г.

Примерно столько же: около 50 лет отделяло либеральный «Вестник Европы» 1866 г. от одноимённого журнала Н.М. Карамзина, в честь которого получил название и новый журнал. Однако несогласие с политической линией консервативно настроенного монархиста Карамзина и нежелание с ней смешиваться вызвало к публикации целого цикла анти-карамзинских очерков в обновлённом либеральном «Вестнике Европы»².

Из национальных изданий отметим чувашскую газету «Хыпар», отсчитывающую свою историю от первой одноимённой газеты, выходившей в Казани в 1906 г. и прекратившейся в 1907. Второй «Хыпар» вышел только 10 лет спустя, в 1917 г. А непрерывная история нынешней газеты началась толь-

ко в 1918 г., и это была уже четвёртая по счёту попытка начать чувашскую газету. В этом смысле примеры возобновления изданий даже много лет спустя, даже если при этом меняются его форматы и ориентация, – не единичны в истории журналистики. Важно при этом как относится сам коллектив возобновляемого издания к своему предшественнику и тѣзке: считает ли новая редакция себя преемником прежнего издания или намеренно дистанцируется от него (такие примеры тоже нередки, например, соглашаясь на должность главного редактора газеты 1890-х гг. «Русское слово», Влас Дорошевич специально оговаривал, что в его газете не будет ничего общего с одноимённым журналом «Русское слово» из эпохи шестидесятых годов XIX века).

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Журнал «Право и жизнь в Татарстане», как было отмечено выше, заявляет о своей преемственности изданию «Хокук вэ Хаят», более того, выход современного издания подаётся как возобновление, возрождение журнала начала XX века. В связи с этим важно сравнить оба этих издания, выявить сходства и различия и установить, есть ли, действительно, такие традиции, сложившиеся в журнале Ш.-А. Иманаева, которые сохраняются и в современном журнале.

Первое, на чём следует заострить внимание: исторический и современный журналы выходили в разные исторические эпохи, и тот и другой – двуязычные журналы, но при этом журнал 1913–1914 гг. преимущественно татароязычный, рассчитан на татарскую аудиторию. Современный же журнал – преимущественно русскоязычный.

По словам исследователей Д.М. Усмановой и Н.М. Гильмутдинова, в журнале начала XX века «статьи на татарском языке доминировали, русскоязычный же материал составлял едва ли пятую часть издания. Кроме того, в прошении, как и в первых номерах издания, было заявлено, что «Хокук вэ хаят» – «двухнедельный прогрессивный юридический, религиозный, философский, национальный, экономический и литературный журнал». Издатель планировал в качестве приложения к нему бесплатно рассылать годовым

¹ Бритвина Е. Алексей Песошин поздравил коллектив журнала «Хокук хэм хаят – Право и жизнь в Татарстане» со 105-летием // Право и жизнь в Татарстане: сайт. URL: <http://www.journal-pravo.ru/zhurnal/66-istoriya-zhurnala-3.html> (дата обращения: 22.03.2022).

² Пытин А.Н. Очерки общественного движения при Александре I. IV. Карамзин // Вестник Европы. 1870. № 9. С. 170-248.

подписчикам статьи действующих законов в переводе на татарский язык» [2, с. 188].

В современном журнале, по нашим подсчётам, материалы на татарском языке составляют в среднем не более 10 % от общей площади номера, а юридическое направление сделалось доминирующим. К современному изданию трудно уже применить определения «религиозный, философский и литературный». Изменились и сроки выхода: из формата двухнедельного журнал трансформировался в журнал, выходящий раз в два месяца, а то и раз в квартал. Издание стало менее оперативным, но более аналитическим.

В этом смысле содержание журнала стало более глубоким. Про журнал начала XX века исследователи отмечали: «...соответствовать заявленному уровню у издателя и редактора журнала не получалось: в «Хокук ва хаят» преобладали малосодержательные, в основном переводные с русского языка статьи. Нередко присутствовала и прямая компиляция. В целом Ш. Иманаеву не удалось объединить вокруг «Хокук ва хаят» юристов и публицистов, способных превратить его журнал в солидное издание... Несмотря на неудачу первого опыта, следует признать, что издание правового журнала на татарском языке стало закономерным ответом на вызовы модернизирующегося мусульманского общества, а усилия Ш. Иманаева заслуживают внимания и одобрения» [2, с. 188-189].

Совсем другие оценки получает у критиков современный журнал: Ирина Соловьёва, заслуженный юрист Республики Татарстан: «Для меня журнал стал своего рода настольной книгой, как и для многих моих коллег по Адвокатской палате Татарстана, а для граждан республики – домашним адвокатом. Каждый раз, читая свежий номер «Права и жизни», радуюсь его многогранности, тому, что журнал в комплексе освещает злободневные вопросы, возникающие в нашем обществе, в том числе в области права, адвокатуры»³; Владимир Лукин, в 2012 г. – уполномоченный по правам человека в Российской Федерации: «– «Право и жизнь» – один из немногих профессиональных юридических журналов России, широко освещающих

права человека, выполняющих важнейшие задачи по укреплению законности и правопорядка, защите конституционных прав и свобод граждан, интересов общества и государства, повышению правовой культуры населения, пропаганде юридических знаний» [3].

Исторический журнал Ш.-А. Иманаева ориентировался на татарское, часто юридически малограмотное население, а также являлся частью молодой татарской прессы, получившей в России официальное право на жизнь лишь в конце 1905 г., будучи одним из первых татарских специализированных журналов.

Татарская пресса существовала тогда в своих границах, с тесными культурными взаимосвязями в тюркском мире, но в значительной степени обособленно от русской журналистики. Отдельно остановимся на личности главного редактора. Необходимо сказать, что Ш.-А. Иманаев был зятем крупного татарского промышленника и общественного деятеля А. Сайдашева, среди прочего – активнейшего издателя татарских газет. В какой-то момент именно Ш.-А. Иманаев стал главным редактором газеты Сайдашева «Баянуль-хак». Эта газета считалась газетой крупной буржуазии и правых кругов, некоторые современники навешивали на неё ярлык черносотенного издания, современные же исследователи полагают, что эти обвинения несправедливы, напротив, издания можно отнести к просветительским и в некоторых моментах – даже демократическим.

Так, старший сотрудник института им. Ш. Марджани Л.А. Мухамадеева, отвечая на реплику 100-летней давности И. Рамиева, по словам которого, «Баянуль-хак» – это одна «из самых грязно напечатанных газет, где большинство места занимает реклама» [4], – свидетельствует: «Просмотрев номера газет «Баянуль-хак» и сравнив их с некоторыми другими газетами, мы можем утверждать, что техника напечатания, а также объём рекламы в ней совпадал с другими как татарскими, так и русскими органами периодической печати того времени. Вместе с тем известно, что в статьях и заметках Сайдашевых, особенно Мухаметзяна, в основном освещались повседневные вопросы жизни татарского народа и города Казани, отчёты Казанской городской думы, гласными которой

³ Цит. по: Летопись правовой периодики // Республика Татарстан: общественно-политическая газета. 2013. 16 мая.

на протяжении многих лет являлись они сами. Также много внимания уделялось проблемам народного образования и просвещения татар» [3].

Для нас здесь важно, что Ш.-А. Иманаев был до издания журнала «Хокук вэ Хаят» редактором газеты, имевшей имидж «правой», то есть был представителем течения охранительного, противостоящего революционным и левым тенденциям, понимающего государственный интерес и сопрягающего с ним интерес общественный. В татарской прессе, однако, границы правых и левых флангов были тогда не столь непроницаемы, как в русской печати. В 1908 г. сенсацией стал заключённый тандем одной из самых левых татарских газет «Тан йолдызы», издаваемой группой Гаяза Исхаки, с «Баянульхак», который вызвал резкую отповедь группе «тангистов» со стороны других газет левого фланга [5].

Однако сочетаемость государственного мышления и демократизма, понимания общественных нужд стало основой политической платформы Ш.-А. Иманаева. И современный журнал «Право и жизнь в Татарстане» вполне поддерживает этот тренд. Исследователи также отмечают: «Просветительская деятельность Ш.-А. Иманаева шла в русле такого широкого общественно-политического движения среди татар, как джадизм, ставящего своими целями освобождение татарской нации от отсталости и закостенелости, обновление её общественной и политической жизни, приобщение к общеевропейским ценностям культуры и прогрессу» [6, с. 127].

Журнал Ш.-А. Иманаева 1913–1914 гг. был не только общественным, но и в известном смысле корпоративным органом, способствовавшим складыванию юридической корпорации. Однако в начале XX века зачастую сами профессиональные корпорации носили выражено общественный, часто оппозиционный государству характер. Об этом, к примеру, писали авторы сборника «Спутник избирателя»⁴, вышедшего в 1906 г., в период так называемой «Первой русской револю-

⁴ Спутник избирателя на 1906 год: освободительное движение и современные его формы: справочная книга для желающих ориентироваться в современном общественном движении. Спб.: И.И. Ефрон, 1906. 312 с.

ции»: «Отрицание существующего строя объединило всех, но жизнь требовала более точного определения своих desiderata (то есть: своего чаемого, желаемого. – А. З.), а практические условия деятельности заставляли группироваться по профессиям. Возникли многочисленные союзы, и начался рост русского профессионального движения. Это новое явление русской жизни особенно ярко развилось в первую половину 1905 года»⁵. Автор далее перечисляет ряд возникших в то время союзов, в том числе союз адвокатов.

Заканчивается раздел следующей характеристикой: «Ядро этих молодых организаций составляли оппозиционные элементы русского общества, стремившиеся использовать профессиональные объединения в целях борьбы с отживающим строем. Все эти союзы зародились в минуту возбуждения, протеста, и потому ни одна из организаций не носила специально-профессионального характера. Профессиональные рамки служили скорее только средством объединения»⁶.

ВЫВОДЫ

Таким образом, даже корпоративные начала в журнале 1910-х гг. могли совмещаться с общественно-политическими просто потому, что сам дух профессиональных корпораций того времени мог быть совершенно иным по сравнению с привычным нам, а именно излишне политизированным и с выраженным оппозиционным настроением. Но это направление корпорации, как мы показали, уравнивалось в журнале «Хокук вэ хаят» общим правым, «охранительным» направлением самого редактора Ш.-А. Иманаева. При этом общественный пафос вполне сохранялся в его журнале.

Тенденции корпоративного издания наблюдаются и в современном журнале «Право и жизнь в Татарстане», этот вопрос подробнее мы осветим в наших дальнейших исследованиях. Но, конечно, юридическая корпорация, которую представляет современный журнал, – несколько иного рода, чем та, интересы которого выражал журнал «Хокук вэ Хаят» 100-летней давности. Нынешний жур-

⁵ Там же. С. 137.

⁶ Там же. С. 138.

нал носит межведомственный характер и в основном представляет сейчас работы ведомств и юристов на госслужбе, нежели частных присяжных поверенных и общественных защитников, как это было раньше.

Мы говорим об этих ведомствах, как об особой корпорации, опираясь, в частности, на труды Л.С. Агафонова, рассматривающего государство (государственные структуры) в своих исследованиях как отдельную грандиозную корпорацию, имеющую собственные цели и ресурсы и выделяющую под них собственные бюджеты, в числе которых расходы на издание своей прессы [7].

О сочетаемости государственного и общественного направлений в современной медиаотрасли размышляет в своём исследовании такой известный медиа-аналитик, как В.Л. Иваницкий: «Функция общественного контроля была трансформирована фирмой массмедиа в инструмент корпоративных войн, в которых журналистика начала принимать самое активное участие... Единственной силой, которая в состоянии провести модернизацию института журналистики, является государство, которое пытается навести порядок в отрасли СМИ с момента введения в действие Налогового кодекса РФ» [8].

В свете сказанного мы можем утверждать, что институционально став ведомственным изданием (по сравнению со своим историческим прообразом, частным журналом), современный журнал «Право и жизнь в Татарстане» не утратил и общественного назначения, а в каких-то моментах даже усилил его.

Итак, обобщим наши выводы: по сравнению с журналом Ш.-А. Иманаева современный журнал «Право и жизнь в Татарстане» изменил формат, объём, периодичность, отказался от ориентированности преимущественно на национальную аудиторию, изме-

нился и характер представляемой журналом юридической корпорации (притом что тенденция к специализированному и корпоративному типу в формате издания сохраняется): от частно-общественной к государственно-ведомственной.

При этом в журнале сохранился курс на совмещение государственного и общественного направлений, сохранилось (хотя и с изменением пропорций) двуязычие, а также частично и просветительский характер. Приведём высказывание народного поэта Республики Татарстан и известного татарстанского политика Разиля Валиева о журнале: «Показательно, что с самого начала журнал «Право и жизнь» был двуязычным и сейчас издаётся на двух государственных языках Татарстана – на русском и татарском, успешно участвует в реализации Республиканской целевой программы сохранения, изучения и развития языков народов республики. Следуя традициям своего знаменитого предшественника, журнал вносит сегодня немалый вклад в дело консолидации общества и создания в нём атмосферы согласия, воспитания у читателей уважения к людям, независимо от их национальности и социального положения»⁷.

Нынешний журнал также более аналитичный и носит более концентрированный юридический характер по сравнению со своим предшественником, в целом он оказался более долгоиграющим и успешным проектом. Но, как мы могли убедиться, традиции, заложенные журналом Ш.-А. Иманаева, являются важным вектором, определяющим тематическое и содержательное позиционирование современного журнала «Право и жизнь в Татарстане».

⁷ Летопись правовой периодики // Республика Татарстан: общественно-политическая газета. 2013. 16 мая.

Список источников

1. Усманова Д.М., Гильмутдинов Н.М. Юридическая периодическая печать в дореволюционной России (вторая половина XIX – начало XX века) // Учёные записки Казанского университета. 2009. Т. 151. Кн. 5. Ч. 2. С. 184-190.
2. Мухаммадеева Л.А. Страницы истории татарского предпринимательства: купеческая династия Сайдашевых (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ, 2020. 292 с.
3. Рамиев И. Альбом татарской периодической печати. 1905–1925. Казань, 1926. 232 с.
4. Бик-Булатов А.Ш. Очерки истории казанской журналистики 1758–1918. Вып. 2. Казань: Изд. дом Маковского, 2021. 978 с.

5. Емельянова И., Ахунув А. Забытые страницы: Шейх-Аттар Иманаев // Эхо веков. 2002. № 1/2. С. 126-134.
6. Агафонов Л.С. Корпоративная пресса: особенности функционирования, типологические характеристики и методика оценки эффективности: дис. ... канд. филол. наук. М., 2008. 188 с.
7. Иванецкий В.Л. Трансформация журналистики России в условиях становления отрасли СМИ: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011. 399 с.

References

1. Usmanova D.M., Gilmutdinov N.M. Yuridicheskaya periodicheskaya pechat' v dorevolyutsionnoy Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka) [Legal periodical press in pre-revolutionary Russia (second half of the 19th – early 20th century)]. *Uchenyye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific Notes of Kazan University]. 2009, vol. 151, bk 5, pt 2, pp. 184-190. (In Russian).
2. Ramiyev I. *Al'bom tatarskoy periodicheskoy pechati. 1905–1925* [Album of the Tatar Periodical Press. 1905–1925]. Kazan, 1926, 232 p. (In Russian).
3. Mukhamadeyeva L.A. *Stranitsy istorii tatarskogo predprinimatel'stva: kupecheskaya dinastiya Saydashevyykh (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Pages of the History of Tatar Entrepreneurship: the Merchant Dynasty of the Saydashevs (Second Half of the 19th – Early 20th Centuries)]. Kazan, S. Marjani Institute of History of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan Publ., 2020, 292 p. (In Russian).
4. Bik-Bulatov A.S. *Ocherki istorii kazanskoy zhurnalistiki 1758–1918. Vyp. 2* [Essays on the History of Kazan Journalism 1758–1918. Issue 2]. Kazan, Makovsky Publishing House, 2021, 978 p. (In Russian).
5. Emelyanova I., Akhunov A. Zabytyye stranitsy: Sheykh-Attar Imanayev [Forgotten pages: Sheikh-Attar Imanayev]. *Gasyrlar ava-zy – Echo of Centuries*, 2002, no. 1/2, pp. 126-134. (In Russian).
6. Agafonov L.S. *Korporativnaya pressa: osobennosti funktsionirovaniya, tipologicheskiye kharakteristiki i metodika otsenki effektivnosti: dis. ... kand. filol. nauk* [Corporate Press: Features of Functioning, Typological Characteristics and Methodology for Evaluating Effectiveness. Cand. philol. sci. diss.]. Moscow, 2008. 188 p. (In Russian).
7. Ivanitskiy V.L. *Transformatsiya zhurnalistiki Rossii v usloviyakh stanovleniya otrasli SMI: dis. ... d-ra filol. nauk* [Transformation of Journalism in Russia in the Context of the Formation of the Media Industry. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2011. 399 p. (In Russian).

Информация об авторе

Зиганшина Айгуль Наилевна, ассистент кафедры национальных и глобальных медиа, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация, ORCID: [0000-0003-2366-0629](https://orcid.org/0000-0003-2366-0629), jurnal-pravo@mail.ru

Вклад в статью: идея статьи, анализ литературы, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 18.05.2022
Одобрена после рецензирования 04.07.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Aigul N. Ziganshina, Assistant of National and Global Media Department, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation, ORCID: [0000-0003-2366-0629](https://orcid.org/0000-0003-2366-0629), jurnal-pravo@mail.ru

Contribution: study idea, literature analysis, manuscript text drafting, editing.

The article was submitted 18.05.2022
Approved after reviewing 04.07.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 654.197; 070

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-813-820

Репрезентация этнокультуры народов России на телевидении: типология программ

Екатерина Константиновна РЕВА

ФГБОУ ВО «Пензенский государственный университет»
440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40

✉ reva.ek@mail.ru

Аннотация. Телевизионный контент проанализирован в аспекте проблемы медиарепрезентации этнокультуры народов России. Полиэтнический состав Российской Федерации, векторы современной государственной национальной политики, внимание к этнокультуре народов России со стороны государства, что особым образом проявилось в инициативе Президента России объявить Год культурного наследия народов России, актуализируют изучение роли средств массовой информации в контексте популяризации этнокультурного многообразия нашей страны, распространении знаний об истории и уникальной культуре народов России. Для достижения цели исследования – определить жанрово-форматный и функциональный принцип предоставления сведений об этнокультуре – применены метод качественного анализа телевизионных программ, типологического анализа, институциональный подход. Результаты исследования могут быть применены в области этнополитологии и в рамках дисциплины «Этножурналистика», изучение которой предполагают учебные планы ряда российских вузов. Выявлены особенности репрезентации этнокультуры народов России на универсальных телевизионных каналах «Россия 1», «Первый канал» и тематическом канале «Культура». Выявлено, что в сегменте первой категории телеканалов этнокультурная тематика представлена в основном в сюжетах и репортажах информационно-развлекательных и информационно-аналитических программ, в эфирной сетке вещания канала «Культура» тема этнокультуры составляет основу серийных документальных проектов. Такой подход соответствует направленности канала и просветительской функции, которая концептуально доминирует в его работе.

Ключевые слова: средства массовой информации, телевидение, репрезентация этнокультуры, народы России, государственная национальная политика

Для цитирования: *Рева Е.К.* Репрезентация этнокультуры народов России на телевидении: типология программ // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 813-820. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-813-820>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Representation of ethnoculture of the peoples of Russia on television: programs typology

Ekaterina K. REVA

Penza State University
40 Krasnaya St., Penza 440026, Russian Federation
✉ reva.ek@mail.ru

Abstract. Television content is analyzed in terms of the problem of ethnoculture media representation of the peoples of Russia. The polyethnic composition of the Russian Federation, the vectors of modern state national policy, the state's attention to the ethnoculture of the peoples of Russia, which in a special way manifested itself in the initiative of the President of Russia to declare the Year of the Cultural Heritage of the peoples of Russia, update the study of the role of the media in the context of popularizing the ethnocultural diversity of our country, dissemination of knowledge about the history and unique culture of the peoples of Russia. To achieve the goal of the study – to determine the genre-format and functional principle of providing information about ethnoculture – the method of qualitative analysis of television programs, typological analysis, and institutional approach are used. The results of the study can be applied in the field of ethnopolitical science and within the framework of the discipline “Ethnojournalism”, the study of which is required by the curricula of a number of Russian universities. We reveal the ethnoculture representation features of the peoples of Russia on the universal television channels “Russia 1”, “Channel One” and the thematic channel “Culture”. We identify that in the segment of the first category of TV channels, ethnocultural topics are presented mainly in the plots and reports of infotainment and information-analytical programs, in the broadcast network of the “Culture” channel, the topic of ethnoculture forms the basis of serial documentary projects. This approach is in line with the direction of the channel and the educational function that conceptually dominates its work.

Keywords: mass media, television, ethnoculture representation, peoples of Russia, state national policy

For citation: Reva E.K. *Reprezentatsiya etnokul'tury narodov Rossii na televidenii: tipologiya programm* [Representation of ethnoculture of the peoples of Russia on television: programs typology]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 813-820. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-813-820> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее исследование продолжает серию работ, в которых изучается вопрос отражения этнокультуры народов России в средствах массовой информации. Внимание к телевидению продиктовано тем, что, несмотря на конкуренцию со стороны современных медиа, телевидение продолжает оставаться не просто источником социальной информации для потребителей, но и главным источником распространения общечелове-

ских ценностей, проводником культурно-просветительской функции [1]. Не вызывает сомнений, что «являясь составной частью культуры страны, телевидение влияет на сохранение родного языка, традиций, обычаев народов нашей страны» [1, с. 55-56]. И этому тезису есть обоснование. М.В. Мартыненко, отмечая в 2010 г. недостаточное количество телепрограмм об этнокультурной специфике народов России («...на федеральных каналах, которые доступны всем, как правило, есть рассказы о народах дальнего зарубежья. Ко-

нечно, такие программы нужны, но рядовой зритель, как правило, очень мало знает даже о народах, населяющих Российскую Федерацию» [2, с. 250], пишет, что «необходимо показывать положительные моменты той или иной культуры, её многообразие, красоту» [2, с. 251]. С момента выхода цитируемой научной статьи, которая действительно фиксирует медиареальность того времени, в телевизионном контенте этнокультурной направленности много что изменилось. Считаем, что этому способствовало изменение вектора государственной национальной политики, которое пришлось на 2012 г.: подписывается Указ Президента Российской Федерации «Об обеспечении межнационального согласия»¹, создаётся Совет при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям², утверждается Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г.³ В качестве подтверждения следует привести цитату из научной статьи В.Ю. Зорина: «На протяжении 2010-х гг. основными инновациями в сфере государственной национальной политики стали восстановление этнокультурного суверенитета Российской Федерации и начало возвращения государства в сферу этнополитики. Рубежным можно с полным основанием называть 2012 г., когда начинается разработка основополагающих документов, регулирующих сферу государственной национальной политики в нашей стране» [3, с. 15]. На федеральном телевидении всё чаще выходят проекты о народах России («Пряничный домик», «Редкие люди», «Земля людей»), репортажи (о Северной Осетии, Республике Дагестан, Республике Коми, Республике Алтай), сюжеты (о народах Дагестана, Республике Удмуртия, корен-

ных малочисленных народах Севера). К новым проектам, выход в эфир которых пришёлся на 2022 г., относятся «Неизвестные маршруты России».

Чтобы классифицировать программы этнокультурной направленности, из эфирного вещания универсальных и тематических каналов были выбраны телевизионные продукты за последние два года, показывающие культуру народов России. Репрезентация этнокультуры народов России, то есть отражение как духовной, так и материальной культуры этносов, – критерий, который лёг в основу составления эмпирической базы исследования. Выборка проводилась посредством просмотра федеральных универсальных и тематических каналов, она включает как самостоятельные телевизионные проекты, так и материалы, составляющие новостные выпуски и информационно-аналитические программы.

Теоретическая база исследования представлена двумя тематическими блоками научных трудов. Первый – медиаисследования в области телевизионной журналистики (И.И. Волкова с соавт. [4], Н.С. Гегелова [1; 5], И.Н. Кемарская [6], А.М. Шестерина [7]), второй блок включает в себя работы по этнополитологии (В.Ю. Зорин [8], В.А. Тишков [9], В.К. Малькова [10]), поскольку исследование носит междисциплинарный характер и находится в плоскости проблемы национальных отношений Российской Федерации. Кстати, именно этнополитологи [10; 11] регулярно акцентируют роль средств массовой информации в процессе гармонизации межнациональных отношений. В.А. Тишков и Ю.П. Шабаев отмечают, что «СМИ не просто информируют общество о событиях, в том числе и в сфере этнополитики и межэтнических отношений, но, комментируя их, внедряют в массовое сознание толерантные <...> ценности, образы, ориентиры и идеи» [11, с. 329]. Такой гуманистической миссии СМИ, на наш взгляд, способствует этнокультурная тематика, поскольку культура обуславливает философию жизни этноса, ментальные и поведенческие особенности, специфику межличностного взаимодействия.

¹ Об обеспечении межнационального согласия: Указ Президента Российской Федерации № 602 от 07.05.2012. URL: <http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201205070017.pdf> (дата обращения: 20.05.2022).

² О Совете при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям: Указ Президента Российской Федерации № 776 от 05.06.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35435> (дата обращения: 20.05.2022).

³ О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года: Указ Президента Российской Федерации № 1666 от 19.12.2012. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36512> (дата обращения: 20.05.2022).

ОСНОВНЫЕ ТРЕНДЫ ОТРАЖЕНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ НА СОВРЕМЕННОМ ТЕЛЕВИДЕНИИ

«Этническая культура традиционно связана с процессом этногенеза и потому представляет собой культурный опыт, исторически приобретаемый этносом при освоении определённой территории и приспособлении к конкретным природным условиям существования, который кристаллизуется в виде совокупных материальных и духовных ценностей, норм и стереотипов поведения, отражающих внутренние и внешние взаимодействия этноса, необходимых для его полноценной деятельности» [12, с. 98]. Определение Ю.А. Узлова указывает на то, что этнокультура концентрирует в себе информацию об этносе, поэтому является одним из основополагающих понятий в условиях государственной национальной политики на современном этапе. Обращает на себя внимание тезис руководителя Федерального агентства по туризму З.В. Догузовой, который прозвучал в программе «Вести в субботу» (2 октября 2021 г.): «Мы вообще своей страны не знаем. Люди не отличают одну республику от другой»⁴. Считаем, что репрезентация этнокультуры в СМИ – тот механизм, который даёт необходимые сведения о многообразии России, уникальности народов, проживающих на территории нашей страны.

Качественный анализ универсальных телеканалов показал, что тема этнокультуры представлена в сюжетах, составляющих структуру информационно-развлекательного канала «Доброе утро» («Первый канал»), и репортажах информационно-аналитических программ «Вести в субботу» и «Вести недели» («Россия 1»). Если в первом случае реализуется рекреативная функция журналистики (сюжеты о Дне народов Дагестана⁵, Рес-

публике Удмуртия как родине пельменей⁶, гастрономических особенностях Республики Карелия⁷), то в рамках информационно-аналитического вещания тема этнокультуры служит для освещения общественно-политических проблем. Этнокультурный компонент детализирует информацию об особенностях республик России в контексте, например, проблемы развития внутреннего туризма, приобретшей особую актуальность в период пандемии коронавирусной инфекции. Так, в одном из выпусков «Вестей недели» показывается уникальность Республики Дагестан: «В России только Дагестан сумел сохранить ручное ковроткачество, то традиционное, где нити буквально сбивают в одно полотно так, что ковру этому служить веками, где мамы дочерей за станки сажают с детства, чтобы пальцы научились обращаться с пряжей виртуозно, как музыкант со струнами»⁸. В репортаже Сергея Брилёва тоже в контексте темы внутреннего туризма показываются особенности Республики Северная Осетия и символика главного национального блюда – осетинских пирогов⁹. Северная Осетия в своём национальном своеобразии показана в репортаже Максима Киселёва («Вести недели»), информационным поводом которого является назначение нового главы республики: общественно-политическая основа материала колоритно дополняется информацией о гастрономической и традиционной танцевальной культуре осетин, сторожевых башнях как символе чести рода, сплочённости и мужества. В контексте темы вакцинации от коронавирусной инфекции показывается один из коренных малочисленных народов России – ханты, их национальная одежда, условия жизни и роль оленей в жизни наро-

⁴ Вести в субботу. 2021. 2 окт. URL: <https://smotrim.ru/video/2344150> (дата обращения: 20.05.2022).

⁵ Доброе утро. 2021. 19 сент. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/mezhdu-tem/s-prazdnikom-dagestan-dobroe-utro-fragment-vypuska-ot-15-09-2021>; Доброе утро. 2022. 15 сент. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/mezhdu-tem/s-prazdnikom-dagestan-dobroe-utro-fragment-vypuska-ot-15-09-2022> (дата обращения: 17.09.2022).

⁶ Доброе утро. 2021. 15 февр. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/pro-edu/udmurtiya-rodina-pelmeney-dobroe-utro-fragment-vypuska-ot-15-02-2021> (дата обращения: 20.05.2022).

⁷ Доброе утро. 2021. 8 июня. URL: <https://www.1tv.ru/shows/dobroe-utro/mezhdu-tem/shest-prichin-pochat-v-kareliyu-dobroe-utro-fragment-vypuska-ot-08-06-2021> (дата обращения: 20.05.2022).

⁸ Вести недели. 2021. 30 мая. URL: <https://smotrim.ru/video/2303301> (дата обращения: 20.05.2022).

⁹ Вести в субботу. 2021. 2 окт. URL: <https://smotrim.ru/article/2542435> (дата обращения: 20.05.2022).

дов Севера¹⁰, что отражает в репортаже традиционный образ жизни малых народов.

Таким образом, в информационно-аналитических программах канала «Россия 1» этнокультура народов России отражается в контексте проблем, имеющих политическое и социальное значение. Утреннее вещание выходного дня на этом телеканале составляет программа «По секрету всему свету», относящаяся к сегменту трэвел-журналистики. Н.С. Гегелова считает, что «создание подобной программы – дело не лёгкое, требующее от журналиста не только оперативности, мобильности, больших организационных усилий, но и знаний географических особенностей, специфики, традиций, истории, культуры...» [13, с. 128]. По мнению И.Н. Кемарской, категория развлекательных программ, и это показывает первое десятилетие XXI века, оказалась наиболее новаторской в плане экранной драматургии, демонстрируя новые возможности управления зрительским вниманием [6]. Формат программы «По секрету всему свету» позволяет ведущим в развлекательной манере представлять зрителю приобретённые знания об этнокультуре народов России: их традициях, обычаях, верованиях, национальной кухне, жилище и т. д. И, следует отметить, фокус внимания создателей проекта за исследуемый период сместился на регионы России.

Отличительной чертой тематического телеканала «Культура» является доминирующий в сетке вещания документальный формат программ этнокультурной направленности. «Пряничный домик» – цикл документальных программ о материальной культуре народов (национальный костюм, музыкальные инструменты, ремёсла). Ранее программа составляла сетку вещания выходного дня, сейчас выходит в эфир по четвергам в 15.20; продолжительность одного выпуска – тридцать минут. Проект предполагает наличие постоянного ведущего Е. Кулакова, который познаёт культуру народа сам и погружает в этот процесс своего зрителя. Такой эффект достигается и за счёт синхронизации с носителями этнической культуры, рассказывающими о легендах, истории народа, особой

философии конкретных объектов культуры (традиционный танец, костюм и т. д.) [14].

Каждая серия документального проекта «Земля людей», составляющего субботнее вещание, посвящена конкретному народу России, продолжительность фильма – 26 минут. Вся информация предоставляется зрителю героями, являющимися носителями определённой этнокультуры, или посредством закадрового текста. В качестве структурного и содержательного элемента выступает комментарий этнографа или историка, научно аргументирующий те сведения, которые излагаются представителями народов. С этнологической и географической точки зрения проект весьма разнообразен и включает такие серии, как «Нанайцы. Наследники шаманов»¹¹, «Манси. Оленьей тропой»¹², «Удэге. Дыхание тигра»¹³, «Кумандинцы. Лебединый народ», «Тубалары. Деревня шаманов»¹⁴, «Черкесы. Уста, что пьют мёд»¹⁵ и др. Документальный формат, информация, предоставляемая непосредственно носителем культуры, кадры, показывающие климатические условия жизни, национальные костюмы, аутентичная музыка, особенности быта – факторы, способствующие более эффективному зрительскому осмыслению уникальности народов России. Герои выпусков рассказывают о религии, обычаях, этике, философии, семейных отношениях: «Муж обязательно должен сохранить семью, обязательно должен проявлять уважение, почитание, обязательно он должен обеспечить семью. Жена, она должна сохранять семейный очаг. Уважение к женщине у черкесов очень велико»¹⁶.

Новый для телеканала «Культура» формат трэвел-шоу реализован в 2022 г. программой «Неизвестные маршруты России»¹⁷. Посредством выстраивания маршрута по национальным республикам репрезентируются

¹¹ Земля людей. 2021. 9 окт. URL: <https://smotrim.ru/video/2343948> (дата обращения: 20.05.2022).

¹² Земля людей. 2021. 30 сент. URL: <https://smotrim.ru/video/2336430> (дата обращения: 20.05.2022).

¹³ Земля людей. 2021. 2 окт. URL: <https://smotrim.ru/video/2341982> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁴ Земля людей. 2020. 4 нояб. URL: <https://smotrim.ru/video/1841560> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁵ Земля людей. 2021. 27 февр. URL: <https://smotrim.ru/video/2271052> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁶ Там же.

¹⁷ Неизвестные маршруты России. URL: <https://smotrim.ru/brand/67556> (дата обращения: 20.05.2022).

¹⁰ Вести в субботу. 2021. 27 марта. URL: <https://www.vesti.ru/article/2542435> (дата обращения: 20.05.2022).

духовные и материальные ценности народов России. К настоящему времени в эфир вышли серии о республиках Дагестан, Карелия, Бурятия, Коми, Хакасия, Северная Осетия. Как правило, каждой республике посвящается два выпуска продолжительностью 38–39 минут. По мнению И.В. Показаньевой, именно направление трэвел-журналистики «влияет на национальную самоидентификацию людей, преобразует информацию из одного культурного контекста в другой, формирует у аудитории определённый образ различных культур» [15], что может способствовать повышению этнографической грамотности аудитории.

ВЫВОДЫ

Результатом изучения контента двух универсальных и одного тематического телевизионных каналов стало определение жанров и форматов предоставления сведений об этнокультуре народов России, выявление

особенностей функционирования этнокультуры в материалах. Соответствующая тема может выступать в качестве основной, а также выполнять роль дополнительного компонента. Результаты исследования дают возможность сделать вывод, что, несмотря на отличия между собой формы репрезентации национальных культурных ценностей, разные функции, выполняемые журналистскими материалами (информационная, развлекательная), телевизионные продукты, содержащие этнокультурный компонент, составляют сегмент познавательного телевидения, то есть телевидения знаний, по Ю.М. Ершову, просветительского телевидения [16].

Результаты исследования могут быть применены в рамках изучения учебной дисциплины «Этножурналистика», предлагаемой учебными планами ряда вузов, а также в области этнополитологии в контексте проблемы информационного обеспечения государственной национальной политики Российской Федерации.

Список источников

1. Гегелова Н.С. Культура на телевидении: миф или реальность? // Российский университет дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 4. С. 55-61. <https://elibrary.ru/jvdsnun>
2. Мартыненко М.В. Проблемы освещения межнациональных отношений в СМИ // Система ценностей современного общества. 2010. № 10-1. С. 247-251. <https://elibrary.ru/ruebxj>
3. Зорин В.Ю. Этнополитика на современном этапе: традиции и инновации // Вестник российской нации. 2019. № 2 (66). С. 9-33. <https://elibrary.ru/lbfprw>
4. Волкова И.И., Проскурнова Е.Л., Чан Т.Т.З. О перспективах новостного телевидения: материалы глубинных интервью // Научный диалог. 2021. № 3. С. 157-170. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>
5. Гегелова Н.С. Культурная миссия российского телевидения // Российское телевидение: годы реформ. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2022. С. 63-74. <https://elibrary.ru/iowmar>
6. Кемарская И.Н. Формат как способ позиционирования программы // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 6. С. 66-69. <https://elibrary.ru/ncetzl>
7. Шестерина А.М. Трансформация традиционных телевизионных форматов под влиянием сетевого аудиовизуального медиаконтента // Журналистика в 2018 году: творчество, профессия, индустрия: материалы Междунар. науч. конф. М., 2019. С. 513-514. <https://elibrary.ru/pbikqh>
8. Зорин В.Ю. Содержательные принципы и организационные механизмы современной национальной политики России // Государственное управление Российской Федерации: повестка дня власти и общества. М.: Изд. дом «КДУ», 2019. С. 234-243. <https://elibrary.ru/irdmpa>
9. Тишков В.А. Этнополитика и нациестроительство в России // Антропология и этнология. М.: КДУ, Университетская книга, 2018. С. 330-356. <https://elibrary.ru/eokxnj>
10. Малькова В.К. Этнополитические реалии в современном российском медиапространстве // Вестник российской нации. 2019. № 1. С. 35-44. <https://elibrary.ru/vrcuce>
11. Тишков В.А., Шабаев Ю.П. Этнополитология. Политические функции этничности. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2013. 413 с.
12. Узлов Ю.А. Этнокультура и её трансформация в современном мире // Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 97-101. <https://elibrary.ru/kysojt>

13. Гегелова Н.С. Трэвел-журналистика на современном телевидении // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2016. № 2. С. 128-132. <https://elibrary.ru/wawojr>
14. Рева Е.К. Этнокультурная тематика в средствах массовой информации: типологический обзор // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17. № 2. С. 181-191. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191>
15. Показаньева И.В. Проблемное поле трэвел-журналистики как явления современного медиапространства // Медиаскоп. 2013. № 3. URL: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (дата обращения: 20.05.2022).
16. Еришов Ю.М. К определению понятия познавательного телевидения // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 1. С. 113-125. <https://elibrary.ru/motigf>

References

1. Gegelova N.S. Kul'tura na televidenii: mif ili real'nost'? [Culture on television: myth or reality?]. *Rossiyskiy universitet družby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2008, no. 4, pp. 55-61. <https://elibrary.ru/jvdsnun>. (In Russian).
2. Martynenko M.V. Problemy osveshcheniya mezhnatsional'nykh otnosheniy v SMI [Problems of coverage of interethnic relations in the media]. *Sistema tsennostey sovremennogo obshchestva [The Value System of Modern Society]*, 2010, no. 10-1, pp. 247-251. <https://elibrary.ru/ruebxj>. (In Russian).
3. Zorin V.Y. Etnopolitika na sovremennom etape: traditsii i innovatsii [The Russian ethnopolicy at the present stage: traditions and innovations]. *Vestnik rossiyskoy natsii – Bulletin of Russian Nation*, 2019, no. 2 (66), pp. 9-33. <https://elibrary.ru/lbfprw>. (In Russian).
4. Volkova I.I., Proskurnova E.L., Chan T.T.Z. O perspektivakh novostnogo televideniya: materialy glubinykh interv'yuu [Prospects of news television: materials of in-depth interviews]. *Nauchnyy dialog – Scientific Dialogue*, 2021, no. 3, pp. 157-170. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2021-3-157-170>. (In Russian).
5. Gegelova N.S. Kul'turnaya missiya rossiyskogo televideniya [Cultural mission of Russian television]. *Rossiyskoye televideniye: gody reform [Russian Television: Years of Reforms]*. Moscow, Peoples' Friendship University of Russia Publ., 2022, pp. 63-74. <https://elibrary.ru/iowmar>. (In Russian).
6. Kemarskaya I.N. Format kak sposob pozitsionirovaniya programmy [Format as an instrument of positioning of TV program]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika – Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 2010, no. 6, pp. 66-69. <https://elibrary.ru/ncetzl>. (In Russian).
7. Shesterina A.M. Transformatsiya traditsionnykh televizionnykh formatov pod vliyaniem setevogo audiovizual'nogo mediakontenta [The transformation of traditional television formats under the influence of network audiovisual media content]. *Materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Zhurnalistika v 2018 godu: tvorchestvo, professiya, industriya» [Proceedings of International Scientific Conference “Journalism in 2018: Creativity, Profession, Industry”]*. Moscow, 2019, pp. 513-514. <https://elibrary.ru/pbikqh>. (In Russian).
8. Zorin V.Y. Soderzhatel'nyye printsipy i organizatsionnyye mekhanizmy sovremennoy natsional'noy politiki Rossii [Content principles and organizational mechanisms of the modern national policy of Russia]. *Gosudarstvennoye upravleniye Rossiyskoy Federatsii: povestka dnya vlasti i obshchestva [Public Administration of the Russian Federation: Agenda of the Government and Society]*. Moscow, Publishing House “KDU”, 2019, pp. 234-243. <https://elibrary.ru/irdmpa>. (In Russian).
9. Tishkov V.A. Etnopolitika i natsiyestroitel'stvo v Rossii [Ethnopolitics and nation-building in Russia]. *Antropologiya i etnologiya [Anthropology and Ethnology]*. Moscow, KDU, University book Publ., 2018, pp. 330-356. <https://elibrary.ru/eokxnj>. (In Russian).
10. Malkova V.K. Etnopoliticheskiye realii v sovremennom rossiyskom mediaprostranstve [Ethnopolitical realities in modern Russian media space]. *Vestnik rossiyskoy natsii – Bulletin of Russian Nation*, 2019, no. 1, pp. 35-44. <https://elibrary.ru/vrcuce>. (In Russian).
11. Tishkov V.A., Shabayev Y.P. *Etnopolitologiya. Politicheskiye funktsii etnichnosti [Ethnopolitology. Political Functions of Ethnicity]*. Moscow, Moscow University Press, 2013, 413 p. (In Russian).
12. Uzlov Y.A. Etnokul'tura i eye transformatsiya v sovremennom mire [An ethnic culture and its transformation in the modern world]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya – Theory and Practice of Social Development*, 2009, no. 1, pp. 97-101. <https://elibrary.ru/kysojt>. (In Russian).
13. Gegelova N.S. Trevel-zhurnalistika na sovremennom televidenii [Travel-journalism on the Russian television]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya Literaturovedeniye. Zhurnalistika – RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism*, 2016, no. 2, pp. 128-132. <https://elibrary.ru/wawojr>. (In Russian).

14. Reva E.K. Etnokul'turnaya tematika v sredstvakh massovoy informatsii: tipologicheskiy obzor [Ethnocultural themes in the media: typological review]. *Gumanitarnyy vector – Humanitarian Vector*, 2022, vol. 17, no. 2, pp. 181-191. <https://doi.org/10.21209/1996-7853-2022-17-2-181-191>. (In Russian).
15. Pokazanyeva I.V. Problemnoye pole trevel-zhurnalistiki kak yavleniya sovremennoogo mediaprostranstva [Problem field of travel-journalism as a phenomenon of contemporary media environment]. *Mediaskop – Mediascope*, 2013, no. 3. (In Russian). Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1385> (accessed 20.05.2022).
16. Ershov Y.M. K opredeleniyu ponyatiya poznavatel'nogo televideniya [An approach to the definition of educational television]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10. Zhurnalistika – Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism*, 2010, no. 1, pp. 113-125. <https://elibrary.ru/motigf>. (In Russian).

Информация об авторе

Рева Екатерина Константиновна, доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой журналистики, Пензенский государственный университет, г. Пенза, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-7646-9663](https://orcid.org/0000-0001-7646-9663), reva.ek@mail.ru

Вклад в статью: концепция исследования, поиск и анализ литературы, изучение телевизионного материала, обработка и редактирование материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 21.09.2022
Одобрена после рецензирования 05.10.2022
Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Ekaterina K. Reva, Doctor of Philology, Associate Professor, Head of Journalism Department, Penza State University, Penza, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7646-9663](https://orcid.org/0000-0001-7646-9663), reva.ek@mail.ru

Contribution: study conception, literature search and analysis, television material study, material processing and editing, manuscript text drafting.

The article was submitted 21.09.2022
Approved after reviewing 05.10.2022
Accepted for publication 07.10.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 070

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-821-831

Медиаобразовательный потенциал сатиры в цифровой среде: высмеивание достоверности

Екатерина Анатольевна ЗВЕРЕВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ Katya9_2001@mail.ru

Аннотация. Новизна исследования обоснована необходимостью уточнения функционала сатиры в сетевых медиа. Представлен медиаобразовательный подход к изучению современных сатирических проектов. Такой подход открывает ещё один путь для исследования формирования у аудитории критического мышления. Предмет исследования – медиапроекты, продолжающие миссию сатирических изданий в сетевую эпоху и построенные на намеренных фактических ошибках. Актуальность исследования обусловлена формулированием концепции, объясняющей природу функционирования медиа в современном мире, что позволяет соотнести профессиональные практики с научными теориями. Целью исследования является изучение медиаобразовательного потенциала сатиры в сетевых медиа, поиск адекватных характеристик феномена сетевой сатиры, что связано с расширением современной эмпирической базы. Для достижения цели исследования проанализированы сатирические проекты, высмеивающие собственную достоверность: ИА «Панорама», «Интерсакс», интернет-проект «РЫБИНСКонLine», сетевое издание “Fognews”, “The Onion”. К методам, использованным в ходе исследования, относится системный анализ, включающий сравнительный и текстологический подходы. Сформулированы выводы о том, что новости в указанных проектах представляют собой жанр пародийной сатиры и чаще всего имитируют типичные новостные шаблоны, реже – индивидуальную манеру отдельных СМИ. Подобные сатирические публикации создаются по законам новостных текстов и содержат как достоверную, так и фейковую информацию, что создаёт своеобразную игру с читателем, в которой он должен стать фактчекером и самостоятельно провести анализ достоверности.

Ключевые слова: медиаобразование, сатира, медиапроекты, высмеивание достоверности, критическое мышление

Для цитирования: Зверева Е.А. Медиаобразовательный потенциал сатиры в цифровой среде: высмеивание достоверности // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 821-831. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-821-831>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Media educational potential of satire in the digital environment: ridiculing credibility

Ekaterina A. ZVEREVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ Katya9_2001@mail.ru

Abstract. The novelty of the study is justified by the need to clarify the functionality of satire in online media. A media educational approach to the study of modern satirical projects is presented. This approach opens up yet another avenue for exploring the formation of critical thinking in the audience. The subject of the study is media projects that continue the mission of satirical publications in the network era and are built on intentional factual errors. The relevance of the research is due to the formulation of a concept that explains the nature of the functioning of media in the modern world, which allows us to correlate professional practices with scientific theories. The aim of the study is to study the media educational potential of satire in online media, to search for adequate characteristics of the phenomenon of online satire, which is associated with the expansion of the modern empirical base. To achieve the goal of the study, satirical projects that ridicule their own authenticity were analyzed: IA “Panorama”, “Intersax”, the Internet project “RYBINSKonline”, the online publication “Fognews”, “The Onion”. The methods used in the course of the study include system analysis, including comparative and textual approaches. The conclusions are drawn that the news in these projects is a genre of parodic satire and most often imitates typical news patterns, less often – the individual style of individual media. Such satirical publications are created according to the laws of news texts and contain both reliable and fake information, which creates a kind of game with the reader, in which he must become a fact checker and independently analyze the reliability.

Keywords: media education, satire, media projects, mocking authenticity, critical thinking

For citation: Zvereva E.A. Mediaobrazovatel'nyy potentsial satiry v tsifrovoy srede: vysmeivaniye dostovernosti [Media educational potential of satire in the digital environment: ridiculing credibility]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 821-831. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-821-831> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении всего развития человеческой мысли сатира концентрирует общественные процессы, отражает наиболее противоречивые явления, реагирует на актуальные проблемы и ценностные конфликты. Примерами воплощения особенной манеры сатиры, соединяющей социальное и художественное, становятся журналистские произведения, анализ которых представлен в работах Л.Е. Кройчика [1], А.Н. Тепляшиной [2]. В диссертационном исследовании Д.О. Юма-

шева рассматривается сатира в сетевых аудиовизуальных СМИ, конкретизируются «особенности функционирования сатиры в сфере массовой культуры и в медиасфере» [3, с. 5]. Адаптация сатирической публицистики в Интернете становится предметом исследования в статье А.А. Тертычного, акцентирующего как публицистические функции сатиры – информирование, оценка, прогнозирование, так и основную сатирическую функцию – «критической оценки, сатирического осмеяния пороков современного рос-

сийского общества», которая наиболее ярко реализуется в сетевом пространстве [4, с. 157].

На наш взгляд, сатирические проекты, выполняя все указанные функции, имеют ещё и несомненный медиаобразовательный потенциал. Освоение сетевого пространства добавляет сатире новый функционал и новые возможности, в том числе медиаобразовательные. Частично эта проблема затрагивается в работах А.В. Фёдорова, отмечающего воспитательную и медиаобразовательную ценность сатирических газет и журналов [5, с. 131], и в статье А.С. Китаева, рассматривающего значение сатирического потенциала взрослой анимации в формировании медиакультуры [6, с. 231].

И.В. Фотиева в своей статье проводит анализ топ -10 «новостей», опубликованных ИА «Панорама» и процитированных различными ресурсами. Исследователь приходит к выводу о том, что основными целями подобных публикаций, помимо идеологических и политических, является «стимулирование интереса и увеличение охвата аудитории» [7, с. 429]. Сатирические новости не столь безобидны и могут исказить картину мира в сознании аудитории, «если их публикация не сопровождается прямым указанием на их недостоверность» [7, с. 429].

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Ю.М. Лотман в работе «О динамике культуры» формулирует идею двойственности природы эволюции человеческой цивилизации, которая одновременно линейна и циклична [8]. Думается, что повторяемость эволюционных процессов, но уже на другом витке развития и в другой форме, наблюдается в функционировании сатиры в сетевом пространстве: современной сатирической мысли свойственна и линейная кумулятивность, накопление достижений предшественников, и цикличная новизна, стремление по-своему подойти к социокультурным проблемам.

Так, на протяжении истории журналистики неоднократно появлялись сатирические проекты, акцентирующие намеренное искажение повестки дня с целью развития у аудитории навыков критического восприятия действительности. Среди них – и пародийный цикл «Ведомости» в журнале Н.И. Но-

викова «Трутень» с «новостями» из разных городов и губерний, и «комический календарь» А.П. Чехова в журнале «Будильник», и общественно-политические сатирические издания, объявившие читателям, что публикуют выдуманные новости и поэтому не стоит верить тому, что написано на страницах. Именно так более 100 лет назад в 1915 г. формулирует свои задачи французская газета “Le Canard enchaîné” (Утка на цепи). Создатель газеты Морис Марешаль заявляет: “Le Canard enchaîné” решительно порывает со всеми журналистскими традициями... После самой тщательной проверки “Le Canard enchaîné” будет печатать только искажённые, ложные новости. Каждый знает, что французская пресса, за некоторым исключением, с начала войны сообщает читателям лишь бесспорно правдивые новости. Читателю они уже надоели. Публика желает фальшивых новостей... Что ж, она их получит» (цит. по: [9, с. 85]).

Мы можем наблюдать явление, при котором сатирические произведения не ограничиваются решением собственно сатирических задач, а, согласно концепции М.М. Бахтина, демонстрируют двойственность, амбивалентность «карнавального» смеха [10, с. 20-21]. На наш взгляд, именно идея одновременно отрицающего и утверждающего смеха заложена в основе медиаобразовательной функции сатиры и доказывает её несомненный потенциал.

Проблема медиаобразовательного потенциала средств массовой информации в целом наиболее проработана в трудах И.В. Жилавской. Исследователь указывает на высокий медиаобразовательный потенциал СМИ [11, с. 70] и, применяя теоретическую основу понятия «потенциал» к задачам медиаобразования, даёт формулировку медиаобразовательного потенциала СМИ как необходимого «средства и условия для реализации целенаправленной деятельности редакционного коллектива по повышению уровня медиакомпетентности своей аудитории, роста её медиакультуры» [11, с. 71]. Учёный приводит в своей работе результаты проведённого Институтом журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ исследования медиаобразовательных практик различных редакций, представляющих собой

образовательные и просветительские проекты исторической, патриотической, семейной тематики [11, с. 72].

Как видим, сатирическая тематика среди данных проектов не фигурирует, и нам не встретились исследования, посвящённые медиаобразовательному потенциалу современной сетевой сатиры.

Новизна исследования заключается в ликвидации этого пробела. Так, в связи с появлением сетевого сегмента медиа требует уточнения функционал сатиры. Мы попытаемся посмотреть на сатиру в медиаобразовательном аспекте. Такой подход кажется нам обоснованным, поскольку, во-первых, позволяет проследить преемственность в развитии сатирического начала по высмеиванию достоверности, а во-вторых, открывает ещё один путь для исследования формирования у аудитории критического мышления, так необходимого в современном мире избыточной информации.

ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Актуальность данной работы обусловлена формулированием концепции, объясняющей природу функционирования медиа в современном мире, что позволит соотнести профессиональные практики с научными теориями.

Целью данного исследования является изучение медиаобразовательного потенциала сатиры в сетевых медиа, корректировка терминологического аппарата по теме, связанной с достоверностью информации; поиск адекватных характеристик феномена сетевой сатиры, что связано с расширением современной эмпирической базы.

Материалом исследования являются сатирические проекты, высмеивающие собственную достоверность, приучающие другие СМИ и аудиторию пользователей к критическому осмыслению информации: ИА «Панорама», интернет-проект «РЫБИНСKONLine», сетевое издание «Fognews», информационное агентство «Интерсакс», портал «The Onion».

К методам, использованным в ходе исследования, относится системный анализ, включающий сравнительный и текстологический подходы.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Создатели проектов, высмеивающих достоверность, считают, что таким образом учат СМИ и читателей быть внимательнее и проверять информацию. Пример данного подхода – «самый лучший источник новостей в Америке» портал «The Onion», содержащий постоянно обновляемые публикации, фото- и видеоматериалы с нулевой достоверностью. Публикации «The Onion» можно условно разделить на те, которые не имитируют правдоподобие, а являются откровенно сатирическими, и на те, которые создаются по законам новостных публикаций и содержат как достоверную, так и фейковую информацию. Это игра с читателем, в которой он должен стать фактчекером и самостоятельно провести анализ достоверности.

К первой разновидности открытой сатиры можно отнести призыв Илона Маска «Пожалуйста, лайкните меня». В материале рефреном звучит просьба «лайкнуть» самого богатого человека планеты, который очень одинок и просит весь мир считать его умным и интересным: «Лидеры по всей Америке, да и во всём мире, смотрят на меня как на провидца, движущего технологический прогресс в таких областях, как транспорт, связь и превращение в многопланетный вид. Виды проектов, в которых я участвую, взорвут мозги большинству людей. Стороннему наблюдателю, я уверен, кажется, что у меня есть всё. И, может быть, я знаю. Хотя я хотел бы сделать одну простую просьбу:

Пожалуйста, лайкните меня»¹.

На наш взгляд, сатирические публикации подобного типа – пример широкого толкования сатиры как антиидеала, подразумевающего идеал. К данным материалам вполне приложимы бахтинские характеристики амбивалетного карнавального смеха, «двойственное отношение к своему предмету – в осмеиваемом вполне может заключаться положительно прекрасное» [12], и через ироничные фразы «The Onion» проступает определённая симпатия к персонажу – к Илону Маску.

¹ Please Like Me // The Onion. 2022. March 24. URL: <https://www.theonion.com/please-like-me-1848674003> (accessed 23.06.2022).

Ко второй разновидности сатирических публикаций относятся пародии на новости. Материалы данного типа также являются примером амбивалентности и содержат одновременно достоверную и фейковую информацию. Например, публикация «Колин Фаррелл рассказал, что трансформация Пингвина была достигнута за счёт удаления протезов»². В сатирической новости о съёмках «Бэтмена» описывается трудоёмкий процесс подготовки актёра к роли – неподвижное сидение по четыре часа на гриме. В этом не было бы ничего удивительного, если бы суть процесса не заключалась в «разоблачении» Колина Фаррелла: с актёра снимают его обычные протезы, которые он много лет ежедневно надевает, чтобы в глазах публики слыть самым красивым мужчиной Голливуда. На самом деле, как пишет «The Onion», образ красавца создаётся при помощи фунтов силикона, стягивающих компрессионных повязок и ультраформирующего пояса. И если Колину Фарреллу для роли пришлось открыть всем «всю эту дряблую кожу и гигантские зубы, которые я скрывал все эти годы»³, то его коллега по фильму Зоя Кравиц гримировала «патентованную латексную кожу, из которой сделаны её руки и лицо»⁴ для того, чтобы в фильме эти части её тела больше были похожи на настоящие.

Таким образом, в сатирической форме подобные тексты пародируют новости и становятся своеобразной обучающей моделью поиска фейковой информации, приучая аудиторию к критическому восприятию информации.

«The Onion» иронизирует не только над своими персонажами, но и над собой. На главной странице издания нескромное позиционирование себя в качестве ведущего новостного издания в мире, предлагающего «высоко оценённое и пользующееся всеобщим уважением освещение последних национальных, международных и местных новостных событий. ...The Onion сегодня... превратилась в самую могущественную и

влиятельную организацию в истории человечества»⁵.

Естественно, с долей здравого смысла и скепсиса надо отнестись к заявлению издания о том, что «The Onion», кроме журналистики, занимается управлением большинства «мировых трансокеанских судоходных путей, стоит на переднем крае страны в вопросах вырубке лесов и открытых горных работ и с гордостью ежедневно проводит тесты на миллионах животных»⁶.

Издание тяготеет к сатирической «универсальной усмешке», которая «распространяется и на самого смеющегося» [12]. Портал «The Onion» послужил моделью для ряда СМИ: в подобной манере представляет себя миру российский сайт информационного агентства «Панорама», основанного «как личная курьерско-новостная служба графа Шеремета фон Рабиновича»⁷, долгое время работающего «на нелегальном положении, вещая из служебных помещений газеты «Огонёк» при личном покровительстве маршала Семёна Будённого»⁸. Как и американский собрат, ИА «Панорама» обзавелось немедийной собственностью в виде одноимённых банка, агентства недвижимости, шиномонтажа и сети секонд-хендов «Панорама-boutique».

Создатели ИА «Панорама» откровенно предупреждают о том, что все их публикации – это пародийные новости, не претендующие на формирование реальной картины мира: «Любые совпадения текстов ranogama.pub с реальными личностями и событиями не преследуют цели задеть чью-либо честь или достоинство или нанести урон деловой репутации, поскольку все материалы ресурса ranogama.pub создаются как сатирические фельетоны»⁹.

И если в Сети уже есть подборки на тему «Люди, которые всерьёз поверили в новость с Onion», то «Панорама» тоже может похвастаться коллекцией «попаданий» с радиусом действия от рядовых пользователей социаль-

² Colin Farrell Reveals Penguin Transformation Was Achieved By Removing Prosthetics // The Onion. 2022. March 24. URL: <https://www.theonion.com/colin-farrell-reveals-penguin-transformation-was-achiev-1848613715> (accessed: 23.06.2022).

³ Ibid.

⁴ Ibid.

⁵ The Onion. URL: <https://www.theonion.com/about> (accessed: 29.06.2022).

⁶ Ibid.

⁷ Об издании // ИА «Панорама». URL: <https://panorama.pub/about> (дата обращения: 11.01.2022).

⁸ Там же.

⁹ Предупреждение // ИА «Панорама». URL: <https://panorama.pub/disclaimer.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).

ных сетей до членов Государственной Думы и известных журналистов, пересказывающих явно выдуманные новости [13, с. 75].

Для желающих перепостить новость «Панорамы» первым медиаобразовательным маркером на главной странице ресурса стоит история «старейшего советского и российское информационного агентства», а вторым – сведения о редакционном коллективе, в составе которого, помимо журналистских специальностей, почётное место занимает кладовщик с говорящей фамилией Бражек Зголчич. Третьим сигналом служит программный документ с формулировкой целей «Панорамы», соединивший пафосное обещание «максимально объективно и достоверно доносить информацию о происходящем в России и мире»¹⁰ с прагматичным обещанием скидки постоянным клиентам одноимённого шиномонтажа.

Тексты агентства конструируются по законам новостных публикаций и тщательно маскируют фейковую информацию, создавая иллюзию достоверности в пародийной форме.

Например, в тексте Виталия Манна «Людам с отклонениями по зрению запретят учиться в технических вузах» фигурирует апелляция к авторитету Минздрава и Минобрнауки, которые «согласовали список медицинских показаний для обучения в высших учебных заведениях»¹¹ и сформулировали требование к остроте зрения студентов технического профиля. Согласно «документу», к обучению не будут допускаться лица с близорукостью $-0,75$ диоптрий и ниже, с дальновидностью $+0,75$ диоптрий и выше. Данное решение продиктовано заботой о здоровье студентов, поскольку изучение точных наук ухудшает зрение и может даже привести к слепоте – предостерегают авторы новости. В публикации дважды цитируется замминистра высшего образования Елена Окунева, данные о которой мы, естественно, не найдем в реальности, но комментарии которой звучат вполне правдоподобно. Не удивляет даже инициатива Минобрнауки

¹⁰ Об издании // ИА «Панорама». URL: <https://panorama.pub/about> (дата обращения: 11.01.2022).

¹¹ Манн В. Людам с отклонениями по зрению запретят учиться в технических вузах. 2022. 30 янв. URL: <https://panorama.pub/news/lyudyam-s-otkloneniya-mi-po-zreniyu-zapretyat-uchitsya-v-technicheskix-vuzax> (дата обращения: 11.06.2022).

о переводе отстающих по зрению с технических специальностей на гуманитарные, потому что работающие в системе образования уже давно ничему не удивляются.

Ошеломляет другое – 470 репостов. Сатирическую новость, не раздумывая, перепечатывают различные ресурсы, включая те, что претендуют на качество и престиж в сфере образования – например, ресурс «Национальные новости образования»¹². Однако встречаются и ресурсы, сигнализирующие о недостоверности новостей ИА «Панорама». Так, интернет-проект «РЫБИНСKonLine» перепечатал данную новость с пометкой «ненадёжный источник»¹³.

Редакция «РЫБИНСKonLine» практикует публикацию сатирических пародий на новости, сопровождая такие материалы тегом «Сарказм» и предупреждением аудитории о том, что все совпадения в подобных публикациях случайны¹⁴. Авторы проекта видят свою основную задачу в создании качественных новостей на социально-значимые темы «с целью повышения уровня информированности общества»¹⁵.

Так, с тегом «Сарказм» редакция публикует яркий образец пародии на новости под заголовком «В Рыбинске установили новую урну». Подводка к теме обосновывает необходимость установки данного объекта и сопровождается комментарием пресс-службы мэрии города, в котором звучит поразительная стоимость одной урны – «79 тысяч рублей, с учётом платы за использование логотипа Рыбинска»¹⁶. Для изумлённых горожан сформулировано обоснование суммы: «Новая урна сделана из высококачественного металла и отлично вписывается в архитектурный облик исторического центра»¹⁷. Для

¹² Людам с отклонениями по зрению запретят учиться в технических вузах. 2022. 31 янв. URL: <https://iqvector.ru/content/news/lyudyam-s-otkloniyami-po-zreniu-zapretyat-uchitsya-v-technicheskix-vuzah-34890> (дата обращения: 11.06.2022).

¹³ Людам с отклонениями по зрению запретят учиться в технических вузах. 2022. 30 янв. URL: <https://ryb.ru/2022/01/30/1867934> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁴ Редакционная политика. URL: <https://ryb.ru/redakcionnaya-politika-sajta> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁵ Там же.

¹⁶ В Рыбинске установили новую урну. 2021. 21 окт. URL: <https://ryb.ru/2021/10/21/1830926> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁷ Там же.

тех, кого не смутила стоимость и правдивость новости, приводится комментарий активной горожанки Алёны Иудовой с благодарностью за урну лично мэру. Утрированное пародирование типичной новости про незначительное городское преобразование, возведённое в ранг благоустройства и контролируемое «лично руководителем города», несёт несомненный сатирический смысл и имеет медиаобразовательный потенциал. Аудитория должна видеть реальность за фразами о «заботе о горожанах», неоправданными суммами и внушением мысли о том, что это сами горожане долго ждали и наконец дождались одну урну в большом городе.

В продолжение этой темы ещё одна новость – «В Рыбинске появятся несколько новых арт-объектов», пестрящая трендовыми фразами про инновации и экологию. Опять жители Рыбинска испытывают благодарность к мэрии, в данном случае уже не за одну урну, а за несколько «эко-ёлок и эко-пирамид», которые будут установлены на улице Свободы. Построение новости не вызывает вопросов: ввод в тему, комментарий пресс-службы и краткие редакционные пояснения. Сатирический подтекст возникает при внимательном прочтении: аудитории выдают за экологические арт-объекты некие сооружения «из невостробованных труб, ранее закупленных для ремонта теплотрасс»¹⁸. Фантазия мэрии Рыбинска не имеет границ, а потому горожане могут приобщиться к данной инновации путём украшения эко-ёлки своими носками и нижним бельём. Одна такая эко-ёлка появится уже в текущем году, но уже в следующем мэрия планирует полностью перейти на эко-ели из бытовых отходов. На наш взгляд, подобные сатирические новости являются отличной медиаобразовательной моделью для тренировки критического мышления аудитории.

В отечественном сегменте Интернета тренд высмеивания достоверности поддерживает сетевое издание “Fognews” со своим «нестандартным взглядом на новости»¹⁹. Сатирическое агентство РИА FogNews начина-

ло в 2012 г. с публикации выдуманных новостей, а затем заявило о трансформации формата – от выдуманных новостей к реальным, но в сатирическом ключе. Первое время редакция практиковала написание фельетонов и памфлетов, которые настолько широко распространялись, что их приходилось опровергать официальным лицам и известным персонам. Так, в 2012 г. Филипп Киркоров вынужден опровергать новость о свадьбе с актрисой из Вологды. Публикация появляется в РИА FogNews и мгновенно тиражируется в большинстве сетевых ресурсов. Как считает Анастасия Фролова из «Лениздата», новости так быстро поверили во многом из-за репутации певца, не в первый раз создающего себе «дешёвый пиар на пустом месте»²⁰. Редакции РИА FogNews пришлось писать официальное обращение к коллегам и напоминать журналистам о важности проверки информации перед публикацией: «А как же принцип журналистики, на котором зиждется всё, что делает вас «четвёртой властью» – категорически не пускать непроверенную информацию в массы? А как же моральный принцип (коль уж всем в медийном Рунете плевать на закон) упоминать в публикации первоисточник? Почему вы вдруг все про это забыли?»

Ребзя, но ведь так нельзя! Нельзя, и всё тут. В погоне за «жареными» сенсациями вы потеряли лицо. Нет, не стыдно? И ладно. И не надо.

FogNews.ru продолжит и дальше радовать своих читателей, но с оглядкой на полученный от вас, коллеги, урок»²¹.

В интервью журналу «Большой город» авторы проекта заявляют: «Мы не клоуны, не кривляки. Мы – зеркало. Зеркало, кривизну которого определяют аллегории и метафоры. Перед нами стоят задачи шокировать или рассмешить публику. Мы не отвечаем на вопросы общества, но ставим их перед ним. Мы заставляем людей задуматься»²². Редак-

¹⁸ В Рыбинске появятся несколько новых арт-объектов. 2021. 4 дек. URL: <https://ryb.ru/2021/12/04/1846568> (дата обращения: 11.06.2022).

¹⁹ Fognews. URL: <https://fognews.ru/o-redakcii> (accessed: 11.01.2022).

²⁰ Фролова А. Фабрика газетных «уток». 2013. 7 авг. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1113801/> (дата обращения: 11.01.2022).

²¹ Обращение к Интернет-СМИ // Fognews. 2012. 7 фев. Цит. по: Фролова А. Фабрика газетных «уток» // Лениздат.Ру. 2013. 7 авг. URL: <https://lenizdat.ru/articles/1113801/> (дата обращения: 11.01.2022).

²² Кронгауз Е. FogNews.ru: «Мы не клоуны, не кривляки. Мы – зеркало» // Fognews. URL:

ция РИА FogNews ставит, по сути, медиаобразовательные задачи – прививать культуру своей аудитории, которая, по мнению авторов проекта, умнее читателя The Onion, а само РИА FogNews – «тоньше, изящнее и намного интеллектуальнее» американского собрата²³.

Несмотря на определённую популярность и высокую тиражируемость выдуманных новостей, РИА FogNews в 2014 г. был продан, материалы удалены и полностью новый сайт FogNews начинает свою работу в ином формате. Слоган теперь гласит – «Нестандартный взгляд на новости». Редакция создаёт вполне серьёзные новости в сатирическом ключе, заостряя проблему, но больше не использует пародийные приёмы. Сатирическими можно назвать отдельные фрагменты текста и заголовки: «Пенсионеров миллион вам с того света шлёт поклон»²⁴ о реальном уменьшении численности пенсионеров на 970 тысяч за 2021 год, «Опередить по мату Дно другим три года не дано»²⁵ о бесменном лидере по употреблению нецензурной лексики среди городов России – городе Дно Псковской области. Таким образом, в FogNews мы уже не найдём примеров фабрикаций новостей с использованием выдуманных данных и цитат экспертов, а потому в настоящее время сложно говорить о медиаобразовательном потенциале данного ресурса.

Однако критическому анализу стоит подвергать не только тексты и их соответствие заголовкам, но и название самого ресурса. Так, в своей работе В.А. Бейненсон рекомендует обращать пристальное внимание на доменное имя, потому что создатели сатирических проектов, высмеивающих достоверность, могут заменить в имени авторитетного СМИ одну или несколько букв. Похожие на реальные новостные ресурсы «Интерсакс» или «Альтерфакс», в разделе «О нас» изве-

щают о вымышленном характере своих сообщений [14, с. 79].

Так, редакция информационного агентства «Интерсакс» позиционирует свои новости как вымышленные, при этом имеющие отношение к реальности и являющиеся реакцией на «нарастающий сюрреализм российской действительности... Но нередко и действительность превосходит все наши самые смелые замыслы, выдавая новости куда изысканнее наших»²⁶. Авторы подчёркивают развлекательный характер ресурса и отсутствие злого умысла в отношении государства и представителей власти.

Последние новости проекта относятся к марту 2021 г. и пародируют реальные сообщения на актуальные темы – «Россия пророет новый Суэцкий канал рядом со старым»²⁷, «У министра культуры Крыма обнаружили в собственности сеть прачечных»²⁸. В интервью журналу «Журналист» главный редактор «Интерсакса» приводит пример реакции на их вымышленную новость про установку памятника Андрею Чикатило в Ростове-на-Дону. Информация была воспринята всерьёз и активно разлетелась по социальным сетям, хотя, по замыслу редакции, это «была аллюзия на установку памятника Ивану Грозному в Орле» [15]. У «Интерсакса» хорошо получается моделирование параллельной новостной реальности, в которой реальные тренды докручиваются до абсурда. Именно задача создания «модели явления, ставшего предметом внимания пародиста, имитировать его (явление) в своём произведении под определённым углом зрения»²⁹ является основополагающей для жанра пародии. В представленных примерах пародируются стереотипы создания «быстрых новостей», не требующих особенных усилий от журналистов и легко поглощаемых аудиторией. Создание

http://bg.ru/society/fognews_ru_my_ne_klouny_ne_krivlya_ki_my_zerkalo-11749/ (дата обращения: 11.01.2022).

²³ Там же.

²⁴ Литвинова Л. Пенсионеров миллион вам с того света шлёт поклон // FogNews. 2022. 17 марта. URL: <https://fognews.ru/pensionerov-million-vam-s-togo-sveta-sh.html> (дата обращения: 21.06.2022).

²⁵ Литвинова Л. Опередить по мату Дно другим три года не дано // FogNews. 2021. 14 окт. URL: <https://fognews.ru/operedit-po-matu-dno-drugim-tri-goda-n.html> (дата обращения: 21.06.2022).

²⁶ Интерсакс. URL: <https://vk.com/intersucksnews> (дата обращения: 21.06.2022).

²⁷ Россия пророет новый Суэцкий канал рядом со старым // Интерсакс. 2021. 26 марта. URL: https://vk.com/intersucksnews?z=photo-57216771_457239593%2Falbum-57216771_00%2Frev (дата обращения: 21.06.2022).

²⁸ У министра культуры Крыма обнаружили в собственности сеть прачечных // Интерсакс. 2021. 12 марта. URL: https://vk.com/intersucksnews?z=photo-57216771_457239588%2Falbum-57216771_00%2Frev (дата обращения: 21.06.2022).

²⁹ Тертычный А.А. Жанры периодической печати. М.: Аспект Пресс, 2017. С. 320.

пародийного текста базируется на авторской трансформации явления в художественный образ, вызывающий смех аудитории, привлекающий внимание, а потому имеющий определённый медиаобразовательный потенциал.

ВЫВОДЫ

Таким образом, новости информационного агентства «Интерсакс», так же как и ИА «Панорама», интернет-проекта «РЫБИНСКonLine», сетевого издания «Fognews», портала «The Opinion», представляют собой жанр пародийной сатиры, направленной на обновление и осмеяние «явлений, которые представляются автору порочными» [16, с. 837]. Пародийные новости чаще всего имитируют типичные новостные шаблоны, реже – индивидуальную манеру отдельных СМИ.

Сатирические проекты, высмеивающие собственную достоверность, приучают другие СМИ и аудиторию пользователей к критическому осмыслению информации, формированию навыка проверки источника и его достоверности.

Подобные сатирические публикации создаются по законам новостных текстов и содержат как достоверную, так и фейковую информацию. Это игра с читателем, в которой он должен стать фактчекером и самостоятельно провести анализ достоверности.

На наш взгляд, можно рассматривать медиапроекты, построенные на намеренных фактических ошибках, как продолжение миссии сатирических изданий в сетевую эпоху. Это напоминание читателям и редакциям изданий о том, что в глобальном информационном потоке от них требуется глобальное информационное внимание и глобальная доля скепсиса.

Список источников

1. Кройчик Л.Е. Современный газетный фельетон. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1975. 230 с.
2. Тепляшина А.Н. Сатирические жанры современной публицистики. СПб.: Изд-во С.-Петерб. гос. ун-та, 2000. 93 с.
3. Юмашев Д.О. Сатира в сетевых аудиовизуальных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 24 с.
4. Тертычный А.А. Современная сатирическая публицистика в Интернете: функции, содержание, жанры // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. № 4. С. 156-162. <https://elibrary.ru/wxsjlv>
5. Фёдоров А.В. Медиаобразование: история и теория. М.: МОО «Информация для всех», 2015. 450 с.
6. Китаев А.С. Вирусные политики формируют телевизионную культуру // Медиаобразование как фактор оптимизации российского медиaprостранства / отв. ред. И.В. Жилавская, Т.Н. Владимирова. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014. С. 231-235.
7. Фотиева И.В. Fake news в современном российском медиaprостранстве: цели создания, функции, механизмы трансляции // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 2 (93). С. 428-430. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-293-428-430>
8. Лотман Ю.М. О динамике культуры // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство – СПб», 2000. С. 647-661.
9. Шарончикова Л.В. Французская журналистика в 1944–1958 гг. (Временный режим и IV Республика). М.: Факультет журналистики МГУ, 2001. 135 с.
10. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса // Бахтин М.М. Собрание сочинений: в 7 т. М.: Языки славянских культур, 2008. Т. 4 (2). С. 7-516.
11. Жилавская И.В. Медиаобразование как новая старая функция СМИ // Социально-гуманитарные знания. 2017. № 8. С. 66-79. <https://www.elibrary.ru/zgzkqr>
12. Полонский В. Сатира // Энциклопедия Кругосвет. URL: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.html (дата обращения: 29.05.2022).
13. Зверева Е.А. Феномен фактчекинга в парадигме синергетики // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 1 (39). С. 68-80. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10107>
14. Бейненсон В.А. Проверка достоверности информации в условиях новых медиа: проблемы и возможности // Журналистика в системе альтернативных источников информации: сб. материалов науч. конф. кафедры журналистики. Н. Новгород: Нижегород. гос. ун-т им. Н.И. Лобачевского, 2017. С. 76-85.

15. Мамяко А. «У нас нет никаких интересов, кроме как поржать вместе с вами». О работе информагентства вымышленных новостей // Журналист. 2020. 28 авг. URL: <https://jrnlist.ru/intersucks> (дата обращения: 29.06.2022).
16. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. М.: Норинт, Рипол классик, 2008. 1534 с.

References

1. Kroïchik L.E. *Sovremennyy gazetnyy fel'yeton* [Modern Newspaper Feuilleton]. Voronezh, Voronezh State University Publ., 1975, 230 p. (In Russian).
2. Teplyashina A.N. *Satiricheskiye zhanry sovremennoy publitsistiki* [Satirical Genres of Modern Journalism]. Saint-Petersburg, Saint-Petersburg State University Publ., 2000, 93 p. (In Russian).
3. Yumashev D.O. *Satira v setevykh audiovizual'nykh SMI: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Satire in Online Audiovisual Media. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Voronezh, 2016, 24 p. (In Russian).
4. Tertychnyy A.A. *Sovremennaya satiricheskaya publitsistika v Internetе: funktsii, so-derzhaniye, zhanry* [Modern satirical journalism on the Internet: features, content, genres]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism*, 2015, no. 4, pp. 156-162. <https://elibrary.ru/wxsjlv>. (In Russian).
5. Fedorov A.V. *Mediaobrazovaniye: istoriya i teoriya* [Media Education: History and Theory]. Moscow, Interregional Public Organization “Information for Everyone”, 2015, 450 p. (In Russian).
6. Kitayev A.S. *Virusnyye politiki formiruyut televizionnyuyu kul'turu* [Viral politicians shape television culture]. *Mediaobrazovaniye kak faktor optimizatsii rossiyskogo mediaprostranstva* [Media Education as a Factor in Optimizing the Russian Media Space]. Moscow, Editorial and Publishing Center of Sholokhov Moscow State University for the Humanities, 2014, pp. 231-235. (In Russian).
7. Fotiyeva I.V. *Fake news v sovremennom rossiyskom mediaprostranstve: tseli sozdaniya, funktsii, mekhanizmy translyatsii* [Fake news in modern Russian media space: goals of creation, functions, mechanisms of translation]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya – The World of Science, Culture, Education*, 2022, no. 2 (93), pp. 428-430. <https://doi.org/10.24412/1991-5497-2022-293-428-430>. (In Russian).
8. Lotman Y.M. *O dinamike kul'tury* [On the dynamics of culture]. *Semiosfera* [Semiosphere]. Saint-Petersburg, “Arts–SPb” Publ., 2000, pp. 647-661. (In Russian).
9. Sharonchikova L.V. *Frantsuzskaya zhurnalistika v 1944–1958 gg. (Vremennyy rezhim i IV Respublika)* [French Journalism in 1944–1958 (Provisional Regime and the 4th Republic)]. Moscow, Faculty of Journalism of Lomonosov Moscow State University Publ., 2001, 135 p. (In Russian).
10. Bakhtin M.M. *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kul'tura Srednevekov'ya i Rennessansa* [The work of Francois Rabelais and the folk culture of the Middle Ages and the Renaissance]. *Sobraniye sochinenii: v 7 t.* [Collected Works: in 7 vols.]. Moscow, Language of Slavic Cultures Publ., 2008, vol. 4 (2), pp. 7-516. (In Russian).
11. Zhilavskaya I.V. *Mediaobrazovaniye kak novaya staraya funktsiya SMI* [Media education as a new old function of mass media]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya – Socio-Humanitarian Knowledge*, 2017, no. 8, pp. 66-79. <https://www.elibrary.ru/zgzkqr>. (In Russian).
12. Polonskiy V. *Satira* [Satire]. *Entsiklopediya Krugosvet* [Encyclopedia Around the World]. (In Russian). Available at: https://www.krugosvet.ru/enc/kultura_i_obrazovanie/literatura/SATIRA.html (accessed 29.05.2022).
13. Zvereva E.A. *Fenomen faktchekinga v paradigme sinergetiki* [The phenomenon of fact checking in the paradigm of synergetics]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya – Sign: Problematic Field in Mediaeducation*, 2021, no. 1 (39), pp. 68-80. <https://doi.org/10.47475/2070-0695-2021-10107>. (In Russian).
14. Beynenson V.A. *Proverka dostovernosti informatsii v usloviyakh novykh media: problemy i vozmozhnosti* [Verification of the reliability of information in the conditions of new media: problems and opportunities]. *Sbornik materialov nauchnoy konferentsii kafedry zhurnalistiki: “Zhurnalistika v sisteme al'ternativnykh istochnikov informatsii”* [Collection of Materials of the Scientific Conference of the Department of Journalism: “Journalism in the System of Alternative Sources of Information”]. Nizhni Novgorod, Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, 2017, pp. 76-85. (In Russian).
15. Mamyako A. «U nas net nikakikh interesov, krome kak porzhat' vmeste s vami». O rabote informagentstva vymyshlennykh novostey [“We have no interest other than neighing with you.” About the work of the fictitious news agency]. *Zhurnalist* [Journalist]. (In Russian). Available at: <https://jrnlist.ru/intersucks> (accessed 29.06.2022).
16. Kuznetsov S.A. *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Great Dictionary of Russian Language]. Moscow, Norint Publ., Riplol Classic Publ., 2008, 1534 p. (In Russian).

Информация об авторе

Зверева Екатерина Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0001-7418-7216](https://orcid.org/0000-0001-7418-7216), Katya9_2001@mail.ru

Вклад в статью: идея и дизайн исследования, поиск и анализ научной литературы, работа с источниками, анализ медиатекстов, обобщение опыта исследователей, обработка и редактирование материала, написание и оформление текста статьи.

Поступила в редакцию 01.08.2022
Одобрена после рецензирования 26.09.2022
Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Ekaterina A. Zvereva, Doctor of Philology, Associate Professor, Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0001-7418-7216](https://orcid.org/0000-0001-7418-7216), Katya9_2001@mail.ru

Contribution: study idea and design, scientific literature search and analysis, work with sources, media texts analysis, researches experience synthesis, material processing and editing, manuscript text drafting and design.

The article was submitted 01.08.2022
Approved after reviewing 26.09.2022
Accepted for publication 07.10.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology

<http://journals.tsutmb.ru/neofilology/>

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 659.1
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-832-839

Особенности продвижения брендов кондитерских изделий в новых медиа

Наталья Игоревна ТИШКИНА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ natashka_tishkina1@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены новые медиа, их характеристика и различные подходы к определению понятия «новые медиа». Представлены способы продвижения кондитерских изделий на примере брендов: “Nutella”, “Oreo”, “Snickers”, “Kinder”, «Бабаевский» и “Mega Drive”. Подробно описаны инструменты, которые используют бренды в новых медиа. Эмоциональный маркетинг бренда “Oreo” и успех его продвижения в социальных сетях: солнечное затмение, фотографии в «стиле Oreo», «макать можно и в темноте» – одни из самых успешных рекламных кампаний бренда. Также рассмотрены следующие кейсы: компьютерный код для 7 миллионов баночек “Nutella” – опыт бренда в индивидуализации продукта для массового потребителя в Италии; механизм адвергейминга в рекламной кампании “Snickers”; опыт создания и использования приложения Hungerithm для регулирования цены на батончик в зависимости от злости пользователей в социальных сетях; адвергейминг с элементами дополненной реальности брендов “Kinder” и “Oreo”; опыт бренда “Kinder” на примере приложения Applaudu и интеграция с голосовым помощником «Алиса». «Большие Oreo-поиски» – опыт бренда в создании приложения для поиска виртуального печенья в офлайн-среде. Приведён опыт продвижения брендов «Бабаевский» и “Mega Drive” в киберспорте на примере состязания «Отцов» и «Детей». Также рассматривается сущность омниканальной концепции и её эффективность в продвижении брендов кондитерских изделий.

Ключевые слова: новые медиа, кондитерские изделия, социальные сети, маркетинг впечатлений, адвергейминг, киберспорт, омниканальность

Для цитирования: Тишкина Н.И. Особенности продвижения брендов кондитерских изделий в новых медиа // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 832-839. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-832-839>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Features of promotion of confectionery brands in new media

Natalya I. TISHKINA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ natashka_tishkina@mail.ru

Abstract. We consider new media, their characteristics and different approaches to the definition of the concept of “new media”. We present ways to promote confectionery on the example of brands: “Nutella”, “Oreo”, “Snickers”, “Kinder”, “Babaevsky” and “Mega Drive”. We describe in detail the tools that brands use in new media. The emotional marketing of the “Oreo” brand and the success of its promotion in social networks: a solar eclipse, “Oreo-style photos”, “you can dip in the dark” are some of the brand’s most successful advertising campaigns. We also consider the following cases: computer code for 7 million cans of “Nutella” – the brand’s experience in product customization for the mass consumer in Italy; advergaming mechanism in the “Snickers” advertising campaign; experience in creating and using the Hungerithm application to adjust the price of a candy bar depending on the anger of users on social networks; advergaming with augmented reality elements of “Kinder” and “Oreo” brands; experience of the “Kinder” brand on the example of the Applaydu application and integration with the voice assistant “Alice”. “Big Oreo Searches” – the brand’s experience in creating an application for finding virtual cookies in an offline environment. We present the experience of promoting the brands “Babaevsky” and “Mega Drive” in e-sports on the example of the competition between “Fathers” and “Children”. We also consider the essence of the omnichannel concept and its effectiveness in promoting confectionery brands.

Keywords: new media, confectionery, social networks, experience marketing, advergaming, e-sports, omnichannel

For citation: Tishkina N.I. Osobennosti prodvizheniya brendov konditerskikh izdeliy v novykh media [Features of promotion of confectionery brands in new media]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 832-839. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-832-839> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Рынок кондитерских изделий относится к сегменту FMCG (англ. fast moving consumer goods – товары повседневного спроса). Это товары массового потребления с высокой оборачиваемостью и относительно низкой стоимостью. Отличительными чертами товаров данного сегмента являются высокая конкуренция, низкий уровень вовлечённости покупателей и лёгкая заменяемость [1].

В России рынок кондитерских изделий представлен как отечественными, так и зарубежными брендами. «Алёнка», «Бабаевский», «Вдохновение», «Мишка Косолапый»,

«Красная Шапочка», «Коровка», «Тулеский пряник» и другие – бренды холдинга «Объединённые кондитеры» – крупнейшее кондитерское предприятие в Восточной Европе. Холдинг включает 19 российских фабрик, в том числе московские предприятия: «Красный Октябрь», «Кондитерский концерн Бабаевский» и «РОТ ФРОНТ». Эти фабрики являются лидерами кондитерской отрасли в стране¹.

Основные производители зарубежных брендов в России – это такие транснацио-

¹ Информация о холдинге «Объединённые кондитеры». URL: <https://www.uniconf.ru/about/> (дата обращения: 10.06.2022).

нальные компании, как Mars Inc (M&M'S, SNICKERS, TWIX, Bounty, Milky Way, Mars и др.), Ferrero Group (Kinder, Ferrero Rocher, Raffaello, Nutella и др.) и Mondelez International (Alpen Gold, Barni, Cadbury, Milka, Oreo, Toblerone, 7Days и др.). Согласно результатам международного рейтинга 2022 "Global Top 100 candy companies", эти компании входят в пятёрку крупнейших мировых производителей по объёмам продаж². Благодаря новым технологиям и подходу к работе они составляют серьёзную конкуренцию отечественным предприятиям.

Огромный выбор продукции со схожим составом и наличие товаров-заменителей не дают возможность потребителю детально изучать бренд. В целях экономии времени покупатели выбирают уже знакомые марки. Зачастую покупки носят импульсивный характер.

ПРОДВИЖЕНИЕ КОНДИТЕРСКИХ БРЕНДОВ В НОВЫХ МЕДИА

Современные технологии сделали покупки ещё проще, теперь всё необходимое можно приобрести онлайн. Исследование OMD OM Group в марте 2022 г. установило, что впервые число онлайн-покупателей сравнялось с офлайн, при этом большинство опрошенных указали, что пользуются магазинами как в Интернете, так и в офлайн-среде³. Креативное агентство We Are Social в 2022 г. провело глобальное исследование, в котором отметило, что за последние 10 лет число пользователей в Интернете увеличилось в два раза. Также в исследовании отмечено, что аналитики GWI (GlobalWebIndex) определили, что «типичный» глобальный пользователь Интернета проводит около 7 часов в день, используя Интернет на всех устройствах, то есть более 40 % бодрствующей жизни люди проводят в онлайн-пространстве⁴.

² 2022 Global Top 100 candy companies. URL: <https://www.candyindustry.com/2022-Global-Top-100-candy-companies> (accessed: 10.06.2022).

³ Отчёт OMD OM Group: реакция потребителей на новую реальность. URL: <https://www.sostav.ru/publication/omd-issledovanie-53644.html> (дата обращения: 10.06.2022).

⁴ Digital 2022: Another year of bumper growth. URL: <https://wearesocial.com/uk/blog/2022/01/digital-2022-another-year-of-bumper-growth-2/> (accessed: 12.06.2022).

В новой быстроменяющейся среде традиционные методы продвижения не проявляют прежней эффективности. Чтобы оставаться конкурентоспособными, компаниям необходимо обеспечивать постоянное присутствие бренда в Сети и жизни людей на всех возможных платформах [2]. Использование новых медиа является не только эффективным, но и необходимым шагом в продвижении товаров.

Л.З. Манович определяет новые медиа как любые платформы (виртуальные и материальные), которые используют компьютерные технологии для работы с информацией. Также Л.З. Манович отмечает, что все объекты новых медиа – это последовательность нулей и единиц, то есть цифровой код, который позволяет воспринимать объекты в привычном нам виде [3]. Д.А. Шевченко новые медиа называет цифровыми, поскольку они «представляют собой комплекс цифровых носителей рекламных сообщений» [4].

Интернет-технологии лежат в основе новых медиа. Но новые медиа не ограничиваются только интернет-средой. «Коммуникация может выходить за её пределы. Ряд ресурсов Сети предназначен и функционирует для организации внесетевого жизни и деятельности человека» [5]. Исследователи выделяют основные характеристики новых медиа, которые по эффективности превосходят «старые медиа»:

- 1) интерактивность;
- 2) доступность в любом месте и в любое время;
- 3) высокая степень донесения информации до аудитории бренда;
- 4) высокая степень вовлечение аудитории в контент;
- 5) возможность создания уникального персонализированного сообщения [2].

Персонализированные рекламные сообщения повышают лояльность пользователей, что положительно сказывается на росте продаж. Изучение своей целевой аудитории позволяет компаниям создавать индивидуализированную рекламу для определённых групп.

В Италии в 2017 г. Ferrero совместно с рекламным агентством Ogilvy & Mather запустили рекламную кампанию бренда Nutella. Проект под названием Nutella Unica

предполагал создание лимитированной серии, состоящей из семи миллионов разных баночек. Специально разработанный алгоритм извлёк из базы данных десятки узоров и цветов, чтобы создать уникальную графику для каждой из семи миллионов баночек Nutella. На каждую баночку был нанесён собственный код (порядковый номер), чтобы коллекционеры могли его аутентифицировать. Согласно заявлению рекламного агентства, паста Nutella Unica была распродана за один месяц⁵.

«Покрути, лизни, обмакни» – это слоган бренда печенья Oreo. Его производство началось с 1912 г. в США. В России печенье стали производить на фабрике «Большевик» с 2015 г. Для анонса старта продаж компания разработала акцию: посетители сайта бренда могли загрузить и обработать свои фотографии «в стиле Oreo», а затем выложить их в соцсети с хэштегом #скороoreo. Рекламная кампания позволила не только распространить новость, но и повысить узнаваемость бренда⁶.

Компания Mondelez International не единожды использовала социальные сети для продвижения бренда «Oreo». Первая удачная кампания в социальных сетях была запущена в 2012 г., когда бренду исполнилось 100 лет. В одном из зарубежных каналов появлялись изображения печенья, отражающие новость дня. Так, бренд вспомнил об Элвисе Пресли, обыграл посадку марсохода и поддержал ЛГБТ-движение⁷.

В Нидерландах в 2014 г. была запущена рекламная кампания в формате “Snack Hacks” – видеоруководства длительностью не больше 10 секунд. В видеороликах участвовали местные знаменитости, которые давали советы по приготовлению десертов из печенья Oreo. Целевой аудиторией бренда стало поколение миллениалов, среди которых был популярен данный продукт. За первый месяц кампания собрала 154000 подписчиков и 2,9

миллиона показов. Во время рекламной кампании объём продаж Oreo в Нидерландах увеличился на 60 % по сравнению с предыдущим годом⁸. Бренд Oreo одним из первых понял эффективность социальных сетей и успешно их использовал в своих рекламных кампаниях.

Социальные сети обладают большей эффективностью в сравнении с традиционными инструментами: двусторонний формат общения, в котором не только компания коммуницирует с пользователем, но и пользователь может взаимодействовать с компанией (комментарии, лайки и т. д.), экономичность и неформальность общения с целевой аудиторией [6]. Основная задача при продвижении в социальных сетях – это создание захватывающего контента, чтобы каждый пользователь социальной сети захотел не только прочитать информацию, но и поделиться ей со своими друзьями или подписчиками. Сейчас у каждого предприятия есть официальный сайт и ссылки на социальные сети. Компании ведут свои аккаунты, чтобы информировать пользователей о продукте, новинках, акциях, знакомят с деятельностью предприятия [7].

Компания Mondelez International также не упускала возможность использовать различные ситуации, происходящие в мире, и обыгрывать их в «стиле Oreo».

«Макать можно и в темноте» – такой слоган появился в одном из зарубежных каналов в 2013 г. Актуальность этого слогана была связана с тем, что во время проведения финала чемпионата по американскому футболу (Super Bowl) на стадионе во время матча отключили свет. За первый час публикацией поделились 10 тысяч человек⁹.

В 2015 г. “Mondelez International” использовала солнечное затмение для продвижения бренда Oreo. В Великобритании это явление было невозможно наблюдать из-за высокой облачности. Поэтому, используя

⁵ Algorithm designs seven million different jars of Nutella. URL: <https://www.dezeen.com/2017/06/01/algorithm-seven-million-different-jars-nutella-packaging-design/> (accessed: 12.06.2022).

⁶ Twist, lick, dunk. URL: <https://vk.com/@faldin-media-twist-lick-dunk> (accessed: 12.06.2022).

⁷ Маленькое печенье и большой успех. URL: <https://vc.ru/marketing/26136-oreo-digital> (дата обращения: 14.06.2022).

⁸ Netherland’s case study: Oreo “snack hacks” wins over millennials on Twitter*. URL: http://www.digital-trainingacademy.com/casestudies/2015/04/netherlands_case_study_oreo_snack_hacks_wins_over_millennials_on_twitter.php (accessed: 14.06.2022).

* 04.03.2022 г. Роскомнадзор заявил о блокировке «Твиттер» на территории Российской Федерации.

⁹ Маленькое печенье и большой успех. URL: <https://vc.ru/marketing/26136-oreo-digital> (дата обращения: 14.06.2022).

данные «Королевского астрономического общества» и метеорологический ресурс TimeAndDate.com для отслеживания движения Солнца в небе, бренд Oreo создал затмение, которое визуализировалось в режиме реального времени. Компания обыграла контраст белой начинки и тёмного печенья, сравнив его со светом Солнца и тенью Земли. На экране показывали неподвижное печенье с начинкой и движущееся без начинки в роли «тени» Земли. Трансляция происходила в режиме реального времени на цифровых уличных экранах в Лондоне и Эдинбурге. По словам представителей бренда, после проведения кампании продажи в Великобритании выросли на 59 % и стали самыми удачными для бренда в стране¹⁰. Таким образом компания подарила людям новые впечатления, связав название бренда со значимыми событиями в мире, тем самым увеличив продажи и узнаваемость своего товара. В данном случае покупатель платил не за само печенье, а за эмоции, которые получили от бренда.

Адвергейминг – один из способов вовлечь покупателя в коммуникацию с брендом через игру. Термин «адвергейминг» образовался от сочетания двух английских слов: advertising (реклама) и game (игра)¹¹. Механизм его применения – это реклама посредством игры. Преимущество данного инструмента заключается в том, что потребитель воспринимает рекламную игру как развлечение и не связывает её с самой рекламой [8]. Получается, что это возможность бренду напомнить о себе и при этом не быть навязчивым в глазах потребителя. Основная цель – это впечатления, которые приобретёт потребитель после взаимодействия с системой, и намерения, которые у него сформируются в результате коммуникации [9].

Mars Inc для продвижения батончиков Snickers в Австралии запустил приложение Hungerithm, которое измеряло настроение пользователей в социальных сетях и регулировало стоимость шоколадных батончиков в режиме онлайн. Приложение включало сло-

варь, содержащий 3000 слов, могло анализировать около 14 000 социальных сообщений в день, распознавало жаргон и сарказм. Чем злее и раздражительнее был человек, тем ниже становилась цена бренда. Чтобы воспользоваться предложением, достаточно было скачать приложение и показать штрих-код в одном из магазинов 7-Elevens. В австралийских магазинах 7-Elevens цена на Snickers по всей стране обновлялась более 140 раз в день. И могла снизиться до 82 % от первоначальной стоимости. Кампания показала значительное увеличение трафика бренда в социальных сетях на 1740 %, а также увеличение продаж на 67 % за период проведения кампании. Бренд получил награду cyber lion на фестивале Cannes Lions 2017¹².

В России в 2018 г. бренд Oreo запустил интерактивную мобильную игру «Большие Oreo-поиски» с эффектом дополненной реальности. Приложение нужно скачать на мобильное устройство Android или iOS, а затем при помощи камеры начать поиски виртуального печенья, сканируя разные объекты в реальности. После сканирования объекта система распознавания превратит их в виртуальное золотое, серебряное или шоколадное печенье Oreo. Участники могли получить шанс выиграть разные призы¹³. В данном случае бренд использовал механизм адвергейминга с эффектом дополненной реальности (augmented reality), чтобы обеспечить полное погружение пользователя в игру.

Ferrero Group для продвижения бренда Kinder запустило в 2020 г. мобильное приложение Applaydu. С помощью приложения каждый мог «оживить» свои игрушки из яиц «Kinder Surprise». Для этого достаточно было отсканировать штрих-код через приложение. Applaydu имеет дополненную реальность и даёт возможность произносить простые голосовые команды для своего персонажа. В разработке приложения принимали участие компании Gameloft и Департамент образова-

¹⁰ Инновационная цифровая компания от бренда «Oreo». URL: <https://1-rk.com.ua/articles/innovacionnaja-cifrovaja-kampanija-ot-brenda-oreo> (дата обращения: 18.06.2022).

¹¹ Адвергейминг. URL: <https://dic.academic.ru/> (дата обращения: 12.06.2022).

¹² Snickers “Hungerithm” bases 7/11 prices on internet’s mood. URL: http://www.digitaltrainingacademy.com/casestudies/2017/08/snickers_hungerithm_bases_711_prices_on_internets_mood.php (accessed: 14.06.2022).

¹³ Традиционный обзор промокампаний за март. URL: <https://www.sostav.ru/publication/traditsionnyj-obzor-promokampanij-za-mart-31059.html> (дата обращения: 14.06.2022).

ния Оксфордского университета¹⁴. В августе 2021 г. Ferrero Group добавила к приложению Appplaydu голосовой помощник «Алиса». Теперь можно не только «оживить» игрушки, но и услышать про них истории от «Алисы». Каждая такая история была создана при помощи профессиональных сценаристов, звукорежиссёров и сказкотерапевта¹⁵.

Киберспорт в России стал официальным видом спорта в 2016 г. и ещё одним способом продвижения брендов. Огромная аудитория пользователей, вовлечённых в киберспортивные соревнования, представлена различными возрастными категориями, что даёт возможность компаниям охватывать больше целевых групп [10]. Киберспорт может обеспечить компании быстрый выход на новый рынок, простимулировать продажу товара, провести ребрендинг и составить новое позиционирование продукции или услуги¹⁶. Это позволит повысить конкурентоспособность, эффективность функционирования деятельности компаний [11], а также увеличить их товарооборот [10].

Холдинг «Объединённые кондитеры» совместно с ESforce Holding в сентябре 2020 г. организовали мероприятие для геймеров под названием Battle Hard Challenge. Темой состязания была битва поколений «Отцов и детей». Поскольку целевая аудитория брендов холдинга включает представителей различных возрастных групп, то команду «Отцов» поддерживал бренд «Бабаевский», а «Детей» – бренд «Mega Drive». В соревновании могли принять участие все желающие, вступив в команду «Отцов» или «Детей». Между участниками виртуальной битвы были разыграны различные призы. Завершающим этапом проекта стало шоу – матч в рамках международного турнира по киберспорту «OMEGA League». За трансляцией наблюда-

ло более 6 миллионов болельщиков, после нескольких этапов битвы команда «Отцов» одержала победу. В 2021 г. проект получил две награды премии «MarSpo Awards 2021»: «серебро» в категории «Лучшая спонсорская интеграция/активация в киберспорте» и «бронзу» в номинации «Лучший digital-проект в медиа»¹⁷.

Новые медиа характеризуются не только наличием большого выбора каналов коммуникации, но и возможностью использовать сразу несколько ресурсов. Омниканальная концепция – один из важных подходов в маркетинговой среде. Омниканальность трактуется как «многоканальный подход к продажам», способный обеспечить клиенту непрерывное взаимодействие с брендом, «независимо от того, покупает ли клиент онлайн с десктопа или мобильного устройства, по телефону или в магазине офлайн» [12]. При этом недостаточно сделать хорошую рекламу, важно чтобы её увидело как можно больше людей (целевых групп). Маркетологи стараются связать визуальные образы с желаниями покупателей, а покупатели, в свою очередь, выбирают тот товар, который наиболее точно подходит под их представление. Первое впечатление о товаре играет значительную роль и влияет на решение о покупке [12].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что компании при продвижении брендов кондитерских изделий делают акцент на яркость и необычность рекламных кампаний, направленных, в первую очередь, на повышение узнаваемости бренда. Компании используют различные ресурсы новых медиа: социальные сети, программное обеспечение, приложения для телефонов, а также приложения с элементами дополненной реальности и киберспортивные состязания.

Новые медиа позволяют в большей степени вовлечь потребителя в продукт и остаться в его сознании, но при всех очевидных плюсах компании не отказались полностью от «старых» (традиционных) медиа, продви-

¹⁴ Kinder Сюрприз представляет новое приложение с дополненной реальностью Appplaydu. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/237151541> (дата обращения: 14.06.2022).

¹⁵ «Алиса, поиграем с Kinder»: Kinder и Яндекс запустили развивающие интерактивные квесты. URL: <https://www.sostav.ru/publication/alisa-poigraem-s-kinder-kinder-i-yandeks-zapustili-razvivayushchie-interaktivnyye-kvesty-49984.html> (дата обращения: 18.06.2022).

¹⁶ Михайлова В.М., Селезнев Д.А. Влияние киберспорта на развитие компьютерных игровых технологий. 2017. URL: <https://inlnk.ru/dn6Q5Q> (дата обращения: 18.06.2022).

¹⁷ Бренды «Бабаевский» и «Mega Drive» – успешная интеграция в киберспорт // Шоколад. Шоколадные конфеты. Каталог. Официальный сайт. URL: <https://shokolad.biz/novosti/> (дата обращения: 18.06.2022).

гая свои бренды в офлайн- и онлайн-среде, телями на всех уровнях.
они обеспечивают коммуникацию с покупа-

Список источников

1. *Воронкевич А.Б.* Изменение особенностей потребительского поведения на рынке товаров массового потребления под влиянием цифровизации в России // *Практический маркетинг*. 2020. № 7 (281). С. 10-18.
2. *Сысоева Т.Л., Тимохина Г.С., Изакова Н.Б.* Роль «новых медиа» в формировании коммуникационной политики бренда для поколения миллениалов // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2017. № 4 (21). С. 223-226.
3. *Манович Л.* Язык новых медиа. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018. 399 с.
4. *Шевченко Д.А.* Цифровой маркетинг: обзор каналов и инструментов // *Практический маркетинг*. 2019. № 10 (272). С. 29-37.
5. *Носовец С.Г.* Новые медиа: к определению понятия // *Коммуникативные исследования*. 2016. № 4 (10). С. 39-47.
6. *Гайсина Э.И., Сунцов А.В.* Особенности продвижения территориального бренда в социальных сетях (на примере Республики Татарстан) // *Вестник экономики, права и социологии*. 2018. № 4. С. 218-221.
7. *Фадеева Е.А., Медведицкова А.С.* Особенности бренд-коммуникаций через социальные сети // *Экономика и бизнес: теория и практика*. 2021. № 9-2 (79). С. 25-28. <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-9-2-25-28>
8. *Вербах К., Хантер Д.* Вовлекай и властвуй: игровое мышление на службе бизнеса. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2015. 224 с.
9. *Rapp A., Hopfgartner F., Hamari J., Linehan C., Cena F.* Strengthening gamification studies: Current trends and future opportunities of gamification research // *International Journal of Human-Computer Studies*. 2018. № 127. P. 1-6. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2018.11.007>
10. *Чекменева Е.В., Селезнев Д.А.* Маркетинг в киберспорте: новые способы продвинуть бренд // *Научное обеспечение инновационных технологий производства и хранения сельскохозяйственной и пищевой продукции: сб. материалов 1 Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных и аспирантов*. М., 2018. С. 509-515.
11. *Перспективы и ограничения устойчивого социоэкономического развития России / под ред. Г.Б. Клейнера, Х.А. Константиныди, А.О. Иншаковой*. Москва; Краснодар: АНО «Науч.-исслед. ин-т истории, экономики и права», 2016. 365 с.
12. *Матросова Е.Г.* Клиентоориентированность в цифровую эру // *Социально-гуманитарные знания*. 2017. № 12. С. 204-2011.

References

1. *Voronkevich A.B.* *Izmeneniye osobennostey potrebitel'skogo povedeniya na rynke tovarov massovogo potrebleniya pod vliyaniem tsifrovizatsii v Rossii* [Changes in consumer behavior in the consumer goods market under the influence of digitalization in Russia]. *Prakticheskiy marketing – Practical Marketing*, 2020, no. 7 (281), pp. 10-18. (In Russian).
2. *Sysoyeva T.L., Timokhina G.S., Izakova N.B.* *Rol' «novykh media» v formirovaniy kommunikatsionnoy politiki brenda dlya pokoleniya millennialov* [The new media role in developing the brand communication policy for a generation of millennials]. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravleniye – Azimuth of Scientific Research: Economics and Administration*, 2017, no. 4 (21), pp. 223-226. (In Russian).
3. *Manovich L.* *Yazyk novykh media* [Language of New Media]. Moscow, Ad Marginem Press, 2018, 399 p. (In Russian).
4. *Shevchenko D.A.* *Tsifrovoy marketing: obzor kanalov i instrumentov* [Digital marketing: an overview of channels and tools]. *Prakticheskiy marketing – Practical Marketing*, 2019, no. 10 (272), pp. 29-37. (In Russian).
5. *Nosovets S.G.* *Novyye media: k opredeleniyu ponyatiya* [New media: defining the notion]. *Kommunikativnyye issledovaniya – Communication Studies*, 2016, no. 4 (10), pp. 39-47. (In Russian).
6. *Gaysina E.I., Suntsov A.V.* *Osobennosti prodvizheniya territorial'nogo brenda v sotsial'nykh setyakh (na primere Respubliki Tatarstan)* [Features of promoting a territorial brand in social networks (on the example of the Republic of Tatarstan)]. *Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii – The Review of Economy, Law and Sociology*, 2018, no. 4, pp. 218-221. (In Russian).

7. Fadeyeva E.A., Medveditskova A.S. Osobennosti brend-kommunikatsiy cherez sotsial'nyye seti [Peculiarities of brand communication through social networks]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika – Economy and Business: Theory and Practice*, 2021, no. 9-2 (79), pp. 25-28. (In Russian). <https://doi.org/10.24412/2411-0450-2021-9-2-25-28>
8. Verbakh K., Khanter D. *Vovlekay i vlastvuy: igrovoye myshleniye na sluzhbe biznesa* [Involve and Conquer: Game Thinking at the Service of Business]. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2015, 224 p. (In Russian).
9. Rapp A., Hopfgartner F., Hamari J., Linehan C., Cena F. Strengthening gamification studies: Current trends and future opportunities of gamification research. *International Journal of Human-Computer Studies*, 2018, no. 127, pp. 1-6. <https://doi.org/10.1016/j.ijhcs.2018.11.007>
10. Chekmeneva E.V., Seleznev D.A. Marketing v kibersporte: novyye sposoby prodvint' brend [Esports marketing: new ways to promote your brand]. *Sbornik materialov I Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii molodykh uchenykh i aspirantov «Nauchnoye obespecheniye innovatsionnykh tekhnologiy proizvodstva i khraneniya sel'skokho-zyaystvennoy i pishchevoy produkcii»* [Collection of Materials of the 1st International Scientific and Practice Conference of Young Scientists and Post-Graduate Students “Scientific Support of Innovative Technologies for the Production and Storage of Agricultural and Food Products”]. Moscow, 2018, pp. 509-515. (In Russian).
11. Kleyner G.B., Konstantinidi K.A., Inshakova A.O. (eds.). *Perspektivy i ogranicheniya ustoychivogo sotsial'no-zyaystvennogo razvitiya Rossii* [Prospects and Limitations of Sustainable Socioeconomic Development of Russia]. Moscow, Krasnodar, ANO “History, Economics and Law Research Institute” Publ., 2016, 365 p. (In Russian).
12. Matrosova E.G. Kliyantooriyentirovannost' v tsifrovuyu eru [Customer focus during the digital era]. *Sotsial'no-gumanitarnyye znaniya – Socio-Humanitarian Knowledge*, 2017, no. 12, pp. 204-211. (In Russian).

Информация об авторе

Тишкина Наталья Игоревна, научный сотрудник лаборатории теоретических и прикладных исследований рекламы, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-2173-0833](https://orcid.org/0000-0002-2173-0833), natashka_tishkina@mail.ru

Вклад в статью: поиск и анализ научной литературы, анализ «новых медиа», социальных сетей, обработка полученных результатов, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 22.08.2022
Одобрена после рецензирования 29.09.2022
Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Natalya I. Tishkina, Research Scholar of Theoretical and Applied Research in Advertising Laboratory, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-2173-0833](https://orcid.org/0000-0002-2173-0833), natashka_tishkina@mail.ru

Contribution: scientific literature search and analysis, “new media”, social networks analysis, obtained results processing, manuscript text drafting.

The article was submitted 22.08.2022
Approved after reviewing 29.09.2022
Accepted for publication 07.10.2022

Неофилология
ISSN 2587-6953 (Print)
ISSN 2782-5868 (Online)

Neofilologiya = Neophilology
<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>
Перечень ВАК, ПИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 070.13
DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-840-848

Свобода выражения мнения в журналистике: юридический аспект

Елена Анатольевна ЛЯДОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»
392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33
✉ alena.liadova@yandex.ru

Аннотация. Целью исследования явился анализ свободы выражения мнения в современной журналистике. В настоящее время это является наиболее актуальной проблемой в журналистике, о чём свидетельствуют многочисленные иски к различным СМИ и журналистам. Данную ситуацию можно объяснить тенденцией вседозволенности в сфере массовых коммуникаций, что зачастую приводит к нарушению законодательства. Однако безграничной свободы слова не существует. Во все времена она ограничивалась государственной властью, следившей за тем, чтобы авторы в своих произведениях не выражали бы крайне резкие точки зрения, которые могли бы привести к разрушению государственного строя. Проанализировано понятие «свободы слова» в журналистике, определены составляющие этого понятия. Сформулированы базовые критерии, применяющиеся при определении диффамации. Предметом исследования послужил анализ типичных примеров публикаций, повлёкших за собой судебные иски. К анализу привлечены источники из современной судебной практики, в том числе и судебной практики Тамбовской области. Сделан вывод о том, что во избежание судебного преследования работникам СМИ следует осуществлять свою деятельность только в рамках законодательства и избегать ситуаций, при которых был бы нанесён вред репутации человека.

Ключевые слова: свобода слова, судебная практика, диффамация, СМИ, цензура

Для цитирования: Лядова Е.А. Свобода выражения мнения в журналистике: юридический аспект // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 840-848. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-840-848>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Freedom of expression in journalism: legal aspect

Elena A. LYADOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ alena.liadova@yandex.ru

Abstract. The aim of the study was to analyze the freedom of expression in modern journalism. Currently, this is the most pressing problem in journalism, as evidenced by numerous lawsuits against various media and journalists. This situation can be explained by the trend of permissiveness in the sphere of mass communications, which often leads to violation of the law. However, unlimited freedom of speech does not exist. At all times, it was limited by the state power, which ensured that the authors in their works would not express extremely harsh points of view that could lead to the destruction of the state system. The concept of “freedom of speech” in journalism is analyzed, the components of this concept are defined. The basic criteria used in determining defamation are formulated. The subject of the study was the analysis of typical examples of publications that resulted in lawsuits. The analysis involved sources from modern judicial practice, including the judicial practice of the Tambov region. It is concluded that in order to avoid prosecution, media workers should carry out their activities only within the framework of the law and avoid situations in which a person's reputation would be harmed.

Keywords: freedom of speech, jurisprudence, defamation, media, censorship

For citation: Lyadova E.A. Svoboda vyrazheniya mneniya v zhurnalistike: yuridicheskiy aspekt [Freedom of expression in journalism: legal aspect]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 840-848. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-840-848> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В условиях развития информационного общества проблема свободы выражения мнения, проблема, связанная с независимостью СМИ, становится особенно актуальной. Успешное развитие СМИ возможно только в условиях, когда достигнут баланс между свободой выражения мнения и свободой на неприкосновенность личной жизни.

Сложность этой проблемы отчасти можно объяснить той ролью, которой общество наделяет СМИ. Журналистику часто называют «четвёртой властью», подчёркивая её влияние на функционирование общества. Но если это и власть, то специфическая, имеющая особые функции и задачи. Журналистика призвана не только информировать граждан о событиях, происходящих в мире, но и

давать разъяснения, способствовать выработке определённой позиции, призывать к действиям, вносить предложения. Сами журналисты не подготавливают важных решений, но своей работой служат их подготовке или препятствуют их созданию, комментируют чужие действия, подсказывают иные решения, выражают точку зрения общества. Журналистика влияет на настроение общества, зачастую подталкивая граждан к принятию решений и даже изменению политической ситуации. В этой связи отчётливо встаёт проблема «независимости печати», проблема достоверности публикуемой информации, проблема, связанная с диффамацией.

Зачастую независимость СМИ часто понимают достаточно примитивно, её трактуют как противопоставление официальной точке зрения, противопоставление власти. В резуль-

тате оппозиционные СМИ, относящиеся к власти предвзято, с осуждением считаются «правильными», а те, что поддерживают решения государства, – купленными, угодническими.

Подобное отношение ведёт к тому, что критика государственных служащих приобретает характер неконтролируемых нападок. А дальше пресса, привыкшая к постоянной критике всех и вся, начинает публиковать критические материалы, в которых обсуждается и осуждается жизнь и обычных граждан. Противопоставив себя обществу, подобные СМИ делают критику своим «кредо». Разумеется, СМИ имеют право и должны высказывать различные точки зрения, даже если они и противоречат общепризнанным. Но критика, ставшая самоцелью, дискредитирует не только того, на кого она направлена, но и само отношение к журналистике, вызывая недоверие к публикациям. И это не единственная проблема, связанная со свободой прессы. Так, проявление диффамации стало достаточно обыденным для современных СМИ. Многие журналисты убеждены в том, что они имеют право на публикацию любых сведений, если эти факты интересны обществу.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретическую базу работы составили исследования по проблемам свободы слова в современной журналистике [1–3], исследования, посвящённые анализу такого явления, как диффамация, и различных точек зрения на это явление [4–7]. В статье анализируются российские и международные законодательные акты, посвящённые свободе слова, исследуются материалы судебной практики, посвящённые вопросам защиты чести, достоинства и доброго имени гражданина, связанные с нарушением прав человека¹.

СРЕДСТВА МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ КАК СУБЪЕКТЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

В СССР свобода печати декларировалась в Сталинской конституции 1936 г. и Бреж-

¹ Смоленский областной суд. URL: https://oblsud--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3180514&case_uid=642eab78-37b3-41ad-9fad-9edd2aff1557&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 27.03.2022).

невской 1977 г. Первый демократический закон о печати – это Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации», принятый в 1991 г. В этом законе было законодательно определено понятие свободы печати. В этом же законе был провозглашён принцип недопустимости цензуры.

В 1991 г. был принят Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации», в котором получили дальнейшее развитие гарантии независимости и свободы СМИ от государства.

Свобода массовой информации и запрет цензуры закреплены и в статье 29 (п. 5) Конституции РФ, где каждому гарантируется «свобода мысли и слова» (часть 1), «право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (часть 4), недопустимость принуждения человека «к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них» (часть 3).

Разумеется, независимость СМИ от государственного контроля и правовое регулирование этой независимости чрезвычайно важны. Но не менее важным является и правовое регулирование взаимоотношений СМИ и гражданина.

Закон «О средствах массовой информации» 1991 г., в статье 3 которого провозглашалась недопустимость цензуры, способствовал не только расширению тематики журналистских публикаций, но и созданию ощущения вседозволенности в журналистской среде. В результате систематически стали нарушаться права человека, связанные с вторжением в личную и семейную жизнь. И хотя с тех пор государством был принят ряд законодательных актов, призванных защитить как свободу слова, так и право граждан на честное имя, до настоящего времени проблемы, связанные со свободой выражения мнения и свободой информации, остаются одними из самых часто встречаемых и сложно решаемых в журналистике.

Свобода слова – это свобода выражать собственную точку зрения, даже если она отличается от общепринятой. Принцип свободы слова – один из важнейших демократических принципов. В связи с этим можно процитировать слова русского юриста Е.Н. Тарновского, который указывал, что «свобода личности

более всего утверждается и подтверждается свободой печати и слова» [8, с. 182].

Однако безграничной свободы слова не существует. Во все времена она ограничивалась государственной властью, следившей за тем, чтобы авторы в своих произведениях не выражали бы крайне резкие точки зрения, которые могли бы привести к разрушению государственного строя. Как средство контроля над общественным мнением цензура появилась уже в Древнем Риме. В дальнейшем деятельность институтов цензуры усиливалась и распространялась на многие сферы жизни. Мощным толчком к развитию цензуры послужило изобретение книгопечатания. Советский и российский историк В.Г. Чернуха связывает начало цензурной деятельности в современном понимании с серединой XV века, с появлением книгопечатания [9].

Цензурная деятельность всегда была связана с определёнными ограничениями, распространявшимися в первую очередь на литераторов, журналистов и издателей.

В России свобода слова ограничивалась рядом законодательных актов. В качестве официальной государственной практики она возникла в начале XVIII века. В стране полной свободой выражения своих убеждений обладал только монарх. Действия же остальных ограничивались цензурой. Первым документом, регламентирующим функции цензурного аппарата, стал Цензурный устав 1804 г., часто обозначаемый как самый либеральный. На протяжении всей истории государство – независимо от его конкретной политико-правовой модели – стремилось к осуществлению контроля за потоком информации, распространяющейся в обществе. Точно так же общество – стихийно либо «сознательно» (через те или иные гражданские институты) стремилось к преодолению и обходу тех или иных запретов государства на определённую информацию.

Анализируя ситуацию, сложившуюся в журналистике в настоящее время, можно сделать вывод о том, что система становления информационного взаимодействия власти и общества в Российской Федерации пока чётко не сформирована. Так, по мнению исследователя С.А. Куликовой, «общественный договор» между государственной цензу-

рой и обществом в России до сих пор не заключён и не оформлен окончательно» [4].

«Свобода слова» как правовое явление состоит из нескольких взаимосвязанных структурных элементов, наличие которых обязательно в современном демократическом обществе. Одной из составляющих свободы слова является свобода физических лиц не только публично выражать мнение, мысли, суждения, но и право распространять их способами, не запрещёнными законодательством Российской Федерации. Второй составляющей является запрет цензуры, позволяющий средствам массовой информации свободно выражать точку зрения автора, а также редакции в целом. Третьим, не менее важным элементом является право граждан на доступ к информации, заключающееся в возможности получения информации, которая представляет общественный интерес или тем или иным образом затрагивает права граждан.

Статья 29 Конституции Российской Федерации устанавливает права и свободы человека и гражданина относительно свободы слова. В своей трактовке свободы слова Конституция основывается на стандартах, признанных международным правом. В статье 29 Конституции РФ декларируется: «1. Каждому гарантируется свобода мысли и слова. 2. Никто не может быть принуждён к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них. 3. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом. Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется законом. 4. Гарантируется свобода массовой информации. Цензура запрещается». Таким образом, государство заявляет, что защита свободы слова является одной из важнейших задач власти.

Свобода прессы непосредственно связана с её ответственностью, в том числе и социальной.

К сожалению, журналисты сегодня не хотят осознавать, что именно они формируют то общество, ради которого и в интересах которого должны работать. Безответственность проявляется в отсутствии желания у журналиста вникать в суть проблемы и в стремлении любой ценой обнародовать вы-

игрышную информацию, даже если это может пойти во вред герою материала.

В современной русской журналистике свобода слова, безусловно, существует, но вместе с тем существует она зачастую не в рамках закона, а так, как трактует её тот или иной журналист. Кроме того, существуют системы моральных запретов, которые необходимо учитывать каждому журналисту. Именно поэтому в журналистику и юриспруденцию было введено понятие диффамации – распространение порочащих сведений.

Отчасти столь легкомысленное отношение журналистов к распространению негативной информации можно объяснить отсутствием чётких критериев самой диффамации.

В настоящее время существует несколько трактовок термина «диффамация». В широком смысле диффамацией признаётся распространение любых порочащих сведений, в том числе посредством физического оскорбления и правомерного информирования общественности о тех или иных фактах, затрагивающих репутацию потерпевшего. В наиболее узком правовом значении диффамация – гражданско-правовой деликт, связанный с причинением вреда чести, достоинству и деловой репутации посредством распространения порочащих сведений о фактах. Вследствие различных подходов к понятию термина «диффамация» учёные стремятся разработать новое, всеобъемлющее понятие диффамации, которое удастся интегрировать в российское право.

Одним из самых распространённых правонарушений, допускаемым журналистами и публичными людьми, является диффамация. При этом диффамация может быть как умышленной, так и случайной. «Субъективную сторону диффамации как преступления можно охарактеризовать не только прямым умыслом, но и небрежностью. В отличие от англо-американской правовой системы, где размер компенсации достаточно значителен и часто зависит от формы вины правонарушителя, в судебной практике России форма вины чаще всего не влияет на размер присуждаемой судом компенсации» [3, с. 201]. Российское право признаёт, что в результате диффамации всегда причиняется моральный вред. В результате при доказанной диффамации сложилась практика денежной компен-

сации моральных страданий. Но это касается только физических лиц, поскольку юридическому лицу моральный вред не может быть причинён, и оно обязано доказывать убытки, ставшие следствием диффамации.

Следует признать обоснованность суждения о том, что «категория «диффамация» с учётом возрастающей потребности в ней на всех уровнях правового регулирования (прежде всего, в гражданско-правовой сфере) требует более глубокого доктринального осмысления и выработки легальной позиции по её толкованию» [8, с. 170]. Однако действия законодательной и судебной власти здесь должны быть крайне осторожными для того, чтобы не поставить под угрозу свободу слова и самовыражения. Несмотря на то что с лингвистической точки зрения распространитель порочащих сведений использует большой арсенал языковых и речевых приёмов для достижения поставленной цели: подмена понятий, умолчание, преувеличение, – следует понимать, что состав диффамационного деликта образует далеко не всякое стремление и практическое усилие, нацеленное на дискредитацию потерпевшего, а только реально причинившее вред распространение информации, которая по форме или содержанию образует речевое нарушение.

Многообразие доктринальных взглядов на проблему диффамации характеризуют как весьма абстрактные суждения о том, что существует «возможность квалификации публичного высказывания негативно окрашенных суждений в качестве диффамации; ставится вопрос о необходимости верификации последних перед распространением» [2, с. 84], так и косвенное отрицание актуальности использования ограничений в сфере политической коммуникации, основанное на том, что «политический дискурс неприятия и критики, как атавизм периода конфликта и противостояния, несомненно, атрофируется в процессе дальнейшего взаимодействия и двусторонней открытости» [2, с. 87]. В практике политического общения происходят совершенно другие процессы. В частности, достаточно часто «антропонимическая диффамация усиливается методом применения пейоративной диффамирующей лексики для характеристики действий соответствующего политика» [2, с. 88]. Всякие ожидания гло-

бальной политической разрядки в условиях современного тренда развития политического дискурса не снимают проблему необходимости адекватного правового ответа на очевидно противоправное распространение порочащей информации.

Некоторые учёные сознательно избирают такую концепцию понимания диффамации, где выделяются дезинформация и дискредитация и провозглашается единственно правильным определением соответствующих условий ответственности через их триаду, содержащуюся сегодня в законе, при одновременном наличии следующего: 1) факт распространения сведений о лице, 2) порочащий характер этих сведений и 3) несоответствие их действительности. Хотя такой подход имеет формально правовое обоснование и базируется на действующем российском законодательстве, он не основан на принципе справедливости и является далеко не бесспорным. Ключевая дилемма здесь состоит в том, что, во-первых, причинение вреда конкретному лицу (чисто филологически) не всегда требует его определённого и безусловного упоминания, а во-вторых, достоверные сведения о конкретном лице могут быть как недоказуемыми, так и полученными с нарушением закона, что имеет отношение к действительности только в её формально правовом понимании.

Подобные проблемы свидетельствуют о необходимости формулирования чётких критериев выражения свободы слова и мнения в СМИ и возможностью осуществления этой свободы без нарушения законодательства России.

В настоящее время проявление диффамации стало достаточно обыденным для современных СМИ. Многие журналисты убеждены в том, что если факты, разглашаемые ими, являются верными и могут быть подтверждены соответствующими доказательствами, то публикация подобных сведений, даже если она наносит вред репутации человека, не является чем-то противозаконным.

Такое отношение, основывающееся главным образом на вопросах выгоды, престижа и рейтинга публикаций, ведёт к размыванию чётких критериев дозволенности вторжения журналистов в личную жизнь граждан. В результате в последнее время

увеличилось количество исков, предъявляемых к СМИ, связанных с защитой чести и достоинства граждан.

АНАЛИЗ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

В качестве примеров нарушения российского законодательства можно рассмотреть иски граждан о защите чести, достоинства и деловой репутации, компенсации морального вреда.

Так, к сетевому изданию «Версия», сетевому изданию «Интер Райт», сетевому изданию «Информационному агентству «Петербургская газета» с иском о защите чести, достоинства и деловой репутации обратилась потерпевшая ФИО, которая просила признать не соответствующими действительности, порочащими честь, достоинство и деловую репутацию фразы и высказывания, распространённые ответчиками об истце в публикации «Сливзащита – Собственный пиар может интересовать ФИО2 Духову больше, чем интересы клиента»². Истец утверждал, что содержание этой статьи не соответствует фактическим обстоятельствам дела и нанесло вред деловой репутации. При рассмотрении данного заявления судом было установлено, что факты, изложенные в статье, подтверждаются документами. Истец является действующим адвокатом, поэтому критика его деятельности, как человека, осуществляющего публичные функции, допустима в более широких пределах, чем в отношении частных лиц. Кроме того, было указано, что эмоциональная окраска излагаемой в оспариваемых статье информации носит предположительный характер, в результате чего не может свидетельствовать о порочащем характере изложенных в статье сведений. В удовлетворении иска заявителю было отказано.

Подобное дело рассматривалось и в Смоленском областном суде, куда обратился с заявлением депутат Совета народных депутатов от партии «Единая Россия»³. В своём заявлении истец указал, что в газете «Новый

² Судебные решения. URL: <http://судебныерешения.рф/63014078> (дата обращения: 27.03.2022).

³ Смоленский областной суд. URL: https://oblsud--sml.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=3180514&case_uid=642eab78-37b3-41ad-9fad-9edd2aff1557&delo_id=5&new=5 (дата обращения: 27.03.2022).

Формат плюс» были опубликованы статьи, в которых содержались сведения, порочащие его честь и достоинство. Несмотря на то, что проведённая по решению суда лингвистическая экспертиза признала, что сведения, содержащиеся в статьях, содержат негативную оценку личности истца и его деятельности, суд в удовлетворении иска отказал, обосновав своё решение тем, что ответчик, будучи журналистом, изложив в статье информацию, высказывал своё мнение, которое по существу является оценочным суждением автора по проблемам, представляющим общественный интерес, учитывая при этом то обстоятельство, что информация в нелицеприятной для истца форме сводится к выражению мнения автора относительно деятельности истца как депутата Совета народных депутатов.

В качестве примера, когда информация, размещённая в СМИ, была признана порочащей честь и достоинство гражданина, можно рассмотреть иск Керимова Сулеймана Абусаидовича к АО «АС РУС МЕДИА», ООО «Собеседник-Медиа» и АО «Бизнес Ньюс Медиа» о защите чести, достоинства, деловой репутации и взыскании компенсации морального вреда⁴.

В ходе судебного разбирательства было установлено, что в данных изданиях размещались статьи, в которых сообщались сведения, негативно характеризующие истца, имелись намёки на его деловую нечистоплотность, связь с криминалом и обвинения в коррупции. Суд возложил на ответчиков обязанность в 10-дневный срок с момента вступления в законную силу решения суда снять с публикации (удалить из информационно-телекоммуникационной сети Интернет) любые публикации (статьи), в которых содержатся указанные выше сведения.

Ещё в качестве примера решения, когда суд не удовлетворил иск о защите чести и достоинства гражданина, можно привести иск, который был рассмотрен в Пресненском районном суде г. Москва⁵. Истец сообщил,

⁴ Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-orsud.ru/rs/basmannyj/services/cases/civil/details/16821081-06fc-11eb-9a9b-5598882adc76?participants=керимов> (дата обращения: 27.03.2022).

⁵ Официальный портал судов общей юрисдикции города Москвы. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/presnen->

что на своей странице ВКонтакте и "Facebook"* (социальная сеть, признанная экстремистской и запрещённая на территории Российской Федерации) ответчик разместил информацию, содержащую высказывания в отношении истцов, а именно: «Директор завода ФИО2 и его заместитель ФИО3 выстроил схемы по обслуживанию заказов АО «Ранд», прекратив выплаты по кредиту банкам и всячески задерживая денежные средства других заказчиков»; «Вчера директор, юрист и специалисты общества, осуществляющего доверительное управление, пришли на предприятие. Пока они знакомились с людьми и осматривали оборудование, кто-то из руководства вызвал вооружённых огнестрельным оружием охранников. На видео с камер наблюдения видно, как человек подъезжает к закрытым воротам и начинает беспорядочную стрельбу из винтовки по ничего не подозревающим людям»; «Тем самым могу подтвердить, что действительно против меня, как законного владельца, совершается рейдерский захват».

В своих возражениях ответчик указывал на то, что размещение им информации в социальных сетях явилось реакцией на действительно произошедшие события на территории ООО «Кубанские деликатесы»; вместе с тем в настоящее время вся размещённая информация удалена.

Свой отказ в удовлетворении иска суд обосновал тем, что информация, распространённая ответчиком в социальных сетях, является его комментарием произошедших событий, личным мнением и его оценочным суждением. Кроме того, судом было указано, что Статья 29 Конституции Российской Федерации каждому гарантирует свободу мысли и слова, а также свободу массовой информации.

Применительно к свободе массовой информации на территории Российской Федерации части 1 статьи 10 Конвенции о защите прав человека и основных свобод определя-

skij/services/cases/civil/details/de76d021-f7ea-482f-bbe4-b2f7a63e9787?caseNumber=2-2011/2020 (дата обращения: 27.03.2022).

* Социальная сеть Facebook* (принадлежит Meta**) запрещена на территории Российской Федерации. 21 марта 2022 г. компания Meta** признана экстремистской организацией, деятельность холдинга в России запрещена.

ет, что каждый имеет право свободно выражать своё мнение.

Зачастую истцу отказывают в удовлетворении требований, так как им не соблюдаются нормы российского законодательства, определяющие порядок доказательства. Так, Зиновьев А.В. обратился в суд с иском к ФГУП ВГТРК в лице ГТРК «Тамбов» о защите чести, достоинства, компенсации морального вреда, в котором указал, что 19 июля 2018 г. в эфире телеканала «Вести Тамбов» был показан видеосюжет с его участием⁶. Этот видеосюжет и статья «Спустя 11 лет после совершения убийства рецидивист предстанет перед судом» были опубликованы на сайте www.vestitambov.ru в разделе «Криминал» со ссылкой <https://www.vestitambov.ru/new/spusttya-11-let-posle-soversheniya-ubijstva-retsdivist-predstanet-pered-sudom/>. По мнению истца, в данных материалах содержались сведения порочащего характера, что причинило ему нравственные и физические страдания. Но доказать свою позицию истец не смог, поскольку не предоставил запись эфира, хотя обязанность доказывания факта распространения по делам данной ка-

⁶ Октябрьский районный суд г. Тамбова. URL: https://sud23--tmb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srvc_num=1&name_op=case&case_id=75761468&case_uid=521bfd8b-121c-48a4-b9a4-01e786007aa3&delo_id=1540005 (дата обращения: 27.03.2022).

тегории возложена на истца. При этом ранее истец с запросом о предоставлении спорной эфирной записи в ГТРК «Тамбов» не обращался.

В связи с изложенным, суд пришёл к выводу, что истцом не предоставлено относимых, допустимых и достоверных доказательств, подтверждающих трансляцию спорного видеоролика в рамках программы «Вести Тамбов» на телеканале «Россия 1» и размещения данного ролика на сайте ответчика.

Также истцом не предоставлено доказательств, что в опубликованной на сайте ответчика статье речь идёт именно об истце, поскольку в статье отсутствует упоминание о персональных данных последнего. В результате в удовлетворении иска было отказано.

ВЫВОДЫ

Таким образом, в современной журналистике проблемы, связанные со свободой слова с возможностью выражать собственную точку зрения, являются достаточно актуальными и сложно решаемыми. Во избежание судебного преследования работникам СМИ следует осуществлять свою деятельность только в рамках законодательства и избегать ситуаций, при которых был бы нанесён вред репутации человека.

Список источников

1. Авакьян С.А. Некоторые мысли о состоянии и перспективах конституционно-политического развития России // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2016. № 1. С. 3-17.
2. Защита прав личности в российском гражданском процессе / под общ. ред. А.А. Мельникова. М.: Норматив, 2016. 644 с.
3. Лазутина Г.В. Профессиональная этика журналиста. М.: Аспект Пресс, 2011. 224 с.
4. Куликова С.А. Правовой режим производства и распространения информации // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономика. Управление. Право. 2015. Т. 15. № 4. С. 455-462. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2015-15-4-455-462>
5. Мельник Г.С. Тактические медиа в деструктивных технологиях протеста // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика. 2015. № 3. С. 83-91.
6. Морозова А.И. Инфотейнмент и диффамационные риски // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2016. № 3. С. 199-204.
7. Парыгина Н.Н. Тонкая грань и большая разница между утверждением о факте и выражением мнения // Евразийский юридический журнал. 2016. № 10 (101). С. 168-172.
8. Тарновский Е.Н. Четыре свободы. СПб.: Изд-во «Макет», 1995. 190 с.
9. Чернуха В.Г. Цензура в Европе и России // Цензура в России: история и современность. СПб., 2001. Вып. 1. С. 8-14.

References

1. Avakyan S.A. Nekotoryye mysli o sostoyanii i perspektivakh konstitutsionno-politicheskogo razvitiya Rossii [Some thoughts on the status and prospects of the constitutional and political development of Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11: Pravo – Moscow University Law Bulletin*, 2016, no. 1, pp. 3-17. (In Russian).
2. Melnikova A.A. (gen. ed.). *Zashchita prav lichnosti v rossiyskom grazhdanskom protsesse* [Protection of Individual Rights in Russian Civil Proceedings]. Moscow, Normativ Publ., 2016, 644 p. (In Russian).
3. Lazutina G.V. *Professional'naya etika zhurnalista* [Professional Ethics of a Journalist]. Moscow, Aspekt Press, 2011, 224 p. (In Russian).
4. Kulikova S.A. Pravovoy rezhim proizvodstva i rasprostraneniya informatsii [Legal regime of information production and distribution]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Ekonomika. Upravleniye. Pravo – Izvestiya of Saratov University. Economics. Management. Law*, 2015, vol. 15, no. 4, pp. 455-462. <https://doi.org/10.18500/1994-2540-2015-15-4-455-462> (In Russian).
5. Melnik G.S. Takticheskiye media v destruktivnykh tekhnologiyakh protesta [Tactical media in destructive technologies of protest]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 16. Psikhologiya. Pedagogika – Bulletin of St. Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2015, no. 3, pp. 83-91. (In Russian).
6. Morozova A.I. Infoteynment i diffamatsionnyye riski [Infotainment and defamation risks]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya – Herald of Tver State University Series: Philology*, 2016, no. 3, pp. 199-204. (In Russian).
7. Parygina N.N. Tonkaya gran' i bol'shaya raznitsa mezhdru utverzhdeniyem o fakte i vyrazheniyem mneniya [Fine line and great difference between a statement of fact and an expression of opinion]. *Evrasiyskiy yuridicheskiy zhurnal – Eurasian Law Journal*, 2016, no. 10 (101), pp. 168-172. (In Russian).
8. Tarnovskiy E.N. *Chetyre svobody* [Four Freedoms]. Saint-Petersburg, Maket Publ., 1995, 190 p. (In Russian).
9. Chernukha V.G. Tsenzura v Evrope i Rossii [Censorship in Russia]. *Tsenzura v Rossii: istoriya i sovremenost'* [Censorship in Russia: History and the Present]. Saint-Petersburg, 2001, issue 1, pp. 8-14. (In Russian).

Информация об авторе

Лядова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-8772-3169](https://orcid.org/0000-0002-8772-3169), alena.liadova@yandex.ru

Вклад в статью: поиск и анализ литературы, общая концепция статьи, обзор данных, написание статьи, обработка и редактирование материала.

Поступила в редакцию 16.05.2022
Одобрена после рецензирования 05.09.2022
Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Elena A. Lyadova, Candidate of Philology, Associate Professor, Associate Professor of Journalism, Advertising and Public Relations Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-8772-3169](https://orcid.org/0000-0002-8772-3169), alena.liadova@yandex.ru

Contribution: literature search and analysis, main study conception, data review, manuscript drafting, processing and editing material.

The article was submitted 16.05.2022
Approved after reviewing 05.09.2022
Accepted for publication 07.10.2022

МЕЖЯЗЫКОВАЯ И МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ INTERLINGUAL AND INTERCULTURAL COMMUNICATION

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 398.9

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860

Стереотипы красоты в русской и узбекской лингвокультурах (на материале пословиц русского и узбекского языков)

Раъно Хикматовна АБДУЛЛАЕВА

Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова
140104, Республика Узбекистан, г. Самарканд, Университетский б-р, 15

✉ abdullaeva14rano@mail.ru

Аннотация. Проведён анализ паремических единиц, описана система репрезентации эстетической оценки понятия «красота» в русской и узбекской пословичных языковых картинах мира. Рассмотрены пословицы с семантикой «красота» и их роль в процессе отражения духовно-нравственного и социально-культурного мировоззрения человека. На материале русских и узбекских пословиц выявлена оценка понятия «красота» (внешность) на фоне других видов оценки (качества характера – нравственно-эстетическая оценка; поступки человека – этико-эстетическая; ум/душа – интеллектуально-эстетическая; физиологические характеристики – валеолого-эстетическая; оценка деятельности – прагматико-эстетическая). В сопоставляемых языках установлены сходства и различия в репрезентации эстетической оценки человека по признакам: внешность – поступок, поступок – состояние, состояние – умозаключение, наличие красоты – качество характера, номинация человека в соответствии с эстетическими нормами красоты. Определена оценка духовной характеристики человека (способ действий, характер поступков, отношение к окружающим, качество характера), которая взаимосвязана с оценкой визуального поведения. Сопоставлены репрезентирующие языковые единицы и их семантические признаки (антропоцентрический, личностно-индивидуальный, ценностно-оценочный и эмоционально-оценочный), характерные для конкретного языка в пяти тематических группах в сопоставляемых языках («Обладание красотой», «Притягивающая сила, хорошее явление, желаемое сердцем и душой», «Чистый и без изъяна», «Беспрецедентный, удивительный», «Отношение к окружающим/к себе»).

Ключевые слова: стереотипы, языковая картина мира, русские и узбекские паремии, эстетическая оценка человека, ценностный приоритет, красота

Для цитирования: *Абдуллаева Р.Х.* Стереотипы красоты в русской и узбекской лингвокультурах (на материале пословиц русского и узбекского языков) // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 849-860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Stereotypes of beauty in Russian and Uzbek linguistic cultures (based on Russian and Uzbek proverbs)

Rano K. ABDULLAEVA

Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand 140100, Republic of Uzbekistan
✉ abdullaeva14rano@mail.ru

Abstract. The analysis of paremic units is carried out, the system of representation of the aesthetic evaluation of the concept of “beauty” in the Russian and Uzbek proverbial language pictures of the world is described. Proverbs with the semantics of “beauty” and their role in the process of reflecting the spiritual, moral and socio-cultural worldview of a person are considered. Based on the material of Russian and Uzbek proverbs, the assessment of the concept of “beauty” (appearance) against the background of other types of assessment (character qualities – moral and aesthetic assessment; human actions – ethical and aesthetic assessment; mind/soul – intellectual and aesthetic; physiological characteristics – valeological and aesthetic); evaluation of activity – pragmatic-aesthetic). In the compared languages, similarities and differences in the representation of a person’s aesthetic assessment on the basis of signs are established: appearance – an act, an act – a state, a state – a conclusion, the presence of beauty – a quality of character, a person’s nomination in accordance with the aesthetic standards of beauty. An assessment of the spiritual characteristics of a person (method of action, nature of actions, attitude towards others, quality of character) is determined, which is interconnected with the assessment of visual behavior. The representative language units and their semantic features (anthropocentric, personality-individual, value-evaluative and emotional-evaluative) are compared, characteristic of a particular language in five thematic groups in the compared languages (“Possession of beauty”, “Attractive force, a good phenomenon desired by the heart and soul”, “Pure and flawless”, “Unprecedented, amazing”, “Attitude towards others/towards oneself”).

Keywords: stereotypes, language picture of the world, Russian and Uzbek proverbs, aesthetic assessment of a person, value priority, beauty

For citation: Abdullaeva R.K. Stereotipy krasoty v russkoy i uzbekskoy lingvokul’turakh (na materiale poslovits russkogo i uzbekskogo yazykov) [Stereotypes of beauty in Russian and Uzbek linguistic cultures (based on Russian and Uzbek proverbs)]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 849-860. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-849-860> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

В каждой лингвокультуре представлена собственная языковая картина мира, в соответствии с которой у носителя данного языка формируется восприятие окружающей действительности, при этом совокупность знаний запечатлевается в языковой форме. У каждой национальной общности есть фоновые знания, концепты, стереотипы, которые

закрепляются на уровне сознания и языка как общности, так и конкретного этноса [1].

Между тем описание внешности человека занимает важное место в этической и эстетической картине мира любого народа. Необходимость использования портретного описания часто возникает в процессе коммуникации. По этой причине представляется интересным обращение к пословичным текстам, в которых описываются характерные

черты и запоминающиеся особенности внешности человека с точки зрения понятия «стереотип красоты». Эта особенность восприятия при взаимодействии и коммуникации людей универсальна для представителей любой национальности. Но представления о красоте человека (эталоны, символы) различны у представителей разных культур, что обуславливает использование различных языковых средств при оценке внешности человека.

Цель исследования – выявить сходства и различия смысловой составляющей пословиц в русском и узбекском языках в контексте восприятия понятия «красота» носителями русской и узбекской культуры.

Трудность в понимании паремического материала состоит в том, что слова, входящие в их состав и отражающие одни и те же для разных народов реалии, выступают носителями различных смыслов и служат выразителями однотипных или разных символов, эталонов, стереотипов.

Безусловно, несовпадения в понимании национальных реалий обусловлены особенностями климата, географического положения, историческим и культурным своеобразием, особенностями уклада, быта того или иного народа. Однако практика межкультурной коммуникации показывает, что красота может одинаково восприниматься представителями разных культур, существуют идентичные стереотипы эстетической оценки. Осмысление отражения эстетической оценки человека в пословичной языковой картине мира с точки зрения аксиологического подхода включает систему ценностей как общечеловеческих, мировоззренческих, так и ценностей, присущих определённой лингвокультуре [2; 3, с. 34].

Изучение лингвистической категории эстетической оценки возможно с опорой на исследование концепта *красота*, поскольку он репрезентирует мотивы (основания) эстетической оценки. В данном исследовании предпринята попытка установить способы отражения положительной и отрицательной семантики эстетической оценки в русской и узбекской пословичных картинах мира, отражающих этнокультурные стандарты о красоте.

Материалом исследования послужили языковые факты, полученные методом

сплошной выборки из словарей русских¹ и узбекских² пословиц.

ОБСУЖДЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Познавая окружающий мир, человек формирует доминантные ценности, которые обусловлены избирательностью восприятия окружающей действительности и её осмысления. «К числу этих факторов традиционно относятся место рождения и проживания, условия жизни, профессиональная деятельность, социальные и бытовые отношения, ценности и ориентиры, целевые установки, повседневный опыт языкового общения и др.» [4, с. 38]. В научной литературе в отношении описания восприятия и осмысления окружающей среды используется термин «доминантный принцип».

По мнению Н.Н. Болдырева, доминантный принцип – это ориентация человека «на определённые знания, их структуру и содержание, коллективно или индивидуально значимые элементы и ценности» [4, с. 38; 5].

Пословицы и поговорки – это культурное наследие народа, в котором отражаются территориальные ценности, характерные для коллективного сознания соответствующих народов, проживающих, как правило, на этих территориях, когда знание об этих ценностях «предполагает наличие соответствующей характеристики у предмета мысли и иллюстрирует специфику языкового сознания и форм освоения мира в языке» [6, с. 302]. Из этого следует, что оценочный характер предполагает наличие элементов доминантной значимости с точки зрения коллективного знания, что свидетельствует о доминантном принципе организации языкового сознания, отражённого в паремических единицах. Ценностные приоритеты концепта «красота» на материале пословиц английского и русского языков были предметом рассмотрения О.Н. Тарасенко [7].

¹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа. Сборник поговорок, пословиц, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр. речений. М.: Изд-во «Алфа-книга», 2020. 984 с.

² *Калонтаров Я.И.* Мудрость трёх народов. Душанбе, 1989. 432 с.; *Мирзаев Т., Мусоқулов А., Саримсоков Б.* Узбекские народные пословицы. Ташкент: Изд-во «Шарк», 2019. 512 с.

Проведённый нами анализ оценочного представления о красоте в узбекской и русской пословичной языковой картине мира показал, что в обоих языках семантика понятия «красота» распределяется на следующие тематические группы:

- 1) обладание красотой;
- 2) притягивающая сила, хорошее явление, желаемое сердцем и душой;
- 3) чистый и без изъяна;
- 4) беспрецедентный, удивительный;
- 5) отношение к окружающим/к себе.

Репрезентация эстетической оценки человека отражает характерные образы и национальные стереотипы. Так, в тематической группе «Обладание красотой» для репрезентации эстетической оценки человека в качестве оснований для обладания красотой как ценностью выделяются определённые показатели.

Значимость для человека с точки зрения духовной составляющей

В русском языке:

*Красота до вечера, а доброта на век.
Своя жена – своя и краса.
Не гонись за красотой, а гонись за добротой.
Красивая женщина нравится глазам, а добрая – сердцу.
Красота не от моды, а от природы.
Красоту сразу видать, а характер не легко узнать.
Красота лица – в красоте характера.*

В узбекском языке:

*Усти бутун, ичи тутун – Снаружи красота, а внутри пустота.
Хусн тўйда керак, ақл кунда керак – Красота нужна на свадьбе, ум – всегда.
Чирой гусну жамолда эмас, фазлу камолда – Красота не в красоте, а в изяществе.
Яхшининг юзи офтобни илтир – Лицо доброго человека согреет солнце.
Оқ кўнгилнинг юзи кўркам – Лицо человека с добрым сердцем прекрасно.
Хушулқлик жамол, камтарлик камол – Хорошие манеры прекрасны, скромность совершенна.
Камтарлик ҳам бир хусн – Смирение также является добродетелью.*

Значимость как физическое преимущество перед другими

В русском языке:

*Красота без разума пуста.
Лицом красиво дерево, а одеждою – тело.
Коли хорош, так не хвались: тебя и так заметят.
Красивый вид человека не портит.
Где здоровье, там и красота.
Молодость не в годах, а в силе.
Молодость плечами покрепче, а старость – головою.
Не красит молодца одежда, сам собой молодец красен.
Не суди по силе рук, а суди по силе сердца.*

В узбекском языке:

*Хуснига боқма, ҳунарига боқ – Не смотри на красоту, а смотри, каков в работе.
Бозорнинг кўрки – баққол, Йигитнинг кўрки – соқол – Украшение базара – бакалейщик, украшение джигита – борода.
Сумбул тақимда, йигит кўзи унда – Когда девица наряжена, юноша не может свести глаз с неё.
Дарахт ер зийнати, кийим эр зийнати – Дерево – украшение земли, одежда – украшение человека.
Дарахтнинг хусни барги билан меваси – Дерево прекрасно плодами и листьями.*

Значимость в сравнении с каким-либо другим личностным качеством

В русском языке:

*Не родись красивой, а родись счастливой.
Не гонись за красотой, а гонись за добротой.
Красота лучше, а правда – нужнее.
Красота не ровна, молодость-то ровна.
Красота с умом редко уживаются.
Краса до венца, а ум до конца.
Красоту сразу видать, а характер не легко узнать.
Не ищи красоты, а ищи доброты.
Простота, чистота, правота – наилучшая красота.*

Ум – красота человека, сдержанность – спутник ума.

Ученье – красота, неученье – пустота.

В узбекском языке:

Одамнинг хуснига боқма, ақлига боқ – Дело не в красоте, а в уме.

Чўлоқ бўлса ҳам нўноқ бўлмасин – Будь он хоть хромым, лишь бы не растяпой (неумехой).

Яхшининг юзи офтобни илитар – Лицо доброго человека согреет солнце.

Қиз хусни юрагида – Красота девушки в сердце.

Қизнинг иси, гулнинг иси – Тепло девушки, аромат цветка.

Хавонинг тафтига боқ, одамнинг афтига – Погоду определяют по небу, человека – по лицу.

Ҳар қушининг қаноти ўзига яраша – У каждой птицы свои крылья.

Хусн ярим давлат, ярим офат – Красота – наполовину богатство, наполовину несчастье.

Асл одам ҳеч ўлмас – Настоящий человек никогда не умирает.

Бировнинг сўзи яхши, бировнинг ўзи – Чьё-то слово прекрасно, кто-то сам.

Как показывает материал в тематической группе «Обладание красотой», в русском языке выделяются пословицы с положительной и отрицательной семантикой, выделяются пословицы с оппозиционными отношениями (*красивый – счастливый, красота – доброта*). В русских пословицах стереотипом красоты является её связь с понятием «доброта».

В узбекском языке также выделяются пословицы с положительной и отрицательной семантикой и пословицы с контекстуальными оппозиционными отношениями (*красота – ум, красота – доброта*).

В тематической группе «Притягивающая сила, желаемое сердцем и душой» в качестве оснований для репрезентации эстетической оценки выделяются следующие признаки.

Потребность человека/желание видеть красоту вокруг себя как процесс эстетизации окружающего мира

В русском языке:

Дом красится хозяином.

Красотой сыт не будешь.

Красно гумно стогами, а стол – пирогами.

Красная девка в хороводе, что макон цвет в огороде.

Красно поле зерном, а беседа – умом.

Где хлебно да тепло, там жить добро.

Доброго человека в красный угол сажают.

В узбекском языке:

Соч ҳам бир хусн – И волосы придают красоту.

Супурги ернинг гусни, камтарлик эрнинг – Метла – дыхание земли, смирение человека.

Ўйга палос ярашар, хотинга либос – Ковёр идёт дому, платье идёт женщине.

Созли тордан нозли садо – Сладкий звук из музыкальной струны.

Обод бозорда сотилмас – Благополучие не продаётся на рынке.

Яхши одамий бўлар, ҳар ерга борса жой бўлар – У хорошего человека будет место, куда бы он ни пошёл.

Желание человека иметь/видеть красоту душевную

В русском языке:

Неказисто дерево, да вкусен плод.

Не родись красивым, а родись счастливым.

Ласковое слово и ласковый вид и свирепого к рукам приманит.

Доброму человеку весь мир – свой дом.

Золото и в болоте светится.

Всякий родится, да не всякий в люди годится.

Скромность – украшение человека.

Куда сердце лежит, туда и око глядит.

Своя честь – в своих руках.

Правдивый человек не покривит душой.

Доброго чти, а злого не жалей.

Добрый человек добру и учит.

Платье чёрненько, да совесть беленька.

В узбекском языке:

Хусн тўйда керак, муҳаббат кунда керак – Красота нужна на свадебном пиру, а любовь повседневно.

Ботирлик қалъа олади – Мужество завоёвывает дворцы.

Гап ҳуснда эмас, йўсинда – Дело не в красоте, а в доброте.

Дили тўғрининг тили тўғри – У правильного человека и язык правильный.

Ёғ хумчаси ташидан билинур – Горшок для масла можно узнать по звону. Камтарлик – киши беагаи – Скромность – это красота человека.

Кўз қаерда бўлса, меҳр ҳам шу ерда бўлади – Где глаза, там и любовь.

Ўзинг яхши – ўзга яхши – Сам добр – другие тоже добры.

Ҳар гулнинг ҳиди бошиқа – У каждого цветка свой запах.

Яхшидан бог қолар, ёмондан доғ қолар – Хороший оставляет сад, плохой оставляет пятно.

Яхшилик ерда қолмас – Добро не остаётся на земле.

Красота как знак, символ хорошего

В русском языке:

Что к лицу, то и красит.

Хорошие поступки красят человека.

Не по виду суди, а по делам гляди.

Иное зло и терпением одолеть можно.

Добрые умирают, да дела их живут.

Доброе дело в воде не тонет.

Не умеешь сделать хорошее, старайся не делать и дурного.

Соловей берёт пенем, а человек – умением.

Доброе дело без награды не останется.

Доброе дело два века живёт.

В узбекском языке:

Яхшига ҳар ранг ярашур – Хорошему любой цвет подходит.

Яхшидан бог қолар, ёмондан доғ қолар – Хороший оставляет сад, плохое оставляет пятно.

Яхшилик ерда қолмас – Добро не остаётся на земле.

Яхшилик қила олмасанг, ёмонлик қилма – Если не можешь делать добро, не делай зла.

Одам бўлиш осон, одамий бўлиш қийин – Легко быть человеком, трудно быть человеческим.

Одам одамнинг кўзгуси – Человек человеку зеркало.

Олтин олма дуо ол, дуо олтин эмасми – Не бери золото, а проси благословение, разве оно не золото?

Эзгукликнинг кечи йўқ – У добродетели нет конца и края.

Яхши боғу бўстон, ёмон қора қозон – Хороший поступок – это сад, а плохой – чёрный казан.

Красота как притягивающая сила

В русском языке:

Красив как чернослив.

Красота приглядится, а ум пригодится.

Не гонись за красотой, гонись за разумом.

Красавице ум не помеха.

Красота мужчины – ум, красота – ум женщины.

Краса до венца, а ум до конца.

Гору красит камень, человека – голова.

Здоровье не купишь – его разум дарит.

Красна речь умом.

Красен обед пирогами, река – берегами, сходка – головами.

Красно поле пшеном, а беседа – умом.

Непригож лицом, да хорош умом.

Душа у него нараспашку, а ум глубоко сидит.

Бери в работе умом, а не горбом.

В узбекском языке:

Сулув сулув эмас, суйган сулув – Не та красавица, что красива, а та красавица, что любима.

Ҳар гулнинг иси бошиқа – У каждого цветка свой аромат.

Билим кучда, куч – билимда – Знание – сила, сила – знание.

Виждон билан гулдур ҳақиқий одам – Настоящий человек тот, который полон совести.

Ер қуёш билан, инсон илм билан чарогон – Земля солнцем красна, человек знанием.

Тогнинг кўрки тош билан, одамнинг кўрки бош билан – Гора смотрится камнями, а человек – головой.

Қуш пати билан, инсон ақли билан гўзал – Птица прекрасна пером, человек умом.

Фикри равшаннинг сўзи равшан – Слова светлой головы ясны.

*Юзига қарама, билимига қара – Не смотри на лицо, смотри на его знания.
Яхши хислат, гўзал фазилят – Хорошая черта, красивая добродетель.*

Особо обращает на себя внимание русская пословица со словом «красава» с отрицательной коннотацией в значении «некрасивая». Ср.: «Такая красава, что в окно глянет, конь прынет; на двор выйдет, три дня собаки лают». В узбекском языке пословиц с отрицательной семантикой не найдено.

В тематической группе «Чистый и без изъяна» в качестве оснований для репрезентации эстетической оценки человека выделяется идеальное с точки субъекта оценки качество, как физическое, так и духовное / идеальный с точки зрения красоты, не наделённый негативными качествами. Ср.:

В русском языке:

*Аленький цветок бросается в глаза.
Красавица в румянах не нуждается.
Красная девка в хороводе, что маков цвет в огороде.
Красивый вид человека не портит.
Кому что идёт, то и красиво.
Что к лицу, то и красит.
Молодые что цветы, некрасивых не бывает.
Красуйся краса, пока вдоль спины коса: под повойник попадёт – краса пропадёт.
Красив как чернослив.
Красота лица – в красоте характера.
Красней красного солнышка, ясней ясного месяца.
Не красит молодца одежда, сам собой молодец красен.
И личиком бела, и с очей мила.*

В узбекском языке:

*Эркак киши қирққа кирса қирчилайди – Сороколетний возраст как период расцвета для мужчины.
Яхшининг юзи офтобни илтибар – Лицо доброго человека согреет даже солнце.
Асл одам ҳеч ўлмас – Настоящий человек бессмертен.
Бировнинг сўзи яхши, бировнинг ўзи – Некоторые словом прекрасны, некоторые – сами.*

Кишининг чиройи юзида – Красота человека в лице.

Олтин лойда ҳам олтин – Золото и в грязи золото.

Ой тунда керак, ақл кунда керак – Луна нужна ночью, а ум нужен днём.

Яхшидан боз қолар, ёмондан доғ қолар – Хороший человек оставляет сад, плохой – пятно.

Яхши хунук либос билан ҳам яхши – Добрый человек и в старом платье прекрасен.

Виждон билан гулдур ҳақиқий одам – Настоящий человек прекрасен чистой совестью.

Ер қуёш билан, инсон илм билан чарогон – Земля солнцем, человек – знанием.

Признак «Образцовость, незапятнанность плохими качествами, поступками / компенсация отсутствия красоты каким-либо качеством характера» в узбекских пословицах с отрицательной семантикой не отмечается.

В русском языке:

*Не взяла красотой, ластится лисой.
Женщине красота – домостройство.
Мир освещается солнцем, а человек знанием.
Не платье красит человека, а ум.
Добрая слава — золотое ожерелье.
Добрая слава рождается добрым делом.
Добрую славу легко потерять, от дурной славы трудно избавиться.
Как поживёшь, так и прослывёшь.
Жизнь дана на добрые дела.
Соловей берёт пением, а человек – умением.
Доброе дело без награды не останется.*

В узбекском языке:

*Кампирнинг дарди гозада – Старуха думает о румянах.
Яхши хотин – уйнинг гули – Хорошая жена – цветок дома.
Кўпни билган оз сўзлар, оз бўлса ҳам соз сўзлар – Кто знает много немногословен, и если говорит, то метко.
Яхши хислат, гўзал фазилят – Хорошая черта, красивая добродетель.*

Одамнинг хуснига баҳо берма ақлига баҳо бер – Не судите о внешности человека, судите о его уме.

Яхшиларга хизмат қилсанг, ҳам айтади, ҳам қайтади – Если вы служите хорошим людям, это будет и сказано, и возвращено.

Яхшилик юзда – Доброта налицо.

Яхшилик қил, дарёга ташла, балиқ билар, балиқ билмаса, холиқ билар – Сделай добро, брось его в реку, и рыба узнает, если рыба не знает, люди узнают.

Яхшилик қил. Уйингга айтма – Делай добро. Не говори своему дому.

В тематической группе «Беспрецедентный, удивительный» в качестве оснований для репрезентации эстетической оценки выделяется признак «Необыкновенность по каким-либо отдельным свойствам, характеристикам».

В русском языке:

Красота – товар не лежалый.

Ни глаза во лбу, ни зуба во рту.

Ласковое слово и ласковый вид и свирепого к рукам приманит.

Доброму человеку весь мир – свой дом.

Невелик сверчок, а громко поёт.

Каковы свойства, таковы и речи.

Каждый цветок со своим запахом.

Соловей берёт пенем, а человек – умением.

В узбекском языке:

Кўнгли қоранинг юзи қора – У кого душа чёрная, у того и лицо чёрное.

Яхшидан боз қолар, ёмондан доғ қолар – Хороший человек оставляет сад, плохой – пятно.

Яхшилик ерда қолмас – Добро не остаётся на земле.

Хавоси қандай бўлса, навоси ҳам шундай – Какова атмосфера, такова и мелодия.

Хар гулнинг ҳиди бошқа – У каждого цветка свой запах.

Ўзи йўқдек, товуши ўқдек – Сам маленький, а голос как пуля.

Тан пардози олтишгача, ақл пардози гўргача – Уход за телом до шестидесяти, уход за умом до гроба.

Ой тунда керак, ақл кунда керак – Луна нужна ночью, а ум нужен днём.

Олтин лойда ҳам олтин – Золото и в глине – золото.

По признаку «Вызывающий удивление, странный, обращающий на себя внимание» в русском языке преобладают пословицы с отрицательной коннотацией: *Мужик чуть краше чёрта – уже красавец; Видом орёл, а умом тетерев; Лицом не красив, да сердцем неспесив; Нет розы без шипов; С лица воду не пить, и с корявым можно жить; Неказист лицом, да тряхнёт молодцом; Доброе сердце, да голова безмозглая.*

В данной группе узбекских пословиц с положительной семантикой не найдено, не отмечаются пословицы с оппозиционными отношениями.

В тематической группе «Отношение к окружающим и к себе» в качестве оснований для репрезентации эстетической оценки человека выделяются следующие признаки.

Отражение духовного мира через внешние характеристики

В русском языке:

Коли хороши, так не хвались: тебя и так заметят.

Красив тот, кто красиво поступает.

Не глаза видят, а человек, не ухо слышит, а душа.

Добро тогда будет добро, когда люди похвалят.

Добрый конец всему делу венец.

Добрым словом и бездольный богат.

В узбекском языке:

Тоққа чиқмагунча дўлана қайда, жондан кечмагунча жонона қайда – Если не откажешься от жизни, то где же тебе видеть красавицу, а если не поднимешься в горы, то где же тебе видеть боярышник.

Гулни севган тиканини ҳам севади – Любишь розу, люби и шипы её.

Хавонинг тафтига боқ, одамнинг афтига – Погоду определяют по небу, человека – по лицу.

Бировнинг сўзи яхши, бировнинг ўзи – У некоторых слова хороши, а некоторые – сами.

Проявление положительных качеств к окружающим

В русском языке:

*Некрасив собою, зато честен душою.
Кто правдив, тот силён.
Не гляди, каков в плечах, – слушай, каков в речах.
Слово от сердца трогает другое сердце.
Добрый словом и бездомный богат.
Добрыми намерениями дорога в ад устлана.*

В узбекском языке:

*Ранг кўр – ҳол сўр – Посмотри на цвет лица, потом справляйся о здоровье.
Эрисига эт битар, суйрисига сун битар – Кривизна исправится, со временем поправится.
Яхши боғу бўстон, ёмон қора қозон – Хороший поступок – это сад, а плохой – чёрный казан.
Яхши булсанг, яқин кўп – Если ты добр, то близких становится много.
Яхши хислат, гўзал фазилят – Хорошая черта, красивая добродетель.
Яхшиларга хизмат қилсанг, ҳам айтади, ҳам қайтади – Если вы служите хорошим людям, это будет и сказано, и возвращено.*

Как показывает паремический материал, положительная семантика эстетической оценки человека в узбекской пословичной картине мира достигается посредством следующих способов:

- указания на отдельный признак/характеристику (*аромат, волосы, возраст*);
- наличие ассоциативных рядов (*жена – цветок*);
- присутствие оппозитивов (*снаружи – внутри*).

Положительная семантика эстетической оценки человека в русской пословичной картине мира достигается посредством следующих способов:

- конструкциями предложений (*своя жена – своя краса*);
- переходными глаголами (*придают, красит*).

В русском языке отрицательную семантику создают следующие способы:

- подчёркивание полного/частичного отсутствия положительного качества/признака (*до вечера – на век*);
- сравнительная характеристика положительного и отрицательного качества/признака (*неказистый – вкусный, некрасивый – честный, хорош – нехорош*);
- сравнение с объектом, имеющим негативное качество/признак, подразумевающее употребление «как» (*чернослив, чёрт, тетерев, ворона*);
- отрицание необходимости (*не будешь, не нуждается*);
- сравнения объектов на основе их негативного проявления (*очи – речи, красота – поведение, красота – душа*);
- указание на необходимость дополнительного признака для идеального состояния (*красота без разума пуста*).

Как видим, отрицательная семантика эстетической оценки в русской пословичной языковой картине мира отражается в большинстве случаев в отношении признака.

В узбекском языке репрезентация отрицательной семантики достигается за счёт:

- указания сферы значимости красоты (*красота на свадьбе, ум в работе*);
- отрицания и побудительного действия (*не смотри..., а смотри...*);
- оппозитивных отношений (*не в красоте, а в уме, красива – любима*);
- аналогий (*душа чёрная – лицо чёрное*);
- придаточных уступительных (*не обижайся, если...*).

Таким образом, в обоих пословичных языковых картинах мира семантическими признаками языковых единиц, репрезентирующих представление о красоте, выступают антропоцентрический, личностно-индивидуальный, ценностно-оценочный и эмоционально-оценочный. Каждый из этих признаков реализуется посредством языковых единиц, характерных для конкретного языка.

1. Антропоцентрический: пословицы обоих языков описывают качества человеческого характера, поведение, внешность, нормы поведения, эмоциональное и физическое состояние, а также ситуации межличностного взаимодействия. Ср.:

В русском языке:

*На инога възглянешь – картина, а раз-
глядишь – скотина (внешность).*

*Некрасив собою, зато честен душою
(нормы поведения).*

*Красота, как сила, молчалива, а спесь,
как слабость, говорлива (качество ха-
рактера).*

*Встречают по платью, провожают по
уму (межличностное взаимодействие).*

*Ворона в павлиньих перьях (эмоцио-
нальное состояние).*

*И толст, да прост, и телен, да делен
(физическое состояние).*

В узбекском языке:

*Гул ўсса – ернинг кўрки, қиз ўсса – эл-
нинг кўрки – Цветок растёт – красо-
та земли, девочка растёт – красота
народа (внешность).*

*Яхшига ҳар ранг ярашур – Хорошему
любой цвет подходит (нормы поведения).*

*Гулни севган тиканини ҳам севади –
Любишь розу, люби и шипы её (каче-
ство характера).*

*Эрисига эт битар, суйрисига сун
битар – Кривизна исправится, со вре-
менем поправится (межличностное
взаимодействие).*

*Гул тикансиз бўлмайди, гўшт – суяк-
сиз – Не бывает розы без шипов, а мя-
са – без костей (эмоциональное со-
стояние).*

*Букурни гўр тузатар – Горбатого мо-
гила исправит (физическое состояние).*

2. Личностно-индивидуальный: пословицы обоих языков, помимо универсальных базовых ценностей – качеств характера, отражают ценности воспитания, образования, индивидуального опыта.

В русском языке:

Не будь пригож, а будь пригоден.

*Дал бы бог дородство, а красоту сама
добуду (румяна).*

*Никчёмному человеку и красота не
нужна.*

*Пока красота спасёт мир, уроды её
погубят.*

Ученье – красота, неученье – простота.

В узбекском языке:

*Аввал ўзинга боқ, кейин ногора қоқ –
Сначала посмотри на себя, потом бей
в литавры.*

*Кал тегаман деди, кўр ноз қилди –
Плешивая согласна на замужество, а
слепой заупрямился.*

3. Ценностно-оценочный: пословицы обоих языков отражают эстетическую оценку человека, связанную с сопоставлением красоты с разными объектами оценки, имеющими ценность в данной лингвокультуре:

– в русском языке преобладающими ценностями являются честность, внутренняя красота души, наличие умственных способностей, доброта, счастье (репрезентанты: *добрый, счастливый, хороший, умный, честный* и др.);

– в узбекском языке чаще всего идёт отсылка на ценности добра, умственные способности, разумность, семейное счастье (репрезентанты: *добрый, хороший, счастливый, жена* и др.).

4. Эмоционально-оценочный: пословицы отражают различные аффективные реакции человека и достаточно устойчивы в языке (ненависть, восхищение, страх, симпатия и т. д.), что является основными свойствами национальных стереотипов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ пословиц показал, что русское и узбекское мироощущение бинарно, однако национальная специфика каждого языка имеет определённые стереотипы.

В русской лингвокультуре:

– стереотип мужчины: чувство собственности (*своя жена – своя краса*), хозяин дома, важность ума;

– стереотип женщины: олицетворение красоты, обладание привлекательной внешностью, недостаточность красоты для счастья;

– стереотип красоты: красота – временна, красота – внешняя и красота внутренняя, красота интеллектуальная.

В узбекской культуре:

– стереотип мужчины: внешность для мужчины не важна, важны ум, трудолюбие;

– стереотип женщины: олицетворение красоты, обладание привлекательной внешностью, недостаточность красоты для счастья;

– стереотип красоты: красота – временна, красота внешняя и красота по отношению к другим (*доброта, честность*), красота внешняя и красота интеллектуальная.

Анализ фактического материала подтверждает существование в сознании носителей языка моделей красоты, каждая из которых задана определённым «узором» эстетических предпочтений. Эти предпочтения

представляют собой способ интерпретации красоты с позиции разных субъектов, которая осуществляется ими на основе особой иерархии частных ценностей, определяющих аксиологический итог – результирующую эстетическую оценку.

В целом стереотипы в обеих лингвокультурах практически совпадают, что объясняется выделенными ранее аналогичными тематическими группами и семантическим сходством большинства пословиц.

Список источников

1. Буряковская В.А. Признак этничности в семантике языка (на материале русского и английского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2000. 23 с.
2. Мякишева Е.В. Эстетическая оценка человека в современном русском языке: лингвистический и лингвокультурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Омск, 2009. 22 с.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология. М., 2001. 208 с.
4. Болдырев Н.Н. Доминантный принцип организации языкового сознания // Когнитивные исследования языка: Интегративные процессы в когнитивной лингвистике: материалы Междунар. конгр. по когнитивной лингвистике / отв. ред. вып. Т.В. Романова. Н. Новгород: Изд-во ДЕКОМ, 2019. Вып. 37. С. 37-43. <https://www.elibrary.ru/uhvauj>
5. Болдырев Н.Н. Язык и структура сознания // Когнитивные исследования языка. 2016. Вып. 24. С. 35-48. <https://doi.org/10.20916/2071-9639-2016-24-35-48>
6. Щербак А.С. Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 301-304. <https://elibrary.ru/ffvvyv>
7. Тарасенко О.Н. Концепт «красота» в паремиологическом представлении // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. № 6-1. С. 350-353. <https://www.elibrary.ru/pkisyj>

References

1. Buryakovskaya V.A. *Priznak etnichnosti v semantike yazyka (na materiale russkogo i angliyskogo yazykov): avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Sign of Ethnicity in the Semantics of the Language (on the Material of Russian and English Languages). Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Volgograd, 2000, 23 p. (In Russian).
2. Myakisheva E.V. *Esteticheskaya otsenka cheloveka v sovremennom russkom yazyke: lingvisticheskiy i lingvokul'turologicheskiy aspekty: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Aesthetic Assessment of a Person in the Modern Russian Language: Linguistic and Linguoculturological Aspects. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Omsk, 2009, 22 p. (In Russian).
3. Maslova V.A. *Lingvokul'turologiya* [Linguoculturology]. Moscow, 2001, 208 p. (In Russian).
4. Boldyrev N.N. Dominantnyy printsip organizatsii yazykovogo soznaniya [Dominant principle of linguistic cognition organization]. *Materialy Mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoy lingvistike: «Kognitivnyye issledovaniya yazyka: integrativnyye protsessy v kognitivnoy lingvistike»* [Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics: "Cognitive Language Studies: Integrative Processes in Cognitive Linguistics"]. Nizhni Novgorod, DEKOM Publ., 2019, issue 37, pp. 37-43. <https://www.elibrary.ru/uhvauj>. (In Russian).
5. Boldyrev N.N. Yazyk i struktura soznaniya [Language and the structure of cognition]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Language Studies*, 2016, issue 24, pp. 35-48. <https://doi.org/10.20916/2071-9639-2016-24-35-48>. (In Russian).
6. Shcherbak A.S. Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema [Onomastic consciousness as a cognitive-language system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Language Studies*, 2020, no. 3 (42), pp. 301-304. <https://elibrary.ru/ffvvyv>. (In Russian).

7. Tarasenko O.N. Kontsept «krasota» v paremiologicheskom predstavlenii [The concept of “beauty” in the paremiological presentation]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo – Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 6-1, pp. 350-353. <https://www.elibrary.ru/pkisyj>. (In Russian).

Информация об авторе

Абдуллаева Раъно Хикматовна, преподаватель кафедры русского языка, Самаркандский государственный университет им. Ш. Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, ORCID: 0000-0003-4024-714X, abdullaeva14rano@mail.ru

Вклад в статью: анализ литературы, концепция исследования, сбор фактического материала, написание текста статьи, редактирование.

Поступила в редакцию 05.09.2022
Одобрена после рецензирования 03.10.2022
Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Rano K. Abdullaeva, Lecturer of the Russian Language Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidova, Samarkand, Republic of Uzbekistan, ORCID: 0000-0003-4024-714X, abdullaeva14rano@mail.ru

Contribution: literature analysis, research concept, collection of factual material, manuscript text drafting, editing.

The article was submitted 05.09.2022
Approved after reviewing 03.10.2022
Accepted for publication 07.10.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ THEORY AND HISTORY OF CULTURE

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 008

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-861-868

Урбанизм и этическое: параметры взаимосвязи в пространстве города

Ирина Николаевна СЕРТАКОВА

ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина»

392000, Российская Федерация, г. Тамбов, ул. Интернациональная, 33

✉ irinaserdakova@yandex.ru

Аннотация. Проведён культурно-философский анализ урбанизма в контексте этического в пространстве города. Отмечена актуальность урбанистических теорий и основных проблем, нашедших в них отражение. Подчёркнута важность и востребованность аксиологического аспекта в изучении урбанизации как подхода, предполагающего комплексное исследование наиболее общих черт и тенденций урбанизма, определение культурного и духовного потенциала развития городов, прогнозирование. Опора на теории ценностей позволила ввести термин «урбанистическая цивилизация» – специфическая система, в которую включены современные города со своей социальной, экономической структурами. Функционирование этих структур тесно связано с мышлением человека, образом жизни, этикой, культурой городской среды. «Этическое» – понятие, в наиболее общей форме отражающее духовно-практическую сторону жизни людей, нравственность, культурные нормы-ценности, чувства и переживания, интеллектуальное осмысление культуры социума, индивидуальные и коллективные мировоззренческие позиции. Рассмотрены этические категории «счастье» и «ненависть» как результат существования человека в городском пространстве. Выявлена взаимосвязь «этического» и культурного потенциала города. Сделан вывод об актуальных задачах улучшения городов, которые должны не только иметь направленность на социально-экономическое развитие, но и учитывать этическую составляющую, приближать человека к духовным ценностям.

Ключевые слова: урбанизм, этическое, пространство города, духовность, ценности

Для цитирования: Сертакова И.Н. Урбанизм и этическое: параметры взаимосвязи в пространстве города // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 861-868. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-861-868>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Urbanism and ethical: relationship parameters in city space

Irina N. SERTAKOVA

Derzhavin Tambov State University
33 Internatsionalnaya St., Tambov 392000, Russian Federation
✉ irinasertakova@yandex.ru

Abstract. We conduct a cultural and philosophical analysis of urbanism in the context of ethical in the city space. We note the relevance of urban theories and the main problems reflected in them. We emphasize the importance and relevance of the axiological aspect in the study of urbanization as an approach that involves a comprehensive study of the most common features and trends of urbanism, the definition of the cultural and spiritual potential of urban development, and forecasting. The reliance on the theory of values made it possible to introduce the term “urban civilization” – a specific system that includes modern cities with their own social and economic structures. The functioning of these structures is closely related to human thinking, lifestyle, ethics, culture of the urban environment. “Ethical” is a concept in the most general form reflecting the spiritual and practical side of people's lives, morality, cultural norms-values, feelings and experiences, intellectual understanding of the culture of society, individual and collective worldview positions. We consider the ethical categories of “happiness” and “hate” as the result of human existence in the city space. We reveal the relationship between the “ethical” and cultural potential of the city. We conclude that the urgent tasks of improving cities, which should not only focus on socio-economic development, but also take into account the ethical component, bring people closer to spiritual values.

Keywords: urbanism, ethical, city space, spirituality, values

For citation: Sertakova I.N. Urbanizm i eticheskoye: parametry vzaimosvyazi v prostranstve goroda [Urbanism and ethical: relationship parameters in city space]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 861-868. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-861-868> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Концепция урбанизма на сегодняшний день является одной из тем, которая не только не теряет своей актуальности, но и прирастает всё большим количеством исследовательских проблем, связанных с ростом городов и их значением в мировой культуре. Урбанистические теории, имеющие объектом своего исследования прежде всего мегаполисы, делают упор на рассмотрение города как специфического пространства, характеризующегося интегративностью и комплексностью – как среды, включающей в себя сферы экологической, градостроительной

деятельности, социальных отношений. Традиционно большое внимание уделяется социальным практикам, осуществляемым в рамках городского пространства. В числе актуальных тенденций, которые закономерно нарастают и приобретают всё большее значение, называют: ослабление межличностных связей; размывание границ, фрагментарность и формальность личного и межгруппового общения; дистанцирование, маргинализацию; ухудшение экологической обстановки; неправильное зонирование городского пространства, наносящее вред телесному и душевному здоровью городского жителя и многие другие.

Став предметом изучения классической социологии города (Г. Зиммель и др., Чикагская социологическая школа), рассмотрение вопроса урбанизации было продолжено в трудах таких исследователей, как Я. Гейл, М. Кастельс, Х. Вилем, Л. Гемзо, Р. Ллойд, Т. Кларк, Ч. Монтгомери и др. Отечественная социология и культурология города связаны с именами Л.Н. Когана, О.Н. Яницкого, Н.А. Аитова, А.В. Баранова, Э.А. Орловой и др.

Изучение истории и современных проблем градостроительства опирается как на классические труды (Ле Корбюзье и др.), так и на множество работ зарубежных и отечественных авторов (Л.М. Сабсовича, В.Г. Давидовича, В.И. Переведенцева, Д.Г. Ходжаева, Б.О. Хорева, В.Л. Глазычева, А.В. Степаненко и др.), где акцентировано внимание на пространственных, архитектурных, демографических аспектах существования города. Экологию города в её связи с вопросами развития цивилизации рассматривали Л. Браун, Д. Кригер, Г. Уортер, Е. Шумахер и др. Вопросы будущего городов разрабатывались И.В. Бестужевым-Ладой.

Аксиологические аспекты урбанизации рассматриваются в современных культурологических и философских концепциях в русле этики и эстетики (С.А. Власов, В.В. Фёдоров, В.А. Сачкова и др.). В настоящее время вопросам урбанизации посвящается достаточное количество диссертационных исследований. Осуществляются идеи, направленные на улучшение города, различными группами учёных и практиков, занятых в реализации программ развития городской среды. Ценностные теории урбанизма на современном этапе развития цивилизации являются востребованными, поскольку по сути своей изначально предполагают использование комплексного, междисциплинарного подхода к этому феномену. Очевидно, что рассматривать проблемы города с одной или двух позиций не представляется возможным и верным. По мнению авторов исследования «Городская устойчивость: новая этика и системные перемены», «все городские решения требуют междисциплинарного подхода, включения в диалог жителей города и общей ответственности за результаты. Сотрудничество на всех уровнях важно для повышения общей экспертизы, осведомлённости и го-

родской инклюзии»¹. Кроме того, аксиологический ракурс даёт возможность не только анализировать актуальное состояние городской культуры, но и делать прогнозы на будущее, выявляя наиболее общие черты и тенденции. Опора на теории ценностей позволяет исследователям вводить термин «урбанистическая цивилизация – особая мыслительная конструкция и одновременно реально существующая система социальной организации, имеющая универсальный характер, охватывающая территорию Земли, объединяющая города как специфические типы населённых пунктов (в противовес сельским поселениям) с особым экономическим укладом, системой управления, образом жизни, культуры и т. д.» [1]. Тесная взаимосвязь мышления, образа жизни, этики, культуры в городской среде образует специфический пласт урбанизма.

Поставленная проблема обусловила цель работы – культурно-философский анализ урбанизма в контексте этического в пространстве города.

УРБАНИЗМ И ЭТИЧЕСКОЕ

Приступая к рассмотрению понятия «этическое», следует отметить, что эта категория в наиболее общей форме отражает духовно-практическую сторону жизни людей, основанную на понятиях нравственности, культурной нормы-ценности, чувствах и переживаниях, интеллектуальном осмыслении культуры социума, индивидуальных и коллективных мировоззренческих позициях. Человек постоянно находится в поле этического, в полной мере ощущает его дуализм, что, в свою очередь, приводит к переживанию всего спектра эмоций и вместе с тем способствует интенсивной интеллектуальной работе, оцениванию окружающего пространства, формулированию проблемы и способов её преодоления. Перечисленные аспекты жизни человека складываются под влиянием всей системы духовной и материальной культуры, включая природно-ландшафтную составляющую, что, в свою очередь, позволяет осуществить переход к прослеживанию

¹ Городская устойчивость: новая этика и системные перемены. М.: Изд. деят. Москомархитектуры, 2020. С. 6.

взаимосвязи пространственного, урбанистического и нравственного.

К настоящему времени было написано немало работ как научного, так и научно-популярного характера, посвящённых влиянию тенденций урбанизации на этическое в человеке. В частности, всесторонне рассматривается категория «счастье» как условие комфортного существования человека в городе. При этом следует оговорить следующий момент, что счастье, подобно множеству других философских категорий, не может детерминироваться однозначным образом. Могут быть различные точки зрения на то, что именно каждый вкладывает в понятие счастья, какими инструментами и методами его измерять, какой эффект оно оказывает на личность, существует ли оно вообще. Тем не менее, в этике счастье определяется как особое чувство удовлетворённости своим бытием, связывается с ощущением осмысленности жизни, «исследуется социально-этический образ счастья и ставится проблема его идентификации, то есть соотношения с философскими идеями или универсалиями (категориями) свободы, любви, смысла жизни, которые особое место приобрели у Эпикура, стоиков, в русской философии и литературе. Идеал счастливой жизни – та сила, которая формирует всю систему ценностных ориентаций личности и общества» [2, с. 231].

Рассмотрение этической проблемы счастья неизбежно требует постановки следующего вопроса: что нужно человеку для счастья? А в контексте анализа городской жизни вопрос целесообразно поставить следующим образом: что нужно для счастья жителю крупного города? Как отмечает Л. Гордон – научный редактор книги Чарльза Монтгомери «Счастливый город. Как городское планирование меняет нашу жизнь», – существует «взаимосвязь между устройством жизни в городе, дизайном городской среды и внутренним состоянием горожан, их действиями и общей культурой жизни общества» [3]. Отмечается, что счастье находится на пересечении внешнего и внутреннего, личного и коллективного. В целом, удовлетворение потребностей в движении, общении, красоте, возможность побыть на природе и чувство равенства позволяют человеку почувствовать себя счастливым. Иными словами, развитие этиче-

ского в городском пространстве и за его пределами, соответствующая этой цели трансформация городов способны улучшить духовную и материальную сферы жизни горожанина. Согласно Ч. Монтгомери, человек обычно в стремлении к счастью обращается к духовным практикам, религии или посещает психологические тренинги, в то же время упускается из виду, что сам город может выступать «инструментом счастья». Для этого необходимо изменять традиционные городские формы и системы, правильно организовывать общественное пространство.

Анализ актуальных урбанистических тенденций указывает на наличие как позитивных, так и негативных перспектив. К позитивным, как правило, относят деиндустриализацию городов, увеличение количества «зелёных зон», ограничение пространства для личного автотранспорта в пользу общественного, создание пешеходных и велосипедных зон, отказ от планов по строительству скоростных эстакад, эксперименты с формой и высотой зданий (например, планирование городского квартала таким образом, чтобы высотные здания чередовались с более низкими и не закрывали обзор на загородные природные объекты), акцентирование на дизайне и стиле. Вместе с тем предполагается, что вышеописанные черты современного города могут способствовать повышению не только уровня и продолжительности жизни проживающего здесь населения, но и его уровня душевного состояния.

К негативным перспективам, характерным в основном для крупных городов, мегаполисов, относят перенаселённость, перегруженность транспортом, превышение допустимого уровня загрязнения и отходов. Негативный прогноз при бездействии для решения этих проблем предполагает ухудшение функционирования городских систем, вплоть до коллапса. Средние и малые города, а также пригороды имеют собственные проблемы, такие как монофункциональность, демографический спад, люмпенизация, ухудшающаяся экология, неудобная инфраструктура, отдалённость места жительства от места работы и др. Очевидно, что перечисленные проблемы не способствуют ощущению удовлетворённости жизнью, а напротив, формируют стремление к отчуждённости,

озлоблению, агрессивному действию, ненависти.

Ненависть становится объектом размышления Ж. Бодрийера в лекции «Город и ненависть». Размышления философа выстраиваются вокруг человека не только как субъекта создания городской среды, что характерно для множества урбанистических исследований, но и как объекта влияния городского пространства. Город формирует мировоззрение человека, включённого в это пространство. Рассматривается роль современного информационного общества в выстраивании образа городской среды. Становится ясным, что положение человека в городе и его ощущения обусловлены не только внешними факторами, проблема приобретает философскую глубину. Лекция начинается с упоминания окраин городов, пригородов и проблем молодёжи, вынужденной проживать там. Ж. Бодрийер говорит: «Во мне сидит ненависть» – выражение почти безличное, оно означает не столько субъективную эмоцию или субъективное состояние, сколько объективную и беспричинную ярость, рождающуюся в городской пустыне, прежде всего в пригородах, превращённых в настоящую свалку. Тот факт, что окраинная «преступность» приобрела невиданный размах (ведь фильм, подобный «Ненависти», можно снимать хоть каждый день), свидетельствует о том, что перед нами целостное общественное явление, в котором находит своё отражение определённый универсальный процесс – процесс концентрации населения и увеличения производства отходов. Речь идёт о всемирной проблеме отбросов, ибо, если насилие порождается угнетением, то ненависть зарождается, когда человека отправляют на помойку» [4]. Как вся естественная среда переполнена отбросами, так и сами люди превращаются в отбросы. Причины этого усматриваются в отношении современного человека массы к ценностям, а вернее в равнодушии к ним: «Понятие отбросов следует модифицировать и расширить. Материальные, количественные отбросы, образующиеся вследствие концентрации промышленности и населения в больших городах – это всего лишь симптом качественных, человеческих, структурных отбросов, образующихся в результате предпринимаемой в глобальном

масштабе попытки идеального программирования, искусственного моделирования мира, специализации и централизации функций (современная метрополия очевидным образом символизирует этот процесс) и распространения по всему миру этих искусственных построек» [4]. Ж. Бодрийер отмечает избыточность общения, взаимодействия в современном городе, которые лишь «маскируют процесс опустошения и опустынивания» в нём. Всё положительное превращается в отрицательное, исчезла определённая; интеллектуальное, эмоциональное, ценностное пространство человека прозрачно и ничем не защищено. Как итог – ненависть человека не только по отношению к окружающему, но и к самому себе.

Основываясь на вышесказанном, в контексте мировоззренческих и этических вопросов можно прийти к выводу, что проблема жителя современного крупного города заключается в его нахождении между желанием счастья и стремлением к нему, с одной стороны, и возрастающей ненавистью – с другой. Выход данной проблемы для человека из области иррационального, интуитивного, ощущаемого в область осознанности приводит его к смене мировоззренческих позиций или даже кризису.

Последствия определения позиции городского большинства или массы наблюдаются чётко в духовном пространстве современного города. Среди таких последствий, как правило, отмечают характерный практицизм (или цинизм как крайняя его форма) в отношениях между людьми; отсутствие осознания себя как части городского сообщества, игнорирование друг друга. Возрастающий индивидуализм воспринимается как некая свобода, но никогда не приводит ещё и к равенству. Человек, в силу своей должности и статуса, влияющий на принятие решений в сфере планирования городского пространства, как правило, следует традиции и всячески поддерживает и укрепляет ценности индивидуализма, поскольку сам является частью этой системы; те же жители города, которые понимают свободу и равенство иначе, зачастую не могут принимать какие-либо решения. Определение своего дома как своей крепости – это глубокая традиция индивидуализма и собственности. Итоги её соблю-

дения в современной городской среде наблюдаемы повсеместно: чёткое зонирование районов, жилых комплексов, отдельного дома. Подобное зонирование выражено не только на ментально-духовном и социально-экономическом уровне (элитные районы, жильё для среднего класса, для небогатых, пригород, гетто), но и на вполне конкретном материально-пространственном. Если раньше наличие забора или ограды было характерно в основном для особняков, а пространство вокруг многоквартирного дома воспринималось как общественное, то в настоящее время стремление оградить себя от «другого», от общественного, характерно для жителей многих домов. Таким образом, житель современного города становится полноправным членом «урбанистической цивилизации» и вместе с тем частью обезличенного городского пространства и человеческой массы, не связанной внутри себя пониманием и следованием принципам этического. Этическое, как известно, по своей сути предполагает наличие рядом «другого», с кем можно было бы выстраивать связи и формировать отношения.

Вместе с тем тенденции развития современных крупных городов нельзя оценивать исключительно в негативном ключе. В XXI веке актуализируются новые теории и модели формирования городской среды. Отметим, что, как правило, в основе программ развития не лежит понятие и стремление улучшить этическое, а скорее закладываются требования постиндустриального информационного общества (экономической конкуренции, туристического бизнеса, комфорта и др.). Не следует также оспаривать тот факт, что перечисленные факторы могут как усиливать бездуховность современного общества, так и способствовать социокультурному развитию: в том случае, когда планирование создания новых или усовершенствование существующих городских территорий преследует важные стратегические цели стимулирования интеллектуального, культурного развития, творчества, здоровья человека.

Современные исследователи отмечают возрастающее число попыток решить задачу социокультурного преобразования городской среды. Выявляются основные направления преобразования: преодоление тотального

влияния индустриализации на облик городов и повышение качества жизни в крупных городах с высокой плотностью населения. Под качеством жизни понимается не только комфорт и инфраструктура, возможность совершать пешеходные прогулки и дышать свежим воздухом, но и улучшение психологического состояния человека, создание условий для отдыха и общения. Также острой проблемой остаётся оценка необходимости возрождения пришедших в упадок индустриальных районов и городов и тех мер, которые могут быть приняты для исправления ситуации, раскрытия культурного потенциала территорий. Изучение культурно-имиджевого потенциала городского пространства является важным инструментом для реализации стратегий улучшения среды города и включает в себя такие компоненты, как управленческий потенциал, креативный потенциал, социальный, культурно-символический, дизайн среды территории, событийно-эмоциональный потенциал, инфраструктурный потенциал (классификация предложена А.В. Поповым) [5]. Данную классификацию, на наш взгляд, необходимо пополнить понятием этического потенциала. Иными словами, используя упомянутые выше этические категории при оценке культурного потенциала города, следует учесть ответ на вопрос о том, какое чувство будет испытывать человек, находящийся на этой территории: приблизится ли он к ощущению счастья и равенства, будет стремиться к налаживанию связей и общению или, напротив, укрепит в себе чувство отчуждённости и ненависти. Этическое должно пронизывать все уровни – от управленческих решений до ответной реакции тех, на кого направлены эти решения. Так, лица, принимающие решения по управлению городом, руководствуются не только категорией воли, но также знания и блага. Креативная составляющая направлена на создание идей воплощения этического в конкретном действии и продукте. Социальный потенциал предполагает партнёрство и налаживание взаимодействия. Культурно-символический потенциал основывается на понятиях исторической памяти и культурного наследия. Дизайн среды улучшает её восприятие, связывает этическое и эстетическое. Событийно-эмоциональный потенциал гово-

рит сам за себя – это насыщенность и уникальность положительных эмоций в человеке. Инфраструктурный потенциал предполагает такое расположение объектов городского пространства, которое также будет способствовать положительной эмоции и убирать отрицательную (например, агрессия в результате долгого стояния в транспортной пробке, усталость в пути по причине удалённости культурного объекта от места жительства или работы и т. п.). Продолжая тему социокультурного потенциала города, О.В. Петровская полагает, что «урбанизм последних лет всё в большей степени склоняется к формированию такой среды в городском пространстве, которая стимулировала бы благоприятный социальный климат и общение, творческий и интеллектуальный потенциал жителей, повышение качества жизни [6, с. 33].

В то же время следует отметить, что, несмотря на общие для городов тенденции динамики развития, осуществляемые преобразования в разных типах городов имеют свою специфику. В урбанистической цивилизации «каждый город занимает особое место как на локальном уровне (области, страны), так и на глобальном (международном). Отсюда различен их «удельный вес», значение в мире» [1]. Из констатации положения о важности учёта специфики городов следует вывод, что её нужно учитывать и при формировании городской среды с целью сохранения этического. Например, для малых городов, где высока доля коренных жителей (в отличие от столиц, мегаполисов), сфера этического часто присутствует в проблеме идентичности, памяти, сохранения «корней». «Выступающие за поддержку малых территорий в значительной степени оперируют культурологическими понятиями: духовная культура, народная культура, идентичность, духовная связь с местом рождения и проживания. Акцент сделан на утверждении того, что у населения малых территорий есть потенциал развития, там проживают инициативные представители различных общественных групп, демонстрирующие готовность к активной работе по улучшению своих городских и сельских территорий. Поэтому их нужно не переселять в крупные городские агломерации, где они рискуют потерять свои культурные корни и в целом не реализоваться, а сле-

дует создавать благоприятные условия для роста культурного потенциала и развития на местах» [7, с. 127].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проблемы современных городов на данном этапе развития цивилизации, которая исследователями характеризуется как «урбанистическая» по своей сути, уже не носят локальный характер, а представляют собой вызовы мирового масштаба. Климатические, экологические проблемы вкупе с острыми социальными вопросами требуют комплексного подхода к их решению. В дискуссиях, касающихся развития городов, отчётливо прослеживаются два тренда: трансформация и устойчивость, тем самым подчёркивается необходимость изменений в городской среде и стабильность в ней того позитивного, что может быть наработано. Сейчас с уверенностью можно сказать, что актуальность темы будет возрастать и исследоваться на всех уровнях: природном, социальном, духовно-ценностном. Более глубокий анализ темы позволяет утверждать, что при рассмотрении проблемы урбанизма как среды, создаваемой человеком для самого себя, невозможно игнорировать исследование этического в городском пространстве. Ощущения счастья, удовольствия, равенства или, напротив, отчуждённость и ненависть прямым образом зависят от окружающего (архитектуры, транспорта, зон работы и отдыха, социума и т. п.) и многократно усиливаются в среде города, где большинство людей замкнуты в рамках определённого пространства, составляющего их повседневность. Город должен давать человеку возможность свободы выбора образа жизни, радоваться, получать эстетическое удовольствие от архитектуры и природы, сводить к минимуму сложности, поддерживать чувство контроля, способствовать здоровью, позитивному размышлению о смысле жизни, укреплять социальные связи.

Таким образом, заявляя трансформацию и устойчивость как актуальные задачи развития городов, следует иметь в виду, что их выполнение должно приближать человека к цели высшего духовного порядка – повышать уровень счастья и ощущение равенства, а не сохранять всеми силами достигнутый

статус развитой технической, экономической, информационной цивилизации со всеми её многочисленными проблемами.

Список источников

1. Сачкова В.А. Урбанизация как социальный процесс: философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2013. 24 с.
2. Шамсетдинова А.П. Социально-этический образ счастья и проблема его идентификации // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2007. № 3 (8). С. 231-235.
3. Гордон Л. От научного редактора // Монтгомери Ч. Счастливый город: как городское планирование меняет нашу жизнь / науч. ред. Л. Гордон; пер. с англ. Ю. Константиновой. М.: ООО «Манн, Иванов и Фербер», 2019. С. 5-6.
4. Бодрийяр Ж. Город и ненависть // Логос. 1997. № 9. С. 107-117.
5. Попов А.В. Культурно-имиджевый потенциал поселений Пермского края: методика и оценка // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 1. С. 98-106.
6. Петровская О.В. Современные теории развития урбанизма // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4 (80). С. 31-36.
7. Климкина Т.А., Сертакова И.Н. Развитие культуры малых территорий: дискуссионность вопроса и стратегий // Державинский форум. 2021. Т. 5. № 17. С. 123-129.

References

1. Sachkova V.A. *Urbanizatsiya kak sotsial'nyy protsess: filosofskiy analiz: avtoref. dis. ... kand. filos. nauk* [Urbanization as a Social Process: a Philosophical Analysis. Cand. phil. sci. diss abstr.]. Moscow, 2013, 24 p. (In Russian).
2. Shamsetdinova A.P. *Sotsial'no-eticheskiy obraz schast'ya i problema ego identifikatsii* [Socio-ethical image of happiness and the problem of its identification]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki – Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, 2007, no. 3 (8), pp. 231-235. (In Russian).
3. Gordon L. *От научного редактора* [From scientific editor]. In: *Montgomeri C. Schastlivyy gorod. Kak gorodskoye planirovaniye menyayet nash'ch zhizn'* [Happy City. How City Planning is Changing Our Lives]. Moscow, LLC “Mann, Ivanov and Ferber”, 2019, 365 p. (In Russian).
4. Bodriyyar Z. *Gorod i nenavist'* [City and Hate]. *Logos*, 1997, no. 9, pp. 107-117. (In Russian).
5. Popov A.V. *Kul'turno-imidzhevyye potentsial poseleniy Permskogo kraya: metodika i otsenka* [Cultural image potential of Perm Region (Russia) settlements: methods and estimations]. *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya* [Cultural and Human Geography], 2012, vol. 1, no. 1, pp. 98-106. (In Russian).
6. Petrovskaya O.V. *Sovremennyye teorii razvitiya urbanizma* [The modern theories of the development of urbanism]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza – Scientific Thought of Caucasus*, 2014, no. 4 (80), pp. 31-36. (In Russian).
7. Klimkina T.A., Sertakova I.N. *Razvitiye kul'tury malykh territoriy: diskussionnost' voprosa i strategiy* [Development of small territories culture: the controversial nature of the issue and strategies]. *Derzhavinskiy forum – Derzhavin Forum*, 2021, vol.5, no. 17, pp. 123-129. (In Russian).

Информация об авторе

Сертакова Ирина Николаевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории и философии, Тамбовский государственный университет им. Г.П. Державина, г. Тамбов, Российская Федерация, ORCID: [0000-0002-9812-855X](https://orcid.org/0000-0002-9812-855X), irinasertakova@yandex.ru

Вклад в статью: общая концепция статьи, анализ материала, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 06.05.2022
Одобрена после рецензирования 05.07.2022
Принята к публикации 29.08.2022

Information about the author

Irina N. Sertakova, Candidate of Philosophy, Associate Professor of History and Philosophy Department, Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, ORCID: [0000-0002-9812-855X](https://orcid.org/0000-0002-9812-855X), irinasertakova@yandex.ru

Contribution: main study conception, material analysis, manuscript text drafting.

The article was submitted 06.05.2022
Approved after reviewing 05.07.2022
Accepted for publication 29.08.2022

Неофилология

Neofilologiya = Neophilology

ISSN 2587-6953 (Print)

<http://journals.tsutmb.ru/neophilology/>

ISSN 2782-5868 (Online)

Перечень ВАК, РИНЦ, DOAJ, Ulrich's Periodicals Directory, EBSCO, ResearchBib, CrossRef, НЭБ «eLIBRARY.RU», ЭБ «КиберЛенинка»

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 81'373; 800.1(082)

DOI 10.20310/2587-6953-2022-8-4-869-874

Отражение ономакультурологических знаний в произведениях Алишера Навои

Диана Рашидовна КАДЫМОВА

Самаркандский государственный университет им. Шарофа Рашидова
140100, Республика Узбекистан, г. Самарканд, ул. Университетский бульвар, 15

✉ kadimovadiana1001@gmail.com

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению корректности перевода названия поэмы Алишера Навои «Лейла и Меджнун», когда возникают сложности при расположении последовательности антропонимов: женское имя и мужское имя или мужское имя и женское имя в названии поэмы. Установлено, что Алишер Навои мог сознательно использовать в двухсловном антропонимическом словосочетании женское имя перед мужским прозвищем, нарушая тем самым восточную традицию линейной последовательности расположения: сначала мужское, а затем женское имя. Данный факт может служить доказательством специфики индивидуально-авторской поэтической картины мира Алишера Навои, всемирно известного восточного мыслителя и поэта XV века. Доказано, что семантическое содержание прозвища с оценочной семантикой влюблённого человека репрезентирует авторскую поэтику персонажного мира Алишера Навои (называние прозвищного имени; этимология прозвищного имени; возраст персонажа, носящего прозвищное имя; наличие у прозвищного имени сопровождающих его нарицательных существительных). Обосновано, что перестановка в переводе антропонимов в названии поэмы отражает авторскую актуализацию антропонимов. Восточный поэт на первое место ставит женское имя Лейли, затем мужское прозвищное имя Меджнун, что необходимо учитывать при переводе на любые языки.

Ключевые слова: личное имя, прозвищное имя, Алишер Навои, перевод

Для цитирования: *Кадымова Д.Р.* Отражение ономакультурологических знаний в произведениях Алишера Навои // Неофилология. 2022. Т. 8, № 4. С. 869-874. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-869-874>

Материалы статьи доступны по лицензии [Creative Commons Attribution \(«Атрибуция»\) 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/) Всемирная

Reflection of onomaculturological knowledge in the works of Alisher Navoi

Diana R. KADYMOVA

Samarkand State University named after Sh. Rashidov
15 University Blvd, Samarkand 140100, Republic of Uzbekistan
✉ kadimovadiana1001@gmail.com

Abstract. The study is devoted to the revision of the translation correctness of the poem's title by Alisher Navoi "Leyla and Majun", when the exact complexity is established by the trace of anthroponyms: a female name and a male name or a male name and a female name in the poem's title. It is established that Alisher Navoi could cause the appearance of a two-word anthroponymic phrase from a female name before a male nickname, thereby violating the Eastern tradition of linear localization: first the male and then female name. This fact can serve as proof of the specificity of the individual author's poetic picture of the world of Alisher Navoi, a well-known oriental thinker and poet of the 15th century. It is proved that this semantic content of the nickname with the evaluative semantics of a person in love represents the author's poetics of the character's world of Alisher Navoi (naming a nickname; nickname etymology; age of a character bearing a nickname; presence of a nickname with common nouns accompanying it). It is substantiated that the rearrangement in the translation of anthroponyms in the poem's title is the quality of the author's actualization of anthroponyms. The Eastern poet puts the female name Leyli in the first place, then the male nickname Majnun, which must be taken when translating into any language.

Keywords: personal name, nickname, Alisher Navoi, translation

For citation: Kadyмова Д.Р. Otrazheniye onomakul'turologicheskikh znaniy v proizvedeniyakh Alishera Navoi [Reflection of onomaculturological knowledge in the works of Alisher Navoi]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2022, vol. 8, no. 4, pp. 869-874. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2022-8-4-869-874> (In Russian, Abstr. in Engl.)

This article is licensed under a [Creative Commons Attribution 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ВВЕДЕНИЕ

Всемирно известный восточный мыслитель XV века и поэт Алишер Навои (настоящее имя Низамеддин Мир Алишер) был первым в восточном языкознании, кто провёл сопоставление узбекского языка (староузбекского) с таджикским, относящегося к индоевропейской семье языков (трактат «Суждение о двух языках»), кто научно обоснованно выделил тюркские языки в отдельную семью алтайских языков. Алишер Навои явился основоположником узбекского литературного языка, в основу которого поэт заложил староузбекский диалект [1, с. 85-86]. «Тот факт, что словарь языка произведений Навои был разработан в последние годы его жизни, по-

казывает, что область, которую мы сегодня называем навоистикой, намного старше» [2, с. 453].

Уникальное творчество Алишера Навои уже почти шесть столетий вызывает интерес научного и просвещённого сообществ во всём мире, привлекает внимание переводчиков. Между тем переводчики произведений Алишера Навои, не погружаясь в тонкости индивидуально стилистического использования ономастических средств поэтом, могут допускать ошибки.

Цель исследования – доказать, что Алишер Навои сознательно мог использовать в названии поэмы «Лейли и Меджнун» женское имя перед мужским, нарушая тем самым каноны восточной традиции, которая

довольно устойчива, консервативна – «женщина должна идти за мужчиной». В этой системе правил нет уничижения или неуважения к женщине, напротив, это знак уважения и защиты (ср.: общеславянское слово «замуж» – сращение предлога ЗА + винительного падежа существительного мужь, то есть исконное значение слова – «быть за мужем» (в XVIII веке писалось раздельно), то есть «встать за спину мужа»).

Исходя из понимания соотношения язык – речь, можно говорить об антропонимической схеме, отражающей концептуальные связи между различными типами антропонимов. В нашем случае речь идёт о мужском антропониме и прозвище, которое Алишер Навои наделяет определённой позицией в названии поэмы. Номинация прозвищного имени преломляется через когнитивную парадигму обыденного знания и является собой результат особой поэтической категориальной деятельности творческой личности, служит отражением специфики индивидуально-авторской поэтической картины мира Алишера Навои, его индивидуального поэтического почерка.

Обращённость к темам лингвистики «корреляция языковых и неязыковых знаний», «соотношения наивной, языковой и поэтической картин мира» подчёркивает актуальность данного исследования, с позиции изучения ономастикона индивидуально-авторского поэтического текста, выявления его имманентного смысла и отражения в нём воплощенной авторской мысли находится в русле активно развивающихся идей современной поэтической ономастики.

ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЧАСТЬ

Появление в современной филологии таких терминов, как «поэтическая ономастика», «литературная ономастика», «художественная ономастика», «имя в тексте» [3; 4] «поэтонимология» [4], «ономастическая нарратология» [5] доказывает, что ономастическое пространство художественного текста является неотъемлемой его составляющей, средством отражения национально-культурной специфики в ономастическом составе русского языка и слагаемым индивидуально-авторской языковой картины мира.

Венгерский тюрколог Г. Ванбери при переводе известной поэмы «Лейли и Меджнун» Алишера Навои проявил «свободу переводчика», он переставил антропонимы местами – «Меджнун и Лейли». Видимо, полагал, что при переводе нужно следовать западным традициям (например, трагедия У. Шекспира «Ромео и Джульетта» об истории светлой, но трагической любви) и национально-культурным особенностям восточных традиций, в частности узбекского этноса, на первом месте всегда должно стоять мужское имя, а не женское [6, с. 274].

Заметим, что перевод названия поэмы со староузбекского языка С.И. Липкина, известного как одного из лучших переводчиков восточной поэзии, не содержит подобной перестановки.

Можно предположить, что имеет место сознательная авторская актуализация антропонимов. Алишер Навои на первое место поставил женское имя Лейли (одна из форм арабского и персидского имени Лейла), а затем мужское прозвищное имя Меджнун.

Поэма «Лейла и Меджнун» о светлой и чистой любви, которая возвышает молодого человека по имени Кайс, о чём свидетельствуют первые строки в каждой из шести глав, в которых упоминается это имя молодого человека.

Каждую главу сопровождают строки, которые начинаются со сложноподчинённых предложений с изъяснительными придаточными и относятся к одному слову в главной части – к местоимению со значением мысли и восприятия дальнейшего текста – «О том, как...».

Последовательно первые шесть глав подробно вводят читателя в сюжет поэмы: в семье появился желанный мальчик и «стал дорогим для людских сердец», его назвали коротким именем Кайс, он учился в школе, встретил красивую девушку по имени Лейли, они полюбили друг друга, их отношения сложились как воплощение романтического, светлого и чистого чувства, заканчивается поэма трагично.

Поэма включает 26 глав, и, начиная с шестой главы, в каждой из них в конструкции «О том, как...» вместо имени Кайс появляется прозвище юноши Меджнун. Проявление эмоционально-поведенческих особенно-

стей юноши не оценивается как благо, когда он ушел жить в жаркие пески пустыни, когда поведал Всевышнему о своих сердечных муках, о том, что «любовью заболел», что стал «безумцем», что страдает от любовного «безумного недуга».

В переводе С. Липкина обращают на себя внимание однокоренные слова «безумный», «безумец», «безумье», характеризующие влюблённую одержимость Кайса Меджнуна как силу жить во имя любви.

Всевышний, падаю во прах перед каабой
 в Мекке.
 В твоей нуждаюсь доброте, защите и опеке...
 <...>
 Любимую не отнимай. Она – твой дар
 бесценный.
 Она – моих бессонных мук причина и основа.
 Она – **безумный мой недуг**. Не исцеляй
 больного!
 <...>
 В любви не каюсь даже здесь, **безумец**,
 грешник слабый
 <...>
 Что я делаю, **безумец**, в этот вечер
 тёмно-синий?
 На песке тебя рисую и беседую с пустыней.
 <...>
 Люблю – молиться бросил, **безумьем** обуян.
 <...>
 И Кайс стал известен всем людям как
 безумец Меджнун.

Речь идёт о том, что прозвище Меджнун носит ситуативный характер, то есть «по случаю влюблённости Кайса».

А я взываю: «О, позволь тебя любить, как не любили!»

Выявляя отличительные характеристики прозвищ от личного имени [7], следует обратить внимание на ономастическую номинацию, которая, как особая форма языкового сознания [8, с. 302-304], содержит оценочную коннотацию. Прозвищная номинация персонажа используется поэтом для выражения чувственного переживания героя поэмы, его состояния влюблённости и не имеет прямого отношения к психическому состоянию человека.

Спросили: «Ты сошёл с ума?»
 <...>

Люблю – в пустыне жажда слабей моей любви.
 Люблю – иссякли слёзы бессонные мои.
 Люблю – молиться бросил, безумьем обуян.
 Люблю – не вспоминаю каабу и Коран.
 <...>

Одно лишь горе у меня, один недуг
 неисцелимый:
 Тоска во взоре у меня, когда не вижу
 я любимой!

В основе прозвища Меджнун, вынесенного в название поэмы, лежит арабское слово «меджнун», что в переводе означает «безумец».

Возможно, этот факт, послужил поводом того, что навоивед Г. Ванбери при чтении поэмы посчитал Кайса действительно сумасшедшим и вынес при переводе названия поэмы на первое место прозвище Меджнун.

Распределение вариантов собственного имени и прозвища по главам повествования (в первых шести главах используется имя Кайс, в остальных – Меджнун) позволяет не только получить читателю представление о текстовом «продвижении» персонажа с прозвищем, но и показать эмоциональное психологическое состояние, доведённое до трагедии.

Алишер Навои с помощью прозвища Меджнун характеризует человека, который влюблён, то есть страстно полюбил. Ср. русские синонимы к слову «влюблён»: без ума, вдохновенный, равнодушный, любящий, что отражает определённую концептуальную структуру характеризующего признака молодого человека.

Поэтический образ Кайса-Меджнуна широко известен в узбекской народной среде, а Лейли и Меджнун стали символом трагической любви.

М.М. Тоджиходжаев, изучая историю переводов произведений Алишера Навои, подчёркивал, что «значительное число поэм и стихов были переведены через русский язык» [6, с. 271]. Многие произведения Алишера Навои известны русскому читателю в переводах П. Антокольского, К. Симонова, Б. Пастернака, Вс. Рождественского, С. Шервинского, Л. Пеньковского и других поэтов и переводчиков.

Поэтическое наследие Алишера Навои занимает особое место в истории не только восточной, но и мировой цивилизации [9,

с. 121]. Именем Алишера Навои назван кратер на планете Меркурий (2009), улицы в Алма-Ате, Ашхабаде, Баку, Центральный парк в Самарканде, великому тюркскому поэту установлены памятники в Москве (2020), Ташкенте (1968), в его честь назван город Навои в Бухарской области (1958).

ВЫВОД

Прозвище Меджнун имеет гештальтную природу, которая заключается в том, что его семантическое содержание с оценочной семантикой влюблённого человека предопределяет использование доминантного антропонима в артиониме поэмы и репрезентирует авторскую поэтику персонажного мира Алишера Навои, включает следующие компоненты в антропонимической схеме:

- 1) называние прозвищного имени (Меджнун);
- 2) этимология прозвищного имени (в переводе с арабского слово «меджнун» означает «безумец»);
- 3) возраст персонажа, носящего прозвищное имя (юноша);
- 4) наличие у прозвищного имени сопровождающих его нарицательных существи-

тельных (слова «безумный», «безумец», «безумье»).

Последний компонент ономастической схемы мог послужить причиной вынесения в название поэмы прозвища Меджнун, а не личного имени Кайс.

По всей вероятности, Алишер Навои использовал в названии поэмы прозвищную лексему Меджнун в постпозиции (после женского имени) сознательно, маркируя чувства влюблённого человека и нарушая традиции последовательного употребления сначала мужского, затем женского имени.

Номинация прозвищного имени Меджнун преломляется через когнитивную парадигму обыденного знания читателя о чувстве влюблённости, чему способствует результат особой категориальной деятельности творческой личности Алишера Навои. Данный факт может служить доказательством проявления специфики индивидуально-авторской поэтической картины мира, оригинального стиля, почерка Алишера Навои – гения тюркской литературы, великого узбекского поэта классика, создавшего на языке «тюрки» гениальные произведения, которые переведены на многие языки мира.

Список источников

1. *Оманова М.Э.* Взгляды Алишера Навои на сравнительное языкознание. // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 14 (343). С. 85-87. <https://elibrary.ru/soahkz>
2. *Салаев К.Б.* О значении творчества А. Навои в мировой литературе // Молодой учёный. 2021. № 6 (348). С. 453-454. <https://elibrary.ru/ilughl>
3. *Скуридина С.А.* У истоков литературной ономастики // Неофилология. 2019. Т. 5. № 17. С. 54-61. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-17-54-61>
4. *Калинкин В.М.* Знакомьтесь: поэтонимология // Вестник Тамбовского университета. Серия: Филологические науки и культурология. 2016. Т. 2. Вып. 4 (8). С. 18-27. <https://elibrary.ru/wzvetn>
5. *Васильева Н.В.* Ономастическая нарратология как одно из направлений литературной ономастики // Ономастика Поволжья: материалы XX Междунар. науч. конф. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2022. С. 15-18.
6. *Тоджиходжаев М.М.* Из истории переводов произведений Алишера Навои на европейские языки // Вестник Чувашиянского государственного педагогического университета. № 2012. № 2. С. 271-279. <https://elibrary.ru/ojyvnn>
7. *Щербак А.С., Бурькин А.А.* К проблеме выявления отличительных особенностей прозвищ от личного имени // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2009. Вып. 9 (77). С. 213-217. <https://elibrary.ru/kzzcen>
8. *Щербак А.С.* Ономастическое сознание как когнитивно-языковая система // Когнитивные исследования языка. 2020. № 3 (42). С. 301-304. <https://elibrary.ru/ffvvyv>
9. *Умаров К.* Роль наследия великого Алишера Навои в мировой цивилизации // Oriental Art and Culture. 2020. № (3) III. С. 121-126.

References

1. Omanova M.E. Vzglyady Olishera Navoi na sravnitel'noye yazykoznanie [Alishir Navoi's outlook on comparative linguistics]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2014, no. 14 (343), pp. 85-87. <https://elibrary.ru/soahkz>. (In Russian).
2. Salayev K.B. O znachenii tvorchestva A. Navoi v mirovoy literature [On the significance of Navoi's work in world literature]. *Molodoy uchenyy – Young Scientist*, 2021, no. 6 (348), pp. 453-454. <https://elibrary.ru/ilugh>. (In Russian).
3. Skuridina S.A. U istokov literaturnoy onomastiki [At the origins of literary onomastics]. *Neofilologiya – Neophilology*, 2019, vol. 5, no. 17, pp. 54-61. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2019-5-17-54-61>. (In Russian).
4. Kalinkin V.M. Znakom'tes': poetonomologiya [Please meet poetonymology]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki i kulyturologiya – Tambov University Review. Series: Philology and Culturology*, 2016, vol. 2, no. 4 (8), pp. 18-27. <https://elibrary.ru/wzvten>. (In Russian).
5. Vasilyeva N.V. Onomasticheskaya narratologiya kak odno iz napravleniy literaturnoy onomastiki [Onomastic narratology as one of the areas of literary onomastics]. *Materialy XX Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii «Onomastika Povolzh'ya» [Proceedings of the 20th International Scientific Conference “Onomastics of the Volga Region”]*. Volgograd, PrinTerra-Dizayn Publ., 2022, pp. 15-18. (In Russian).
6. Todzhikhodzhayev M.M. Iz istorii perevodov proizvedeniy Alishera Navoi na evropeyskiye yazyki [From the translation history of Alisher Navoi's into European languages]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – Bulletin of Chelyabinsk State Pedagogical University*, 2012, no. 2, pp. 271-279. <https://elibrary.ru/ojvnn>. (In Russian).
7. Shcherbak A.S., Burykin A.A. K probleme vyavleniya otlichitel'nykh osobennostey prozvizhch ot lichno-go imeni [To a problem of revealing of distinctive features of nicknames from a personal name]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyye nauki – Tambov University Review: Series Humanities*, 2009, issue 9 (77), pp. 213-217. <https://elibrary.ru/kzzcen>. (In Russian).
8. Shcherbak A.S. Onomasticheskoye soznaniye kak kognitivno-yazykovaya sistema [Onomastic consciousness as a cognitive-language system]. *Kognitivnyye issledovaniya yazyka – Cognitive Studies of Language*, 2020, no. 3 (42), pp. 301-304. <https://elibrary.ru/ffvvyv>. (In Russian).
9. Umarov K. Rol' naslediya velikogo Alishera Navoi v mirovoy tsivilizatsii [The role of the legacy of the great Alisher Navoi in world civilization]. *Oriental Art and Culture*, 2020, no. (3) III, pp. 121-126. (In Russian).

Информация об авторе

Кадьмова Диана Рашидовна, старший преподаватель кафедры русской и зарубежной литературы, Самаркандский государственный университет имени Ша-рофа Рашидова, г. Самарканд, Республика Узбекистан, ORCID: 0000-0003-3488-8418, kadimovadiana1001@gmail.com

Вклад в статью: сбор и систематизация онома-стического материала, разработка методологии иссле-дования, анализ художественной литературы, написа-ние текста статьи, редактирование текста.

Поступила в редакцию 10.09.2022
Одобрена после рецензирования 03.10.2022
Принята к публикации 07.10.2022

Information about the author

Diana R. Kadymova, Senior Lecturer of Russian and Foreign Literature Department, Samarkand State University named after Sh. Rashidov, Samarkand, Republic of Uz-bekistan, ORCID: 0000-0003-3488-8418, kadimovadiana1001@gmail.com

Contribution: acquisition and systematization of onomastic material, development of research methodology, fiction analysis, manuscript text drafting, manuscript text editing.

The article was submitted 10.09.2022
Approved after reviewing 03.10.2022
Accepted for publication 07.10.2022

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ARTICLES FORMATTING REQUIREMENTS

Цели журнала – оперативная публикация новых оригинальных результатов теоретических и прикладных исследований, показывающих состояние науки в современных областях языкознания, литературоведения, журналистики и культурологии. Редакцией приветствуются научные обзоры, в которых проводится анализ современных российских и зарубежных публикаций, позволяющий оценить состояние рассматриваемых проблем. Публикуются научные рецензии.

Авторами журнала являются ученые из разных российских научных и образовательных организаций, а также из стран СНГ, ближнего и дальнего зарубежья. Издание рассчитано на научное сообщество, преподавателей высшей школы, докторантов, аспирантов, магистрантов, студентов и всех, кто интересуется русским языком как языком межкультурной коммуникации.

Русский язык при создании журнала был выбран в качестве основного языка журнала. В журнале преобладают статьи на русском языке, поскольку Россия сохраняет и несет перед собой и перед миром ответственность за один из национальных языков, без которого невозможно представить мировую культуру и современную цивилизацию. Читателями журнала являются в основном российские ученые, аспиранты и соискатели, а также аспиранты и соискатели из других стран, обучающиеся в России и мире и проявляющие интерес к русскому языку как языку межкультурной коммуникации.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Плата за публикацию с авторов не взимается.

Распространяется по подписке. Подписной индекс 80303 в каталоге ООО «УП Урал-Пресс».

Каждая статья изначально рассматривается редактором на предмет соответствия требованиям журнала к публикуемым материалам. Редакция оставляет за собой право отклонить материал на любом этапе, в случае несоблюдения требований к оформлению – без рассмотрения.

Редакция в обязательном порядке проводит двухстороннее анонимное («слепое») рецензирование (double blind peer-review) как наиболее отвечающее стандартам публикационной этики. С более подробной информацией о политике журнала в области рецензирования и об издательской этике вы можете ознакомиться на сайте журнала <http://journals.tsutmb.ru/neophilology.html>.

Правила оформления

Текст статьи

В верхнем левом углу листа проставляется код **УДК**, который должен достаточно подробно отражать тематику статьи.

Далее по центру жирным шрифтом печатается **Название статьи** (прописная буква только первая), оно должно быть точным и кратким (не более 107 знаков с пробелами), с учетом того, что триада: название, ключевые слова, аннотация представляют собой единую структуру, термины в которой не должны дублировать друг друга.

Ниже обычным шрифтом – **Имя и Отчество** (сначала! полностью), **ФАМИЛИЯ автора(ов)**.

Строкой ниже – **полное название организации с ее юридическим адресом** на русском и английском языке (данные об аффилировании авторов – author affiliation). В отношении организаций необходимо, чтобы был указан официально принятый английский вариант наименования.

ORCID, E-mail каждого автора.

При отсутствии номера ORCID его необходимо получить, зарегистрировавшись на сайте <https://orcid.org/register> на английском языке.

Аннотация (150–200 слов) в соответствии с ГОСТ 7.9-95 «Реферат и аннотация» в обязательном порядке ДОЛЖНА БЫТЬ СТРУКТУРИРОВАНА и включать предмет, актуальность и цель исследования; метод или методологию проведения работы; результаты; область применения результатов работы; выводы (например, Цель исследования... Обосновано..., доказано..., проанализировано..., сформировано... Сделан вывод...).

Затем приводятся **ключевые слова** на русском и английском языке (5–6 ключевых слов или словосочетаний, отражающих тему работы и служащих ключом при поиске соответствующей информации).

Благодарности и ссылки на номера грантов. Информация об источниках финансирования, лица, внесшие вклад в выполнение работы, недостаточный для признания авторства (не принимающие на себя ответственность за содержание работы, но оказавшие техническую, финансовую, интеллектуальную помощь), должны быть перечислены (с их письменного согласия) в разделе «Благодарности» (Acknowledgements) после текста статьи.

ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ структура научной статьи:

введение: постановка проблемы в общем виде и ее связь с исследованиями в данной области и публикациями с обязательными ссылками в тексте на используемую литературу (также все заимствования в статье должны быть корректно оформлены);

постановка задачи: формулировка целей и методов исследования рассматриваемой темы;

результаты исследования: изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов;

выводы: научная новизна, теоретическое или практическое значение исследования, а также перспективы дальнейших научных разработок в данном направлении;

список источников (обязательно). Ссылки на собственные работы – не более 10 % от общего количества источников; список из 10 и более научных источников в обязательном порядке должен содержать ссылки на современные периодические научные источники, опубликованные за последние 5 лет (не менее 50 %) с указанием DOI и EDN;

список источников и словарей, тексты художественных произведений и иные тексты, являющиеся материалом исследования, ссылки на современные СМИ даются с использованием принятых сокращений (с приведением ссылок на полные URL-адреса), оформляются сносками постранично. Нумерация сносок сквозная по всему тексту статьи.

References (пристатейный библиографический список в романском алфавите (латинице) – полное транслитерирование источников и их перевод на английский язык);

вклад соавторов. В конце рукописи авторам необходимо указать фактический вклад каждого соавтора в выполненную работу. Порядок указания соавторов согласуется ими самостоятельно. Приводится на русском и английском языке.

В конце статьи должна быть надпись *Статья публикуется впервые. Проверено системой антиплагиат. Уникальность текста ...%* – ставится дата и подпись автора (авторов).

Редакция журнала

